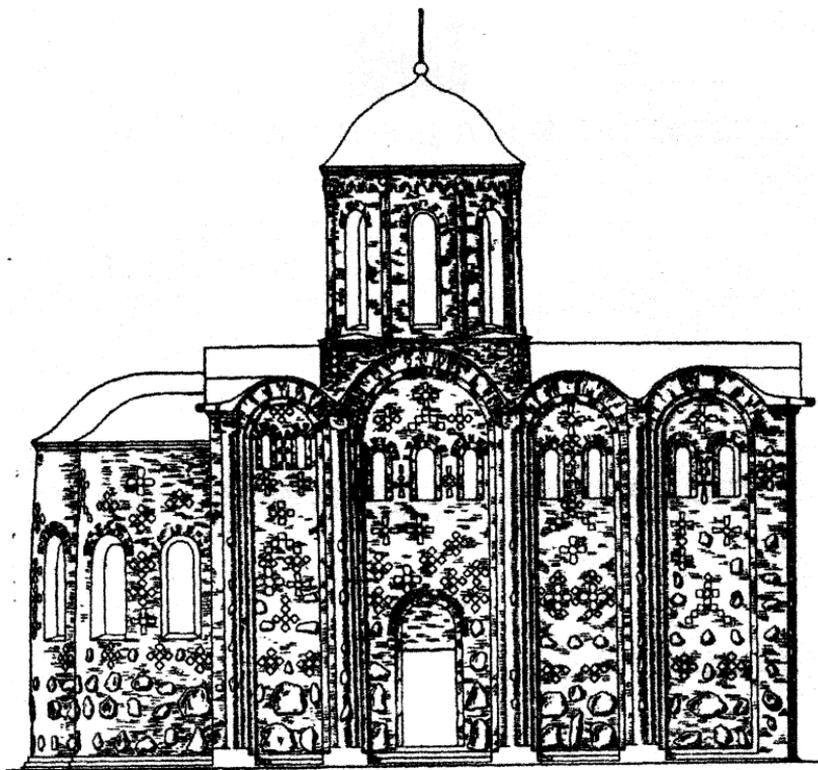

А. С. Кибинь

ОТ ЯТВЯЗИ ДО ЛИТВЫ

Русское пограничье
с ятвягами и литвой
в X—XIII вв.

Коложская церковь – единственный сохранившийся образец
городенской архитектуры XII в. Реконструкция Н. Н. Воронина

МОСКВА
Квадрига
2014

А. С. Кибинь

ОТ ЯТВЯЗИ ДО ЛИТВЫ

**Русское пограничье
с ятвягами и литвой
в X–XIII веках**

**МОСКВА
Квадрига
2014**

ББК 63.3(2)41

К 381

Рецензенты: д-р ист. наук *А. В. Майоров* (С.-Петербургский гос. ун-т),
д-р ист. наук *С. В. Белецкий* (Институт истории
материальной культуры РАН, С.-Петербург),
канд. ист. наук *Д. Е. Алимов* (С.-Петербургский гос. ун-т)

Научный консультант: д-р ист. наук *А. В. Петров* (С.-Петербургский
гос. ун-т)

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Кибинь А. С.

К 381 От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой
в X–XIII веках / А. С. Кибинь – М.: Квадрига, 2014. – 272 с.
(Исторические исследования)

ISBN 978-5-91791-131-1

Исследование посвящено переменам в сфере политики, культуры и организации общества на территории балто-славянского пограничья на юге Балтийского региона в бассейне Немана с X по XIII столетия.

Автор существенно уточняет картину этногенеза ятвягов, литовцев и других балтских народов, основываясь на современных подходах исследования социокультурных и этнических процессов.

В книге рассматриваются процессы славянизации, христианизации и становления политической структуры в регионе, история русских княжеств Понеманья до установления в них власти литовских князей.

Работа выполнена за счет средств федерального бюджета, выделяемых СПбГУ (в рамках выполнения проекта Тематического плана НИР СПбГУ, Мероприятие 2: «Россия и Балтийский мир в Средние века и Новое время», шифр ИАС 5.38.62.2011, за счет средств Мероприятия 9. Поддержка издания монографий: «Монография: Кибинь А. С. «От Ятвязи до Литвы», шифр: 5.41.1205.2011.)

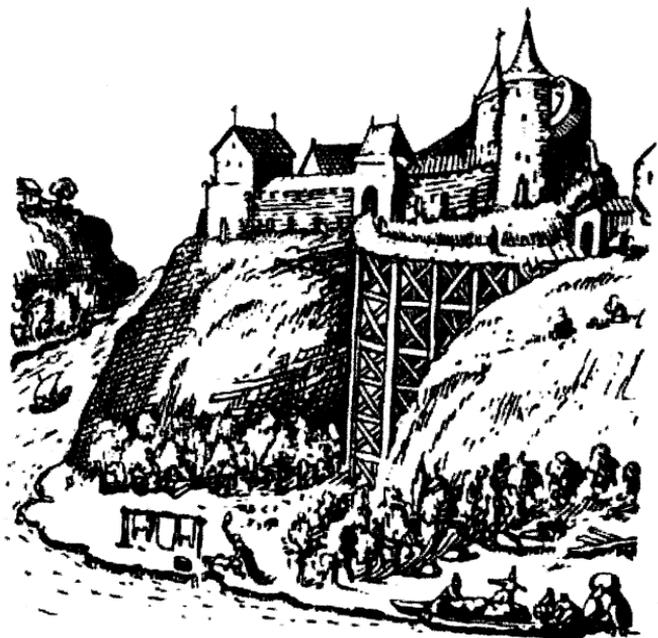
На 1-й странице переплета – фрагмент карты Фра Мауро с первым упоминанием Черной, Красной и Белой Руси. Около 1459 г.

ISBN 978-5-91791-131-1

© Кибинь А.С., 2012, 2014

© Тихонюк И.А., Шакиров Н.А., дизайн оформления, 2014

© Издательство «Квадрига», 2012, 2014

ВВЕДЕНИЕ

В данной книге речь пойдет о переменах в сфере политики, культуры и организации общества, которые происходили с X по XIII столетия на небольшой территории в верховьях Немана. В это время край, затерянный среди лесов и болот, удаленный от крупных политических центров, шаг за шагом превращался в пограничную зону христианства и «варварства», что имело далеко идущие последствия по обе стороны воображаемого рубежа, разделившего два мира между собой.

За указанный период облик этой территории кардинально изменился и приобрел некоторые современные черты. Именно тогда здесь появились письменность, устойчивая политическая организация и города, по сей день остающиеся административными центрами. Именно в это время большая часть местного населения стала разговаривать на славянском языке. Все эти перемены были связаны с процессами гораздо более широкого масштаба.

Грандиозная трансформация «варварского» наследия происходила в VIII–XIII столетиях в разных уголках пространства от Карпат до Ладогги. Одной из ее составляющих было то, что вместе с христианством и письменностью на новую почву перекочевали греческие и латинские стереотипы восприятия окружающего мира. На страницах книг, повествующих в основном о деятельности христианизированных элит, в качестве врагов и соседей возникли *gentes* и *barbari*, *поганин* и *языци*. На основе эмоционального неприятия чуждой культуры в стенах монастырей начал формироваться сказ о степных, лесных и болотных дикарях, живущих «звериньским образом», не зная Божьего крещения. Скучные, но бесценные строки с течением времени стали единственными письменными свидетельствами об обитателях периферии.

В воображении христиан звероподобие язычников доходило до того, что когда в начале XI в. миссионер Бруно-Бонифаций из Священной Римской империи направился в их земли, он не исключал скорой встречи

с песьеголовыми людьми¹. Ежедневная действительность варварского мира была далека от подобных литературных штампов. Здесь погибали миссионеры, но жили такие же люди, как и везде, и старые традиции необратимо переплетались с новыми. Через несколько веков там, где «над древними стенами сияли башни, а кругом шумели рощи вековые, духов пристанища святы» (А. С. Пушкин), будут построены церкви.

Книжные стереотипы порой оказывались настолько живучими, что крещение языческих лидеров не меняло негативного к ним отношения в христианских текстах. Монах, который был свидетелем коронации литовца Миндовга и начал крестить ятвягов, писал в 1255–1260 гг.: «Упомянутых литовцев, ятвягов и нальшанов легко крестить, потому что они с колыбели выращены христианскими няньками»². Но риторика волыньских летописцев, в то же время, ничуть не изменилась: когда зимой 1255–1256 гг. «ятвяжские болота» наполнились огромным войском христиан под предводительством русского короля Даниила Романовича и мазовецкого князя Земовита³, автор повествования не скрывал радости по поводу «погибели поганьской»⁴. В той же летописи христианин Миндовг изображен закоренелым язычником⁵. Негативное отношение к ятвягам и литве определялось не только политическими мотивами, но и долгой традицией. Немногом ранее, в годы Батыева погрома, русский книжник в своем плаче по прошедшим временам так описал границы своей

¹ Об этом, по мнению И. Вуда, свидетельствует упоминание Бруно Кверфуртским собакоголовых в толпе пруссов, окружившей св. Войцеха и его последователей: «Внезапно небожителей окружили великие полчища собакоголовых, разинули свои кровожадные пасти...» («Circumstat subito coelicolam virum longo agmine capita canum; pandunt cruentos rictus...», [Brunonis Passio S.] Adalberti episcopi et martyris / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. IV. Hannoverae, 1841. S. 608; Вуд И. Кинокефалы: Кто они? // ДГВЕ. 2003. М., 2005. С. 23–24).

² «Dicti Lectaui Ietuesi et Nalsani de facili baptizantur eo quod a Christianis nutricibus ab ipsis cunabulis sunt enutriti» (Colker M. L. America rediscovered in the thirteenth century? // Speculum. A Journal of medieval studies. 1979. Vol. 54. Nr. 4. P. 723); переводы: Чекин Л. С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII века // Средние века. Вып. 56. М., 1993. С. 206–225; Чамярыцкі В., Жлутка А. Першая згадка пра Белую Русь — XIII ст.! // Адраджэнне. Гістарычны альманах. Вып. 1. Минск, 1995. С. 143–152; дискуссии об авторе памятника см.: Freibergs G. The Descripciones Terrarum: Its Date, Sources, Author and Purpose // Christianity in East Central Europe. Late Middle Ages. Lublin, 1999. P. 180–201; Latyszczek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł Białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006. S. 34–35.

³ «Ибы^ѣ рать велика іакоже наполнити болота Итѡважскаѡ полкомъ» (ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 831)

⁴ «Бы^ѣ радость велика в погибели поганьской и жьжахоу домаы ихъ и пленахоу села и» (Там же. Стб. 834).

⁵ «Кр^ѣние же его льстиво бы^ѣ жраше бомъ своимъ в таинъ... и поганьство свое авъ твораше» (Там же. Стб. 817).

конфессиональной общности — правоверной земли Руськой, крестьянского языка:

«О, свѣтло свѣтлая и украсьно украсена, земля Руськая! ... Отселѣ до угорѣ и до ляховѣ, до чаховѣ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецѣ, от нѣмецѣ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймищи погани, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарѣ, от болгарѣ до буртасѣ, от буртасѣ до чермисѣ, от чермисѣ до морьдвы, — то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны... А литва из болота на свѣтъ не выныкываху, а угры твердяху каменныя горы желѣзными вороты, абы на них великыи Володимерѣ [Мономах] тамо не възѣхаль, а нѣмци радовахуса, далече будуче за синимъ моремъ...»⁶

Мог ли догадываться автор этого текста о том, что каждый из перечисленных этнонимов имеет долгую историю? Что в те века, когда «литва из болота на свет не выныривала», в ходе войн и культурных контактов, политической экспансии и колонизации, разговоров и раздумий на городской площади, княжеском и монастырском дворах, шел сложный процесс становления элементов воспроизведенной им картины. Что только вместе со своим обрамлением Русская земля приобретала форму.

Один небольшой участок этого пограничья миров будет в центре нашего внимания. Мы начнем с вопроса о начале славянизации местного балтского населения, проследим ход экспансии Рюриковичей, в результате которой здесь возник участок пограничья «от ятвягов до литвы», и закончим установлением литовской власти.

Большинство затронутых вопросов уже стали предметом углубленных разысканий и споров многих поколений исследователей. При этом, дискуссия обращается вокруг одних и тех же немногочисленных письменных свидетельств, часто не позволяющих сделать однозначные выводы. Есть ли тогда смысл вмешиваться в спор?

Прежде всего, представляется необходимым учет того опыта, который накоплен в европейской медиевистике за последние десятилетия при изучении схожих проблем. Многие теоретические схемы, задействованные в описании прошлого средневековой Центрально-Восточной Европы, в той или иной степени подверглись пересмотру, им на смену постепенно приходят другие подходы, которые расширяют наши возможности интерпретации известных данных.

Во-первых, это касается принципов изучения этнической истории. Идет ли речь о литовцах или ятвягах, кривичах или дреговичах — обыч-

⁶ Издание открытого Х. М. Лопаревым памятника, обзор предположений по поводу датировки (в диапазоне 1238–1246 гг.) см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Руськой земли». М.; Л., 1965; *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Руськой земли»: (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 36–38.

но само собой разумеется, что все это особые племена. Кабинетная концепция племени, как первой стадии этнического развития общества, выступала на протяжении XX в. в роли своеобразного шаблона, с помощью которого описывались «догосударственные» этнические группы. Они представлялись относительно стабильными кровнородственными объединениями, которые обладают общностью происхождения, собственным самосознанием и самоназванием, единым языком или диалектом, культурой, территорией и подразделяются на малые племена и роды. Ввиду скудости данных об этнической истории Центрально-Восточной Европы в античности или раннем Средневековье, существующие лакуны были заполнены многочисленными племенами.

Теоретическая модель племени возникла в западной эволюционистской социологии для обозначения обществ «дикарей» и впоследствии была догматически зафиксирована марксистской этнографией, в которой этносы стали считаться существующими со времен первобытности коллективами, четко отграниченными от других, а смена их типа по цепочке от племени через народность к нации увязывалась со сменой экономических формаций⁷. Классик советской этнографии Ю. В. Бромлей считал одним из основных признаков этносов самосознание, но, несмотря на это, он приравнивал их к социально-экономическим единицам, в связи с чем ему пришлось соорудить, по меткому замечанию И. К. Калинина, «терминологического кентавра»⁸ в виде ЭСО (этно-социальной общности). Приходилось закрывать глаза на очевидный факт, что этническое самосознание вовсе не тождественно социально-экономической структуре. Параллельно с этим в археологии Центрально-Восточной Европы с этносами-племенами отождествлялись археологические культуры или даже отдельные археологические типы⁹.

В то же время, по ту сторону «железного занавеса» после дискуссий 60-х гг. XX в.¹⁰, исследователи стали отказываться от концепции монолитных этнических групп. Формирование этнических представлений все

⁷ Бромлей Ю. В. 1) Этнос и этнография. М., 1973. С. 37, 126–135; 2) Очерки теории этноса. М., 1983. С. 34–35, 45–58; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: Действительность, материальная основа, первичное и вторичное / Ред. коллегия: Ф. В. Константинов, Ю. К. Плетников М., 1981. С. 78–92.

⁸ Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 9.

⁹ Curta F. From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic Archaeology // On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by Andrew Gillett. Turnhout, 2002. P. 201–218.

¹⁰ См., например, материалы конференции 1967 г. в Бергене: Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference / Ed. by F. Barth. Oslo, 1969 (Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. М., 2006).

чаще стало рассматриваться как процесс творческой интерпретации людьми окружающей их сложной и переменчивой действительности¹¹.

Многочисленные работы, посвященные этническим процессам в не имевших собственной литературной традиции «варварских» обществах античной эпохи и раннего Средневековья¹², привели к выводу, что в этих «этнических группах» было больше хаоса, чем порядка. Их можно считать плодом нескольких непрерывно текущих процессов: с одной стороны — политических, социальных, культурных изменений в варварской среде, с другой — интерпретации этих изменений самими «варварами» и их «цивилизованными» соседями.

Наиболее ценным в этом отношении остается подход историков «венской школы исторической этнографии» — Р. Венкуса, Х. Вольфрама и В. Поля. По их мнению, конструирование этнических различий у варваров происходило в тесной связи со складыванием социальных групп, претендующих на особое положение, политических структур, и их идеологическим оформлением, необходимым для обоснования своего существования и легитимации действий. Эти процессы сопровождалось появлением традиции, одним из главных элементов которой был героический миф об общем происхождении, способный сплотить и поставить под одно знамя разных людей. Носитель мифа, относительно небольшой коллектив (как правило, военная элита), названный Р. Венкусом «ядром традиции» (*traditionskern*), сохранял его и передавал другим группам, вовлеченным в процесс «собирания».

Неустойчивость политических институтов и отсутствие письменности, способной запечатлеть «традицию» и сохранить ее на века, сказывались на особенной изменчивости и текучести «варварской» идентич-

¹¹ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

¹² *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnografie. München, 1990 (*Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века / Перевод с немецкого Б. Миловидов, М. Щукин. СПб., 2003); *Pohl W.* 1) Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–882 n. Chr. München, 1988. P. 10–16, 218–221; 2) Ethnic names and identities in the british isles: A comparative perspective // *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective.* Woodbridge, 1997. P. 7–10; 3) *Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Debating the Middle Ages: Issues and Readings.* Malden; Oxford, 1998. P. 13–24; *Heather P.* The Goths. Oxford, 1996. P. 4–7; *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge, 1997; *Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl with H. Reimitz.* Leiden, 1998; *Roymans N.* Ethnic identity and imperial power. The Batavians in the Early Roman Empire. Amsterdam, 2004. P. 1–7, 221–260; *Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition / Ed. by T. Derks and N. Roymans.* Amsterdam, 2009.

ности. Выражение и проявление этого «чувства принадлежности», как и любой этнической идентичности, было ситуативно — то есть, зависело от конкретных исторических условий. Это не означает, что оно не было связано с эмоциональной привязанностью к своему языку, культуре, родственникам, территории рождения и проживания. Но, кроме этого, основой для самоидентификации было социальное положение, политическая лояльность, род занятий, степень мобильности, широта кругозора, наконец, свойственная каждому человеку картина мира со своими верованиями, различными смыслами, которыми наделялись люди, элементы материальной культуры, социальные институты, делившиеся на «свои» и «чужие». Для оценки археологических источников важно то, что коллективная солидарность могла выражаться в материальной культуре с помощью «символического стиля» — в использовании особой одежды, причесок, орнаментов, предметов, несущих смысловую нагрузку и издавна показывающих своему или чужому, кто есть кто¹³. Возможно существование разных уровней идентичности: языковой, территориальной, социальной или религиозной.

О большинстве «варварских» этнических групп Средневековья нам известно исключительно из посторонних описаний — под примененными в них обозначениями часто скрываются не реальные самоидентификации, а образы ментальной географии, сформированные соседями для отражения противоречивой и изменчивой реальности, которую необходимо было как-то понять и обозначить. Именно взгляд со стороны стремился внести порядок в хаос, но этот взгляд основывался не только на полученной информации об описываемой группе, но и на собственных традициях интерпретации этнических различий (в случае с греческими и латинскими писателями — на классических стереотипах восприятия варварского мира).

Один и тот же «этноним» мог употребляться в различных смыслах (для обозначения политических, социальных, культурных, территориальных, языковых различий), меняющихся со временем и в зависимости от описываемой ситуации. Даже если он был взят непосредственно из варварской среды, его значение среди самих варваров нередко сильно отличалось от образа, сформированного соседями. Этот образ мог оказывать обратное влияние на представления тех коллективов, для описания которых он существовал, ведь, как заметил Ю. М. Лотман, «“варвар” создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем. ... Безразлично, видит ли данная культура в “варваре” спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного каннибала,

¹³ *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region.* Cambridge, 2001. P. 29–34.

она имеет дело с конструктом, построенным как собственное перевернутое отражение»¹⁴.

Сила письменного слова создавала новые образы чужаков, но после принятия варварскими элитами христианской культуры и появления собственной литературной традиции эта же сила делала их идентичность несравнимо более устойчивой.

Так, при всех различиях подходов разных авторов, выглядит картина «этногенеза» — непрерывного процесса интерпретации социальных, политических и культурных особенностей. Вместо абстрактных монолитных этносов, как непрерывных игроков истории, в центре внимания исследователя оказываются процессы конструирования этнических различий, возникновение новых политических и социальных организмов, восприятие их извне и «реконструкция» этнических групп, связанная с передачей традиции и коллективной памяти.

Постепенно смену подходов начинают замечать историки и археологи Центрально-Восточной Европы. Значительную роль в перенесении на славянский материал теории этничности сыграло исследование Ф. Курты о ранних славянах¹⁵. Еще раньше Д. Тржестик поставил под сомнение существование в раннем Средневековье нескольких монолитных чешских племен¹⁶. Прочно закрепившуюся в науке концепцию существования отдельных польских племен до Мешка I оспорил П. Урбаньчик¹⁷.

Еще в 1916 г. С. М. Середонин пришел к выводу, что «из местных названий XI века летопись сделала “племена” восточного славянства»¹⁸. Последующие исследователи, критикуя взгляд Середонина, все же отмечали, что общность летописных древлян, кривичей, дреговичей не была основана на кровном родстве, в связи с чем по сей день продолжают попытки назвать их «союзами племен», «территориально-политическими союзами», «племенными княжествами», «раннегосударственными княжениями», «славиниями», «конфедерациями»¹⁹. Но может ли из упоминания какого-то названия в летописи автоматически следовать вывод о существовании единой политической организации? Как отмечал еще М. К. Любавский, картина расселения славянских группировок была

¹⁴ *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 191.

¹⁵ *Curta F.* The Making of the Slavs.

¹⁶ *Třeštík D.* České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce // *Studia mediaevalia Pragensia*. Т. 1. Praha, 1988. S. 129–143.

¹⁷ *Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 69–106.

¹⁸ *Середонин С. М.* Историческая география. СПб., 1916. С. 152.

¹⁹ *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. М., 1970. С. 187; *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 67; *Седов В. В.* Восточные славяне в VIII–XIII вв. М., 1982. С. 269; *Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9–14.

создана не современником событий²⁰. Подобно современным историкам, летописцы второй половины XI – начала XII в. в опоре на имевшиеся отрывочные данные и литературные тексты создавали свою реконструкцию прошлого, в которой уже далеко не все соответствовало действительности²¹. Какие структурные политические единицы реально существовали на территории Восточной Европы в VIII–X вв. — по-прежнему остается тайной.

Изучение социально-политической истории также неизбежно находилось под влиянием разнообразных теоретических схем эволюционной социологии, представляющей развитие общества в виде смены нескольких стадий на пути к усложнению или прогрессу, от примитивных начал к современному государству²². В современных исследованиях средневековой Центрально-Восточной Европы, после отказа от марксистской методологии, царит терминологический анархизм, связанный с поиском адекватного языка для описания социально-политических процессов. При анализе отношений власти все большую популярность приобретает неэволюционная схема, основными стадиями которой для исследуемого периода являются *вождество* и *государство*, отличающиеся друг от друга количеством уровней организации (в государстве их не меньше двух), наличием или отсутствием бюрократического аппарата, налогов и монополии на применение насилия²³. За неимением лучшего, мы будем использовать эту схему, хотя ее применение осложняется существованием множества своеобразных траекторий политического развития (наряду

²⁰ *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 15.

²¹ См. предположение А. П. Толочко о возможном влиянии библейских образцов на создание истории исхода славянских «племен» с Дуная: *Tolochko O. P.* The Primary Chronicle's 'Ethnography' Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 169–188; также: *Толочко А. П.* Воображенная народность // *Ruthenica*. Т. 1. Київ, 2002. С. 113.

²² Проблемой эволюционных теорий остается поиск четких критериев социального прогресса. Один из удивительно простых путей ее решения предложил недавно А. В. Коротаев: «я склонен понимать социальный прогресс именно как рост добра/уменьшение зла (или, другими словами, как социокультурную эволюцию от плохого к хорошему). В то же самое время я склонен рассматривать понятия “добро” и “зло” в качестве неопределимых... В подобном контексте в качестве единственной направленной движущей силы социального прогресса будет выступать стремление людей [страшно сказать! — *Коротаев А. В.*] к добру» (*Коротаев А. В.* Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 8–9).

²³ *The Early State* / Ed. by H. Claessen, P. Scalnik. Hague, 1978; *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle. Cambridge, 1991; *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2001; *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995.

с иерархическими системами развивались сложные неиерархические) и обратимостью политической эволюции²⁴.

Сложный мир человеческих взаимоотношений с большим трудом поддается категоризации с помощью теоретических конструкций. Общество — это не только сеть социальных связей, но и система идей, ценностей, норм, ритуалов, благодаря которым социальное устройство функционирует и меняется. Поэтому обращение к вопросам идеологии и культуры неизбежно при изучении средневекового общества, становления и деятельности социальных элит, механизмов осуществления и поддержания власти.

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу пространственных рамок исследования. Оно начиналось как работа по истории отдельного региона — Верхнего Понеманья, называемого также Черной Русью. Но через некоторое время стало понятно, что прочертить и логически обосновать его границы не получается: в Средние века территория не обладала ни политическим, ни этническим единством, а происходившие в разных ее частях процессы невозможно понять вне связи с соседними территориями Центрально-Восточной Европы. В исследуемый период Верхнее Понеманье представляло собой пограничную зону, где сталкивались и взаимодействовали представители разных политических систем, культур и мировоззрений. В связи с этим уместно было обратить внимание на работы, посвященные сравнительному изучению явления границы²⁵. В них наиболее важными представляются три наблюдения: во-первых, существование границы связано с появлением особой риторики, с помощью которой политическая элита поддерживает свою власть на периферии (наиболее яркий пример такой риторики — противопоставление «цивилизованного» окультуренного пространства и «варваров»). Во-вторых, в условиях постоянных культурных контактов и вооруженного противостояния жизнь населения границы требует особенно активного проявления коллективной солидарности, поддержания культурных барьеров, в том числе с помощью предметов материальной культуры. Третье заключается в том, что средневековые политические границы, как правило,

²⁴ Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лышя. Владивосток, 1995; Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондареню, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград, 2006. — О теории взаимодействия равноуровневых политий в рамках одной гомогенной системы см.: Peer Polity Interaction and Socio-political Change / Ed. by Colin Renfrew, John F. Cherry. Cambridge, 1986.

²⁵ См. из доступных нам: Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Ed. D. Abulafia & N. Berend. Aldershot, 2002; Frontiers in question. Eurasian borderlands, 700–1700. New York, 1999; Power D. The Norman Frontier in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries. Cambridge, 2004. Обзор проблематики: Рубер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: Сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 199–222.

не были столь устойчивыми и четкими, как сегодня. В условиях борьбы за власть и наличия иерархических связей нетерриториального характера роли разных земель в пространстве часто менялись: после ослабления центра периферийные элиты могли быстро захватывать лидерство. Не менее зыбкими и динамичными были языковые и культурные ареалы.

Но никогда не прекращались усилия политических элит по созданию и удержанию разделительных рубежей. Точно так же, всегда существовали границы культурных, социальных, религиозных сообществ. Мы проследим, насколько это возможно, формирование и изменение таких границ в Верхнем Понеманье.

Глава I

НАЧАЛО СЛАВЯНИЗАЦИИ

Któż zbadał puszczy litewskich przepastne krainy,
Aż do samego środka, do jądra gęstwiny?

Stefan Witwicki, Adam Mickiewicz

Жители леса

На протяжении многих тысячелетий образ жизни обитателей Верхнего Понеманья определяли ландшафт зоны смешанных лесов и умеренный климат. В древности лес со всех сторон окружал обиталища человека, каплями разбросанные в несоизмеримо большем море вековых деревьев, населенном лишь дикими животными. Поросшие густыми лесами пространства, изрезанные протоками, чередующиеся с болотами, воспитывали охотников и лесорубов, затем их сыновей, внуков и далеких правнуков. Из года в год они собирали мед и воск, убивали зверей, рубили и сжигали деревья, освобождая место под пашню. Под напором деятельности человека ландшафт менялся: на смену девственному лесу приходила холмистая равнина с перелесками и кустарником, пригодная для посева зерновых и выпаса скота.

О былых временах еще напоминают крупные пуши и многочисленные топонимы, в которых звучит эхо стучащих топоров (*Герники, Погири* от лит. *giria* «лес», *Лядины* от слав. *лядо* «вырубленное место для пахоты»). Развитие внутренней колонизации и поселенческой структуры напрямую зависело от особенностей ландшафта. Там, где земля и рельеф позволяли вести земледелие, возникали гнезда поселений, кипела хозяйственная деятельность, в то время как неплодородные, заболоченные территории оставались зонами отчуждения и территориями охоты.

Уже в первых столетиях новой эры основной ведения хозяйства в Понеманье стало подсечно-огневое земледелие в сочетании с пастбищно-

стойловым животноводством¹. Наиболее благоприятным для получения стабильного урожая климат являлся в период VIII–XI вв., на который приходится постепенное потепление и уменьшение осадков². Климатические изменения не просто стали тем фоном, на котором происходили колонизация, демографические и социальные перемены в Восточной Европе — они были частью этих процессов. Более интенсивное ведение сельского хозяйства привело к значительному росту населения и усложнению общественной организации.

Обширные леса и болота разделяли локальные популяции, но благодаря множеству рек и протоков они никогда не были совершенно непроходимыми рубежами для человека. Реки в древности были основными путями преодоления пространства и колонизации, определяли размещение поселений, служили источником воды и пропитания.

Лinguисты объясняют название *Nemunas* по-разному: «болотная», «извилистая», «лесная», или «немая, спокойная, тихая река, текущая без порогов»³. Эти этимологии предположительны, но они верно отражают особенности местного ландшафта. Плавать по Неману люди начали с незапамятных времен. Его берега являются свидетелями активизации путей сообщения в позднеримское время — находки римских монет показывают, что в III–IV вв. этот речной путь связывал Балтику с Поднепровьем и Побужьем, а также далекой Империей⁴. В следующие столетия он приходит в упадок, но когда в эпоху викингов на водах Европы стали орудовать воинственные корабельные дружины и в Восточной Балтике появились торгово-ремесленные фактории, Неман вновь стал дорогой, соединившей балтийское побережье с Полесьем, Побужьем и Поднепровьем.

По рекам, по полям и лесным тропам приходили в Понеманье новые люди — сборщики пушнины, торговцы, переселенцы и завоеватели. Они несли с собой новую культуру — новые способы ремесла, строительства, типы оружия, одежду, языки и идеи, которые меняли привычный ход жизни местных обитателей.

¹ Именно тогда здесь складывается традиционный тип аграрной культуры с применением железных кос, топоров, ножей, серпов, которые в большом количестве найдены при раскопках поселений первой половины I тыс. н. э.: *Медведев А. В.* Беларуское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – V в. н. э.). Минск, 1996. С. 9, 31–33, 48–52.

² *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях. Л., 1983. С. 75–91.

³ *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981. P. 227; *Demereckas K. Memelis — Klaipėdos vardas // Vakarų baltų istorija ir kultūra. T. 2.* Klaipėda, 1995. P. 34–38.

⁴ *Медведев А. В.* Беларуское Понеманье в раннем железном веке. С. 54.

К началу XX в. А. Н. Кочубинским и А. Л. Погодиным было установлено, что большинство названий рек Верхнего Понеманья имеют балтскую этимологию⁵. Сопоставив эти данные с продолжающимся на их глазах переходом литовского населения Виленской и Гродненской губерний на славянский язык, исследователи пришли к выводу, что в древности зона распространения балтских языков охватывала весь бассейн Немана, достигая Припяти на юге. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что одни гидронимы Верхнего Понеманья и северного По-припятья обнаруживают восточнобалтские фонетические признаки (то есть, сходны с гидронимией Литвы и Верхнего Поднепровья), другие (с окончаниями на *-(u)da* «вода»: *Голда, Гривда, Невда, Сёгда, Сокалда, Ясельда*) — объединяют регион с территорией юго-западной Литвы и северо-восточной Польши⁶.

Наличие двух накладывающихся гидронимических ареалов, вероятно, отражает процессы языкового взаимодействия, происходившие здесь на протяжении I тысячелетия. В тот период в жизни местных жителей не раз происходили перемены, связанные с более масштабными перестройками в варварском мире. Хотя есть основания считать местные балтские диалекты близкими к восточнобалтским, диалектная картина накануне славянизации не могла быть единообразной. На протяжении I тысячелетия население региона взаимодействовало как в северном, так и в западном направлении⁷, да и сами «западные» и «восточные» балты являются в большей степени условными лингвистическими единицами, между которыми в этот период сложно провести четкую границу.

⁵ *Кочубинский А. Н.* Территория доисторической Литвы // ЖМНП. 1897. Ч. CCCIX. С. 91–92; *Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 91–92, 94.

⁶ *Būga K.* Upių vardų studijos ir aiščių bei slavėnų senovė // Tauta ir žodis. T. I. Kaunas. 1923. P. 1–44. — Гидронимы на *-da* вслед за К. Бугой многими исследователями считались ятвяжскими: *Buga K.* Jotvingių žemės upių vardų galūne *-da* // Tauta ir žodis. T. I. Kaunas, 1923. P. 100; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 169; *Седов В. В.* Ятвяжские древности в Литве (По поводу статьи А. З. Таутовичюса «К вопросу о границах между ятвяжскими и литовскими племенами») // MADA. 1968. Т. 1 (26). P. 177–185; *Ваназас А. П.* К вопросу о диалектной дифференциации балтов, обитавших на территории Литвы (по данным гидронимии) // Ibid. P. 145–148; *Мядзведзеў А. М.* Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // ГАЗ. 1998. № 13. С. 10–15.

⁷ Еще в первых веках н. э., в эпоху культуры штрихованной керамики, в бассейн Немана периодически проникали различные по численности группы из северо-восточной Польши и Полесья (*Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке. С. 63). Влияние очередных выходцев с территории Сувалкии («судовской культуры») привело к появлению во II–IV вв. к северу от Вилии традиции сооружения курганов, см.: *Bliujienė A.* Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // *Archaeologia lituana*. 2006. Т. VII. P. 123–143; *Медведев А. М.* К вопросу об участии ятвягов в формировании культуры восточнолитовских курганов // *Vakarų baltų archeologija ir istorija*. Klaipėda, 1989. P. 55–59.

Итогом развития древних диалектов Верхнего Понеманья было формирование нескольких литовских говоров, сохранявшихся на этой территории вплоть до недавнего времени. В XX в. литовский язык звучал в Вороновском и Ивьевском районах (*Лаздуны / Lazūnai, Радунь / Rodūnia, Пеляса / Pelesa*)⁸. Средневековое население к северу от Немана оставалось в значительной степени балтоязычным — по подсчетам П. Гаучаса, балтские топонимы здесь выступают наравне, а в некоторых местах даже преобладают над славянскими⁹.

Если перечисленные говоры были продолжением ареала близлежащих восточноаукштайтского и южноаукштайтского диалектов, то единственный литовский островной говор, сохранявшийся до второй половины XX в. к югу от Немана, полностью не совпадал по своим особенностям ни с одним из существующих диалектов.

Язык жителей нескольких деревень в окрестностях Зетелы (современное Дятлово Гродненской обл.) начал изучать в 1886 г. Э. А. Вольгер, на протяжении следующего столетия языковеды наблюдали стремительное затухание этого балтского очага в славянском окружении¹⁰. В первую очередь были отмечены архаичность говора и обилие славянских заимствований, которые свидетельствуют о долгом и тесном контакте со славянами. Наибольшее сходство обнаружилось с западноаукштайтскими говорами, которые отделены не только сплошным пространством гродненско-барановичской группы белорусских говоров, но и зоной литовского южноаукштайтского диалекта, с которым зетельский говор также роднит ряд языковых черт¹¹.

В 20-х гг. XIX в. впервые была высказана версия¹², согласно которой литовские жители северной части Слонимского повета являются потом-

⁸ Судник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975. 230; о современном состоянии см.: *Garšva K. Lietuvių kalbos paribio šnektos (fonologija)*. Vilnius, 2005.

⁹ Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // БСИ. 1986. М., 1988. Карта 1: Ойконимия бывшего литовско-белорусского этнолингвистического пограничья.

¹⁰ Если в 1886 г. на нем разговаривали 1156 жителей пяти деревень Зетельской волости, то в 1960 г., во время поездки А. Видугириса, по-литовски изъяснялись лишь 32, из которых хорошо знали язык только 15 жителей Засетья. Последний известный носитель говора умер в 1988 г.: *Vidugiris A. Zietelos šnektos žodynas*. Vilnius, 1998. P. 10.

¹¹ *Vidugiris A.* 1) Iš Zietelos ir pietų aukštaičių leksikos sąsajų // *Vakarų baltų kalbos ir kultūros relikvai*. Klaipėda, 1996. P. 88; 2) Kai kurie vakarų baltų kalbos reiškiniai pietinėse lietuvių tarmėse // *Baltistica*. 1996. № 31/1. P. 32.

¹² *Kentten P. H.* О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827. С. 39, 94; *Baliński M., Lipiński T.* *Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym*. Т. III. Warszawa, 1846. S. 264, 680; *Бобровский П. О.* Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. Ч. I. СПб., 1863. С. 652.

ками тех пруссов, о переселении которых сказано в Ипатьевской летописи под 1276 г.:

«Придоша Проуси ко Троиденеви и своеи земли неволею передь Нѣмци вн же приа ѣ к собѣ и посади часть и в Городнѣ а часть ихъ посади во Вѣслонимѣ»¹³.

Догадку о прусском происхождении поддержали Э. А. Вольтер, Х. Ловмянский и А. П. Непокупный¹⁴. Э. А. Вольтер обнаружил в зетельском говоре «саканье» (*zėmė* «земля» вместо лит. *žemė*, *ząsis* «гусь», лит. *žąsis* и др.), которое он считал прусским реликтом. Но вскоре это явление было отмечено и в других южноаукштайтских говорах, в которых оно не может быть связано с прусским влиянием¹⁵. Я. Отрембский модифицировал прусскую версию, предположив, что в летописной статье 1276 г. под именем пруссов скрываются ятвяги, на что указывает существование деревни *Ямвезь / Dainavà* в 5 км от Зетелы¹⁶. Вслед за ним Е. Охманский считал, что до XIII в. эта территория была населена «литовцами», а поселенные здесь в 1276 г. «ятвяги» внесли свои особенности в местный диалект¹⁷.

Весомых оснований связывать происхождение населения зетельской округи с беженцами, упомянутыми в Ипатьевской летописи под 1276 г., изначально не было. Текст летописи, следующий сразу за приведенными словами, показывает, что поселение под Слонимом так и не состоялось: «Володимеръ же сдоумавъ со Лвомъ и с братомъ своимъ пославша рать свою ко Вослониному вѣста ѣ а быша землѣ не подьѣдалѣ»¹⁸. Слова

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 874.

¹⁴ Вольтер Э. А. Следы древних Прусов и их языка в Гродненской губернии // ИОРЯС АН. 1911. Т. XVI. Кн. 4. С. 151–160; *Lowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego*. Wilno, 1931. Т. I. S. 56, przyp. 2; *Непокупный А. П.* 1) Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 144–154; 2) Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 125.

¹⁵ Данная черта, вероятно, развилась под влиянием славянского языка (*Garšva K. Lietuvių kalbos paribio šnektos*. P. 225; *Leskauskaitė A., Trumpa E. Kai kurie pietinių ir pietrinių aukštaičių šnektų šlekavimo aspektai* // «Э. А. Вольтер и балтистика как комплексная дисциплина». Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2006 года). Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 22–24).

¹⁶ *Отрембский Я.* Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 7–8. — Этими двумя топонимами интересовался еще Э. А. Вольтер (*Вольтер Э. А.* О Ятвягах. К какому антропологическо-этнологическому типу принадлежали ятвяги? 1906. С. 6).

¹⁷ *Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981. S. 10, 67–68.

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 874.

«взаста Ё» иногда ошибочно относили к городу Слониму¹⁹, тем не менее «Ё» здесь — указательное местоимение множественного числа в родительном падеже, и не может относиться к городу. Таким образом, летопись гласит: «Владимир [Василькович] посоветовался со Львом и с братом своим, [и] послали они вдвоем рать к Слониму, [и] захватили их [пруссов], чтобы земли [пруссы] не заселяли».

Более того, многолетние исследования А. Видугириса показали, что гипотеза о поздней миграции не объясняет всех особенностей говора, который оказался родственным не только западноаукштайтским, но и близлежащим южноаукштайтским говорам²⁰. Исследователь не исключил, что зетельский говор испытывал влияние переселенцев с территории Литвы, но его субстратная основа восходит к языку местного балтского автохтонного населения, и в ней наблюдаются некоторые западно-балтские черты²¹.

Установлено, что территория распространения говора ранее была обширнее тех деревень (Норцевичи, Погиры, Засетье, Ятвезь, Курпяши), в которых он употреблялся в XIX в. На это непосредственно указывают скопления балтских топонимов в окрестностях Зетелы, на юге Дятловского р-на — около Роготны, Дворца, вдоль дороги Зетела-Слоним²², а также данные антропонимии зетельской волости из инвентаря 1580 г.²³

Также несомненно, что этот балтский говор в Средневековье не был единственным в южной части Верхнего Понеманья. Районы компактного размещения балтских названий существуют на юге бывшего Слонимского повета, к северу от болот Ясельды (в том числе *Ятвезь*), вокруг Полонки на р. Исса, в северо-западной части Новогрудского повета, на юго-западе от Новогрудка в окрестностях Ляхович (среди них: *Ятвезь*,

¹⁹ Квятковская А. В. К вопросу о пруссах — переселенцах на территории Беларуси в средневековье // ГАЗ. № 11: Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1997. С. 9.

²⁰ К этому выводу А. Видугирис пришел еще в 1962 г., и первоначально так объяснил происхождение говора: «В окрестностях Зетелы когда-то поселились юго-западные аукштайты (по-видимому, из бывшей восточной Пруссии) еще в то время, когда около Зетелы обитала часть местного литовского населения, которое составляло естественное продолжение территории нынешнего дзукского диалекта литовского языка». (Видугирис А. Зетельский говор литовского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1962. С. 16).

²¹ Vidugiris A. 1) IS Zietelos ir pietų aukštaičių leksikos sąsąjū // Vakarų baltų kalbos ir kultūros reliktai. Klaipėda, 1996. P. 82–89; 2) Zietelos lietuvių šnekta. P. 42–45. — Против версии позднего переселения высказался К. Гаршва, исследовавший фонологию пограничных литовских диалектов (Garšva K. Lietuvių kalbos paribio šnekta. P. 224–232).

²² Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // БСИ. 1986. М., 1988. С. 203.

²³ АИВК. Т. 14. С. 199–244.

а также *Литва, Литовка, Лотва* и др.), в окрестностях Гродно и других местах левобережья²⁴.

Часть этой топонимии могла возникнуть позднее, в эпоху Гедиминовичей и Ягеллонов. Несомненно, в едином ВКЛ совершались локальные перемещения населения. Тем не менее, согласно подсчетам П. Гаучаса, наиболее значительные скопления балтских топонимов встречаются в междуречьях и на водоразделах рек: между Шарой и Молчадью, в окрестностях Ляховичей, Косова и Ружан, в междуречье Зельвянки и Росси, Росси и Свислочи, Свислочи и Лососны²⁵. Из этого напрашивается вывод о более быстром распространении славянского языка вдоль основных коммуникационных путей — важных рек и в прилегающих к ним районах.

Для характеристики средневековой языковой ситуации особый интерес среди топонимов представляют названия типа *Дайнава́* и *Ятвезь*. В балтском и славянском языках, по крайней мере, с XIII в. эти термины имели общее этнонимическое значение, что отразилось в документах времен Миндовга (см. главу II) и в двойном наименовании одной и той же деревни в зетельской округе — *Ятвезь* по-белорусски, *Dainavà* в зетельском говоре²⁶. Уже давно замечена общая закономерность их расположения: к северу от Немана преобладают названия типа *Дайнава*, к югу — *Ятвезь*. В южной части известны деревни *Ятвезь* (Гродненский р-н), *Ятвезь* (Волковысский р-н), *Ятвезь* и *Ятвеск* (Свислочский р-н), *Ятвезь* (Ивацевичский р-н), *Ятвезь / Dainavà* (Дятловский р-н), *Ятвезь* (Кореличский р-н); в северной — *Ятвеск* (Щучинский р-н), *Ятвеск* (село, существовавшее на границе Ошмянского и Лидского районов), *Дайнава*, *Дайнава Великая* (Воложинский р-н), *Дайнава* (Ивьевский р-н), *Дайнава* (Лидский р-н), *Дайнова* (Островецкий р-н), *Дайновка* (Ошмянский р-н), *Дайновка* (Вороновский р-н)²⁷. Взаимное расположение названий свидетельствует о том, что к югу от Немана процесс славянизации протекал быстрее, чем за Неманом.

Возникновение перечисленных топонимов, как правило, объясняется поселением в славянском окружении беженцев с территории Сувалкии, спасавшихся от меча крестоносцев во второй половине XIII в.²⁸ Такое предположение подтверждается неоднократными сообщениями орденских

²⁴ *Ochmański J.* Litewska granica etniczna... S. 65–69; *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах... С. 195–213.

²⁵ *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах... С. 211.

²⁶ *Вальтер Э. А.* Следы древних Прусов... С. 159.

²⁷ *Kamiński A.* Jaćwież. Teritorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953. S. 70–85; *Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи. С. 108–110.

²⁸ *Kamiński A.* Jaćwież. S. 63–91; *Ochmański J.* Litewska granica etniczna... S. 36; *Охманский Е.* Иноземные поселения в Литве XII–XIV вв. в свете этнонимических местных названий // БСИ. 1980. М., 1981. С. 125–131; *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах... С. 206–207.

источников о переселениях с территории Пруссии, тем не менее, следует обратить внимание на то, что к югу от Немана многие из упомянутых названий своеобразным образом «маркируют» упомянутые зоны скопленной балтской топонимии²⁹. Нельзя ли предположить, что славянский термин Ятвезь применялся не только к беженцам с северо-запада, но и к местному балтскому населению? Этому, на первый взгляд, не противоречит первоначальная история термина, который употреблялся в славяно-русской традиции и не был балтским самоназванием.

В отличие от славянского термина *Ятвезь*, его литовский эквивалент *Дайнава* использовался в балтских диалектах, но точно установить время его появления и эволюцию значения не представляется возможным. Согласно версии С. Каралиюнаса, название *Dainavà* связано с *dāinē, dēinā, dēinē* «дойная корова» и восходит к *dainiai* со значением «пастухи коров»³⁰. В письменных источниках термин появляется только с середины XIII в. — в то время, когда на этой территории уже не одно столетие существовало балто-славянское двуязычие.

О городищах, идолах и социальных переменах

Согласно принятым на сегодняшний день представлениям, славянское население бассейна Верхнего Немана сложилось в результате колонизации южной части региона группами волынян (бужан), дреговичей, мазовшан и ассимиляции местных балтов. Этот взгляд формировался на основе анализа результатов раскопок городищ и курганов, продолжавшихся на протяжении всего XX в.

Перед археологами всегда стояла задача поиска в Понеманье наиболее ранних памятников, которые можно было бы связать с носителями славянского языка. Задача оказалась непростой, поскольку культура населения конца I тысячелетия оставила мало следов, уловимых раскопками. Поэтому время прихода славян стали определять по наличию или отсутствию на археологических памятниках осколков грубой гладкостенной лепной керамики, изготовленной без применения гончарного круга. М. В. Малевская, детально рассмотревшая материалы основных городов региона, на основе незначительного количества в них лепной керамики сделала вывод, что славяне (выходцы из Побужья, Волыни и Мазовии), колонизировавшие балтские земли, пришли в Понеманье в X в. уже со знанием гончарного круга³¹. Значительный поток переселенцев, по ее мнению, двинулся сюда с территории Западной Волыни. Оригинальное

²⁹ Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах... Карта 1. Ойконимия бывшего литовско-белорусского этнолингвистического пограничья.

³⁰ Karaliūnas S. Dainava. Vardo reikšmė, istorija ir kilmė // Baltistica. 2006. T. XLI. (1). P. 114.

³¹ Малевская М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005. С. 139.

объяснение (с которым, впрочем, тяжело согласиться) предложила Ф. Д. Гуревич: миграция конца X в. может быть связана с христианизацией Руси при Владимире, когда не желавшие креститься славяне-язычники скрылись в заранее разведанных областях ятвягов и литовцев³². Второй половиной X–XI в. датировал волну славянской колонизации С. А. Пиваварчик³³. Затем он причислил к более ранним славянским памятникам IX–X вв. два городища с лепной керамикой — *Радогоща* в 15 км на юге от Новогрудка и *Лососна-Велька* (гмина Кузница-Бялостоцка, Польша) в 25–30 км к юго-западу от Гродно³⁴.

Лепная керамика, по данным Ф. Д. Гуревич, была найдена во многих местах Понеманья — при обследовании городищ Высоцк, Деревная, Турецкая Гора, Тальковщина, Пурневичи, Селище, а также курганов и селищ³⁵. Но в археологической литературе встречаются скептические оценки возможности датирования памятников по наличию на них осколков лепной керамики³⁶. Как показывают данные с других территорий, лепные сосуды могли сосуществовать с кружальными, а внедрение гончарного круга происходило на разных памятниках одновременно.

К «славянским» автоматически причислялись городища и селища Понеманья, даже предположительно отнесенные к X–XI вв.³⁷ На многих из них отсутствует культурный слой (Санюки, Огородники, Деревная, Особняки, Тальковщина, Ольжево, Мыто, Сегда, Яново), а единственными

³² Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // *Acta Baltico-Slavica*. R. VI. Białystok, 1969. S. 222; Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 80.

³³ Пиваварчык С. А. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.) // *BZH*. 1996. № 6. С. 5–6.

³⁴ Пиваварчык С. А. 1) Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка // *Белорусский Сборник*. Вып. 2. СПб., 2003. С. 172–173; 2) Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы сярэднявеччы // *BZH*. 1999. № 11. С. 237; *Moszczyński J.* 1) *Łosośna* // *Informator Archeologiczny*. *Badania* 1985 r. 1986. S. 133; 2) *Łosośna* // *Ibid*. *Badania* 1986 r. 1987. S. 144.

³⁵ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 159–178.

³⁶ См., например: *Curta F.* The making of the Slavs. P. 227–310; *Горюнова В. М.* Датировочные возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // *РА*. 2009. № 4. С. 132–141.

³⁷ *Сегда* (Кореличский р-н), селища на Новогрудских холмах, *Гордиловка* (Новогрудский), *Пурневичи* (Барановичский), *Санюки*, *Огородники* (Дятловский), *Деревная*, *Особняки*, *Збочно*, *Косовский тракт*, *Высоцк*, *Тальковщина*, *Яново* (Слонимский), *Кошели* (Зельвенский), *Муравельник* и *Шведская Гора* (Волковыск) *Индур* (Гродненский), *Культбачино*, *Костенево* (Шучинский), *Ольжево*, *Мыто* (Лидский) (см.: *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Минск, 1991; *Пиваварчык С. А.* 1) *Старажытныя паселішчы Беларускага Панямоння* // *Мінулае Гродзеншчыны*. Вып. I. Гродна, 1995. С. 5–23; 2) *Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы*. С. 239–240; *Гурэвіч Ф. Д.* *Летапісны Новгарадок (старажытнарускі Наваградак)*. СПб.; Наваградак, 2003 С. 59).

находками являются незначительные осколки кружальной или лепной керамики³⁸.

Вопрос о функциях славянских поселений (городищ и селищ) Восточной Европы активно обсуждался с начала XIX в. В 1819–1821 гг. выпускник новгородской гимназии Адам Чарноцкий (Зориан Доленга-Ходаковский) попытался реализовать первую программу по изучению городищ европейской России, находясь в полном убеждении, что «сии городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы и другие обряды языческие совершались»³⁹. Этот взгляд был встречен современниками с большим скепсисом, и мысли польского «ханжи и бродяги» (по выражению митрополита Евгения) стали предметом насмешек⁴⁰. Во второй половине XX в., когда, наконец, появились обобщающие академические исследования, небольшие городища стали считать центрами концентрации племенной власти, резиденциями вождей и их дружин, оборонительными убежищами и «зародышами» будущих городских центров. Превращение их в города представлялось в виде постепенного демографического роста и развития хозяйственно-экономической сферы жизнедеятельности — аграрного, ремесленного производства и рыночных отношений⁴¹. Разумеется, исследователи подчеркивали, что городища в разное время строились с различными целями, и их функции менялись. Для нас важно, что в числе ранних славянских памятников археологи И. П. Русанова и Б. А. Тимошук выделяли группу малых городищ-святилищ, признаками которых считали небольшие размеры верхней округлой площадки (диаметром от 7 до 30 м), отсутствие значительного культурного слоя, оборонительных укреплений, а также наличие внутренних рвов и следов кострищ⁴².

Пытаясь реконструировать с помощью данных о городищах процесс социально-политических перемен на территории раннесредневековой Польши, П. Урбаньчик недавно указал на те же самые обстоятельства — на отсутствие или незначительность укреплений, признаков постоянной заселенности, военного и стратегического значения части сооружений.

³⁸ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 161, 170, 176–177, 203; Пиваварчык С. А. Старажытныя паселішчы Беларускага Панямоння. С. 5–23.

³⁹ Доленга-Ходаковский З. Розыскания касательно Русской Истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 280.

⁴⁰ См.: Алексеев Л. В., Богданов В. П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом освещении. М., 2009. С. 59–64.

⁴¹ В советской медиевистике элементы эволюционизма присутствовали в концепциях М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. В. Кузы и других. См.: Дубов И. В. Возникновение городов на Руси // Дубов И. В. Новые источники по истории древней Руси. Л., 1990. С. 6–27.

⁴² Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 2007. С. 44–52.

Он присоединился к мнению, что подобные городища могли являться местами общественных пиров и сборищ, торжественного символического обмена, отправления религиозных обрядов и проведения праздников⁴³. Такие же «символические», по терминологии Урбаньчика, функции, имели и хорошо укрепленные городища, но их возведение было связано уже с началом борьбы военизированных элит за власть и место в складывающейся иерархии. Бурное строительство укрепленных сооружений в Польше в IX–X в. свидетельствует, что здесь происходило соперничество между соревнующимися вождествами: «политическая “мода” требовала для претендующих на верховную власть элит, чтобы они обозначили свой статус наличием города на своей территории»⁴⁴. В итоге экспансии Пястов старые городища почти повсеместно погибают, а им на смену приходят новые военно-административные государственные пункты, из которых впоследствии вырастут польские города.

Какие точки зрения высказывались по поводу функций ранних славянских городищ и селищ Понеманья? Ф. Д. Гуревич полагала, что первые селища на новгородском Малом Замке были племенным центром дреговичей, подобным Турову⁴⁵. С этим не согласился С. А. Пивоварчик, заметив, что Понеманье находилось на периферии колонизации. Те из памятников, которые были укреплены, он признавал славянскими военными опорными пунктами, которые не были — общинными поселениями и центрами округи⁴⁶.

Э. М. Зайковский предположил, что некоторые из городищ имели религиозные функции: к святилищам он причислил городище *Верховляны* (Берестовицкий р-н) — на основании находок множества костей животных и осколков керамики во внутреннем рву⁴⁷, и *Радогосу*, название которого оказалось одноименным святилищу славян-ободритов, известному по источникам XI–XII вв.⁴⁸ По мнению П. А. Русова, святилищем

⁴³ *Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. S. 107–141.

⁴⁴ *Ibid.* S. 119.

⁴⁵ *Гуревич Ф. Д.* Летапісны Новгарадок (старажытнарускі Наваградак). С. 70.

⁴⁶ *Пивоварчык С. А.* 1) Сацыяльна-гістарычная тыпалогія гарадзішч Панямоння X–XIII ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік: Памяці Міхася Ткачова. Мінск, 1993. Ч. 2. С. 93; 2) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 5–21.

⁴⁷ *Зайкоўскі Э.* 1) Язычніцтва на сумежжы Панямоння і Падляшша ў сярэднявеччы // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* № 9. S. 120–123; 2) Язычніцкія свяцілішчы паўночнай перыферыі ўтываў Галіцка-Вальнскага княства // *Галіч і Галіцкая земля в державотворчих процесях Украіны. Матэрыялы Міжнародной ювілейнай канферэнцыі.* Івано-Франківськ; Галіч, 1998. С. 33–37.

⁴⁸ *Зайкоўскі Э.* Даследванні славянскага гарадзішча Радагоска каля Наваградака // *Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000–2001.* Białystok, 2002. S. 286.

могло быть и городище *Талерка* (Санюки) в Дятловском районе — слышком малой оказалась верхняя площадка, чтобы разместить на ней военный гарнизон или резиденцию вождя⁴⁹. В 1997 г. Э. М. Зайковский провел здесь раскопки, но они не выявили никаких датирующих находок, кроме осколка керамики XVI в.⁵⁰

Как указывают упомянутые исследователи, ни на одном из этих городищ нет четких признаков культовых сооружений. Одним из признаков святилищ И. П. Русанова и Б. А. Тимошук считали находки идолов⁵¹. Антропоморфные изваяния, которым приписывали культовое значение, были обнаружены в Понеманье в других местах — у подножья волковыского Замчища Ю. Йодковским была откопана в 1925 г. грубо высеченная «*baba kamienna*» ростом 95 см с условно обозначенной головой⁵². Ритуальное значение этого изваяния остается чистой гипотезой. По данным М. В. Малевской, на волковыском Замчище и Шведской горе в конце X в. существовали селища, а укрепление располагалось в это время на Муравельнике⁵³. Погрудное антропоморфное изображение было найдено также под Слонимом в 1934 г. Я. Г. Звяруго предположил, что волковысский идол мог быть сброшен с замчища во время борьбы с язычеством. Слонимский идол, несмотря на отсутствие каких-либо датирующих признаков, он признал «славянским», поскольку он был найден в урочище Дубки, а «дуб был священным деревом славян-язычников»⁵⁴.

Таким образом, вывод о религиозно-символическом значении упомянутых городищ сделан скорее интуитивно. Несмотря на это, поиск причин функционирования городищ в культовой сфере представляется вполне оправданным.

Использование таких сооружений — не просто иррациональное действие в рамках языческого культа. На первом плане находится вопрос о роли этих центров в социальной организации. Ритуалы и торжественное перераспределение богатств, происходившие в подобных местах «символического» значения, были действием, способствовавшим как иерархизации общества, так и поддержанию единства группы. Так или иначе, места ритуальных сборов и торгового обмена играли определенную роль

⁴⁹ См. очерк: *Русаў П. А.* Спатканья ў дарозе. Мінск, 1995. С. 31–34.

⁵⁰ *Зайкоўскі Э.* Язычніцкія сваяцілішчы паўночнай перыферыі ўплываў Галіцка-Валынскага княства. С. 36. — Найденные обугленные остатки тонких бревен или досок могут быть следами костров, а не каких-либо построек. Основание, на котором произведена предположительная датировка XI в. — кусочки керамики, собранные вокруг на поле (см. *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. С. 203).

⁵¹ *Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Языческие святилища древних славян. С. 28–36.

⁵² *Jodkowski J.* Grodzisko Wołkowyskie. Grodno, 1925. S. 22.

⁵³ *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов. С. 100–101.

⁵⁴ *Звяруго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 193–194.

в выстраивании локальной и региональной идентичности и информационных связей внутри разных социумов⁵⁵.

Можно указать некоторые признаки функционирования городищ Понеманья в X–XI вв. в качестве мест общественных сборов. Многие из городищ были сооружены еще в эпоху штрихованной керамики (в том числе: Радогоща, Высоцк, Кошели, Деревная⁵⁶), то есть не возводились специально, а использовались повторно в период славянизации. Далеко не всегда на них имеются внушительные укрепления. В то же время, находки костей и керамики могут быть остатками трапез, а немногочисленные импорты (например, глиняные пряслица, стеклянные бусины) — показателем осуществления символического обмена.

В восточной части площадки городища Радогоща Э. М. Зайковский в 1989 г. открыл клад бронзовых браслетов, аналогии которым имеются на территории Литвы в хронологическом диапазоне VIII–XII вв.⁵⁷ Существует точка зрения, что закапывание раннесредневековых металлических кладов в Восточной Европе происходило не только по экономическим, но и «иррациональным» мотивам — они являлись магическими подношениями⁵⁸. То, что некоторые браслеты из Радогощи были обломаны, напоминает частую практику намеренного повреждения предметов, предназначенных для жертвоприношения.

Городище Радогоща находится всего в нескольких километрах от озера Свитязь, единственного значительного озера в новогрудской округе. Близость такого природного объекта также могла способствовать появлению здесь места собраний. Сам топоним *Радогоща* Э. М. Зайковским рассматривался в связи с одноименным названием святилища редарей *Riedegost*, впервые описанного Титмаром Мерзебургским⁵⁹. На территории

⁵⁵ П. Урбаньчик отмечал, что у нас слишком мало данных, чтобы утверждать, что именно в рамках сообществ городищ складывалось осознание групповой принадлежности (*Urbańczyk P.* 1) *Trudne początki Polski*. S. 92–94, 107–141; 2) *Slavic and Christian Identities During Transition to the Polish Statehood // Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 217*). Для иллюстрации приведем гипотезу А. В. Назаренко, по которой имя редарей происходит от названия культового центра Ретры и гипотезу Т. Шлимперта и Т. Витковски, по которой тот же этноним означает «люди, состоящие в связи с оракулом Радогоста» (*Назаренко А. В. О славянском язычестве*. С. 309–310. Примеч. 36).

⁵⁶ *Піваварчык С. А.* Старажытныя паселішчы Беларускага Панямоння. С. 5–6.

⁵⁷ *Зайкоўскі Э.* Даследванні славянскага гарадзішча Радагошча каля Навагрудка. С. 285.

⁵⁸ См.: *Urbańczyk P.* *Trudne początki Polski*. S. 142–171; *Курта Ф.* Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // *SSBP*. 2008. № 2. С. 133–154.

⁵⁹ См.: *Назаренко А. В.* О славянском язычестве // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 303–304.

Центрально-Восточной Европы от Новгородской земли до Чехии и Австрии известны всего более тридцати таких же топонимов и гидронимов (*Радогостье, Радогоща*) и еще больше названий на *-гость, -гоща*. Их происхождение лингвисты связывают с личным именем **Radogostь*⁶⁰. Также заметим, что при разборе топонимов с начальным *гост-* В. Л. Васильев предположил их связь со славянским **gostiti*⁶¹. Таким образом, новгородский топоним может быть связан как с именем, так и с тем, что городище было местом «гощения и угощения» (подобную этимологию имеет древнерусский термин *погост*, обозначавший пункт сбора дани и место временного пребывания княжеской дружины⁶²). Возможно, в X или середине XI в. городище Радогоща пережило вооруженное нападение (о чем говорят находки наконечников стрел и топора с обугленным обухом), в результате которого существовавшие на площадке постройки сгорели⁶³. Находки гончарной керамики свидетельствует о возможности присутствия людей на городище и после этого события.

Городища Муравельник в Волковыске, Индура в бассейне Свислочи (Гродненский район) и Кульбачино в бассейне Котры (Щучинский район), функционирование которых датируется второй половиной X – серединой XI в., представляют собой совершенно другой случай⁶⁴. Это уже намеренно построенные «тверди» с оборонительными сооружениями, культурным слоем, и главное — находками оружия, в том числе, североевропейских типов. Руководствуясь схемой, предложенной П. Урбаньчиком, эти городища можно связывать с появлением военных элит, заинтересованных в сборе дани и добыче эксклюзивных импортов.

Наряду со следами ремесленного производства, в данных пунктах есть также немногочисленные находки оружия, бусины из стекла или янтаря. Некоторые импорты встречены на селищах (гребни, бусины с новгородского Малого замка). В интерпретации этих данных, возможно, помогут сравнительные данные. Как отметил Ю. Корпела, на территории

⁶⁰ *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 136–168.

⁶¹ Там же. С. 168.

⁶² *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 295.

⁶³ Э. Зайковский датировал в недавней статье пожар X в. (*Зайкоўскі Э.* Наваградчына ў жалезным веку і пачатку сярэднявечча // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Навагрудак, 2010. С. 77). Ранее С. А. Пивоварчик, учитывая присутствие гончарной керамики, датировал пожар серединой XI в. (*Піваварчык С. А.* Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка // Беларускі Сbornик. Вып. 2. СПб., 2003. С. 172–173).

⁶⁴ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 62–90; *Піваварчык С. А.* 1) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17; 2) Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы. С. 237; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов. С. 87–106.

Приладожья в «эпоху викингов» основание временных торговых пунктов приводило к раскрытию замкнутых локальных обществ, к достижению доверия через символы и церемонии между разными группами, активно здесь контактировавшими⁶⁵. Можно предположить, что ситуация в бассейне Немана была схожей. Представляется, что этот процесс «раскрытия» локальных миров способствовал распространению славянского языка, как языка межгруппового общения.

Переселение «племен»?

Славянское население южной части Понеманья в X–XI вв. считается смесью разных этнических групп — дреговичей, волянян, древлян, кривичей и мазовшан⁶⁶. Конечно, здесь могли существовать устойчивые группы, обладавшие собственной идентичностью. Но есть ли основания считать, что этими группами являлись перечисленные «племена»?

Дреговичей многие исследователи называли одной из основных славянских этнических групп, заселившей южную часть Понеманья⁶⁷. Традиционно они считаются отдельным племенем, занимавшим бассейн Припяти, частично Днепра, Буга и Немана, имевшим собственное племенное княжение. Колонизация дреговичами земель к северу от Припяти связывается с распространением здесь курганов с трупосожжениями, зерненными бусами, лепной и гончарной керамикой в IX–X вв.⁶⁸ В Верхнем Понеманье подобные курганы известны преимущественно в округе Новогрудка и датируются X вв.⁶⁹

Подобный взгляд основывается на допущении, что дреговичи были монолитным этническим организмом с четкими культурными признаками (не важно, называть ли его «племенем», «союзом племен» или «княжением»). Археологические данные свидетельствуют о социальных переменах в бассейне верховьев Днепра, Припяти в IX–X в., появлении групп, практиковавших нововведения в погребальном обряде. На основании культурных связей можно говорить о славяноязычии этого населения, но они никак не подтверждают его дреговичскую идентичность.

⁶⁵ *Korpela J.* The world of Ladoga: Society, trade, transformation and State building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest zone, c. 1000–1555. New Brunswick; London, 2008. P. 215.

⁶⁶ *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. С. 97–111, 135–137; *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 99–110.

⁶⁷ См.: *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье. С. 106; *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. С. 99–100, 124, 183–185; *Гуревич Ф. Д.* Летapisны Новгородок (старажытнарускі Наваградак). СПб.; Новогрудок, 2003. С. 65–66.

⁶⁸ *Седов В. В.* 1) Дреговичи // СА. 1963. № 3. С. 112–125; 2) Восточные славяне в VIII–XIII вв. С. 113–119; *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. С. 99–100.

⁶⁹ *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. С. 99–100; *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 99–100.

При описании событий IX–XI вв. в летописных источниках дреговичи ни разу не упомянуты. Для русских летописцев эта группа определенно не была важной — ее имя отсутствовало в начальном своде, а все известия о дреговичах были внесены в начале XII в. при составлении ПВЛ, когда название уже использовалось в качестве территориального обозначения округа Слуцеска. Напомним в связи с этим незаслуженно забытую мысль С. М. Середонина, что этот термин был современным летописцу *территориальным*, а не этническим обозначением околицы Слуцеска и Клеческа, подчиненной киевским князьям⁷⁰.

Впервые термин *другувиты* (*δρουγουβίται*) встречается ок. 950 г. в девятой главе трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в числе данников, к которым киевские князья «со всеми росами» отправляются в ноябрьские полюдья⁷¹. Вновь это название упомянуто в начале XII в. во вводной части ПВЛ, в рассказе о расселении славян: «а друзии съдоша межю Припетью и Двиною и наркошаса Дреговичи», затем «держати почаша родъ ихъ княженъе в Полахъ, в Деревлахъ своє, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ...», и «се бо токмо Словѣнескъ азъкъ в Руси: Полане Деревлане Ноугородьци Полочане Дреговичи Сѣверъ Бужане зане съдоша по Бугу послѣже же Вельѣнане»⁷². В то время, когда составлялись эти перечни, термин уже использовался по отношению к территории по соседству с Понеманьем вокруг Слуцеска (1116 г.: «Глѣбъ бо баше воєвалъ Дрѣговичи и Слуцескъ пожегъ»), 1149 г.: «Слоучьскъ и Кльчьскъ и вси Дреговичѣ»⁷³).

Можно ли из этих данных сделать вывод, что дреговичи были отдельным этно-политическим организмом на территории между Припятью, Неманом, Бугом и Днепром в X в.? Конечно, невозможно игнорировать упоминание *δρουγουβίται*. Но император Константин фиксирует появление дреговичей как категории классификации уже в период складывания системы даннических взаимоотношений обитателей Поприпятья и верховьев Днепра с киевской Русью, когда название стало обозначением населения западной части Верхнего Поднепровья, с которого собирала дань русская дружина, отправляясь в полюдье. В таком виде оно попало

⁷⁰ Середонин С. М. Историческая география. С. 137, 152.

⁷¹ «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами россов» (Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 51, 330–331).

⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 6, 10, 11.

⁷³ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 282, 383.

на страницы трактата императора, который, проецируя на дреговичей свои понятия о политическом устройстве, назвал их отдельной «славянией». Естественно полагать, что на приписываемой дреговичам территории существовали единицы социально-политической структуры (вождества, малые общины). Но их реальная конфигурация, социальное устройство, так и идентичность населения, остаются для нас недостижимыми. Термин *дреговичи* мог быть как названием одной из этих групп, так и широким обозначением обитателей болотного ландшафта, подобно более позднему термину «полешуки», но нет никаких оснований полагать, что им выражалось широкое этническое самосознание обитателей всей территории Побужья, Поприпятья и Понеманья.

Лингвистические данные не противоречат предположению о широком территориальном значении этого названия. Его происхождение традиционно связывается с белорусским *дрыгва́* «топь, болото» и литовским *dregvā* «мокрые примятые щепки, сгнившее упавшее дерево», *dregnas* «сырой, влажный» (а также украинским диалектным *драгва́*, *дрягва́* «болото» и подобными словами в курском, брянском, калужском, тульском диалектах)⁷⁴.

Г. А. Хабургаев, исходя из патронимического значения суффикса *-ич*, считал первоначальной формой слав. *дреговичи* балтское групповое обозначение *dreguvā*, восходящее к обозначению болотистого региона в балтских диалектах⁷⁵. Существование подобного балтского обозначения не подтверждается никакими языковыми данными. Еще более трудно согласиться с новейшей этимологией С. Каралюнаса, возводящей название к балтскому корню **drig-* («ясный, понятный, яркий,

⁷⁴ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 536–537; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 436–437. — Отметим также, что несмотря на соответствие «болотной» этимологии полесскому ландшафту, было замечено, что суффикс *-ич* имеет преимущественно патронимическое значение (ср.: *Радимь* — *Радимичи*, *Вятъко* — *Вятичи*, *Олег* — *Ольговичи*), а от территориального обозначения *дрегва* «болотистая земля» логичнее ожидать форму *дреговляне*, ср.: *поле* — *поляне*, *Полота* — *полочане* (Ермалович М. I. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяды. Минск, 1990. С. 22–23; также: Хабургаев Г. А. Этнонимия... С. 193). В связи с характерным патронимическим суффиксом, П. Шафарик, В. З. Завитневич и Л. Нидерле не исключали происхождения названия дреговичей от антропонима *Драг*, или *Dragavitus* (Šafárik P. J. Slowanské starožitnosti. S. 535; Завитневич В. З. Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной Академии. № 8. Киев, 1886. С. 572; Niederle L. Manuel de l'antiquité slave. T. I: L'histoire. Paris, 1923. P. 221; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 160). Впрочем, упомянутые исследователи не объясняли замены гласной в корне. С помощью суффикса *-ич* образовывались названия жителей городов (например: *Пльсковъ* — *пльсковичи*, *Римовъ* — *римовичи*), что указывает на возможность «болотной» гипотезы.

⁷⁵ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979. С. 149, 196.

светлый») ⁷⁶, поскольку основным ее аргументом является упоминание слова *drygi* в словарице «*Pogańskie gwary z Narewu*», памятнике сомнительного происхождения, а приведенное название подляшской деревни *Dryga* вполне можно объяснить из польского (*dryga* «рыбацкая сеть») ⁷⁷.

В то же время О. Н. Трубачев, горячо отвергая любые балтские связи дреговичей, полагал, что они существовали в припятских болотах уже в праславянскую эпоху, и их название **drъgvitji* образовано от общесл. **drъgva* ‘трясина’, восходящего к **drъgati* ‘дрожать’ (согласно той же словообразовательной модели, что в словах *трясина* и *трясти*) ⁷⁸. По мнению О. Н. Трубачева, подобный вывод можно подтвердить наличием похожих названий на Балканах, в нескольких местах Македонии и Фракии ⁷⁹, появление которых следует объяснять великой славянской миграцией из припятских болот ⁸⁰.

⁷⁶ Karaliūnas S. 1) Etnonimo gūdai kilmė // Darbai ir dienos. 1999, № 10 (19). P. 41–43; 2) Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose. T. I. Vilnius, 2004. P. 185–187.

⁷⁷ Nazwy miejscowe Polski: Historia – pochodzenie – zmiany. T. II. C–D / Pod red. K. Rynta. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1997. S. 439.

⁷⁸ Ранее такую этимологию предлагал Е. Ф. Карский: *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. С. 68; Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 5 (**dělo* — **dyrъly*). Москва, 1978. С. 138–139; *Трубачев О. Н.* 1) Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. С. 62; 2) В поисках единства. М., 1992. С. 101–104; ср. также волынский топоним *Сухая Дорогва* нач. XIII в. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 732).

⁷⁹ Драгувиты или дрогувиты (*δραγουβίται, droγουβίται* и др.) впервые упомянуты в «Чудесах св. Димитрия Солунского» VII в. Затем Иоанн Камениата в X в. указывает место их жительства к юго-западу от Солуни, а с 879 г. это имя появляется в титулатуре Фессалоникийской епархии. Другая область, фракийская *Druguithia, Drogunthia* (известный оплот богомилства в XII–XIII в.), была расположена в окрестностях Филиппополя на склонах Родопских гор. Там же находятся речка Драговица и гора Драговина. Третья территория (*ή Δρουουβιτική*) упоминается в начале XIII в. Димитрием Хоматианом на Северо-западе современной Македонии внутри горной котловины Полог. Кроме того, подобные топонимы известны к северу от Афона и к востоку от Солуни: *Šafárik P. J.* Slowanské starožitnosti. Oddíl děgepisný. Praha, 1837. S. 619–623; Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959. С. 149, 163, 218–219; *Ангелов Д.* Богомилството в България. София, 1961. С. 89, 242–243, бележка 113; *Dujčev I.* Dragvista–Dragovitia // Dujčev I. Medioevo bizantino-slavo. Vol. II. Roma, 1968. P. 137–145; Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Т. 2. М., 1995. С. 125, 157, 173, 191; *Christian Dualist Heresies in the Byzantine World*, с. 650 – с. 1450. Selected sources / Ed. by J. Hamilton, B. Hamilton, Y. Stoyanov. Manchester, 1998. P. 250, 275.

⁸⁰ См. также: *Мавродин В. В.* Древняя Русь. М., 1946. С. 64; *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Минск, 1991. С. 10. — Старославянский язык, кодифицированный св. Кириллом и Мефодием, считался близким диалекту белорусских дреговичей (*Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. I. С. 69–71; *Ластоўскі В.* Якога мы роду-племени // Вацлаў Ластоўскі. Выбраныя творы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997. С. 303; *Доўнар-Запольскі М.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Вільня, 1919. С. 4).

Но название балканских друговитов никак не связано с «полесским болотным зыбуном». И. Дуйчев отмечал, что в различных местах Балкан названия появлялись независимо друг от друга, хотя могут содержать один и тот же корень⁸¹. Этот корень он связал с обозначениями ландшафта (старосл. *дрега, драга* ‘долина, впадина, лес’). М. Р. Фасмер предлагал другую этимологию — от слав. *друговати* (однокоренное с рус. «дружить»)⁸². Согласно еще одной версии, название может происходить от славянско-го имени *Драг, Драгов, Дражко, Dragavitus / Drogoviz* (по версии О. Прицака — даже от гунно-болгарского **Drugw* «спокойный»)⁸³. От имени *Драго* образовались и гораздо более поздние названия — например, сербский топоним *Драговичи* на северо-западе от Шкодера в Албании, и распространенная сербская фамилия⁸⁴.

Так или иначе, сходство имен северных и южных «дреговичей» оказывается лишь внешним — оно свидетельствует о единстве славянской языковой стихии, а не об общем происхождении от одного «племени». Удревнять его появление нет никаких оснований. Стоит обратить внимание, что этот этноним, в отличие от других (*дулебы, кривичи, ятвяги* и др.), никак не отразился в топонимическом материале. В письменных источниках дреговичи становятся известны только с середины X в., тогда как отсутствуют в более раннем «Описании городов и областей к северу от Дуная» («Баварском географе»), составленном в Швабии в IX в., хотя в нем приведены некоторые названия обитателей Побужья, Поднепровья и Поднестровья. Среди многих не поддающихся идентификации имен все же удастся узнать русов (*Ruzzi*), бужан (*Busani*), уличей (*Unlizi*), крайне гипотетически, волянян (*Velunzani*)⁸⁵. Высказывалась даже догадка (ни на чем, однако, не основанная), что составными частями будущих дреговичей и древлян могут быть какие-то неидентифицированные группы (*Fresiti, Seravici, Lucolane*)⁸⁶.

Единственное из восточнославянских «племенных» названий, которое отразилось в топонимии Понеманья — *кривичи*. Но значение этого термина, впервые упомянутого в середине X в. императором Константи-

⁸¹ Dujčev I. Dragvista–Dragovitia. P. 143–144.

⁸² Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941. S. 177.

⁸³ Šafárik P. J. Slowanské starožitnosti. S. 623; Pritsak O. 1) The Slavs and the Avars. P. 404; 2) Походження Русі. Стародавні скандинавські carі і Стара Скандинавія. Т. II. Київ, 2003. С. 800–801.

⁸⁴ Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931. С. 268.

⁸⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 53–55; Горский А. А. 1) Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГВЕ. 1995 г. М., 1997. С. 274–278; 2) Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 25.

⁸⁶ Горский А. А. 1) Баварский географ... С. 279–280; 2) Русь от славянского расселения... С. 25.

ном, не было неизменным. Для южнорусского летописца второй половины XI в. *кривичи* — это собирательное название, используемое для обозначения «широкой кистью» обитателей лесистых верховий Двины, Днепра и Волги. На это указывают не только необычайно большой территориальный охват названия, отсутствие среди его обитателей политического единства, но и то, что в их состав могли зачисляться группы, обладавшие собственным названием⁸⁷. Одной из таких групп были *полочане*. Кроме того, в географическом перечне народов Восточной Европы отсутствует подданная Смоленску *голядь*, из чего можно сделать вывод, что и она может быть включенной в состав кривичей. Бросается в глаза, что этноним часто выступает с собирательным местоимением: не просто *кривичи*, но «*все кривичи*»⁸⁸. По мнению В. Н. Топорова и В. В. Иванова, термин является патронимическим производным от славянского имени *Кривь*, *Кривец*, *Krzywic*⁸⁹. Некоторые исследователи придерживаются предположения о балтском происхождении корня этнонима (**krievà*)⁹⁰. Вновь заметим, что нет уверенных подтверждений того, что кривичская идентичность была распространена на всей территории от Верхнего Днепра до Волги. По крайней мере, на востоке кривичского ареала крайне мало топонимов, которые можно связать с данным этнонимом (например, деревня *Кривское* в Калужской области, на территории летописной Голяди, но она вполне может иметь не связанную с кривичами этимологию).

Самое важное для нас обстоятельство — в том, что термин продолжал использоваться на протяжении X–XII вв., в связи с чем установить время возникновения топонимов типа *Кривичи* в Понеманье не представляется возможным. Мы рассмотрим их подробнее, когда речь пойдет об именовании новгородской округи «*terra Crivicie*» в орденских источниках. По археологическим данным, влияние со стороны кривичского ареала в культуре Понеманья не было значительным.

Данные замечания, разумеется, касаются только этнических названий. Наличие в Понеманье переселенцев с территории Волыни, Полесья и Мазовии зафиксировано в особенностях погребального обряда и стилистике сосудов. Но анализ К. В. Павловой показал, что в одной и той же местности (на Новгородской возвышенности) курганы конца X–XI вв. имеют и «дреговичские», и «древлянские», и (в меньшей степени) кривичские признаки⁹¹, следовательно, погребальные традиции имели

⁸⁷ Это обстоятельство подчеркивал С. М. Середонин (*Середонин С. М. Историческая география*. С. 138).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19, 22–23.

⁸⁹ Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах. С. 426.

⁹⁰ Хабургаев Г. А. Этнонимия... С. 195–196.

⁹¹ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье... С. 107.

смешанное происхождение и модель племенной миграции в данном случае не работает.

Хотя археологические признаки славянской колонизации в бассейне Немана не позволяют датировать ее начало временем раньше X в., вопрос о первых балто-славянских контактах в Понеманье остается открытым. Во многом его решение зависит от исследования прилегающих регионов — Верхнего Поднепровья и Поприпятя.

Безусловно, на представления о славянизации этих территорий оказала сильное влияние общая концепция «Великой славянской миграции» во второй половине I тыс. Археологи и лингвисты разных стран рисовали сходную картину лавинообразного расселения славянских земледельческих обществ по территории Центральной, Восточной и Южной Европы, в результате которого здесь появлялись десятки новых «племен», сходные по языку, культуре, объединенные самоназванием *славяне*, давшие начало современным славянским нациям⁹².

Пути миграций древних славян в работах разных археологов сильно различались, но, как правило, в основе их построений лежал общий культурно-исторический подход, ретроспективно отождествляющий славянский языковой «этнос» с теми или иными археологическими культурами⁹³. Многие лингвисты, при этом, подчеркивали, что удивительное сходство славянских и балтских языков говорит о том, что в древности они либо активно контактировали, либо составляли единую диалектную протяженность⁹⁴. Петербургский археолог Д. А. Мачинский даже предполагал, что во времена культуры штрихованной керамики Верхнее Понеманье и Поднепровье могли входить в состав праславянской территории (по его мнению, здесь могли жить упомянутые Тацитом *stavani* = *славяне*⁹⁵), хотя подобной догадке противоречит преобладание на этой территории балтской гидронимии. М. Б. Щукин искал предков славян среди носителей лесных культур Восточной Европы позднеримского времени, в первую очередь — киевской, основной ареал которой расположен к востоку от Днепра. Она представлялась ему своеобразным «плавильным котлом», в котором потомки постзарубинецкого населения

⁹² См., например, последнее российское обобщающее исследование славянских миграций: Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. 622 с.

⁹³ Curta F. From Kossinna to Bromley. P. 201–218; Jones S. The Archaeology of Ethnicity. London, 1997. P. 16.

⁹⁴ См.: Откупщиков Ю. В. Opera philologica minora: Античная литература, языкознание. СПб., 2001. С. 294. Примеч. 1.

⁹⁵ Мачинский Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 129.

стали славянами и дно которого было пробито нашествием гуннов, после чего оттуда начали «вытекать» славяне, начавшие миграцию на Дунай⁹⁶.

В языкознании дискуссия о славянской прародине (между сторонниками дунайской, висло-одерской и бужско-днепровской гипотез) исходила из возможности определить древнюю зону распространения славянского языка по данным гидронимии. Многие исследователи, и среди них М. Р. Фасмер и Ю. Удольф, разместили «славянское ядро» к югу от Припяти — в Северном Прикарпатье, на Галичине, Волыни и Подолье⁹⁷. О. Н. Трубочев отстаивал мнение о центральной роли карпато-дунайского региона в формировании славянского языка в период до н. э., хотя Прикарпатье и перечисленные территории также считал достаточно древней зоной расселения славян⁹⁸.

Распространенным в науке остается взгляд, приписывающий славянство Пражской, Корчакской и иногда Пеньковской культурам. Простоту и даже примитивизм Пражской культуры А. Буко недавно объяснил тем, что оставившее их сельскохозяйственное население находилось «на марше», постоянно колонизируя новые просторы⁹⁹, не объяснив, впрочем, что гнало сельскохозяйственное население все дальше на север, запад и юг.

В любом случае, чаще славянизация представлялась ученым в виде физического распространения массы славянского этноса из небольшой прародины и последующей ассимиляции соседей. На примере Нижнего Подунавья Ф. Курта попытался внести существенные коррективы в эту модель «Великой миграции». Он продемонстрировал что, в этом районе передвижения населения в период «Великой славянской миграции» были гораздо менее масштабными, чем представлялось ранее¹⁰⁰. В связи с этим возник вопрос: какие же особые коммуникативные функции славянского языка в «варварском» мире позволили ему вытеснить иранские, тюркские, романские, германские, балтские и финно-угорские диалекты?

Ф. Курта поддержал гипотезу о *lingua franca*, согласно которой на определенном этапе своего развития общеславянский стал языком «международного» общения разноязычных групп внутри и на периферии

⁹⁶ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. н. э. по письменным и археологическим источникам // Acta Archaeologica Carpathica. 1976. Т. 16. С. 59–94; Шукин М. Б. Рождение славян // Stratum plus: Структуры и катастрофы. 1997. С. 110–147.

⁹⁷ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. С. 90 и след.; Vasmer M. Die Urheimat der Slaven // Der ostdeutsche Volksboden. Hrsg. von W. Volz. Breslau, 1926. S. 118–143; Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.

⁹⁸ Трубочев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.

⁹⁹ Buko A. The Archeology of Early Medieval Poland: Discoveries — hypotheses — interpretations. Leiden; Boston, 2008. P. 69–73.

¹⁰⁰ Curta F. The Making of the Slavs. P. 335–337.

Аварского каганата, созданного во второй половине VI в., и разбитого франками в конце VIII в.¹⁰¹ Как отметил П. Барфорд, о построении общей социолингвистической модели славянизации на основании этой гипотезы говорить еще рано¹⁰², но она хорошо объясняет тот факт, что славянский язык смог распространиться на столь широком пространстве, сохранив внутреннюю однородность накануне деятельности св. Кирилла и Мефодия¹⁰³. Предположение об особой роли славянского языка в позднем Аварском каганате не снимает, в прочем, с повестки дня вопрос о возможном более раннем распространении праславянских диалектов в Центрально-Восточной Европе.

Кроме того, замечания румынского исследователя показали, что византийские упоминания о *склавенах* не позволяют сделать определенного вывода, на каком языке они говорили, и была ли славянская идентичность изначально свойственна всем славяноязычным жителям Восточной и Центральной Европы. Подвергая сомнению достаточно распространенный взгляд, согласно которому термин *славяне* восходит к самоназванию **slověne* в значении «говорящие»¹⁰⁴, он сформулировал тезис, что славянская идентичность «формировалась в тени крепостей Юстиниана, а не в припятских болотах»¹⁰⁵. Данная гипотеза румынского исследователя вызвала наиболее активные возражения¹⁰⁶.

В рамках новой схемы не затрагивался вопрос о том, как и когда по-славянски заговорили на далеких от Среднего Подунавья территориях Восточной Европы. Предполагая, что начало славянизации земель Чехии и Польши может совпадать по времени с распространением там во второй половине VIII в. аварской материальной культуры, Ф. Курта обошел стороной происходящее в более северных и восточных землях¹⁰⁷. Археологическим материалом засвидетельствовано определенное среднедунайское влияние на культуру обитателей Восточной Европы в VIII–X вв. — прежде всего, на территории Западной Украины и Восточной Польши¹⁰⁸, но задача интерпретации этого явления стоит перед археологами.

¹⁰¹ Pritsak O. The Slavs and the Avars // Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo. Spoleto, 1983. P. 383–386, 420–424; Curta F. The Slavic *lingua franca* (Linguistic notes of an archaeologist turned historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31/1. P. 125–148.

¹⁰² Barford P. M. Slavs beyond Justinian frontiers // SSBP. 2008. № 2 (4). P. 21–32.

¹⁰³ См. также: Pohl W. Die Awaren. P. 224.

¹⁰⁴ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. С. 4, 93 и др.

¹⁰⁵ Curta F. The Making of the Slavs. P. 350.

¹⁰⁶ См. обсуждение книги в SSBP. № 2 (4).

¹⁰⁷ Curta F. 1) The Slavic *lingua franca*. P. 145–148; 2) Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) // Archeologické rozhledy. 2008. T. LX. S. 682.

¹⁰⁸ Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 183–204; Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991. S. 34–39.

Отметим лишь, что в связи с распространением славян в Полесье и центральной Белоруссии, по-видимому, находится дулебская топонимическая проблема. Значительное число сходных топонимов известны в разных районах Восточной Европы: остров *Дулебы* к юго-востоку от Пинска, деревни *Дулебы*, *Дулебня* на территории Минской (Березинский район) и Могилевской областей (Кличевский район), гидроним *Дулебка* (приток Ольсы)¹⁰⁹ в бассейне днепровской Березины, целый ряд подобных названий в Западной Украине (*Дулеби*, *Дулиби*)¹¹⁰. Далее дулебский след тянется по территории южной Чехии (замок *Doudleby / Dudlebi*, впервые упомянутый в *Chronica Boemorum* Козьмы Пражского), и заканчивается в районе Среднего Подунавья — в источниках IX в. неоднократно упоминаются *Tudleipin* и *comitatus Dudleipa* в районах между озером Балатон и р. Мурсой, а также в Карантании на верхней Драве¹¹¹.

Славянское обозначение **dudlebi* имеет германское происхождение (от герм. **daudlaiba* «наследство умершего» или же имени *Dietlieb*)¹¹². Повесть временных лет, единственный источник, который говорит о дулебах как об этнической группе¹¹³, относит их существование к эпохе Аварского каганата и приводит сказание о насилии обрвов (авар) над дулебами и их женами:

«В си же времена быша и Вбре иже восваша на ц(е)с(а)ра Ираклия и мало сго не яша си же Вбри восваша на Словѣны и примучиша Дулѣбы сушаа Словѣны и насилье твораху женамъ Дулѣбскимъ ... и тако мучаху Дулѣбы баху бо Вбри тѣломъ велицѣ а оумомъ горди и потреби а Б(о)гъ и помроша вси и не уста ни сдинѣ Вбринѣ и естъ притча в Руси и до сего д(ь)ни погибоша аки Вбри»¹¹⁴.

В то же время, несколькими строками ранее русский летописец называет дулебов древним населением Побужья («дулѣби же живяху по

¹⁰⁹ Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 113, карта № 6; *Lowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* Т. II. Warszawa, 1964. S. 109–110.

¹¹⁰ *Lowmiański H. Początki Polski.* Т. II. S. 107–108; Довгань П. Бужани як етнічний та державотворчий чинник у давній історії України // Вісник Інституту археології. Львів, 2006. Вип. 1. С. 52.

¹¹¹ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 46; *Lowmiański H. Początki Polski.* Т. II. S. 112.

¹¹² Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 551; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 52–53.

¹¹³ Кроме того, некоторые исследователи видят дулебов в неясном этнониме, упоминаемом в X в. Аль-Масуди (Длавна, Дулана, Длавана, Дулая). Имя их царя (Вандж-Слав, Вандж-Алаф) можно предположительно соотнести с чешским князем Венцеславом (*Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье.* М., 2002. С. 63).

¹¹⁴ ПСРЛ Т. II. Стб. 9; см.: ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 12–13.

Бугу, где нынѣ воляныне»), что может отражать память о пребывании этой группы на территории Волыни. Также дубебы упомянуты в статье под 907 г., перечисляющей участников похода Олега на Константинополь, но здесь они введены составителем Повести временных лет в число участников похода искусственно¹¹⁵.

Информация летописи в историографии XX в. считалась свидетельством существования на Волыни и прилегающих территориях крупного славянского догосударственного объединения, возникшего под влиянием контактов славян с готами и гепидами (что объясняет германское происхождение названия), которое было разгромлено в VI в. аварами, после чего состоялась миграция дубебов с территории Украины в Чехию и Подунавье, в центр аварского владычества¹¹⁶. Однако, процитированный отрывок летописи, по всей видимости, имеет книжное южнославянское или византийское происхождение, и речь в нем изначально шла о дубебах Среднего Подунавья¹¹⁷.

На дубебскую проблему необходимо взглянуть иначе, поскольку нет оснований связывать сюжет об обрах и дубебах с Волынью. Археологическими данными не подтверждается перемещение каких-либо групп населения оттуда в Карантанию, да и теория славянской миграции из восточноевропейской прародины потеряла свою универсальную объясняющую роль. В Подунавье топонимы *Tudleipin*, *Dudleipa* встречаются как в центральном районе Карпатской котловины — в районе озера Балатон, где аварская власть была непосредственной, так и по периметру каганата, а также на периферии, которая не была ему подконтрольна. Размещение названий, зафиксированных в поставарский период в IX–X вв., позволяет, на наш взгляд, искать первоначальные корни дубебской идентичности в социальной структуре Аварского каганата, среди потомков гепидов и другого германоязычного населения. Немаловажно,

¹¹⁵ *Середонин С. М.* Историческая география С. 134; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 90–91; *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 92; *Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. С. 22. Примеч. 6.

¹¹⁶ *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. II. S. 111; *Седов В. В.* Древнерусская народность. С. 46; *Довгань П.* Бужани як етнічний та державотворчий чинник... С. 52–53.

¹¹⁷ *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Ч. II. № 3. С. 395; *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дубебы русской летописи // Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 24–31; *Curta F.* Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: medieval gens or 'scourge of God'? // Early Medieval Europe. 1997. Nr. 6 (2). P. 150. — Существует точка зрения, что источником для рассказа послужил восточнославянский «земледельческий эпос» (*Lowmiański H.* Początki Polski. Т. II. S. 353–363; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории Русской культуры. Т. I. М., 2000. С. 54). Но сходство с повествованием хроники Фредегара о вендах, существование подобной византийской поговорки о гибели авар и наличие в тексте таких точных подробностей, как упоминание царя Ираклия говорят не в ее пользу.

что появление названия на территории Чехии, Украины и Белоруссии, по-видимому, следует связывать с влиянием населения, жившего в Карпатской котловине.

Вопрос о начале славянизации Верхнего Поднепровья, где присутствуют дулебские топонимы, был связан с определением характера памятников банцеровской, тушемлинской и колочинской культур — городищ (часто нерегулярно использовавшихся), курганов с трупосожжениями и сельских поселений V–VIII в., ареал которых включает также небольшую восточную часть Верхнего Понеманья и бассейна Вилии. По мнению большинства исследователей, население этих сходных аграрных культур было балтоязычным¹¹⁸, хотя некоторые авторы не исключали, что уже тогда начался процесс их славянизации¹¹⁹. В пользу того, что основными диалектами на территории этих культур были балтские, говорят данные гидронимии¹²⁰, а также сохранение балтоязычных анклавов до XVI в. в районе Оболец (в 40 км от Орши) и Гайны (под Логойском)¹²¹.

А. А. Седин обратил внимание на то, что ряд укрепленных поселений в бассейне Верхнего Днепра прекращают свое существование около VII–VIII вв. (Тушемля, Никодимово, Колочин, Вежки)¹²². В некоторых случаях в слоях пожаров на этих городищах найдены стрелы аварских типов. На основании находок наконечников стрел Г. Новиков предположил, что они являются следами рейдов авар, болгар или венгров, а появление дулебской топонимии на территории региона он объяснил бегством дулебов на северо-восток от аварского владычества. Кочевники, по его мнению, ходили на них в карательный поход¹²³. Отметим также, что в историографии известна идея об аваро-славянском «симбиозе» — так, с точки зрения П. Урбаньчика, аварская «империя» была своеобразным славяно-аварским сообществом, где «политически и в военном отношении доминировали кочевники, а в хозяйственном и демографическом —

¹¹⁸ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978. С. 123–124; Археологія Беларусі Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча / Рэд. Егарэйчанка А. А., Шадыра В. І. Вяргей В. С. і інш. Мінск, 1999. С. 373–376.

¹¹⁹ Штыхаў Г. В. Крывічы. Мінск, 1992. С. 34–36, 94–95; Седов В. В. Древнерусская народность. С. 128–140.

¹²⁰ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. С. 232.

¹²¹ Ochmański J. Litewska granica etniczna... S. 65–66; Гаучас П. К вопросу о восточных... С. 211–212; Зайкоўскі Э. Балты цэнтральнай і ўсходняй Беларусі ў сярэднявекі // Беларусіка – Albaruthenica. Вып. 21. Мінск, 2001. С. 33–41.

¹²² Седин А. А. Никодимово — городище третьей четверти I-го тысячелетия н. э. в Восточной Беларуси // Край. Дыялог на сумежжы культур. Магілёўская даўніна. Магілёў, 2000. С. 41.

¹²³ Новікаў Р. Канспэкт гісторыі крывічоў // Агче. 2008. № 12. С. 138.

земледельцы, язык которых мог обеспечивать общеперскую систему коммуникации»¹²⁴. Славяноязычное население играло роль не только крестьян-данников, но и вспомогательных военных отрядов. Более того, особый политический и хозяйственный уклад земледельческого населения на периферии каганата мог способствовать его экспансии¹²⁵.

Таким образом, не исключено, что в Верхнем Поднепровье экспансия носителей славянского языка происходила около VIII в. Приблизительно к IX–X вв. относятся ряд наиболее ранних заимствований в литовском, среди которых одним из самых надежно датируемых является лит. *valdymieras* «властелин, хозяин дома» (от имени Владимира Святославича¹²⁶). Верхнее Понеманье находилось на периферии процесса славянизации, не в последнюю очередь благодаря особенностям ландшафта Припятского бассейна. Впрочем, по мнению З. Зинкявичюса, славянские формы некоторых гидронимов (название притока Немана *Мереч*, лит. *Merkis*¹²⁷) могут говорить и о более ранних балто-славянских контактах.

Так или иначе, наиболее важным рубежом славянизации Понеманья был X в., когда в районе Новогрудской возвышенности наблюдается общность погребальной традиции с бассейном Припяти. В то же время, кажется поспешным считать все памятники и находки левобережья X–XI вв. «славянскими», поскольку в языковом отношении местное население еще не могло быть однородным. В среде разных по происхождению обществ мы можем наблюдать появление дружин и вождей, активизацию торгово-символического обмена. Рассмотрим теперь, какую роль на эти процессы оказал фактор наличия речной артерии.

¹²⁴ *Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. P. 48.

¹²⁵ *Ibid.* P. 49–53.

¹²⁶ *Буза К. К.* К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского // ИОРЯС. 1912. Т. XVII. Кн. 1. С. 6.

¹²⁷ *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T. II: Iki pirmųjų raštų. Vilnius, 1984. P. 55–56.

Глава II

ЯТВЯГИ НА НЕМАНСКОМ РЕЧНОМ ПУТИ

Ятвяги дождались сегодня такой концентрации внимания к своей печальной истории, какой до сих пор не имели. Есть опасность, что наша заинтересованность этой темой может обременить ее тяжестью научных гипотез, которую этот пятидесятитысячный народец не сможет вынести.

Александр Каминьский, 1961 г.¹

В XVI в. в историографии ВКЛ и Польского королевства складывается миф о безудержно воинственных обитателях Подляшья и Понеманья, неустанно боровшихся с князьями Руси и Польши и почти целиком павших в неравной битве с ними («Народ ятвягов был настолько воинственным, что [они] не беспокоились о смерти и убийстве, и потому из-за любви к войне и чрезмерного стремления к битве погибли»²). Мифологизированный образ лесных и болотных дикарей, живших грабежами, охотой и рыбной ловлей, влиял на представления ученых вплоть до конца XIX в.³, и еще в 1890 г. можно было прочесть, что:

«...проводя большую часть жизни на войне или на охоте, ятвяг, этот вечный бродяга, умирал далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою. Кости его не покоятся на родовом кладбище, под высоким курганом или в тщательно сложенной каменной могиле. Они легли там, где его застала смерть, и исчезли бесследно»⁴.

Историки периода романтизма выдвигали различные догадки, от кого происходит этот «лесной» народ, о котором осталось столь мало известий, —

¹ ABS. T. I. Białystok, 1964. S. 274.

² Strykowski M. Kronika. S. 205.

³ См.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. М., 2006. С. 7; *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 т. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 114; *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I. История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской уни. М., 1872. С. 56.

⁴ *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужский и его древности // *Материалы по археологии России.* 1890. Вып. 4. С. 1–42.

от «дикой и запальчивой сарматской орды» языгов⁵, или же — варваров-костобоков, беспокоивших северные границы Римской империи⁶. В литературных произведениях XIX в. можно прочесть еще более причудливые легенды о том, как в Беловежской пуше король Стефан Баторий «охотился за ятвягами и стрелял этих бедных дикарей, как зубров или медведей»⁷.

На смену подобным поверхностным построениям во второй половине XIX в. появились первые попытки критических исследований, основанных на интерпретации исторических источников, данных языка и материальной культуры⁸. Хотя объем этих данных был и остается по-прежнему относительно невелик, за минувшие более чем сто лет литература по ятвяжской проблеме пополнилась десятками книг и статей. В данной главе невозможно охватить ее полностью, но важно отметить следующее: в подавляющем большинстве случаев ятвяги определялись и понимались как *балтское племя* (варианты: *древнепрусское племя*, *литовское племя*) — монолитная группа, четко отграниченная от соседей, обладавшая общностью происхождения, особым языком, культурой, территорией и самоназванием. Поэтому усилия исследователей на протяжении XX в. были брошены на то, чтобы описать язык, территорию, археологическую культуру, самоназвание — все те признаки, которыми, как предполагалось, ятвяги обладали.

По поводу языка ятвягов мнения исследователей разделились: одни считали их восточными балтами («литовским племенем»)⁹, другие —

⁵ *Naruszewicz A.* Historia narodu polskiego, od początku chrześcijaństwa. T. II. Warszawa, 1803. S. 420–423; *Siestrzencewicz-Bohusz S.* Recherches historiques sur l'origine des Sarmates des Esclavons et des Slaves. Et sur les époques de la conversion de ces peuples au Christianisme. Vol. I. St.-Petersbourg, 1812. P. 99; *Hennig E.* De rebus Jazygum sive Jazuingorum ex Asia in Ungariam et Poloniam transgressorum: In Prussia exstirpatorum. Regiomonti [Königsberg], 1812. 72 s.

⁶ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. II. Wilno, 1837. S. 167–169.

⁷ *Шнуревский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. Т. XL. Ч. II. СПб., 1853. С. 3.

⁸ *Jaroszewicz J.* Jadzwingi. Wyjątek ze wstępu do Obrazu Litwy // Biblioteka Warszawska. 1853. Zesz. CLII. S. 193–224; [Кулаковский С. К.] Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. III. СПб., 1858. С. 47–111; *Sjögren A.* Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen. Ein Beitrag zur Geschichte Osteuropas um die Mitte des XIII. Jahrhunderts // Mémoires de l'académie impériale des sciences de St-Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX. Saint-Petersbourg, 1859. P. 161–356; *Вольтер Э. А.* О Ятвягах // Ежегодник русского антропологического общества при императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1908. С. 1–9.

⁹ *Brückner A.* Starożytna Litwa. Ludy i Bogy. Szkice historyczne i mitologiczne. Olsztyn, 1985. S. 27 (wydanie pierwsze: Warszawa, 1904); *Вольтер Э. А.* Указ. соч. С. 7, 9; *Rozwadowski J.* O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. T. V. Kraków, 1912. S. 1–24.

западными, близкими к пруссам¹⁰, а третьи выделяли отдельную ятвяжскую языковую группу, переходную между литовской и прусской¹¹. Исходным материалом для языковедов были лишь несколько десятков имен военных лидеров, известных по источникам XIII в., и топонимические данные¹². Позднее к памятникам ятвяжского языка был причислен словарь «Pogańske gwary z Narewu», таинственное исчезновение оригинала которого и обретение копии 1 апреля 1983 г. представляют собой целую детективную историю¹³. Обстоятельства обнаружения и эклектичность лексики (литовская, латышская, западнобалтская, северо-восточный идиш) вызывают сомнения в том, что он действительно отражает реальный «ятвяжский» диалект.

Определить территорию ятвягов для исследователей оказалось еще сложнее, чем классифицировать язык. Наиболее распространенной стала точка зрения, согласно которой основная зона их расселения располагалась в северо-восточной Польше к северу от Нарева, в верховьях Бебжи и Черной Ганчи, в Сувалкии и прилегающих районах Мазурского поозерья, а также в литовском Занеманье. В польской и литовской литературе принято считать, что название (лит. *jotvingiai*, пол. *jaćwiegowie*) охватывало территорию «большого племени», которое делилось на четыре «малых племени» — в северо-западной части *судовов*, на северо-востоке *дайнавов*, на юго-западе *поллексян* или *полешан* и собственно *ятвягов* в центре¹⁴.

Вместе с тем, археологический материал с указанной территории оказался довольно загадочен. Находки позволили выделить там так называемую «Судовскую культуру», которая с конца I в. до конца VIII в.

¹⁰ *Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Sąs. 2. Kaunas, 1925. P. LXXVI–LXXIX // Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961. T. III. P. 131–136; Отрембский Я. Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 3–8.*

¹¹ *Kamiński A. Jaćwież. S. 154–166.*

¹² *Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. P. 136–152; Kamiński A. Jaćwież. S. 167–170.*

¹³ *Зинквичюс З. Польско-ятвяжский словарь? // БСИ. 1983. М., 1984. С. 3–29; Карулис К. К ятвяжскому словарю // БСИ. 1985. М., 1987. С. 134–140; Орел В. Э., Хелимский Е. А. Наблюдения над балтийским языком польско-«ятвяжского» словарика // Там же. С. 121–134; Судник Т. М. Замечания к польско-ятвяжскому словарю // Там же. С. 140–142; Schmid W. Die «Germanismen» im sog. Polnisch-Jatvingischen Glossar // Indogermanische Forschungen. 1986. Bd. 91. P. 273–286.*

¹⁴ *Nalepa J. Jaćwiegowie: Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964; Okulicz-Kozaryn Ł. Życie codzienne Prusów i Jaćwiegów w wiekach średnich (IX–XIII w.). Warszawa, 1983. P. 52; Tautavičius A. Jotvingiai, dainaviai, sūduviai, poleksėnai ir... // Lietuvos mokslas. 1994. № 2. Kn. 1 (2). P. 5. — В общих чертах принимал эту схему и В. В. Седов, размещая территорию Дайнавы не к западу, а востоку от Гродно, также не исключая существования племени злинцев в Побужье: *Седов В. В. Земля ятвягов (племенная дифференциация) // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. P. 50–54.**

прошла несколько этапов развития. Затем это пространство погружается в своеобразный «археологический вакуум». Исчезают воинские захоронения, коренным образом перестраивается поселенческая структура (население уходит с открытых участков, прячется в лесах и болотах). Лишь немногочисленные находки керамики позволяют говорить о сохранении здесь обитателей¹⁵. Ни одного городища или могильника, датированного IX – сер. XI в., в Сувалкии пока что не известно. Чем объясняется этот перерыв в несколько столетий? Ряд новых могильников здесь появляются лишь во второй половине XI в.¹⁶ Тогда же, или несколько позднее, начинается жизнь на ряде городищ (комплекс находок из Еглинца датируется XII–XIII вв.)¹⁷.

Стоит заметить, что далеко не все ученые были склонны ограничивать территорию ятвягов исключительно северо-восточной Польшей. Особая гидронимия и топонимия Верхнего Понеманья, множество деревень под названием *Ятвезь*, наводили на мысль, что балтоязычные жители этой территории тоже могли называться ятвягами. Наиболее последовательно эту идею отстаивал В. В. Седов, приписывавший ятвягам и их славянизированным потомкам особый вид встречающихся в Сувалкии, Подляшье и Понеманье археологических памятников — каменные курганы и каменные могилы, датируемые XI–XVI вв.¹⁸ Слабым местом его аргументации было то, что разные по времени, территории бытования и инвентарю памятники объединялись лишь на основе одного признака — наличия на них каменных выкладок. Между тем, курганы IV–VII вв. встречаются только в Сувалкии и на правобережье Понеманья, курганы XI в. — преимущественно в Побужье (лишь несколько курганов и курганных групп этого времени известны на левобережье Верхнего Немана), а каменные могилы XII–XVI вв. — в Верхнем Понеманье и Верхнем Поднепровье. И четкой преемственности между этими группами памятников не наблюдается¹⁹.

Поначалу большинство польских и советских исследователей выступали против перенесения границы ятвяжского расселения так далеко

¹⁵ Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. «Sudovia in qua Sudovitae». The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // *Archaeologia Lituana*. Vilnius, 2006. Vol. 7. P. 201.

¹⁶ Ibid. P. 201.

¹⁷ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec. Jatving links with North and North-East European culture environment // *Archaeologia Lituana*. Vilnius, 2004. Vol. 5. P. 92–108.

¹⁸ Седов В. В. Курганы ятвягов // *СА*. 1964. № 4. С. 36–51; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 411–419.

¹⁹ Корбушикина Т. Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. Минск, 1993. С. 14–17, 97–103; Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 30–37.

на восток²⁰, однако впоследствии мнение об обитании ятвягов на территории будущей Гродненщины было в основном принято²¹.

Пожалуй, единственное, что давно не вызывало споров в современной историографии — что термин *ятвяги* восходит к единому балтскому самоназванию *jātvingiai* или *jotvingiai*, которое затем перешло в славянский язык.

Обращение к письменным источникам показывает, что принятая в некоторых исследованиях классификационная схема, согласно которой *ятвяги*, *судовы*, *дайновы* и *поллексяне* были четырьмя частями одного целого «племени», не соответствует действительности. В XIII в. все эти названия функционировали в разных языковых традициях для обозначения одной и той же реальности.

Название *ятвяги* впервые упомянуто на страницах летописей под 6491 (983) г., при описании похода князя Владимира (время составления записи относится к 40–90 гг. XI в.: «Иде Володимеръ на автаги и побѣ^а автаги и вза землю их^б») ²². В течение нескольких столетий оно бытует исключительно в русской письменной традиции. Известий, относящихся к XI–XII вв., всего четыре, они разделены значительными промежутками времени и касаются лишь военных акций русских князей: похода 983 г., затем похода 1038 г. («Ирославъ иде на Итѡвагы») ²³, похода 1112/1113 г. («Ходи Ирославъ снѣ Стополчъ на Итѡвагы второе и побѣди ѡ») ²⁴ и похода 1196/1197 г. («Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ на Атвагы ѡтомъщиватьсѧ бахоуть бо воевали волость его. И тако Романъ вниде в землю ихъ ѡни же не могоучи стати противоу силѣ его и бѣжаша во свои тверди а Романъ пожегѣ волость ихъ и ѡтомъстивсѧ

²⁰ Kamiński A. Jaćwież. S. 37–39; Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 71; Nalepa J. Jaćwiegowie; Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennnej do XVI wieku.

²¹ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 30–42; Добрян А. К вопросу о заселении ятвягами территории Гродненщины // Археалагічныя помнікі Гродзеншчыны. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, якая адбылася 26 лістапада 1991 г. ў г. Гродна. Гродна, 1992. С. 85–87; Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Белоруси (XI–XIV вв.). С. 5; Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага княства. С. 84; Vidugiris A. Zietelos lietuvių šnėka. P. 42–45.

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 82. — В Радзивилловском, Академическом списках — «ятвягы». В Ипатьевской летописи — «Иде Володімїрь на автагы и вза землю ихъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 69). В Новгородской летописи младшего извода «Иде Володимеръ на Ятвягы и побѣдѣ Ятвягы и вза землю ихъ» (в Троицком списке — «вятвяги») (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 130, 529).

²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 153; Т. II. Стб. 141.

²⁴ Указание «второе» присутствует только в Лаврентьевской (под 6621 г.): ПСРЛ. Т. I. Стб. 289. В Ипатьевской под 6620 г. говорится: «Ирославъ ходи на Итѡвазѣ снѣ Стополчъ и побѣди ѡ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 273), то же под 6621 г. в новгородских летописях (Новгородская первая летопись... С. 20, 203).

возвратиса во своаси»)²⁵. С именем волынского князя Романа связано и упоминание ятвягов в «Слове о полку Игореве»²⁶. Как видно, из перечисленных сообщений невозможно понять, что это за группа и где она обитает.

Если сообщения о ятвягах X–XII вв. можно пересчитать по пальцам, то с начала XIII столетия они становятся гораздо более частыми и подробными. Статьи Ипатьевской летописи повествуют о походах ятвягов на Волынь (около 1208–1209 гг.: «...бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣи ѿ воеванья Литовьского и Атважьскаго»)²⁷, под Берестье (в конце 20-х гг., когда на обратном пути ятвяжский отряд был настигнут погоней Даниила и Василька Романовичей, в результате чего были убиты *Шоутр Моньдоуничь* и *Стегоуть Зѣ бровичь*, а *Небр* бежал, четырежды раненный Даниилом Романовичем)²⁸. В 1229 г. в Берестье был оставлен полк Владимира Пинского «стеречи землѣ ѿ Атьязь»²⁹. В 30-х гг. Василько Романович настиг ятвягов, разорвавших Владимирскую волость у ворот Дорогичина, где в битве погибло, по словам летописца, сорок ятвяжских князей³⁰. Из Берестья на ятвягов в 1238 г. собирался пойти Даниил Романович³¹, в 1246 г. — Василько с Конрадом Мазовецким³².

Наконец, целая серия походов в ятвяжские леса и болота последовала в конце 40–50-х гг., когда князья Польши и Руси, объединив усилия с братьями Тевтонского ордена, начали планомерную экспансию. В 1248–1249 гг., выйдя из Дорогичина, войска Даниила Галицкого, Василька Владимирского и Земовита Мазовецкого с помощью от Болеслава Стыдливого разорили ятвяжские селения и разбили их войска в нескольких стычках на берегах р. Элк³³. Через некоторое время часть ятвягов принимала участие в войне на стороне Даниила, Товтивила и Выкинта против Миндовга и ливонских немцев³⁴. В 1254 г., после коронации Даниила в Дорогичине королевской короной, ятвяжские земли были разделены на три части между Даниилом, мазовецким князем и тевтонским

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 701.

²⁶ «А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить вась умъ на дѣло. ...Тѣми тресну земля, и многи страны — хинова, литва, ятвязи, деремела и половци — сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша подь тьи мечи харалужныи» (Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 32).

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

²⁸ Там же. Стб. 751.

²⁹ Там же. Стб. 754.

³⁰ Там же. Стб. 799–800.

³¹ Там же. Стб. 776.

³² Там же. Стб. 808.

³³ Там же. Стб. 810–813.

³⁴ Там же. Стб. 815–820.

магистром³⁵. Вскоре после этого Даниил с Земовитом разорили двор князя Стекинта, убив его самого в лесной засеке, тогда же власти Даниила поддался Комат³⁶. Зимой 1255–1256 гг., в рамках реализации соглашения о разделе земель ятвягов, в поход направились Даниил, Василько, братья Лев, Шварн и Роман Даниловичи (последний в это время княжил в Новогрудке), Глеб Волковысский, Изяслав Свислочский, Земовит Мазовецкий, сандомирский и краковский отряды, присланные Болеславом Стыдливым. Были сожжены и разорены села *Балдикища* и *Привища*, села или дворы *Таусевиче* и *Боурала* и *Раимоче* и *Комата* и *Дора*, *Корковичи*, снова *дамь Стекинтовъ*. В результате ятвяжские князья прислали дань (*черныа коуны* и *бѣль сребро*) и заложников, пообещали строить в своей земле города³⁷. В 1258 г. на ятвягов ходили татарские отряды³⁸, в 1271–1272 гг. воеводы Льва Даниловича, Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича разорили Злину, после чего князья *Минтела*, *Шюрна*, *Моудѣико*, *Пестило* прислали мирное посольство³⁹. В 1278 г. ятвяги упоминаются во время литовского похода под Люблин⁴⁰. Последняя запись о ятвягах в Ипатьевской летописи сообщает о том, как ятвяжские послы просили Владимира Васильковича продать им зерно во время голода 1279 г.⁴¹

Приведенные данные уже не одно столетие находятся в центре внимания исследователей⁴². Из них ясно, что русские летописцы называют ятвягами (в форме *Ятвѣазѣ*, *Атвѣзѣ*) группы балтоязычного населения, обитавшего на территории современной северо-восточной Польши и юго-западной Литвы, с которыми вели войны галицкие, волынские и мазовецкие князья. Очевидно, что в конце XII–XIII в. на «ятвяжской» территории происходили перемены — выдвижение и соперничество локальных военных лидеров, таких как Ящельт, Небаст, Стегоуть Зѣбрович или «волхв» Скомондъ⁴³, способных повести за собой значительные военные силы и проводить внешнюю политику от имени крупных групп. Данные

³⁵ Договор вице-магистра Тевтонского ордена в Пруссии Бурхарда фон Хорнхаузена с Даниилом и Земовитом Мазовецким о разделе *terre Jatwezenorum* (Preußisches Urkundenbuch. Bd. I. N. 1. Königsberg, 1882. S. 221–222, Nr. 298 (перевод В. И. Матузовой, Е. Л. Назаровой: Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 367–368).

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 827–828.

³⁷ Там же. Стб. 831–835.

³⁸ Там же. Стб. 847–848.

³⁹ Там же. Стб. 870–871.

⁴⁰ Там же. Стб. 878.

⁴¹ Там же. Стб. 879.

⁴² Начиная с упомянутой работы А. М. Шёгрена и заканчивая современными работами; мм., например, обзор Г. В. Штыхова: *Штыхов Г. В. Ятвяги по Ипатьевскому летописному своду // Lietuvos Archeologija*. 2001. Т. 21. Р. 101–110.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 751, 799, 810, 812.

источников также показывают, что невозможно говорить об их политическом и этническом единстве — ятвяжских «князей» были десятки, а идентификация ятвягов происходила в рамках небольших территориальных образований (*горды Итвлязь и Злиньци и Крисменцъ и Покънцъ*⁴⁴). Не исключено, что создание единой политической организации привело бы к возникновению ятвяжской идентичности, но такая организация сложиться не успела. В битвах с русскими, польскими, литовскими князьями и отрядами Тевтонского ордена период ятвяжской независимости заканчивается, и после того, как в 1283 г. пала последняя ятвяжская «твердь» (об этом нам известно из орденских хроник), современники практически забывают о них как о политическом противнике.

На протяжении XIII в. термин *ятвяги* проникает и в латинские источники. В начале столетия о нем узнал в Англии Гервазий Тильберийский, разместивший между Польшей и Ливонией языческий народ *ярменсов* (*sed et inter Poloniam et Livoniam sunt pagani, qui Jarmenses dicuntur*)⁴⁵. С середины XIII в. *Jaczwyagi*, *Yaczwagy* и др. известны в документах канцелярии Конрада Мазовецкого, имевшего постоянные связи с русскими князьями. Тогда же слово начинает употребляться в папской канцелярии и источниках орденского происхождения в самых разнообразных вариациях — *Jentuosi*, *Jentuesones*, *Getwesia*, *Jatwesonia*, *Jatuerzani* и др.⁴⁶

Отсутствие в Польше этого названия до середины XIII в. не означает, что ранее здесь не существовало особого термина для обозначения обитателей лесистых и болотистых территорий к северу и северо-востоку от Мазовии. Во-первых, начиная с гибели св. Войцеха Адальберта в 997 г. в латинских источниках широко использовалось название *прусы* (*Prusci*, *Prutheni*), а также книжный термин *геты* (*Gethae*, *Getes*), взятый из античной литературы. Во-вторых, когда в конце XII в. Казимир отправился в поход на союзных дорогичинскому князю язычников, они названы Кадлубком *Pollexiani* («эти полексяне (полешане?) — народ гетов или пруссов, народ жесточайший, свирепее всех диких зверей, недоступный из-за охраняющих доступ обширных лесов, густых пущ и смоляных

⁴⁴ Там же. Стб. 833.

⁴⁵ Исследователи предполагают здесь искаженное *Jacuienses* или *Jazuienses* (*Šafárik P. J. Slowanské starožitnosti. Oddíl dějepisný. S. 284; Kamiński A. Jaćwież. S. 16; Zajczkowski S. O nazwach ludu jadžwingów // Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń, 1953. T. XVIII. Zesz. 1–4. S. 180; Nalepa J. Jaćwiegowie. S. 14*). Впрочем, существует и точка зрения, что под этим термином упомянуты *вармы*, обитавшие к западу от сембов (*Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands. Mainz, 1860. Bd. I. P. 37*).

⁴⁶ *Kamiński A. Jaćwież. S. 14, 17; Zajczkowski S. O nazwach ludu jadžwingów. S. 179–181; Nalepa J. Jaćwiegowie. S. 14–17.*

болот»⁴⁷). Термин *Polexia* встречается далее в куявских и орденских источниках середины XIII в. (в 1253, 1254, 1257 г.)⁴⁸. Исходная форма латинского *Pollexiani* не ясна — ряд исследователей настаивал на его славянском происхождении (от территориального обозначения *Полесье*)⁴⁹, другие — на балтском (от названия реки *Лэж*)⁵⁰. Очевидно, что обозначение употреблялось на территории Польши до того, как было вытеснено названием *ятвяги*.

Особый термин *судовы* (лат. *Zudua*, *Sudovitae*, нем. *Sudowen*) с первой половины XIII в. использовался в орденской традиции. Именно так в большинстве случаев названы те, кто в русских летописях этого же времени именуется ятвягами⁵¹, хотя орденские документы знают и два предыдущих названия.

Наконец, четвертый термин *дайнава* обозначал в литовских (восточнобалтских) диалектах те группы и территорию, которые по-славянски назывались *ятвезью*. О тождестве этих понятий (а совсем не о том, что *Дайнава* — часть *Ятвези*) говорит как акт Миндовга 1259 г. («*Denowe tota, quiam etiam Jetwesen vocant*»)⁵², так и современные данные зетельского говора, в котором деревня, называемая по-славянски *Ятвезь*, носит имя *Dainavā*⁵³.

В балтском топонимическом материале из всех четырех рассмотренных терминов отражены лишь названия *судовы* и *дайнавы*⁵⁴, но не известно ни одного топонима, производного от реконструированного лингвистами балтского *jātvingiai* или *Jatva*. Даже название *Jadzvingų kapai* «ятвяжские могилы» в районе течения Дубисы не составляет исключения — по мнению З. Зинквичюса, оно имеет явные признаки позднего происхождения от польской формы *jadzwingowie*⁵⁵. На территории же

⁴⁷ МРН. Т. II. Lwów, 1872. P. 421.

⁴⁸ Preußisches Urkundenbuch. Bd. I. H. 1. Königsberg, 1882; Bd. I. H. 2. Königsberg, 1909. S. 6. Nr. 10; *Kamiński A. Jaćwież*. S. 19–20; *Zajczkowski S. O nazwach ludu jadzwingów*. S. 183–185.

⁴⁹ «Nazwa *Pollexiani-Polesianie* była niewątpliwie utworzona od nazwy *Polesie*» (*Zajczkowski S. O nazwach ludu jadzwingów*. S. 184; *Lowmiański H. Pogranicze Słowiańsko-jaćwieżskie // Acta Baltico-Slavica*. 1966. Vol. III. S. 89–90. — У Яна Длугоша *Pollexiani* трансформируется в *Polesitae*).

⁵⁰ *Nalepa J. Jaćwieżowie*. S. 47–49.

⁵¹ SRP. T. I. Leipzig, 1861. P. 51, 52, 73, 92, 125–131, 137–143, 737 и др.; *Kamiński A. Jaćwież*. S. 25–32; *Zajczkowski S. O nazwach ludu jadzwingów*. S. 179, 188–191.

⁵² «Дайнава вся, которую также некоторые называют Ятвезью». Preußisches Urkundenbuch / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg, 1909. Bd. I. H. 2. S. 70. Nr. 79.

⁵³ См.: *Būga K. Rinktiniai raštai*. T. III. P. 128–129; *Karaliūnas S. Dainava: Vardo reikšmė, istorija ir kilmė // Baltistica*. 2006. XLI (1). P. 104.

⁵⁴ См.: *Kamiński A. Jaćwież*. S. 63.

⁵⁵ *Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija*. T. II. P. 43.

Верхнего Понеманья зафиксированы десятки славянских топонимов типа *Ятвезь*⁵⁶, которые свидетельствуют, что термин употреблялся в местном славянском диалекте по отношению к балтоязычному населению.

Итак, каждое из названий *ятвяги, судовы, дайнавы, полексены*, имеет свою историю, происхождение и особенности употребления (поэтому лишь отчасти можно назвать их синонимичными), но в XIII в. эти обозначения отражают взгляд извне с четырех сторон на одну и ту же реальность, обозначая обитателей Сувалкии с окрестными территориями. В то же время, внутри «ятвяжского» пространства роль в групповой идентификации играли не столько эти названия, сколько территориальные обозначения, производные от топонимов (*Крисмен, Покима, Злина*).

Таковы были этнические классификации XIII в. Но мы не можем автоматически проецировать эту ситуацию на более ранние столетия: и по летописным, и по археологическим данным очевидно, что обстановка в регионе в это время сильно отличалась от XIII в.

Чтобы восполнить недостаток информации о ятвягах в более раннее время, обратимся к этимологии этого названия. В XIX – первой половине XX в. было выдвинуто множество вариантов происхождения этнонима. Одни из них были необоснованны, некоторые — просто фантастичны: Т. Нарбут производил название от лит. *juodai vēžiai* «черные раки», Ю. Крашевский — от лит. *jautis* «вол», А. Брюкнер — от лит. *ietis* «копье», Е. Кухарский — от прусск. *azva* «кобыла», другие — от славянского *ятво* «стая», *язвец* «барсук» и т. д.⁵⁷ Чаще всего исследователи искали балтскую этимологию — казалось логичным, что группа, разговаривающая на балтских языках, должна иметь и балтское самоназвание. В 1964 г. Е. Налепя реконструировал это самоназвание в виде *Antivingas* от предполагаемого гидронима *Antia* («ятвяжского» названия реки Черная Ганьча), однако эта версия подверглась критике другими лингвистами, поскольку в большинстве наиболее ранних упоминаний названия носовой гласный в первом слоге отсутствует⁵⁸. Не было принято и мнение Е. Охманьского, видевшего в корне названия *jātvingas* балтский гидроним *Aitvā*⁵⁹.

Наибольшее распространение получила версия, выдвинутая в 1925 г. К. Бугой, который реконструировал название *jātvingas* из ятвяжского *Jātvā* — «земля ятвягов», которое, по мнению литовского лингвиста, было

⁵⁶ *Kamiński A. Jaćwież. S. 63; Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи. С. 105–111; *Гаучас П.* Указ. соч. С. 195–213.

⁵⁷ Об этих гипотезах см.: *Nalępa J. Jaćwiegowie. S. 5–6; Ochmański J. Nazwa jaćwiegow // Europa — Słowiańszczyzna — Polska. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 200–201; Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 19.

⁵⁸ *Ochmański J. Nazwa jaćwiegow. P. 202; Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 18.

⁵⁹ *Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 18.

связано с одноименным названием реки⁶⁰. Похожее название — *Ятфа* — было встречено им под 1516 г. в Лидском повете, где так называлась небольшая ныне несуществующая речка («против Шейбакова двора, на речце на Ятфи») ⁶¹. По Мнению К. Буги, на ятвяжской территории когда-то протекала река с таким же названием. Многих это объяснение полностью устроило, но В. Н. Топоров, принимая версию Буги как «весьма вероятную» гипотезу, все же назвал глоссу *jatving-* «сугубо условной реконструкцией» ⁶². Сомнения его, по-видимому, были основаны на отсутствии гидронима *Jātvā* на «ятвяжском» пространстве и топонимических подтверждений бытования балтского названия *jotvingiai*.

В. Мажюлис также поддержал гипотезу К. Буги о существовании балтского названия *Jat(u)va*, но в то же время отметил, что суффикс *-ing-* не является продуктивным для балтской этнонимии, т. к. все известные балтские групповые обозначения (например, *lietuvis*) произведены по иной модели, руководствуясь которой самоназвание ятвягов следует реконструировать в форме ед. ч. *jat(u)vis* ⁶³. Окончание славянского *ятвяги*, по версии В. Мажюлиса, является не балтским, а связано с древнерусскими этносоциальными обозначениями *колбяги*, *варяги* и *буряги*, в которых оно имеет древнесеверное происхождение. Хотя в целом эта реконструкция выглядит даже более искусственно, чем версия К. Буги (удивительна возможность заимствования корня слова и его суффикса по отдельности из двух разных языковых традиций в третью), но замечания по поводу сходства с окончаниями древнерусских этносоциальных терминов заслуживают внимания и направляют наш дальнейший поиск.

Можно считать установленным, что названия *варяги* и *колбяги* имеют древнесеверное происхождение. Широко известное *varag*, с древнерусским значением «пришлый чужестранец, дружинник», наиболее вероятно, восходит к древнесеверному *váringr* — «член союза, корпорации» (от *vár* «верность, порука, обет, клятва») ⁶⁴.

Согласно наиболее приемлемой точке зрения, известный из «Русской правды» славянский термин *колбяги* ⁶⁵ обозначал этносоциальную группу, сложившуюся на новгородской периферии в Приладожье не ранее второй половины X в. из пришлых скандинавов, местных и пришлых финнов и потомков волховско-сясьской «руси», которые занимались сельским хозяйством, промыслами, сбором дани, торговлей и службой в византий-

⁶⁰ *Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Sąs. 2. Kaunas, 1925. P. LXXXVII [= Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961. T. III. P. 154].*

⁶¹ РИБ. Т. XX. Литовская метрика. Т. 1. СПб., 1903. С. 414.

⁶² Топоров В. Н. Прусский язык. С. 15.

⁶³ *Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas, I–K. Vilnius, 1993. P. 7–13.*

⁶⁴ *Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 276.*

⁶⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 176, 490.

ских и русских войсках⁶⁶. В исландских сагах это название упоминается в форме *Kylfingar* (этимологически связано с древнесеверным *kylfa* «дубина»), что буквально можно переводить, как «дубинщик»⁶⁷. Не исключено, что с этими названиями в одном ряду стоит и третье — *буряги*, которое, в отличие от двух предыдущих, не отражено в письменных источниках и реконструировано на основании топонимов. По мнению М. Фасмера, оно обозначало группы населения, обслуживающего волоки на пути из Варяг в Греки, или же особую торговую корпорацию (этимологически восходит либо к *bår* «волоок», либо к *bur* «дом») ⁶⁸.

Во всех этих случаях славянскому *-ag (-eg)* на конце слова соответствует скандинавский суффикс *-ingr*. В связи с этим, представляется оправданным поиск древнесеверной этимологии славянского обозначения *ятвяги*.

Рассматривая летописные известия, мы не упомянули о самом древнем отрывке летописи, содержащем этот этноним, который, на наш взгляд, свидетельствует в пользу его русско-скандинавской этимологии. В договоре князя Игоря 944 г. с Византийской империей, копия которого помещена во всех списках ПВЛ, один из нескольких десятков послов, заключавших мир «от рода Русаго» с греками, носит имя *Ятвяг Гунарев*⁶⁹. Большинство имен договора (в том числе и *Гунар*, которого представлял *Ятвяг*) имеют выраженное древнесеверное происхождение:

«Мы ѿ рода Русаго слы . и гостье Иворь соль Игоревь великаго княза Русаго . и вбъчии сли . Вуефасть Стославль сѣна Игорева . Искусеви Волгы княгына . Слуды Игоревь . нетии Игоревь . Оулѣбь Володиславль . Каницарь Перьславинь . Шигобернь . Сфандрь . жены Оулѣбовы . Прастенъ . Турдуви . Либи . Арьфастов . Гримъ Сфирковъ . Прастѣнь . Иѣкунь . нетии Игоревь . Кары Тудковъ . Каршевь . Тудоровь . Стри . Срлисковь . Воистовь . Иковь . Истръ Имминдовъ . **Итѣвагъ** Гунаревь . Шибридь . Алдань . Коль Кл'ковъ . Стегги Стоновъ . Сфирка . Алвадь Гудовъ . Фудри Тулбовъ . Муторь . Оутинь купѣцъ . Адунь . Адолбъ . Ангивладь . Оулѣбъ . Фрутань . Гомоль . Куци Смигъ . Турьбридь . Фурьстѣнь . Бруны Роальдь . Гунастръ . Фрастѣнь . Инъгелдь . Турберн⁵ . и другии Турбернь . Оулѣбъ . Турбенъ . Моны .

⁶⁶ Мачинский Д. А. Колбязи «Русской правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 52–54; Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв). Петрозаводск, 1996; Кулешов В. С., Мачинский Д. А. Колбязи // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 207–227.

⁶⁷ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. II. С. 287.

⁶⁸ Там же. Т. I. С. 250.

⁶⁹ Написания имени в разных списках варьируются: *Итѣвагъ*, *Итѣвагъ*, в Лаврентьевском — даже *Итѣагъ Гунаровъ* (написание испорчено, как и в статье того же списка 983 г. «Иде Володимеръ на автаги»). ПСРЛ. Т. I. Стб. 47, 82). В Хлебниковском списке ошибочно *Итѣвагъ Ноунаревъ*, хотя в Ипатьевском — *Итѣвагъ Гунаревъ*. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 35).

Руадль . Свѣньстирь . Алданъ . Тили . Апубкаръ . Свѣнь . Вузельвъ . и Синько Биричь . послании ѿ Игоря . великого князя Рускаго . и ѿ всеа князья . и ѿ всѣхъ людии Рускоє земли»⁷⁰.

Показательны недавние слова Ф. Б. Успенского:

«Очевидно, что носитель имени Ятвяг мог получить такое имя, происходя из племени ятвягов и оказавшись в инокультурной среде, или так могли назвать человека, обладавшего внешним сходством с ятвягами, торговавшего с ятвягами, имевшего с ними любые другие перодовые связи»⁷¹.

В последние более чем сто лет исследователи убеждены, что имя Ятвяга Гунарева произведено от балтского этнонима: этот посол считается либо дружинником-ятвягом на службе русского князя, либо даже наместником Киева в ятвяжской земле⁷². Но если термин *ятвяги* не имеет прозрачной балтской этимологии, а его окончание может указывать на древнесеверное происхождение, то есть ли основания безоговорочно причислять это имя к балтским? В отличие от позднейших авторов, исследователи XIX в. учитывали общий антропонимический контекст договора и выдвигали скандинавские соответствия имени *Ятвяг*: некоторые таким считали *Astiäg*⁷³, другие — *Haufthing*⁷⁴. Эти реконструкции далеки от убедительности, но важно, что уже тогда была замечена тождественность окончаний имени *Ятвяг* и обозначений *вяряг* и *колбяг*.

На наш взгляд, наибольшее фонетическое подобие славянской форме *Ятвяг* обнаруживает имя *Játvígr*, упоминаемое в Саге о Кнютлингах⁷⁵. Это скандинавское имя принадлежит к исключительно редким и представляет собой заимствование распространенного англосаксонского имени *Eádwig* (*eáð* «удачливый», *wig* «война») ⁷⁶, причем время

⁷⁰ Текст дан по Ипатьевскому списку: ПСРЛ. Т. II. Стб. 35–36, разночтения не указываются (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 46–47). Попытку реконструкции перечня послов договора см.: Белецкий С. В. Кто такой *Володислав* договора 944 г.? // Нормна у источника судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 18–19.

⁷¹ Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 61. Примеч. 30.

⁷² Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873. С. 33; Геденов С. А. Варяги и Русь. Ч. 1. СПб., 1876. С. 262, 301; Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 214; Пауто В. Т. О возникновении Литовского государства // Известия АН СССР. Серия исторических и филологических наук. 1952. Т. IX. № 1. С. 42; Kamiński A. Jaćwież. Teritorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź: Tow. Nauk, 1953. S. 13.

⁷³ Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I. St Petersburg. 1844. P. 9–13; Thomsen V. The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state. Oxford; London, 1877. P. 141.

⁷⁴ Довернуа А. О происхождении Варягов–Руси // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 75–76.

⁷⁵ Jómsvíkingasaga ok Knyttlinga. Kaupmannahöfn, 1828. P. 190.

⁷⁶ Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford, 1898. P. 224.

заимствования установить не представляется возможным. Отметим, однако, что в англосаксонском часто используется его сокращенная форма *Edwy*. Образующие его форманты встречаются в других германских именах (например, первый — в северном *Játgeirr*, второй — в германском женском *Hedwige*, к которому, между прочим, восходит и польское *Jadwiga*).

В данном контексте логично рассмотреть вопрос: не связан ли с этим именем схожий этноним? Поскольку *-vígr* не объясняет возникновение носового гласного в славянском *-ваг*, название представителя группы теоретически можно возводить к древнесеверному *játvingr*, патронимическому производному от **Játví*, реконструируемой сокращенной формы имени *Játvígr*. Таким образом, *játvingr* могло означать либо «потомок Ятвяга», либо «человек Ятвяга» (аналогичная модель эволюции: имя *Karl* (Карл Великий) > германское *Karlingi* > древнерусское *Корлази*⁷⁷).

Вне зависимости от конкретной этимологии термина, для нас в первую очередь важно признание возможности поиска его древнесеверных (или шире — германских) корней. Перед нами встает основной вопрос: что за группа под этим названием фигурирует в источниках X–XI вв., и как имеющее подобную этимологию название стало обозначать людей, говоривших на балтских наречиях.

Единственный способ попытаться ответить на этот вопрос — обратиться к данным археологии. В «век викингов», время деятельности на водах Балтики воинственных корабельных дружин и появления торгово-ремесленных факторий, активно использовался речной путь по Неману. Он соединял самбийский торгово-ремесленный центр Кауп на балтийском побережье (который существовал с начала IX в. до первых десятилетий XI в.⁷⁸) с полесским Городищем на Ясельде (12 км от современного Пинска) и городищем на Менке (первоначальный Менск, X–XI вв.⁷⁹) в верховьях Птичи.

Открытое поселение в Городище на Ясельде существовало с конца VIII в., и основной его функцией, по мнению исследовавшего памятник О. В. Иова, было обслуживание Днепро-Неманского торгового пути⁸⁰.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; *Фасмер М.* Этимологический словарь. Т. II. С. 328–329.

⁷⁸ *Кулаков В. И.* 1) Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. 1996. № 3. С. 140; 2) История Пруссии до 1283 года. М., 2003. С. 213.

⁷⁹ *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978. С. 72; *Бектинев Ш. И., Скрипченко А. С.* Метрологические материалы поселения на р. Менке (к денежному обращению X–XII вв.) // ГАЗ. № 12. 1997. С. 23–30; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. М., 2006. Кн. 1. С. 66–69.

⁸⁰ *Юй А. В., Вяргей В. С.* Гандлева-эканамічны сувязі насельніцтва заходняга Палесся у IX – пач. XI ст.ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік Памяці Міхася Ткачова. Мінск,

В X в. оно занимает господствующее положение в регионе благодаря развитию торговли и ремесла. Культура поселения этого времени, кроме различных связей с Балтикой, Средиземноморьем и Средней Азией, имеет скандинавское влияние. Жизнь на нем прекратилась в конце X – начале XI в., к этому же приблизительно времени относится строительство важнейшего русского центра — Турова на Припяти⁸¹. находка наконечника ножен меча с другого городища — *Франополь* в Побужье (Брестский район Брестской области), возникшего во второй половине X в. — на котором помещено стилизованное изображение последней битвы Одина и Фенрира, представляет образец развития скандинавских изобразительных традиций в Самбии и имеет четкие параллели на балтийском побережье⁸². И снова ситуация повторяется: после сожжения городища Франополь в результате военного нападения на рубеже X–XI вв. в этом регионе появляется форпост русских князей — Берестье, самые ранние слои и укрепления которого относятся к началу XI в.⁸³, а первое летописное упоминание — к 1017 г.⁸⁴

Из района неманской Березины происходят три крупных клада серебряных дирхемов, которые служат показателем осуществления коммуникаций: два около дер. Раковцы неподалеку от Крева (827 и 2446 экз.)⁸⁵ и один из дер. Погорельщина (Воложинский район), где найдено 1904 дирхема, чеканенных в диапазоне между 716/717 и 903/904 гг.⁸⁶ Один обломок дирхема, чеканенного в 738/739 г., найден при раскопках Замчища на территории Волковыска⁸⁷.

Касаясь вопроса о динамике сообщения по Неману, В. А. Булкин и В. Н. Зоценко считали, что этот путь начал функционировать еще до раз-

1993. Ч. 1. С. 117–134; *Юў А. В.* Турава-Пінскае княства ў X–XIII стст. // *Беларускі гістарычны часопіс*. 1993. № 3. С. 13–14.

⁸¹ Наиболее ранний слой Турова датируется концом X – началом XI в., или даже XI в.: *Лысенко П. Ф.* 1) Древний Туров. Минск, 2004. С. 33–35, 97; 2) Туровская земля. Минск, 2001. С. 96; *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // *СА*. 1979. № 1. С. 307.

⁸² *Кулаков В. И., Иов О. В.* Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // *КСИА*. Вып. 211. 2001. С. 77–84.

⁸³ *Лысенко П. Ф.* Туровская земля IX–XIII вв. С. 21, 91.

⁸⁴ *Lowmiański H.* Świątopenk w Brześciu w roku 1019 // *Europa – Słowiańszczyzna – Polska*. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 229–244; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 469–476.

⁸⁵ *Півавэрчык С. А.* Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 20.

⁸⁶ *Рябцевич В. Н.* Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // *Славяне и их соседи* (археология, нумизматика, этнология). Минск, 1998. С. 75.

⁸⁷ *Звяруго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV в. С. 81–82.

вития Волховского и Двинского путей⁸⁸. По мнению В. Жулкуса, активное его использование продолжалось с середины IX в. до середины X в., пока не начался торговый кризис, связанный с резким уменьшением поступления в Восточную Европу серебряных дирхемов⁸⁹.

Необходимо отметить, что в отличие от бассейнов Двины, Волхова или нижнего Немана, в Верхнем Понеманье нет связанных с балтийской дружинной культурой находок, которые датировались бы ранее второй половины X в. До этого времени неманские верховья были транзитной территорией, практически не затронутой влиянием новой дружинной культуры.

Перемены, связанные с появлением небольших по численности подвижных военно-торговых групп, начинаются в Верхнем Понеманье только во второй половине – конце X в. Как раз в это время здесь основываются новые городища с признаками наличия военизированного населения — *Индур* в бассейне Свислочи (Гродненский р-н), *Кульбачино* в бассейне Котры (Щучинский район), *Муравельник* в бассейне Росси (Волковыск)⁹⁰.

Культура обитателей Кульбачинского и Волковыского (Муравельник) городищ обнаруживает определенное скандинавское влияние. Находки на этих памятниках, связанные с северной военной культурой, датируются концом X – первой половиной XI в. К их числу принадлежат ланцетовидные наконечники стрел и копий с Кульбачинского городища⁹¹, шпоры,

⁸⁸ Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь в IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 123. — С критикой представлений указанных авторов об активном использовании неманского пути выступили В. Я. Петрухин и Е. В. Каменецкая (Петрухин В. Я., Каменецкая Е. В. Пруссия и Русь: Средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. 2008. № 5. С. 80–81). Авторы указали на малочисленность находок дирхемов на территории Литвы и Пруссии, на наличие янтарного месторождения Клесово (Ровенская область, Украина), откуда мог также поступать на Русь янтарь, а также на то, что многие типы «скандинавских» находок характерны для всей территории Восточной Европы, поэтому не могут служить однозначным показателем направления связей Поднепровья с побережьем Балтики.

⁸⁹ Žulkus V. Kaunas tarp Rytų ir Vakarų. Nemuno kelias I–II tūkstantmečio po Kr. pradžioje // Vidurio Lietuvos archeologija. Vilnius, 1996. P. 90–91. — Необходимо заметить, что исследователь считал, что насильственная колонизация литовцами и дреговичами земель ятвягов во второй половине X – начале XI в. привела к формированию в Верхнем Понеманье зоны непрерывного балто-славянского столкновения, что негативно сказалось на динамике сообщения по Неману: Ibid. P. 92–94.

⁹⁰ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 62–90; Ливаварчык С. А. 1) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17; 2) Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы. С. 237; Малевская М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. С. 87–106.

⁹¹ Ливаварчык С. А. 1) Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X–XIII в.) // ГАЗ. 1994. № 3. С. 190–201; 2) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17–19.

ланцетовидные наконечники копий и стрел, железный ключ и подвески в стиле Борре с Муравельника⁹². Наконечник копья, найденный на Мышковой Горе к востоку от Муравельника, украшенный по втулке серебряным плетеным узором, был произведен в X–XI вв. на о. Готланд или на территории Швеции⁹³. К этому можно добавить, что само название города *Волковыескь* считается связанным с речным судоходством (от «высокий волок»⁹⁴). Кроме того, из окрестностей Гродно происходит случайная находка рукояти меча X–XI вв.⁹⁵

В археологической литературе упомянутые городища чаще всего считаются либо «славянскими», либо «русскими» опорными пунктами в балтском окружении⁹⁶. Однако С. В. Белецкий и Ю. М. Лесман подчеркивали возможность присутствия среди населения городища Муравельник «варяжского» элемента, выделяя особый период его истории, предшествующий включению в состав единого древнерусского государства⁹⁷. С. А. Пивоварчик, считая городища опорными пунктами славянской колонизации, не исключал возможности присутствия в Верхнем Понеманье варяжско-скандинавского элемента в связи с использованием неманского пути⁹⁸.

⁹² *Зверуго Я. Г.* 1) Древний Волковыск X–XIV в. С. 43, 108; 2) К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 62; *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 39. Рис. 25; *Котлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Выд. 2-е. Вільня, 2007. С. 34–36.

⁹³ *Киртичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., 1966. С. 13; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV в. С. 10, 162; *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. С. 22–24.

⁹⁴ *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1910. С. 70; *Даркевич В. П.* Костяное навершие из Волковыска // КСИА. Вып. 96. М., 1963. С. 109; *Перхавко В. Б.* Опыт комплексного использования письменных и материальных источников для реконструкции истории Припятско-Бугского пути в IX–XIII вв. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. С. 21.

⁹⁵ *Николаев Н. В.* Меч X века из Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 81–82; *Плавински М. А.* Клинковая зброя X–XIII ст.ст. на тэрыторыі Беларусі. Минск, 2006. С. 10, 72. — К скандинавским находкам ранее причисляли шлем из Слонима, но согласно исследованиям Н. А. Плавинского, его скорее следует связывать с балтскими дружинными древностями XII–XIII вв.: *Плавински М. А.* Слоніміскі шлем (датаванне і паходжанне) // Гістарычны Альманах. Т. VIII. Гродна, 2003. С. 137–144.

⁹⁶ *Зверуго Я. Г.* 1) Древний Волковыск X–XIV в. С. 131, 136; 2) К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья. С. 62; *Пивоварчик С. А.* Беларуская Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 18.

⁹⁷ *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии. С. 312.

⁹⁸ *Пивоварчик С. А.* 1) Беларуская Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17–20; 2) Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы. С. 242.

Интерпретации упомянутых поселений как «русских» (построенных в результате экспансии Киева) противоречит отсутствие преемственности между ними и более поздними русскими городами: жизнь на городищах Кульбачино, Индура, Муравельник прекращается около середины XI в., и большинство из них гибнут в огне пожаров. Как раз вслед за этим, во второй половине – конце XI в., возникают новые крепости, полностью поменявшие конфигурацию политических центров в регионе: возводятся укрепления в Новогрудке, затем основывается Городен, возносятся валы на Шведской Горе в Волковыске и, по всей видимости, укрепления Слонима. В XII в. все эти поселения станут опорой власти Рюриковичей, политическими и культурными центрами, определяющими развитие региона.

Как соотносятся археологические данные с письменными? Поход на ятвягов, датированный в летописи 6491 (983) г., был связан с предшествующим занятием Червеньских городов в 981 (или 979 г.?)⁹⁹ и вызван стремлением поставить под контроль Бужский, Припятский и Неманский торговые пути¹⁰⁰. Сожжение городищ Франополь, Городище на Ясельде, основание Берестья и Турова, как кажется, хорошо вписываются в картину русской экспансии конца X в. Следы разорения этого времени зафиксированы также в Волковыске — вал на городище Муравельник разделен на два уровня следами пожара, уничтожившего укрепления конца X в., тогда же сгорело и селище на Шведской горе. Если на Шведской горе жизнь на время замерла (здесь в конце XI в. будет возведен русский Волковыск), то городище Муравельник было дополнительно укреплено и продолжало использоваться до середины XI в.¹⁰¹

По всей видимости, эти отрывочные данные указывают на то, что именно обитатели перечисленных поселений, сожженных в конце X в. и середине XI в., были названы в летописи ятвягами. На наш взгляд, из имеющихся данных можно сделать вывод, что ятвягами называлась смешанная по составу военно-торговая группировка (или группировки), действовавшая во второй половине X в. в Верхнем Понеманье, северном Полесье и, возможно, части Побужья, которая занималась, подобно колбягам в Приладожье, войной, промыслами и обеспечением речных путей, соединявших самбийское побережье с Городищем на Ясельде, городищем на Менке, и далее — с Киевом на Днепре и Червеньскими городами в Побужье.

Вероятно, перемены в Понеманье во второй половине X в. были следствием общей перестройки в среде восточноевропейских купцов-воинов, вызванной «серебряным кризисом» (резким сокращением

⁹⁹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 393–408.

¹⁰⁰ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 33; Włodarski B. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // Zapiski historyczne. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza. T. XXIV: Rok 1958–1959. Zeszyt 2–3. Toruń, 1959. S. 8–9.

¹⁰¹ Малевская М. В. Керамика западнорусских городов. С. 100–101.

потока восточного серебра на север в середине X в.¹⁰²) и усилением влияния киевской группировки этносоциума *русь*. В результате этого происходило перенаправление деятельности многочисленных торгово-дружинных групп, большинство из которых в итоге включилось в процесс создания единого государства. Некоторые же, оказавшиеся в меньшей зависимости от киевского или какого-либо другого центра, могли обосноваться в бассейне Верхнего Немана, на глубокой периферии русского влияния. В здешних лесах пришельцы получали базу для добычи столь ценной для них пушнины¹⁰³.

Несомненно, что все население каждого из перечисленных пунктов не принадлежало к «ятвягам». В летописях мы имеем дело с обозначением военных противников Владимира и Ярослава *со стороны*, функционирование термина внутри этих обществ было иным. Возможное патронимическое происхождение этнонима говорит о том, что он мог первоначально выступать в качестве названия отдельного рода или группы сторонников воинственного лидера, ядра вожинства, формировавшегося в одном из районов Верхнего Понеманья.

Не исключено также, что слово приобрело социальное значение, обозначая род занятий. Как указывала Т. Ф. Штешкович, во второй половине XX в. волковыском говоре Гродненской области слово *ятвезь* обозначало «речной якорь» («У *ятвезі е жалезо, рыбакоў спускаю яго на ніз на ланцугу, і лотка застаўляюцца*»¹⁰⁴). Возможно, диалектизм

¹⁰² *Zulkus V.* Op. cit. P. 91; также см.: *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 128–140.

¹⁰³ Необходимо помнить, что в то время в Восточной Европе лес был «монетным двором», материалом для денег в котором служили шкуры его обитателей (*Мавродин В. В.* Охота в Киевской Руси // Охотничьи просторы. 1962. № 18). Ходившие в качестве средства обмена меха и шкурки (куны, резаны, ногаты) составляли один из основных предметов экспорта варяжских купцов на восток и запад. Именно дань мехами «*по черне куне от дыма*» накладывалась киевскими дружинами на подчиненные народы. В Понеманье пушной промысел сохранялся и в русском Новогрудке, свидетельство чему — находка специального кожаного цилиндрического наконечника XII в. (*Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. С. 109. Рис. 86, 3; *Гайдюков П. Г., Макаров Н. А.* Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 179–188). Особая роль пушной торговли в регионе в целом подтверждается сообщением Адама Бременского 70-х гг. XI в. о сембах, живших на балтийском побережье у устья Немана (*Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* P. 374–375). Сембы продолжали торговлю мехами и в XII в., как видно из рассказа саги о Кнютлингах о сембе Витгауте, который принес в подарок Кнуту Лаварду 8000 беличьих шкурок (*Андрощук Ф. А.* От Рагнара Лодброка до Витгаутра // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2004. С. 122).

¹⁰⁴ *Сцяшковиц Т. П.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972. С. 576. (Транскрипция упрощена).

является отзвуком ситуации, когда по Неману и его притокам ходили снабженные железными якорями лодки, которые в глазах местных жителей были «ятвяжскими», и название группы было перенесено на один из атрибутов, с ней ассоциируемых.

Существовал ли в X–XI вв. под этим термином особый сплоченный коллектив, идеологически и культурно противопоставленный другим, сказать сложно, но в обстоятельствах внешних контактов и политической борьбы с русскими князьями не следует исключать и этого. Нет никаких оснований утверждать, что ятвяжская идентичность распространялась в среде местного населения, не входившего в состав мобильных военно-торговых дружин.

Предметы «дружинной» культуры в Верхнем Понеманье и Поприпятье происходят только из Городища, Франополя, Муравельника, Кульбачино и окрестностей Гродно. Вместе с тем, некоторые находки конца X – начала XI в. из ранних слоев Новогрудка (куски янтаря, металлические изделия, накладка от гребня) указывают на связи с балтийским побережьем и Скандинавией¹⁰⁵, а значит — на присутствие групп, занимавшихся обеспечением коммуникаций. Разумеется, в каждом из поселений Понеманья наблюдался свой особый вариант развития отношений между пришлым и местным населением. В целом, население Верхнего Понеманья в X–XI вв. не представляло языкового и культурного единства. В его составе можно предполагать наличие небольшого германоязычного компонента (выходцев из Скандинавии или их потомков), значительного балтоязычного (как местных жителей, так и пришлых с балтийского побережья) и славяноязычного — керамика многих из упомянутых городищ указывает на связи с более южными территориями, в первую очередь, с Побужьем, Волынью и Мазовией¹⁰⁶. Славянский язык, по-видимому, начинал играть все более важную роль как язык международного общения.

Нельзя исключить, что объектами походов «на ятвягов» в конце X – середине XI в. стали также некоторые укрепленные поселения Подляшья. Кроме Франополя, требует дальнейшего изучения хронология пожаров на городищах Зайончки и Тшчянек на р. Соколда¹⁰⁷. Сувалкия, традиционно считающаяся основной ятвяжской территорией, до середины XI в. остается в археологическом вакууме, и лишь с этого времени здесь появля-

¹⁰⁵ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 11; Котлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. С. 34.

¹⁰⁶ Малевская М. В. Керамика западнорусских городов. С. 139–144.

¹⁰⁷ Krasnodębski D., Olczak H., Barford P. M. Wczesnośredniowieczne grodzisko w Zajączkach, stanowisko 1, gm. Juchnowiec Kościelny, woj. Podlaskie // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. Zesz. 1. 2005. S. 76; Stankiewicz U. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych wczesnośredniowiecznego grodziska w Trzciance, gm. Janów, pow. Sokółka, woj. Podlaskie // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. Zesz. 2. 2006. S. 94–100.

ются первые могильники¹⁰⁸. Возможно, это свидетельствует о появлении представителей мобильных групп из Побужья или Понеманья. В более поздний период существовали определенные контакты Сувалкии со Скандинавией — подвески с ятвяжского городища Еглинец, датируемые XII в., обнаруживают сходство с изготовленными на территории Швеции¹⁰⁹.

В отличие от Сувалкии, выразительные следы дружинной культуры X–XI вв. присутствуют в литовском Занеманье, которое в XIII в. было северной частью ятвяжской территории. На берегу Немана в окрестностях Лишкавы (ок. 40 км севернее Гродно, Варенский р-н) был случайно найден меч (тип Н) с нечитаемой надписью, датируемый IX–X вв.¹¹⁰ Но особое внимание привлекает городище Каукай (Алитусский р-н, Мирславское староство, около 80 км севернее Гродно), которое возникло в V в. и использовалось с перерывами до XIII в., пережив ряд пожаров. Наконечники стрел отсюда, датируемые X–XI вв. (в частности тип III по Г. Забеле), сходны с ланцетовидными наконечниками из Кульбачино, Муравельника и имеют скандинавские аналогии¹¹¹.

Кроме того, в культурном слое городища найдена серебряная геральдическая подвеска, на одной из сторон которой изображен боевой стяг, перекрытый изображением турьего рога, на другой — композиция с крестом, определяемая как двузубец с крестовидной ножкой¹¹². В. Жулкус предположительно датировал предмет XIV в., связывая с символикой римской церкви¹¹³. По мнению Г. Забелы, жизнь в Каукай прекратилась в результате военного нападения не позже XIII в., а подвеска могла попасть в культурный слой случайно¹¹⁴. Но С. В. Белецкий на основании типологии изображения стяга и способа завязывания проволочного ушка датировал подвеску X в., а знак на ней приписал киевскому князю Яро-

¹⁰⁸ Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. «Sudovia in qua Sudovitae». The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture. P. 201–202.

¹⁰⁹ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec. Jatving links with North and North-East European culture environment // AL. Vilnius, 2004. Vol. 5. P. 103, 106.

¹¹⁰ Kazakevičius V. IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius, 1996. P. 32, 104.

¹¹¹ Zabiela G. Scandinavian arrowheads in Lithuania // Archaeologia Baltica. T. 2. Vilnius, 1997. P. 136–138.

¹¹² Kulikauskas P. Užnemunės piliakalniai. Vilnius, 1982. P. 74, pav. 152; Zabiela G. Lietuvos medinės pilys. Vilnius, 1995. P. 150, pav. 146: 1; Žulkus V. Heidentum und Christentum in Litauen im 10–16 Jahrhundert // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. Mainz, 1999. Bd. 2. P. 149. Abb. 2: 7; Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2004. С. 252–253, 318. Рис. 19. 1.

¹¹³ Žulkus V. Heidentum und Christentum in Litauen im 10–16 Jahrhundert. P. 151–150.

¹¹⁴ Zabiela G. 1) Lietuvos medinės pilys. Vilnius, 1995. P. 157, 192–193; 2) Scandinavian arrowheads. P. 138.

полку Святославичу (данная идентификация скорее предположительна)¹¹⁵. находка из Понеманья имеет многочисленные аналогии среди геральдических подвесок со знаками Рюриковичей X–XII вв., значительное число которых найдено на территории нижнего течения Даугавы, русских земель (Гнездово, Рюриково Городище, Новгород, Псков, Киев и др.), Верхнего Поволжья и Прикамья. Подобные предметы, по всей видимости, были в X–XI вв. верительными знаками русских купцов и сборщиков дани, а в XII в. стали показателем высокого статуса балтской или финно-угорской знати¹¹⁶. Подвеска, таким образом, могла попасть в Понеманье в результате политических операций представителей русских князей, или же указывает на случай заимствования христианских символов и предметов социального престижа членами подвижной военно-торговой группы, действовавшей на территории Понеманья.

Обратимся теперь вновь к первому появлению ятвягов в летописи под 6491 (983) г. Немаловажен вопрос, можно ли доверять указанной дате, и когда эта запись попала на страницы летописей?

Упоминание о войне Владимира с ятвягами содержится в двух других ранних памятниках русской письменности — в «Памяти и похвале князю рускому Володимеру», приписываемой Иакову Мниху, и в житии варяго-мучеников в составе Пролога. В «Памяти и похвале» походы Владимира перечисляются без указания дат и отнесены ко времени после его крещения: «...Рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи, и ятвягы взя, и сребренья болгары побѣди, и на козары шедъ, побѣди я и дань на нихъ положи»¹¹⁷. «Память и похвала» сохранила в своем составе явные следы произведения середины – второй половины XI в., но ее протограф несколько раз перерабатывался, и источником сведений о походах могла быть летопись¹¹⁸. По-видимому, так и было — если бы летописец заимствовал данные «Памяти», то походы на радимичей, вятичей и ятвягов были бы отнесены ко времени после крещения Владимира.

Текст статьи 6491 г. о походе на ятвягов происходит из Начального свода 90-х гг. XI в., т. к. присутствует и в ПВЛ, и в Новгородской I летописи младшего извода¹¹⁹. Очевидно, что начальному своду предше-

¹¹⁵ Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. С. 253.

¹¹⁶ Там же. С. 243–319.

¹¹⁷ Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб., 1997. Т. I: XI–XII века. С. 322.

¹¹⁸ Ср.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописях. М., 2001. С. 22–23.

¹¹⁹ Новгородская первая летопись... С. 130: «Иде Володимеръ на Ятвягы и побѣдъ Ятвягы и взя землю их» (Там же. С. 529 — форма *Вятяги* в Троицком списке).

ствовавали другие исторические или агиографические произведения, самые ранние из которых предположительно можно отнести к правлению Ярослава¹²⁰.

Во всех списках известие о походе продолжается рассказом о мученичестве двух варягов-христиан: «Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и взял землю их. И вернулся к Киеву, и приносил жертву богам со своими людьми. И сказали старцы и бояре: бросим жребий на отрока и девицу — на кого падет, того зарежем богам». Жребий пал на молодого варяга-христианина, отец не выдал его и вместе с сыном был убит толпой киевлян, приняв «венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками»¹²¹.

В свое время А. А. Шахматов приписывал появление записи о походе гипотетическому Древнейшему своду 1039 г. — по его мнению, летописец собирал предания о войнах Владимира (с радимичами, вятичами, ятвягами и др.), расставляя их произвольно в хронологическом порядке¹²², при этом известие о походе на ятвягов располагалось отдельно от рассказа о мученичестве варягов, который первоначально шел сразу за текстом о сооружении Владимиром кумиров в Киеве¹²³. Последующие исследования показали отсутствие оснований для датировки Древнейшего свода в виде, предложенном Шахматовым, столь ранним временем¹²⁴, также не нашла поддержки и идея об отделении известия о войне с ятвягами и мученичестве варягов¹²⁵. В то же время, вывод об отсутствии даты в первоначальном известии может быть принят¹²⁶.

Д. С. Лихачев считал, что в 40-е гг. XI в. было создано историческое произведение о распространении христианства на Руси, откуда происходит текст о варягах-мучениках¹²⁷. Но Д. А. Баловнев, сравнив разные

¹²⁰ См.: *Данилевский И. Д.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 76–81.

¹²¹ ПСРЛ Т. I. Стб. 82–83; Т. II. Стб. 69–71; Новгородская первая летопись... С. 130.

¹²² *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописях. М., 2001. С. 346.

¹²³ Там же. С. 27, 109–111.

¹²⁴ *Данилевский И. Д.* Повесть временных лет. С. 76–81; *Поппэ А. В.* А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 78–80.

¹²⁵ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–XVIII вв. М., 1969. С. 23–29; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 378; *Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект // ДРВМ. 2009. № 4. С. 83. Примеч. 52.

¹²⁶ Дата отсутствует и в житии Пролога, также см. замечания С. М. Кучиньского об относительности статей о походах Владимира: *Kuczyński S. M.* Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVIII w. Warszawa, 1965. С. 108–110.

¹²⁷ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 65, 70.

составные части предложенного Д. С. Лихачевым сказания, пришел к выводу, что в них не обнаруживается принадлежность к одной руке¹²⁸.

С известия о победе над ятвягами начинается также житие варягов-мучеников, сохранившееся в составе Пролога под 12 июля, которое в значительной степени сходно с летописной статьей и относит события к периоду до крещения Владимира («Владимирь великы еще погань сы, побѣди йтъвъгы...»¹²⁹). По мнению большинства исследователей, житие Пролога и статья летописи восходят к более ранней версии рассказа — отдельному агиографическому произведению или части какого-либо другого произведения, составленного во второй половине XI в.¹³⁰ Впрочем, высказывалась и противоположная точка зрения — что житие восходит к летописи¹³¹.

Несмотря на это, вопрос о том, содержит ли рассказ о варягах данные, переданные устной традицией, остается открытым. П. В. Лукин в недавнем исследовании текстов летописи и жития склоняется к точке зрения, что в его основе могут лежать воспоминания о реальных событиях правления Владимира¹³².

Житие варягов-мучеников представляет для нас интерес не только потому, что в нем упомянуты ятвяги. А. А. Шахматов в 1907 г. высказал гипотезу о том, что старший из убитых варягов-христиан носил скандинавское имя *Туры*¹³³. Это предположение было основано на двух

¹²⁸ *Баловнев Д. А.* Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

¹²⁹ *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.n.I.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 302–303.

¹³⁰ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописях. С. 109–110; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 65; *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 23–26; *Колесов В. В.* Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. 1981. № 5. С. 101–107; *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.n.I.63). С. 288–308; *Лукин П. В.* 1) Сказание о варягах-мучениках в Начальном летописании и Прологе // ДРВМ. 2008. № 3. С. 37–39; 2) Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект. С. 73–96.

¹³¹ *Клосс Б. М.* Житие Федора Варяга и его сына // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 214; *Введенский А. М.* 1) Житие варягов-мучеников: Летопись и Пролог // ДРВМ. 2008. № 3. С. 13–14; 2) Житие варягов-мучеников (функционирование легенды в летописи и в прологе) // ДРВМ. 2009. № 4. С. 63–72.

¹³² *Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект. С. 73–96.

¹³³ *Шахматов А. А.* Как назывался первый русский святой мученик? // ИОРЯС АН. Т. IX. 1907. С. 261–264; *Колесов В. В.* Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 105–106.

обстоятельствах: во-первых, в тексте жития св. Владимира при описании крещения киевлян упоминается Турова церковь, связанная со святым мучеником, который был «первым ходатаем нашему спасению» («И отголъ наречеса мѣсто то святое, идеже нынѣ церковь святую мученику Турова. И ть бысть первый ходатаи нашему спасению...») ¹³⁴. Во-вторых, именно убитые киевлянами варяги могли считаться первыми русскими мучениками. Это следует из послания епископа владимирского Симона игумену Поликарпу (первая половина XIII в.), в котором о погибшем мученической смертью епископе Леонтии говорится, что тот «третий гражанин небесный бысть рускаго мира, со онѣма варягома вѣнчався от христа, егоже ради убѣн бысть» ¹³⁵.

Киевская *Турова божница* упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 г. ¹³⁶ и находилась, исходя из контекста жития св. Владимира, на Подоле вблизи Почайны ¹³⁷. В летописной статье о варягах-мучениках указывается, что на месте их гибели была построена Десятинная церковь св. Богородицы: «Баше варагъ единъ, и бѣ дворъ его идеже естъ цркъ стѣа Бѣа юже сдѣла Володимерь» ¹³⁸. Вопреки указанию летописи, во второй половине X в. на месте будущей Десятинной церкви не было жилых построек и находился курганный некрополь ¹³⁹, что дает П. В. Лукину основание считать, что фраза о церкви могла появиться в результате редактуры первоначального текста ¹⁴⁰. Упоминание о Десятинной церкви

¹³⁴ Сомнения в том, что в первоначальном тексте жития Владимира читалось «церковь святую мученику Турова», выражал А. В. Назаренко, признавая правильным чтение «идеже ныне църкы естъ Петрова», которое встраивалось в гипотезу о крещении Ярополка Святославича послами императора Оттона II под именем Петра (*Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 382–385*). Первичность чтения *Турова* на основании древнейших списков жития подтвердил П. В. Лукин (*Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект. С. 76–84*).

¹³⁵ *Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? С. 261–263.*

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.

¹³⁷ *Толочко О. П. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // Київська Старовина. 2000. № 5. С. 159.*

¹³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 82; также см. Новгородская первая летопись... С. 130.

¹³⁹ *Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. Т. IV. С. 131. — П. П. Толочко не исключает, что найденный под апсидой Десятинной церкви сруб, который большинством исследователей признавался остатками разрушенного захоронения, являлся местом проживания варягов-мучеников (*Толочко П. П. Историческая топография раннего Киева: Реальная и вымышленная // Ruthenica. 2009. Т. VIII. С. 163–173*). В этом случае, как продемонстрировано на С. 168, приходится признать, что варяги-мученики жили среди могил.*

¹⁴⁰ *Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект. С. 89–93; той же точки зрения без подробной аргументации придерживался В. В. Колесов (*Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 104*).*

отсутствует во всех списках жития варягов, а в наиболее древнем (в составе южнославянского Пролога XIII в.) соответствующее место текста читается иначе: «и бѣше нѣкто члѣкъ Бѣи именемъ варягъ родомъ»¹⁴¹. В других списках отсутствует либо слово *родомъ*, либо *именемъ*: «баше нѣкто члѣкъ Бѣии именемъ варягъ» (кон. XIV–XV); «баше нѣкто члѣкъ Бѣии вара̄ родомъ» (1562 г.)¹⁴². Можно только гадать, что подразумевает фраза «человек Божий именем»: звали варяга *Феандр* (Θεάνδρος, греч. «человек божий») по предположению А. А. Турилова¹⁴³, принял ли когда-то переписчик слово *варяг* за личное имя (по мнению А. М. Введенского¹⁴⁴), или же эта фраза представляет собой переосмысление древнесеверного имени *Bórr* или *Bórir*, связанного с верховным богом-громовержцем (чего не исключает П. В. Лукин¹⁴⁵).

Еще один *Туры* назван туровским правителем в начальной летописи в описании войны Владимира и Рогволода под 980 г. (события происходили в конце 70-х гг. X в.): «... бѣ бо Рогъволодъ пришель изаморья имаше власть свою в Полотьскѣ а Туры Туровѣ от негоже и Туровци прозвашася»¹⁴⁶. Одни исследователи считали Туры легендарным персонажем, имя которого произведено от названия города, другие — реальным славянским князем дреговичей (несмотря на окончание *-ы*, имя производили от

¹⁴¹ Бычков А. Ф. Заметка о славянском палимпсесте // Сб. ИОРЯС. СПб., 1867. Т. I. С. XXVIII; Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.n.I.63). С. 302–303; Аргументы в пользу первичности данного чтения привел П. В. Лукин (*Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальной летописании и Прологе: текстологический аспект. С. 78).

¹⁴² Спасо-Прилуцкий список цит. по: *Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальной летописании и Прологе: Текстологический аспект. С. 78; Список 1562 г. из рукописного собрания Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Рукоп. 724. (1735). Л. 382 об. // Официальный сайт Свято-Троицкой Сергиевой лавры. URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=724> (дата последнего обращения: 18.01.2009).

¹⁴³ Автор этой гипотезы отмечал лишь одно ее слабое место — имя Феандр не встречается в святцах: *Турилов А. А.* «Человек божий именем» (Об имени старшего варяга мученика) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

¹⁴⁴ *Введенский А. М.* Житие варягов-мучеников (функционирование легенды в летописи и в прологе). С. 68.

¹⁴⁵ *Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальной летописании и Прологе: Текстологический аспект. С. 82.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 76. — В списках Ипатьевской летописи имя передано в форме *Турь*, в Новгородской первой младшего извода — *Турии* (ПСРЛ. Т. II. Стб. 64; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 125); исправление *Туры* в *Турь* легко объясняется, тогда как обратное исправление маловероятно.

слав. *турь* «бык»¹⁴⁷. Летописное упоминание и неславянская форма имени, сходная с именами послов из договоров с греками (*Карлы, Гоуды, Слуды, Кары*) говорят в пользу третьей точки зрения — что Туры был варягом, имевшим отношение к ранней истории поселения на месте Турова¹⁴⁸. Звучали предположения о политической или родственной связи Туры с Роговолодом¹⁴⁹ (в позднем летописании они названы братьями¹⁵⁰, но это свидетельство нельзя считать аутентичным), а также о том, что Туры был представителем «всякая княжья», упомянутого в договорах русских князей с Византией¹⁵¹. А. В. Соловьев, отмечая важность Неманского пути, высказал догадку, что именно по нему Туры пришел из-за моря и осел в Турове¹⁵².

Некоторые исследователи связывали с этим же персонажем название Туровой божницы в Киеве¹⁵³. Может ли быть, в таком случае, основатель Турова и гипотетический Туры, убитый в Киеве после похода на ятвягов,

¹⁴⁷ *Геденов С. А.* Варяги и Русь. Ч. 1. С. 247; *Довнар-Запольский М. Ф.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 70. Примеч. 22; *Голубовский П. В.* Несколько соображений к вопросу о князе Туре // Киевская старина. 1891. Т. XXXV, октябрь. С. 58–81; *Грушевский А. С.* Пинское Полесье. Ч. I. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев, 1901. С. 22–24; *Пресняков А. Е.* Княжеское право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 332; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 306; *Ермалович М. I.* Старажытная Беларусь. С. 74–75; *Лысенко П. Ф.* 1) Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 33–34; 2) Туровская земля. С. 241; 3) Древний Туров. С. 126–127; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 1. С. 163; *Прохоров А. А.* О туровских преданиях // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 1. Мінск, 2006. С. 85–100.

¹⁴⁸ *Юй А. В.* Турава-Пінскае княства ў X–XIII стст. С. 13.

¹⁴⁹ *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. St Petersburg, 1845. P. 152–153; *Завитневич В. З.* Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной Академии. № 8. Киев, 1886. С. 587–589.

¹⁵⁰ «...бе бо Роговолод (Роговод) пришел из-за моря, а брат его Тыры имяше Тиров (Туров)» (Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 61).

¹⁵¹ *Кучкин В. А.* Дреговичи в X – начале XIII века // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996. С. 44.

¹⁵² *Соловьев А. В.* Новые раскопки в Гродне и их значение для русской истории // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 13. Белград, 1936. С. 86.

¹⁵³ *Лысенко П. Ф.* Киев и Туровская земля // Киев и западные земли Руси в XI–XIII вв. Минск, 1982. С. 106: «В Киеве существовала также Турова божница (Туровская церковь), построенная по преданию князем Туром, легендарным основателем Турова». Ранее о подобной связи писал Т. Нарбут: *Narbutt T.* Dzieje starożytnie narodu litewskiego. Т. III. Wilno, 1838. S. 298, przyp. 3; *Николай.* Историко-статистическое описание Минской епархии, составленное ректором Минской духовной семинарии архимандритом Николаем. СПб., 1864. С. 2.

одним лицом? Единственное, что можно привести в пользу этого предположения — хронологическое совпадение: оба персонажа действовали в 70–80-х гг. X в. (если понимать летопись так, что Рогволод и Туры были современниками). Если бы эта догадка подтвердилась, то название Турова можно было бы связать с мобильным представителем торговодружинной «варяжской» верхушки, деятельность которого во второй половине X в. охватывала Поприпятье, Киев и далекую Византию. Впрочем, убедительной эту гипотезу не назовешь — она основана лишь на созвучии названий церкви и города и выдвинута с учетом как минимум двух допущений. Имя старшего варяга-мученика в летописной статье не названо, к тому же нельзя забывать, что в Турове на данный момент не обнаружены археологические слои X в., синхронные поселению на Городище (что, впрочем, не мешало П. Ф. Лысенко и Л. В. Алексееву относить возникновение города к X в.¹⁵⁴).

Итак, выводы данной главы сводятся к следующему. Взгляд на ятвягов как на «балтское племя» сформировался под влиянием научных теорий XX в. о том, как должны выглядеть этнические группы Античности и Средневековья. Первые дошедшие до нас записи о ятвягах (не считая имени из договора с греками), сделанные между 40-ми и 90-ми годами XI в., обозначают «широкой кистью» противников Владимира и Ярослава во время их военных походов. Анализ же всех имеющихся письменных данных показывает, что невозможно раз и навсегда обозначить круг лиц, который включало это название — его значение менялось не только с течением времени, но и в зависимости от того, кто и где ятвягов представлял. В научных кругах XX в. бытовал образ древнего «балтского племени», в среде интеллектуалов XVI–XIX вв. — образ воинственных «лесных дикарей» то ли сарматского, то ли литовского происхождения. Из источников XIII в. возникает актуальный образ ментальной географии, структурировавший сложную политическую, культурную и языковую ситуацию в балтских обществах современной Сувалкии, литовского Занеманья и Мазурского поозерья. Первоначально, в X–XI вв., название *ятвяги* могло относиться к группе населения, связанного с военным делом и судоходством в бассейне верхнего Немана и прилегающих территориях.

¹⁵⁴ Лысенко П. Ф. 1) Туровская земля. С. 241; 2) Древний Туров. С. 126–127; Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Кн. 1. С. 163–164.

Глава III

МИССИЯ СВ. БРУНО КВЕРФУРТСКОГО И ПОХОДЫ ЯРОСЛАВА

Прибыв же, наконец, к язычникам, с такой горячей душевной настойчивостью начал проповедовать, что теперь никто не сомневался, что святой муж стремится к мученичеству.

*Петр Дамиани о св. Бруно-Бонифации,
ок. 1030 г.¹*

Несмотря на свою удаленность, понеманские леса не могли остаться в стороне от эпохальных событий, разворачивавшихся в конце X в. на берегах Днепра и Волхова. Трудями княжеских дружин Русь как этнополитическая общность, выросшая на магистральных торговых путях Восточной Европы, становилась все более политически централизованной. Наличие постоянных гарнизонов в Турове и Берестье позволило воинам Владимира контролировать речные пути и устанавливать новую систему политических отношений не только на непосредственно прилегающей к Припяти и Бугу территории, но и на отдаленной периферии, лежащей к северу.

Согласно летописным известиям², в конце X – начале XI в. в Турове княжил Святополк — сын или пасынок Владимира, который был главным лицом в проведении русской политики на «ятвяжском» направлении. Ему же принадлежало Берестье, как следует из первого упоминания города в 1017 г.³

¹ «*Ad gentiles autem postremo perveniens, cum tanta coepit fervidi pectoris constantia praedicare, ut iam nullus ambigeret, quia vir sanctus martirium flagitare*». МРН. Т. I. С. 327.

² ПСРЛ. Т. I. С. 121; Т. II. С. 105. — Вопреки летописи, иногда местом княжения Святополка считается не Туров, а Городище на Ясельде (Климчук Ф. Д. Некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории Надъясельдья и Погорынья // *Palaeoslavica*. 2004. XII. № 1. Cambridge; Massachusetts. С. 22–25). Однако известие Титмара о разорении города Святополка, которое Ф. Д. Климчук относит к Городищу, есть больше оснований относить к Берестью (см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 462–476).

³ Новгородская первая летопись... С. 15.

Учреждение русской церковной митрополии после крещения св. Владимира знаменует начало новой эпохи в развитии отношений власти и подчинения на территории Восточной Европы. Не будет преувеличением сказать, что передавая вчерашним «варварам» свои знания и идеалы, духовенство отчасти меняло саму логику устройства общественной жизни на Руси.

Подобные перемены происходили одновременно в бассейне Одры и Вислы, откуда на восток двигалась другая волна экспансии, встреченная русскими дружинами в конце X в. в верховьях Буга⁴. На гнезненском съезде 1000 г., который стал беспрецедентной политической демонстрацией, император Оттон III, поклонившись мощам новомученика Войцеха-Адальберта, основал независимую польскую митрополию, подарил Болеславу Храброму гвоздь с креста Господня, копию копья св. Маврикия и признал его главенство над *Склавонией (Sclavonia)* или *Полонией* — землями к востоку от *Германии*. В связи с распространением культа св. Войцеха, *Polonia* вошла в круг признанных христианских стран, и не последнюю роль в этом сыграл автор одного из житий новомученика — монах Бруно-Бонифаций Кверфуртский⁵.

Биограф Войцеха Бруно-Бонифаций закончил свои дни сходным образом: через девять лет после съезда миссионерское стремление и сложная цепь взаимоотношений христианских правителей привели Бруно «в пограничье Руси и Литвы», где он был убит 9 марта 1009 г.⁶

Бруно Кверфуртский, латинский миссионер, дипломат и писатель, родился около 974–979 гг. в семье кверфуртского графа Бруно Старшего и Иды. Мать отправила сына в знаменитую школу г. Магдебурга, где за несколько лет до него учился св. Войцех. После окончания учебы Бруно стал капелланом немецкого императора Оттона III, своего свояка и заступника, вместе с ним поехал в Италию, где остался и принял монашеский чин под именем Бонифаций. Прожив некоторое время

⁴ В начальном летописании под 6489 (981 г.) упомянут поход Владимира «к ляхам» на Перемышль и Червенские города, но не вполне ясно, на кого он был направлен, поскольку время установления контроля гнезненских князей над территорией будущей Мазовии, Малопольши и Червеньских городов остается дискуссионным. В 990-х гг. Болеславу, по словам Титмара, уже угрожало русское нападение (*Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 393–408*).

⁵ В последнее время было выдвинуто предположение, что в результате деятельности Бруно название *Polonia* распространилось в пределах самой державы Болеслава: *Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 345–350*. Критические замечания по поводу данной гипотезы высказал Г. Лябуда: *Labuda G. Początki państwa polskiego w trudnym oświeceniu // Roczniki Historyczne. 2008. T. LXXIV. S. 209–231*.

⁶ Наиболее подробно последняя миссия св. Бруно рассматривается в монографии Г. Бялуńskiego (*Białuński G. Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. Olsztyn, 2010*), наиболее полное собрание источников было издано И. Леонавичюте (1009 metai: *Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. Vilnius, 2006. P. 227–231*).

в монастыре св. Бонифация и Алексия на Авентинском холме, затем в ските в болотистой долине под Равенной, Бруно подготовил себя для миссионерского служения. После смерти Оттона, между 1002 и 1004 г., он был возведен папой Сильвестром II в сан миссийного архиепископа. Пять последующих лет прошли в странствиях по землям Центральной и Восточной Европы. После проповеди в Венгрии, в 1008 г. архиепископ посетил Киев и печенежскую степь, затем вернулся в Польшу, откуда в конце года отправился в свою последнюю миссию.

Некоторые сведения о предстоящей поездке можно извлечь из письма Бруно немецкому королю св. Генриху II, написанного в конце 1008 г. перед выездом. Архиепископ сообщал: «Я же теперь отправлюсь к пруссам, где тот, кто [всегда] шел впереди, должен предупреждать, кто это все сделал, и теперь должен сделать — милостивый Бог и господин мой наиценнейший Петр»⁷. Поскольку *пруссы* — название неопределенное, остается только сожалеть, что миссионер не стал сообщать подробностей своих намерений немецкому правителю.

О его гибели рассказывают более трех десятков различных текстов — от скупых записей некрологов, кратких статей хроник и анналов, до подробных агиографических произведений. Большинство из них являются поздними компиляциями и интерполяциями, и лишь немногие произведения, составленные в XI в., заслуживают пристального внимания для реконструкции событий.

В первую очередь, важность имеет запись Кведлинбургских анналов, которая появилась после канонизации святого (т. е. не раньше 1020 г.):

«Святой Бруно, которого прозывают Бонифацием, архиепископ и монах, на 11 год своего обращения в пределах Литвы (*Lituae*) и Руси был обезглавлен язычниками вместе со своими 18-ю [спутниками], на 7 иды марта [9 марта]»⁸.

Здесь впервые на страницах источников появляется название *Литва*, которое через несколько столетий станет именем обширного восточно-европейского государства. По мнению литовских исследователей, это балтское название представлено в славянском звучании⁹. За исключением нескольких известий о гибели миссионера, восходящих к указанию Кведлинбургских анналов, в западных источниках XI–XII вв. название больше не упоминается, тогда как русским летописцам оно хорошо

⁷ MPH. T. I. Lwów, 1864. P. 225.

⁸ *Annales Quedlinburgenses* / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. Hannoverae, 1839. T. III. P. 80. — Источник сохранился в копии XVI в. На составление записи после 1020 г. указывает именование Бруно *sanctus* (*Białuński G. Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. S. 42*).

⁹ *Maziulis V. Dėl Lietuvos vardo 1009 metais* (šv. Brunono misija) // *Baltistica*. 2005. № 40 (1). P. 96; *Gudavičius E. Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva // 1009 metai... P. 14–15*.

известно уже с XI в.¹⁰ В связи с этим, можно предполагать, что первоначальный источник информации о месте убийства Бруно находился в русской среде.

Другое важнейшее свидетельство — «Хроника» Мерзебургского епископа Титмара, свояка Бруно, учившегося вместе с ним и написавшего свой труд в 1012–1018 гг. Хотя описание Титмаром мученичества Бруно не лишено агиографических мотивов, оно не содержит подробностей, которые можно было бы признать вымышленными:

«На двенадцатый год своего обращения и славного монашеского жития [Бруно] отправился в Пруссию, стремясь оплодотворить эти бесплодные поля божественным семенем. Но нелегко взрыхлить [землю], покрытую диким тернием. Когда он проповедовал на пограничье названной земли и Руси, то поначалу испытывал препятствия со стороны жителей. [Когда же] с еще большей силой [продолжил] свое благовествование, то был схвачен и в конце концов кроткий, как агнец, в своей любви ко Христу, главе церкви, обезглавлен с восемнадцатую своими спутниками в XVI календы марта [14 февраля]. Тела стольких мучеников лежали без погребения, пока Болеслав узнав об этом, не выкупил их и не снискал [тем] своему дому в будущем [небесную] помощь»¹¹.

Разные даты убийства у Титмара и в Кведлинбургских анналах объясняются тем, что в «Хронике» перепутаны между собой дни смерти Бруно Кверфуртского (гл. VI, 95) и Бруно, епископа Верденского (гл. III, 6): Бруно из Кверфурта погиб в действительности 9 марта, как указано в Кведлинбургских анналах и Мерзебургском некрологе, Бруно Верденский — 14 февраля 976 г.¹²

Кведлинбургские анналы, «Хроника» Титмара, более поздние «Деяния магдебургских архиепископов» и некоторые другие произведения условно объединяются исследователями в одну «саксонскую» группу¹³. К этой же группе традиционно причисляются «Деяния магдебургских архиепископов», памятник XII в., где упомянута не сохранившаяся «Книга

¹⁰ ПСРЛ Т. I. Стб. 153; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 181.

¹¹ *Thietmar von Merseburg. Chronik.* Berlin, 1962. P. 344; перевод: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 353; *Titmar Merseburgskij. Хроника.* В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2009. Кн. 6, гл. 94. (58). С. 130.

¹² *Gudavičius E. Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva.* P. 18–19; *Titmar Merseburgskij. Хроника.* С. 38, 210. Примеч. 21, 228, 325.

¹³ *Bieniak J. Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji // Acta Baltico-Slavica.* T. VI. Białystok, 1969. S. 189; *Biatuńskis G. Šv. Brunono mirties vieta // Lietuvos istorijos metraštis.* 1997 metai. Vilnius, 1998. P. 9; *Leonavičiūtė I. Šv. Brunono Kverfurtiečio ciklo šaltiniai // 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija.* Vilnius, 2006. P. 212j.

деяний Бруно» (*Liber gestorum*)¹⁴. Это произведение существовало уже в XII в., в указании места гибели Бруно основывалось на известии Титмара и послужило источником для составителей «Деяний магдебургских архиепископов», «Деяний хальберштадтских епископов», других хроник и анналов¹⁵.

Кроме перечисленных памятников, от XI в. до нас дошли несколько агиографических текстов о св. Бруно, основанных на устной и письменной традиции о его мученичестве. Эти отрывки по своему происхождению обычно разделяют на «баварскую» и «итальянскую» группы (в XII в. к ним добавляется «аквитанская»)¹⁶.

Среди них наибольшей популярностью исследователей пользуется «Записка Виберта» (список датируется концом XI в.), автор которой называет себя капелланом св. Бруно и свидетелем его смерти. Согласно этому тексту, архиепископ, «оставив епархию вместе с доверенной ему паствой», вместе с капелланами Тимиком, Аиком, Хецихом, Апихом и самим Вибертом, отправился в Пруссию крестить язычников. Там Бруно перед королем Нетимером (*Rex Nethimer*) сначала сжег идолы, которые почитались пруссами, а затем сотворил чудо, оставшись неповрежденным посреди костра, в который король повелел кинуть миссионера. Нетимер «при виде такого чуда немедленно уверовал вместе с тремястами мужами и принял крещение покаяния». Впоследствии, как повествует рассказ, «князь (*dux*) той земли, исполнившись дьявольской дерзости, прискакал к епископу и приказал предать его вместе с капелланами мученичеству без всякой пощады. Епископу он приказал отсечь голову, а всех капелланов — повесить, мне же [Виберту] велел выколоть глаза». Затем над телами мучеников были построены монастыри¹⁷.

Многие исследователи доверяли этому сообщению, и на страницах книг продолжает фигурировать прусский князь Нетимер, крещенный святым Бруно. Однако ценность записки Виберта для реконструкции

¹⁴ *Gesta Archiepiscoporum Magdeburgensium* / Ed. Guil. Schum // MGH. SS. T. XIV. Hannoverae, 1883. P. 383; 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. P. 108–109.

¹⁵ *Gudavičius E.* 1) *Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva*. P. 15; 2) *Šventojo Brunono mikrohogiografijos klausimas* // *Lietuvos istorijos studijos*. T. 23. 2009. P. 21–26; *Leonavičiūtė I.* *Šv. Brunono Kverfurtiečio ciklo šaltiniai*. P. 215–217.

¹⁶ О группировке перечисленных источников см.: *Bieniak J.* *Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji* // *ABS*. T. VI. Białystok, 1969. S. 189; *Baranauskas T.* *Lietuvos Valstybės ištakos*. P. 21, 221–223, 223–225; *Leonavičiūtė I.* *Šv. Brunono Kverfurtiečio ciklo šaltiniai*. P. 212–213; *Gudavičius E.* *Šventojo Brunono mikrohogiografijos klausimas* // *Lietuvos istorijos studijos*. 2009. № 23. P. 19–34; *Białuński G.* *Misja Pruskolitewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu*. S. 47–49.

¹⁷ *MPH*. T. I. Lwów, 1864. P. 229–230; *Назаренко А. В.* *Древняя Русь на международных путях*. С. 351–352.

событий уже давно вызвала закономерные сомнения¹⁸. В первую очередь, наблюдается противоречие сообщению Титмара, согласно которому миссия Бруно была неудачной. Кроме того, ни один аутентичный источник не подтверждает хотя бы косвенно существования в то время у пруссов христианского правителя и монастырей, а согласно тому же Титмару, тело мученика не осталось на месте гибели и было выкуплено польским князем. Также, вряд ли Бруно мог оставить епархию с паствой, поскольку не имел никакого диацеца, а был миссионером «архиепископом язычников».

Еще более подробный рассказ содержится в «Житии св. Ромуальда», написанном в Италии Петром Дамиани около 1026–1030 гг. Он также построен на сюжете о крещении короля и части народа в результате чуда с костром, убийстве миссионера от рук другого правителя той земли меньше рангом, чудесах от мошей и постройке церкви на месте мученичества¹⁹. Петр, однако, называет святого его монашеским именем — Бонифаций. Но наиболее важная деталь, которая отличает его рассказ от записки Виберта — в том, что король, крещенный св. Бонифацием, назван *rex Russorum*, и все описываемые события происходят не в Пруссии, а на Руси. Как показал Д. Баронас, не может быть речи о том, что название *Pruscia* было по ошибке заменено на *Ruscia* (как ранее считали многие исследователи²⁰), поскольку в другом месте Петр называет Бонифация мучеником, который покровительствует *донныне существующей* прославленной русской церкви (*Russiana gloriatur ecclesia*)²¹.

В «аквитанской» версии, которая появляется в XI в. в одной из редакций Хроники Адемара Шабаннского, вновь утверждается, что Бруно крестил Русь (при этом Русь названа провинцией Венгрии), место гибели миссионера вовсе переносится в землю печенегов (автор, очевидно, смешивал восточноевропейских язычников, поскольку и убийство

¹⁸ *Skirmuntt K. Nad Niemnem i nad Baltykiem. Zesz. I. Warszawa; Kraków, 1897. S. 90, przyp. 1; Voigt H. G. Brun von Querfurt, Mönch, Eremit, Erzbischof der Heiden und Märtyrer. Stuttgart, 1907. S. 11, 188. Anm. 19; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 354; Mažeika R. Pirmojo Lietuvos vardo paminėjimo ir šv. Brunono biografijos šaltinių interpretacijos problemos // Lietuvos krikščionėjimas Vidurio Europos kontekste. Vilnius, 2005. P. 66–70, 90–95.*

¹⁹ *Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 355; 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. P. 191–201.*

²⁰ *Beniak J. Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji. P. 190; Gudavičius E. Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva. P. 47, nuor. 320.*

²¹ «*Bonifacio viro clarissimo, quem nunc felicissimum martirem se habere Russiana gloriatur ecclesia*» (MPH. T. I. Lwów, 1864. P. 326; 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. P. 192); см.: *Baronas D. The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus' P. 6.* — Остается не ясным, на каком основании Э. Гудавичюс предлагает в целом повествовании Дамиани «разделить» Русь на христианскую и языческую (*Gudavičius E. Šventojo Brunono mikrohagiografijos klausimas. P. 26.*)

св. Войцеха считал печенежских рук делом), а также сообщается, что тело Бруно «за большую цену было выкуплено народом Руси (*Russorum gens*), где построили монастырь в его честь, просиявший многими чудесами»²².

Эти три отрывка (записка Виберта, Житие св. Ромуальда и хроника Адемара) обнаруживают признаки типичных агиографических повествований, созданных на основе устной и письменной информации о жизни и мученичестве святого (недаром Петр Дамиани ссылается на рассказы «старого монаха», спутника св. Бонифация в одной из поездок по Италии²³). Как известно из письма Генриху II, в течение последнего года жизни св. Бруно действительно побывал на Руси, где встречался с *senior Ruzorum* (так в письме назван князь Владимир, ни разу не названный по имени), в печенежской степи крестил 30 человек, а затем намеревался отправиться «к пруссам», после чего погиб. В устных и письменных пересказах эти события смешались и обросли новыми подробностями.

Персонаж *Rex Russorum* в рассказе Петра изображен могущественным правителем, живущим во дворце (*regis palatium*), распоряжающимся подданными и передающим свое королевство по наследству. С подобным описанием в регионе деятельности миссионера сопоставима степень власти киевского князя Владимира, принимавшего Бруно в 1008 г. Кроме того, необходимо отметить, что А. В. Назаренко высказывал гипотезу, согласно которой первоначальным вариантом имени *Nethimer* было *Vlethimer* (*Владимир*), а во время переписывания сочетание *VI* ошибочно заменено зеркальным *n²⁴*. Мы не беремся судить, насколько справедлива эта корректура²⁵ — как отметила Р. Мажейка, «экзотическое» имя короля могло быть введено в текст искусственно. Весьма сходная антропонимия встречается на территории славянского Поморья (*Nedamarus, Nedamerus*, XIII–XIV вв.) и Пруссии (*Nawtemer*, XIV–XV вв.), но это несколько не говорит в пользу общей аутентичности рассказа²⁶. Вне зависимости от

²² Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 343–344; 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. Vilnius, 2006. P. 207–211, 213; Юрасов М. К. Складывание русско-венгерской границы в X–XI в. // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб., 2006. С. 304.

²³ МРН. Т. I. P. 327.

²⁴ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 374–375.

²⁵ Э. Гудавичюс оценил отрицательно возможность такой замены, указывая на написание *Wlodemirus* у Титмара (*Gudavičius E. Šventojų Brunono mikrohagiografijos klausimas*. P. 32–33). Известно, однако, что написания имен не были стандартизированными — достаточно вспомнить пример имени *Pucuwerus*, в котором Э. Гудавичюс видит искаженное *Butvydas* (*Budvietis*) (Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // *Feodālisms Baltijas reģionā. Rīga*, 1985. С. 36).

²⁶ Мажейка Р. Pirmojo Lietuvos vardo paminėjimo ir šv. Brunono biografijos šaltinių interpretacijos problemos. P. 70, 95.

происхождения имени, сюжетное сходство рассказов Петра Дамиани и записки Виберта несомненно.

Д. Баронас не исключал, что часть информации о последней миссии Бруно могла дойти до Италии напрямую с владимирова двора в Киеве, в связи с чем появилось упоминание *Russiana gloriatur ecclesia*²⁷. По мнению же М. Шчавинскаса, сообщение о русской митрополии достигло Петра Дамиани благодаря монахам, побывавшим вместе с Бруно в Киеве в 1008 г., или посетивших Киев в другое время, или же в соседних с Русью Польше и Венгрии²⁸. Вполне логично предполагать, что именно в монашеской среде распространялись слухи о подвигах погибшего миссионера. Но несомненно и другое: в рассказе Дамиани не наблюдается знакомства с политическими реалиями современной ему Руси, нет ни одного географического названия, имени, а сопоставление его с рассказом Виберта показывает несомненное сюжетное сходство. Слухи о подвигах и чудесах, совершенных Бруно, достигли упомянутых авторов явно не из первых рук.

Таким образом, в агиографических легендах не удастся найти практически никаких оригинальных данных о смерти Бруно, которые отсутствовали бы в кратком сообщении Титмара.

Количество и противоречивость перечисленных источников вызвали трудность определения территории, куда направился и где погиб в 1009 г. архиепископ. В XIX в. было принято считать местом его последней миссии территорию Восточной Пруссии (например, окрестности Брунсберга в Эрмланде²⁹). После выхода в свет работы Х. Фойгта, сопоставившего сведения Кведлинбургских Анналов и Хроники Титмара, возобладала точка зрения, согласно которой миссионер был убит ятвягами на юго-востоке Восточной Пруссии (в границах начала XX в.) или на северо-востоке Польши (в современных границах)³⁰. Нельзя также не отметить

²⁷ *Baronas D.* The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus'. P. 11.

²⁸ Ščavinskas M. «Russiana gloriatur ecclesia» ir šv. Brunono Kverfurtiečio misijų klausimas // Lietuvos istorijos studijos. 2009. Nr. 24. P. 18.

²⁹ Подробнее см.: *Gudavičius E.* Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva. P. 9–20; *Białuński G.* Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu [в печати].

³⁰ *Voigt H. G.* Brun von Querfurt, Mönch, Eremit, Erzbischof der Heiden und Märtyrer. S. 126; *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. II. Wilno, 1932. S. 247; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 215–216; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 108; *Hochleitner J.* Święty Brunon z Kwerfurtu // *Studia Angerburgica*. T. 5. Węgorzewo, 2000. S. 100. — Отметим мнение Я. Тышкевича, который размещал место гибели Бруно в Понеманье, в зоне смешанного ятвяжско-литовского населения, говорил о нейтральном или положительном отношении туровского князя к миссии, а Негимера считал представителем славянской (староподляшской) знати: *Tyszkiewicz J.* Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu. Historia pogranicza nad górną Narwią do połowy XIII w. Warszawa, 1974. S. 140–141, 149, 155 (цит. по: *Białuński G.* Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu [в печати]).

мнение Я. Тышкевича, который размещал место гибели Бруно на территории левого берега Немана, в зоне смешанного ятвяжско-литовского населения, говорил о нейтральном или положительном отношении туровского князя к миссии, а Нетимера считал представителем славянской («староподляшской») знати³¹.

В недавней историографии Г. Бялуньский разместил владения ятвяжского князя Нетимера на северо-западе от современного Гродно, где находилась земля племени Дайнава³². Исследователь поначалу отождествил реку *Alstra*, упоминаемую в позднем «Житии и мучениях св. Бруно» (создано ок. 1400 г.), куда была брошена голова святого³³, с небольшим притоком Немана Стревой (60–70 км севернее Мереча), но затем отказался от этого предположения. Согласно другой версии, которую высказывал Я. Беньяк, под именем *Alstra* скрывается Щара, приток Немана³⁴. Т. Баранаускас отождествил ее с притоком Молчади Ятрой (Новогрудский р-н Гродненской обл.)³⁵. Ни одна из этих догадок не может быть принята, поскольку известие об этой реке появляется через 400 лет в литературной редакции житийного сюжета. По всей видимости, *Alstra* — латинское названия реки Элстер (либо один из притоков Эльбы, либо Белый Элстер вблизи Кверфурта), искусственно введенное в текст жития³⁶.

В работах Э. Гудавичюса утверждается, что Нетимер был литовским князем, и известие о нем отражает древнейший этап складывания литовской государственности³⁷. Т. Баранаускас называл Нетимера ятвяжским князем, правившим где-то на территории Верхнего Понеманья, и считал собрание 300 мужей, которые приняли крещение («дружина» у Э. Гуда-

³¹ *Tyszkiewicz J. Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu. Historia pogranicza nad górą Narwią do połowy XIII w. Warszawa, 1974. S. 140–141, 149, 155 (цит. по: Białuński G. Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu.)*

³² *Białuński G 1) Šv. Brunono mirties vieta. P. 5–20; 2) Studia į dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. Olsztyn, 1999. S. 120–135. — Предположение что Бруно погиб возле Гродно, выдвигалось Т. Нарбутом: *Narbut T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. III. Wilno, 1838. S. 275, przyp. 2.**

³³ *Vita et passio S. Brunonis episcopo et martyris / Ed. H. Kauffmann // MGH. SS. Lipsiae, 1934. T. XXX. Pars II. P. 1366; 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. P. 283.*

³⁴ *Bieniak J. Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji // Acta Baltico-Slavica. T. VI. Białystok, 1969. S. 192, przyp. 48.*

³⁵ Из балтск. *Aitra*, см.: *Būga K. Upių vardų studijos ir aiščių bei slavėnų senovė // Tauta ir žodis. Kaunas, 1923. P. 26; Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000. P. 138; Mažiulis V. Dėl Lietuvos vardo 1009 metais (šv. Brunono misija) // Baltistica. 2005. № 40 (1). P. 96.*

³⁶ См.: *Mažeika R. Pirmojo Lietuvos vardo paminėjimo. P. 75–76, 99–100; Białuński G. Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. S. 108–110.*

³⁷ *Gudavičius E. 1) «Lietuvos» vardas XI a.–XII a. I pusės šaltiniuose // MADA. 1983. T. 3. P. 79–80; 2) Šv. Brunono misija // Darbai ir dienos. 1996. T. 3 (12). P. 115–128; 3) Mindaugas. Vilnius, 1998 P. 123; 4) Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva. P. 47–58.*

вичюса), сходом центральной волости³⁸. Д. Баронас, сделавший попытку примирить сообщения Виберта и Петра Дамиани, посчитал, что под термином *Rex russorum* скрывается некий региональный восточноевропейский периферийный лидер балто-славянского пограничья, не принадлежавший династии Рюриковичей, которого Бруно в действительности крестил в 1009 г.³⁹ Это интересное предположение, однако, противоречит сообщению Хроники Титмара о неудаче последней миссии архиепископа. Комментируя мнение Д. Баронаса, М. Шчавинскас отметил: «Не исключено, что *Rex russorum* может означать не “русского” короля, жившего в Литве, который был не столько в сфере геополитического влияния Киевской Руси, ... но племенного вождя, живущего в Литве, который в такого “короля” превратился благодаря большой известности имени Руси»⁴⁰. Ни один источник не говорит о том, что Бруно когда-либо посещал Литву и ее племенных вождей.

На наш взгляд, недостаток перечисленных гипотез — в некритическом использовании агиографических легенд. В решении вопроса об обстоятельствах гибели Бруно приоритет, несомненно, должны иметь сообщения наиболее ранних исторических хроник и анналов.

Согласно Анналам Кведлинбурга, архиепископ погиб *in confinio Rusciae et Lituae* — «в пограничье Руси и Литвы». Хроника Титмара место проповеди называет *in confinio predictae regionis [Prucia] et Rusciae* — «в пограничье Пруссии и Руси».

Обозначение *Prucia*, которое стало широко известным в латинской Европе в связи с гибелью св. Войцеха, является наиболее неопределенным. *Пруссы* — не конкретная этническая группа, а скорее термин ментальной географии, собирательное название балтов-язычников, живущих восточнее Вислы, к северу и северо-востоку от христианской «Полонии».

Бытовавший в латинской традиции термин *Ruscia, Russia* тоже имел достаточно широкое значение, но в отличие от Пруссии, он был связан с определенной политической организацией, возглавляемой киевским князем⁴¹. Учитывая последствия экспансии Владимира в ятвяжскую

³⁸ *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. P. 136–141.

³⁹ *Baronas D.* The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus'. P. 1–22.

⁴⁰ *Ščavinskas M.* Kai kurios pastabos dėl šv. Brunono Kverfurtiečio paskutinės misijos [текст выступления на конференции «Тысячелетие Литвы и локальная история»]. P. 15. URL: http://www.lit.lt/konf_Scavinskas.pdf (дата последнего посещения: 03.03.2010). Подробнее см.: *Ščavinskas M.* «Russiana gloriatur ecclesia» ir šv. Brunono Kverfurtiečio misijų klausimas. P. 9–22.

⁴¹ В последнее время свой взгляд о «северном» направлении миссии Бруно высказал Л. Палмайтис, один из немногих сторонников теории балтского происхождения Руси, сформулированной Н. И. Костомаровым. По мнению Л. Палмайтиса, *in confinio Rusciae et Lituae* означает границу литовских племен нижнего Немана и скалвов («прото-русов»), а конкретное место убийства Бруно находится в слиянии Алсы и Митувы. Подробнее

землю, наиболее близкой к Литве частью Руси стала зона политического влияния Святополка, княжившего в первых десятилетиях XI в. в Турове и Бересте, а также земли, находившиеся под властью полоцкого князя Брячислава Изяславича.

Ключевое значение в ряду названий, связанных с гибелью Бруно, имеет *Litua*, ранее не известная в латинском мире. Появление названия показывает, что изначальное сообщение о месте гибели Бруно было получено непосредственно на территории Восточной Европы, поскольку обозначение *Литва* использовалось по отношению к балтоязычным территориальным группам к северу от Немана именно в славяно-русской традиции XI–XII вв.

Бруно Кверфуртский был пламенным проповедником, вера и смелость которого толкали в опасные путешествия. Как отметил на основании анализа творений мученика Д. Баронас, высшей стадией духовного совершенствования св. Бруно представлял проповедь язычникам и мученичество⁴². От нас не может укрыться достаточная самостоятельность миссионера в организации своих миссий, что позволило А. М. Кузнецовой сравнить его деятельность с ирландскими миссионерами докарولينгской эпохи⁴³. Бруно был политическим агентом не Болеслава, Владимира или Святополка, а св. Петра и преследовал собственную цель — расширение христианского мира. Тем не менее, было бы наивно предполагать, что он не согласовывал своих действий с мирскими владыками и не выполнял их поручений. Нельзя не заметить, что миссии Бруно имели наряду с религиозными определенными политическими цели: так, в итоге поездки 1008 г. к печенегам было крещено 30 человек, основана епископия (кстати, это единственное точное свидетельство, что Бруно кого-то крестил), но при этом был установлен мир между кочевниками и Русью. Еще больше, чем с Владимиром, миссионер контактировал с польским князем Болеславом. При жизни императора Оттона III монах готовился к миссии на территории владений Болеслава или в приграничных им землях⁴⁴. В письме

см.: *Palmais L. 1*) *Imintos tūkstantmečio mįslės*. Kaunas, 2009; 2) *Dėl šv. Brunono misijos šiaurinės koncepcijos* // *Baltistika*. 2009. T. XLIV (1). P. 381–390; критическая рецензия З. Зинкявичюса: *Baltistika*. 2009. T. XLIV (1). P. 149–152.

⁴² *Baronas D. Šv. Brunonas Kverfurtietis: Misionieriaus pašaukimas* // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos Metraštis*. T. 32. 2009. P. 149–161.

⁴³ *Кузнецова А. М.* Миссии латинской церкви: Опыт христианского Запада и Центральная и Юго-Восточная Европа на рубеже второго тысячелетия // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия*. М., 2002. С. 52. — Подобное сравнение сделал и Д. Баронас: *Baronas D. Šv. Brunonas Kverfurtietis: Misionieriaus pašaukimas*. P. 156.

⁴⁴ *Cywiński P. M. A.* Druga metropolia Chrobrego a Brunon z Kwerfurtu // *Kwartalnik Historyczny* 2001. R. CVIII. Nr. 4. S. 3–15; *Białuński G.* Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. S. 24–40.

Генриху, написанном 1008 г. в Польше, Бруно пытался остановить подготовку войны немецким королем против польского правителя, поставив его в пример, как защитника веры⁴⁵. Вскоре именно Болеслав выкупит тело погибшего миссионера.

Отвечая на вопрос о конкретных целях последней миссии Бруно, ряд советских исследователей утверждали, что «экспедиция Бруно-Бонифация... 1009 г. была хорошо продуманной и спланированной в Риме и Гнезно акцией, направленной своим острием против Руси»⁴⁶, т. к. «поборники католицизма мечтали о вовлечении Руси в лоно католицизма»⁴⁷.

Борьба за юрисдикцию на Руси между греческим и латинским епископатом могла иметь место вскоре после этого — во время пребывания Райнберна в Турове, но в данном случае она была неразрывно связана с политической переориентацией Святополка. Воспринимать деятельность Бруно исключительно в рамках борьбы католичества и православия нет оснований. Несмотря на регулярно возникавшие противоречия внутри клира, кардинальный разрыв греческого христианского мира с латинским — дело более позднего времени. Бруно был человеком широких экуменистических взглядов, что показывает его встреча с Владимиром в Киеве. Князь оказал хороший прием архиепископу, два дня провожал миссионера до границы своих владений с печенегами, а перед расставанием Бруно исполнил перед правителем Руси респонсорий св. Петру⁴⁸. Между печенегами и Владимиром был заключен мир, заложником которого стал один из младших сыновей русского князя⁴⁹. Следовательно, миссия к печенегам проходила при содействии и в интересах Владимира.

⁴⁵ См., например: *Michalowski R.* Polen und Europa um das Jahr 1000 // *Der Hoftag in Quedlinburg 973: Von den historischen Wurzeln zum Neuen Europa.* Berlin, 2006. S. 51–54.

⁴⁶ *Щапов Я. Н.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 384–389.

⁴⁷ *Пацуто В. Т.* Внешняя политика. С. 129.

⁴⁸ См. *Карцовник В.* Владимир Великий, Брунон Кверфуртский и грегорианское пение в Киевской Руси // *Старинная музыка.* 2003. № 1. URL: www.krotov.info/history/11/1/1008karz.htm (дата последнего посещения: 21.12.2008).

⁴⁹ Также из письма Бруно Генриху известно, что в ходе печенежской миссии он рукоположил епископа. По мнению А. В. Назаренко, чтобы сделать это по канонам, ему требовалось сослужение двух архиереев, которых Бруно мог найти только на Руси. И хотя П. Цивиньский указал, что выданный Бруно паллий и титул «архиепископа язычников» давали право посвящать епископов без участия других архиереев (*Cywiński P. M. A.* *Druga metropolia Chrobrego a Brunon z Kwerfurtu.* S. 3–15), именно Владимир, по словам Бруно, отправил епископа вместе со своим сыном в землю печенегов. Кроме того, не обязательно видеть результатом миссии Бруно 1008 г. помощь Болеславу в 1013 г. в нападении на Русь со стороны каких-то печенегов, поскольку и политическая обстановка за пять лет изменилась, и печенегами назывались восемь отдельных политических образований. В то же время известно, что после смерти Владимира союз с какими-то печенегами наследовал Святополк:

Недавно М. Шчавинскас высказал предположение, что центральным регионом «миссийной архиепископии» св. Бруно была Русь, поскольку именно она находится в эпицентре земель, когда-либо охваченных его деятельностью (черные венгры, печенеги, Швеция, пограничье Руси и Литвы). По мнению М. Шчавинскаса, неслучайно Петр Дамиани упоминает, что мучеником гордится *Russiana gloriatur ecclesia* — св. Бруно Кверфуртский продолжал не только труды святого Войцеха-Адальберта, но и дело первого магдебургского епископа Адальберта, кратковременно побывавшего при княгине Ольге епископом на Руси⁵⁰; более того: «не исключено, что посвящение Бруно в “архиепископа язычников” означало начало нового этапа, нацеленного на включение по крайней мере части Киевской Руси в орбиту западной Церкви»⁵¹.

Поиск русского следа в деятельности св. Бруно нужно признать оправданным, но мысль о его посвящении специально для проповеди на Руси противоречит двум важнейшим сообщениям о деятельности святого: ни сам Бруно в письме Генриху, ни Титмар в своей Хронике не называют Русь центральным местом его проповеди⁵².

Большинство исследователей традиционно связывали трагическое путешествие 1009 г. с попытками Болеслава усилить свое влияние среди пруссов или ятвягов, причем иногда утверждается, что, несмотря на гибель миссионера, эта цель была достигнута⁵³.

Отметим, что в источниках нет никаких прямых подтверждений о подчинении в это время ятвягов Болеславом. Нет оснований видеть ятвягов в *gotax* с надгробной надписи Болеслава, как это делали

Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 316.

⁵⁰ *Ščavinskas M.* Kai kurios pastabos dėl šv. Brunono Kverfurtiečio paskutinės misijos. P. 9–13.

⁵¹ *Ibid.* P. 13.

⁵² На это обстоятельство в историографии уже указывалось неоднократно: *Макарий [Булгаков]* История Русской Церкви. Т. I. СПб., 1857. С. 181–184; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М., 1991. С. 132–133. [Первое издание: Париж, 1959].

⁵³ *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Т. II. S. 245–247; *Владарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X–XIII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 116–120; *Nalepa J.* Jaćwiegowie: Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964. S. 13–14, przyp. 92; *Паушто В. Т.* Внешняя политика... С. 32–34; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XII веков. С. 153. — Г. Блашчык, сомневаясь в ятвяжском направлении миссии, все же считает, что она связана с амбициозными планами Болеслава по христианизации и подчинению пруссов: *Błaszczyc G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Т. I. Trudne początki. Poznań, 1998. S. 22; см. также: *Białuński G.* Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. S. 62–126.

Х. Ловмянский и Е. Налеп⁵⁴. Надпись, созданная в XII в.⁵⁵, гласит: «Ты овладел, словно настоящий воин Христов, королевством склавен, готов или поляков»⁵⁶. Готским здесь названо *Польское* королевство, которое в латинской традиции времен Оттона III нередко называлось также *Scлавinia* или *Scлавania*. Если все же предположить, что именно территория лесных язычников «ятвягов» удостоилась здесь наименования *Regnum*, то как тогда объяснить, что это «королевство» не просто уравнено в статусе с Польским, но и поставлено выше его, вторым по порядку?⁵⁷

Не больше оснований видеть ятвягов в сообщении Адама Бременского, где говорится просто о пруссах: «Болеслав, король христианнейший, союзный с Оттоном III, всю Склавию покорил, и Русь, и пруссов, от которых потерпел св. Адальберт»⁵⁸. Доказательства в пользу подчинения ятвягов Болеславом искали также в хронике Галла Анонима (1112–1116), называющей в числе территориальных приобретений Болеслава землю *Selencia*, которая упоминается дважды в таком порядке: Селенция, Поморье и Пруссия⁵⁹. Ряд авторов отождествлял ее с территорией ятвяжского «племени» злинцев⁶⁰, но согласно мнению К. Бучека и Я. Беняка, Селенция — искаженное название территории одерских славян, лишь она соответствует

⁵⁴ *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. I. Wilno, 1931. S. 247; *Nalepa J.* Jaćwiegowie. S. 14, przyp. 92.

⁵⁵ *Kürbis B.* Epitafium Bolesława Chrobrego. Analiza literacka i historyczna // *Roczniki Historyczne*. R. 55–56, 1989–1990. Warszawa; Poznań, 1990. S. 123.

⁵⁶ «*Tu possedisti velut verus athleta Christi Regnum Sclavorum Gothorum sive Polonorum*». (МРН. Т. I. Р. 320). — Лишь на том основании, что «никогда поляков не называли готами», в переводе сочетания *Gothorum sive Polonorum* союз «или» традиционно исследователями заменяется на «и» (*Kürbis B.* Epitafium Bolesława Chrobrego. S. 119). Отождествление славян и готов характерно не только для этого источника, но и для Хроники Фомы Сплитского и летописи попа Дуклянина (см.: *Мужич И.* *Sklavi(ni)* — Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах // *SSBP*. 2008. № 2 (4). С. 73–76).

⁵⁷ Отметим, что Б. Кюрбис выдвинула другую версию перевода, основанную на гипотезе, что во время переписывания (нам известны лишь копии эпитафии) отдельные ее строки могли перепутаться, и строку *Regnum Sclavorum Gothorum sive (seu) Polonorum* нужно связать с *Cesar precellens a te ducalia pellens*, что значит: «Королевство славян, готов или поляков превосходящий император, забирающий у тебя княжеские знаки» (*Kürbis B.* Epitafium Bolesława Chrobrego. S. 119).

⁵⁸ «*Bolizlaus, rex christianissimus, cum Ottone tercio confoederatus, omnem vi Sclavianam subiecit et Ruziam et Pruzzos, a quibus passus est sanctus Adalbertus*» (*Adamus Bremensis.* *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. Io. M. Lappenberg // *MGH*. SS. T. VII. Hannoverae, 1846. P. 318. Schol. 25).

⁵⁹ *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л. М. Попова. М., 1961. С. 27, 33; *Bieniak J.* Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji // *Acta Baltico-Slavica*. T. VI. Białystok, 1969. S. 183.

⁶⁰ *Kamiński A.* Jaćwież. S. 46–47; *Grabski A. F.* Gall Anonim o Selencji i Prusach // *Rocznik Olsztyński*. 1959. T. II. S. 9–15.

географическим реалиям перечисления земель у Галла Анонима и сопоставима по размерам с Поморьем и Пруссией⁶¹.

Вопрос о политическом подтексте последней миссии Бруно не может рассматриваться без учета всех данных о политике польского правителя на северо-восточном направлении. Неслучайно С. Закжевский называл когда-то эту миссию русско-явтяжской⁶². Бруно погиб в 1009 г. в пограничье Литвы и Руси, на периферии туровских владений Святополка. В то же время, нам известно о союзе Болеслава со Святополком, закрепленном междинастическим браком, и о прибытии в Туров бывшего коллужегского епископа Райнберна, что свидетельствует о сознательном выборе местным князем связей с латинским клиром. Важно отметить, что св. Бруно был земляком Райнберна, арестованного впоследствии вместе со Святополком и его женой, — оба священника происходили из земли Хассегау⁶³. Нередко Райнберна считают лишь «духовником» Болеславы, полагая, что в Турове в это время уже находился греческий епископ⁶⁴. Туровская епископия, как недавно показал А. В. Назаренко, не могла быть создана при Владимире, поскольку занимает лишь восьмое место в перечне епархий русской митрополии Константинопольского патриархата⁶⁵. Тем более, нет никаких оснований принижать статус Райнберна, принадлежавшего к числу четырех высших польских церковных иерархов, посвященных с участием императора Оттона на Гнезненском съезде.

Из-за отрывочности сведений Титмара нам не известно время заключения брака Святополка и дочери Болеслава. Сообщается лишь, что через некоторое время после женитьбы случилось следующее:

«Король [Владимир], услышав, что сын его, подстрекаемый Болеславом, тайно готовится восстать против него, схватил его вместе с женой и названным отцом [епископом Райнберном] и заключил их, отдельно друг от друга, под стражу. Будучи под арестом, достопочтенный отец... освободившись от тесной темницы тела, радуясь, отправился к свободе вечной славы [то есть, умер]. ... Болеслав же, узнав обо всем этом, не преминул за него отомстить, как только мог.

⁶¹ Buczek K. Ze studiów nad kroniką Galla Anonima, sprawa Selencji // Roczniki Historyczne. 1938. № 14. S. 1–27; Bieniak J. Wyprawa misyjna Brunona z Kwerfurtu a problem Selencji. S. 181–195.

⁶² Zakrzewski S. Bolesław Chrobry Wielki. Lwów, 1925. S. 225.

⁶³ Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 162.

⁶⁴ Например: Лысенко П. Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 27–32.

⁶⁵ Сам исследователь отнес учреждение Туровской епископии к 40-м гг. XI в.: Назаренко А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 172–206.

После этого дни короля истекли, и он умер, оставив все наследство 2-м своим сыновьям; 3-й сын тогда находился в тюрьме, откуда позже улизнув, бежал к тестю; в тюрьме, правда, осталась его жена»⁶⁶.

Свадьбу Святополка пробовали датировать 1012 г.⁶⁷, но тогда следовавшие за этим события (арест Святополка, достижение известий об этом Польши, переговоры Болеслава о мире с Генрихом, подготовка похода на Русь) не могут втиснуться в такой короткий отрезок времени до начала войны в 1013 г.

М. Б. Свердлов считал, что брак был заключен после похода Болеслава на Русь 1013 г. в итоге замирения с Владимиром, а арест Святополка состоялся в 1014 г. или в начале 1015 г.⁶⁸ Но, по словам Титмара, Болеслав из-за ареста мстил Владимиру, в таком случае времени на месть уже не оставалось — Владимир вскоре умер. Поэтому другие исследователи предположили, что этой мстью и был поход 1013 г. (хотя его причиной в тексте прямо не назван арест Святополка), а женитьба и заговор состоялись до этого⁶⁹. С. Закжевский датировал брак 1009–1010 гг., В. Д. Королюк уточнил верхнюю границу — Пасха 1010 г.⁷⁰ Нижней границей можно считать путешествие Бруно в Киев, поскольку в письме Генриху ничего о близких связях Владимира и Болеслава не сообщается.

Когда бы он ни был заключен, этот брак имел большое значение в политике польского князя на Руси. Святополк был первым претендентом на киевский стол после смерти Владимира. Тесный союз с этим восточным соседом мог дать Болеславу определенное преимущество в борьбе с западным — королем Генрихом. В конце концов, именно этот союз привел Болеслава к взятию Киева в 1018 г. Если свадьба действительно произошла в 1009–1010 гг., то Бруно не мог не участвовать в достижении союза гнезненского и туровского правителей⁷¹.

Невозможно отрицать, что путешествие Бруно осуществлялось с помощью и одобрением польского князя. Но для Болеслава контакты со Святополком были, несомненно, более важным делом, чем проповедь

⁶⁶ *Титмар Мерзебургский*. Хроника. С. 162–163.

⁶⁷ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957. С. 82.

⁶⁸ *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XII в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 150–151; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 82; *Головкин А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 20; см. также: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XII веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 169.

⁶⁹ В последнее время эту точку зрения обосновал А. Г. Плахонин: *Плахонин А. Г.* Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X – перша половина XI ст.) // Український історичний журнал. Київ, 2000. № 4. С. 136.

⁷⁰ *Zakrzewski S.* Bolesław Chrobry Wielki. Lwów, 1925. S. 250; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. С. 217.

⁷¹ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. С. 217.

среди жителей литовско-русского пограничья, о которых в Гнезно вряд ли имели четкое представление. В любом случае, трудно рассуждать о какой-либо политической экспансии Болеслава в литовско-русском пограничье, на территории столь отдаленной от мазовецких городов. По какой причине в начале весны 1009 г. миссионер оказался на периферии владений туровского князя? Разумеется, не брачные дела Святополка привели сюда Бруно-Бонифация. Учитывая роль, которую повсеместно играло духовенство в легитимации власти правителя, один из возможных ответов на этот вопрос заключается в попытках христианизации туровской периферии к северу от Припяти и упрочения в ней влияния Святополка.

Нельзя сказать, впрочем, была ли у Святополка четкая программа по христианизации северо-западной окраины своих владений, но его влияние на выбор места проведения миссии Бруно-Бонифация весьма вероятно. Ясно также другое: убийство св. Бруно показывает, что Понеманье к 1009 г. не вошло в зону прочного влияния Святополка, а местные группы и их лидеры по-прежнему предпринимали не только независимые, но и открыто враждебные по отношению к Турову действия.

О мотивах убийства миссионера трудно строить даже догадки. Обращает на себя внимание, что согласно хронике Титмара и последующим сообщениям, Бруно был обезглавлен. Многие средневековые авторы отмечали, что именно голова была предметом жертвы в случившихся ритуалах⁷². Адам Бременский упоминает, как в 1066 г. ободриты принесли идолу Радагаста голову убитого ими епископа Яна, насаженную на пику⁷³. Подобное действие было совершено и с отрубленной головой св. Войцеха, которую водрузили на кол⁷⁴. Более того, сам Бруно писал в письме Генриху: «Не считаешь ли грехом, о король, когда голову христианина... приносят в жертву под знаменем демонов?»⁷⁵

Приведенные отрывки, конечно, могли испытать влияние расхожих литературных стереотипов. Но нельзя полностью исключить, что они в какой-то степени отражают обычаи обитателей балтийского бассейна. Косвенно это подтверждается указаниями Генриха Латвийского на манипуляции земгалов с головами противников-литовцев в 1205 г.⁷⁶ Сообщения авторов XI в. о человеческих жертвоприношениях могут восходить к ритуализированной реализации публичных решений, которые можно назвать «казнью преступников».

⁷² См.: *Ловмянский Г.* Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003. С. 149–150.

⁷³ *Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* P. 355.

⁷⁴ «Corpus vero loco dimittentes, caput palo fixerunt» (МРН. Т. I. S. 183).

⁷⁵ МРН. Т. I. S. 226.

⁷⁶ «Теодорих Сциллинг из дружины епископа, наткнувшись на сидевшего в санях Свелъгата (Swelegaten), того, что собирался уничтожить град Божий, пронзил ему бок копьем, а семигаллы, увидев, что он бьется в предсмертных судорогах, отрубили ему голову, положили на свои сани, куда они складывали одни головы литовцев, и повезли в Семигаллию» (*Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинский. М.; Л., 1938. С. 78).

В написанном самим Бруно Житии св. Войцеха-Адальберта он вкладывает вслед за Иоанном Канапарием в уста пруссов ответ Войцеху на предложение о крещении:

«Будь доволен, что ты добрался безнаказанно до этого места, и как быстрое возвращение даст тебе надежду остаться в живых, так малейшее продвижение вперед принесет вред и смерть. Нами и всей этой страной, вход в которую мы составляем, повелевает общий закон и одинаковый образ жизни... Из-за подобных людей наша земля не будет приносить урожая, деревья плодов, не родятся новые существа, а старые умрут. Убирайтесь из наших пределов»⁷⁷.

По поводу этих слов Д. Тржештик восклицал: «И к этим-то людям пришли странные чужаки с обритыми головами, поющие непонятные заклинания, и первое, что сказали — что хотят разрушить всю ту испытанную правду, которой племя издавна руководствовалось, что все это было напрасным заблуждением и ошибкой»⁷⁸. Сходный пассаж об отношении обитателей балтийского побережья, которых он называл *сембами*, к христианским миссионерам принадлежит перу Адама Бременского (1070-е гг.):

«Можно было бы указать многое в нравах этих людей, что достойно хвалы, когда бы только они уверовали во Христа, проповедников которого ныне жестоко преследуют... Вплоть до сегодняшнего дня... они запрещают подходить к священным рощам и источникам, опасаясь, что эти места будут осквернены присутствием христиан»⁷⁹.

Нельзя полностью исключить, что убийство миссионера могло быть вызвано политическими противоречиями со Святополком, Владимиром или жадной добычи, но в свете приведенных цитат представляется возможным поверить сообщениям Титмара и Кведлинбургских анналов о том, что непосредственной причиной его смерти была настойчивая проповедь.

Тело св. Бруно, как и тело св. Войцеха, согласно сообщению Титмара, было выкуплено Болеславом. Несмотря на это, уже в XI столетии в Польше полностью забывают о судьбе миссионера, а культ св. Бруно и независимый от него культ св. Бонифация сохранялся в Средневековье лишь на территории Священной Римской Империи, откуда вновь пришел в Речь Посполитую в XVI в. Причины временного забвения святого в Польше, как правило, объясняются тем, что его мощи были утеряны во время смуты, наступившей после смерти Болеслава. Мнения о месте их хранения расходятся. Наиболее интересным представляется поддерживаемое Г. Бялуньским предположение, согласно которому они находились в одном из

⁷⁷ Brunonis Passio S. Adalberti episcopi et martyris / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. IV. Hannoverae, 1841. P. 608; МРН. Т. I. S. 214; Паушмо В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 86.

⁷⁸ Tržestík D. Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů // Český časopis historický. 1994. R. 92. Č. 3. S. 451.

⁷⁹ Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. P. 374–375.

восточных городов, подчиненных власти Болеслава⁸⁰, отошедших в 30-х гг. Руси (здесь можно предложить варианты от Бреста до Перемышля).

Братоубийственная война за киевский стол после смерти Владимира Святославича в 1015 г. не могла не сказаться на политической ситуации в бужско-припятско-неманском регионе. В ходе этой борьбы отрядами Ярослава в 1017 г. была разорена крепость Святополка Берестье⁸¹. Однако даже после того, как Святополк ок. 1019 г. потерял владения и погиб, Ярослав не сумел поставить под контроль город, оставшийся в сфере влияния польского князя⁸².

Следующий поход Ярослава на Берестье в 1022 г. совпадает по времени с военными действиями флота его союзника Кнута Великого на балтийском побережье Витланда (*Whitlande*)⁸³, с которыми можно связывать разорение Каупа⁸⁴. Обе эти экспедиции имели, по-видимому, антипольскую направленность.

При наследниках Болеслава в Мазовии в конце 30-х гг. местный правитель Мецлав провозглашает независимость от польского князя. Я. Тышкевич на основании археологических данных рассматривал в это время западную часть Верхнего Понеманья как периферийную часть Мазовии⁸⁵, с чем в значительной мере можно согласиться, поскольку найденная на городищах Индура и Муравельник керамика X – первой половины XI в., украшенная штампом, изготовлена согласно мазовецким производственным традициям⁸⁶, а отрывочные письменные сообщения о серии войн 30–40-х гг. позволяют считать, что союзниками Мецлава были не только ятвяги, но и литва⁸⁷.

В это время начинается новый этап русской экспансии. Еще в 1031 г. отряды Ярослава Владимировича захватывают у Мешка II Червеньские города на Западной Вольни, в состав которых могло быть зачислено и Берестье. Понеманье оставалось в тот момент вне сферы влияния рус-

⁸⁰ *Biatuński G.* Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kwerfurtu. S. 122–125.

⁸¹ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 462–475.

⁸² *Łowmiański H.* Świętopelk w Brześciu w roku 1019. S. 229–244.

⁸³ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 497–498.

⁸⁴ В. И. Кулаков датировал сожжение Каупа 1016 г. Основанием для этого была лишь поздняя запись Саксона Грамматика (XII–XIII вв.) о покорении Кнутом Склавии и Сембии в начале своего правления (*Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 года. М., 2003. С. 213; *Saxonis Gesta Danorum* / Ed. J. Olrik et H. Raeder. Hauniae 1931. T. I. P. 285). Между тем, Кнут был в 1015–1019 гг. всецело поглощен борьбой в Англии, и даже датским делам не уделял много внимания (*Мельникова Е. А.* Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 94–96).

⁸⁵ *Tyszkiewicz J.* Cultural processes connected with expansion of the Rus of Kiev towards Lithuania in 9th–11th century // *Archaeologia Polona*. 1975. T. XVI. P. 118.

⁸⁶ *Малецкая М. В.* Керамика западнорусских городов... С. 144.

⁸⁷ *Włodarski B.* Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich. S. 14–18; *Gudavičius E.* «Lietuvos» vardas XI a.–XII a. I pusės šaltiniuose. P. 81.

ского князя, что следует из похода на ятвягов в 1038 г. Эта экспедиция, как считается, стала прямым следствием союза, заключенного Ярославом Мудрым и гнезненским князем Казимиром Обновителем, направленного против Мещлава и его сторонников⁸⁸.

Запись о походе под 6546 (1038) г. в древнейших рукописях имеет такой вид: «Ярославъ иде на Ятѣвагы» (Лавр.), «Иде Ярославъ на Ятѣвагы» (Ипат.), в поздних списках Ипатьевской добавлено «и побѣди»⁸⁹. В некоторых сводах XV–XVI вв. текст еще более пространный, но противоположный по смыслу: «Въ лѣто 6546 иде веснѣ велики князь Ярославъ къ Киеву, а на зиму ходи на Ятѣвагы, и не можаху ихъ взяти»⁹⁰. Как указание о победе, так и о поражении, скорее всего, нужно признать плодом творчества позднейших сводчиков. Хотя А. А. Шахматов предполагал, что пространная запись происходит из древнейшего новгородского свода сер. XI в.⁹¹, известие о походе 1038 г. отсутствует не только в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, но и в Устюжской летописи, Архангелогородском летописце, в которых некоторые исследователи искали следы древнего новгородского свода сер. XI в.⁹² Следовательно, нет оснований полагать, что эта запись происходит из этого свода.

Война Ярослава и Казимира в бассейне Вислы и Немана продолжалась в течение как минимум десятилетия. Через два года после разорения ятвягов был совершен поход на Литву, еще через год — «на Мазовьшаны въ лодыахъ» (1041 г.)⁹³. Окончательная победа над «державой Мещлава» была одержана в 1047 г., когда ее вождь погиб в бою с Русью⁹⁴.

Именно эти войны, по всей видимости, привели к тем переменам на «ятвяжском» пространстве, которые были зафиксированы археологами — обратив в пепел стены нескольких городков Понеманья, они поставили Неманский путь и местное население под устойчивый контроль Киева.

⁸⁸ *Bieniak J.* Państwo Miecława. Warszawa, 1963. S. 134–136; *Włodarski B.* Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich. S. 18–22; *Biatuński G.* Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. Olsztyn, 1999. S. 16–17; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. С. 304–307. — По мнению А. Б. Головки, союз Казимира с Ярославом был заключен сразу после похода на ятвягов (*Головка А. Б.* Древняя Русь и Польша... С. 66). Предположение о союзе Мещлава с ятвягами считал сомнительным Г. Блашчык, который расценивал поход 1040 г. на Литву как месть за помощь ятвягам: *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. I. S. 17.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 153; Т. II. Стб. 141.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 127; Т. IX. СПб., 1862. С. 81; Т. XLIII. М., 2004. С. 53.

⁹¹ Кроме того, по мнению А. А. Шахматова, первоначально запись о походе стояла не под 6546, а под 6544 г.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописях. С. 160, 292, 371–372.

⁹² Новгородская первая летопись. С. 16, 180; ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 27, 67.

⁹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 153.

⁹⁴ Общее количество походов в Мазовию остается дискуссионным (*Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. С. 313–321; *Головка А. Б.* Древняя Русь и Польша... С. 44).

Глава IV

ГОРОДЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ВОСТОЧНЫЕ ГОРОДА ПОНЕМАНЯ

Не может градъ укрытися врѣху горы стоя
Матф. 5, 14.

Города

После войн Ярослава и Казимира с Мещлавом стали возможными не только периодические военные экспедиции в бассейн Немана, но и постройка здесь постоянных опорных пунктов. Южная часть Понеманья была вовлечена в процесс политической и культурной интеграции с остальными землями, находившимися под властью потомков Владимира.

Ничто так не изменило облик этой территории, как появление городов. Большинство из них возникло из порубежных крепостей, построенных во второй половине XI в. С этого времени, а наиболее активно — в следующем столетии, здесь шло развитие городских поселений, сопровождаемое процессом христианизации и появлением княжеских столов. Гродно, Волковыск, Новогрудок и Слоним превратились в значительные торгово-ремесленные поселения со специфической социальной и культурной организацией, на вершине которой (в том числе, буквально) находился князь, обитавший на территории возвышенного детинца. Таков был результат целенаправленных действий князей Турова и Берестья по устройению балто-славянского пограничья в военном, бытовом и идеологическом отношении.

Важнейшим русским форпостом стал *Городен* (Гродно), возведение которого на высоком берегу Немана показывает, что основной его задачей был контроль Неманского водного пути¹. Само название города говорит о военно-оборонительной функции поселения. Первоначальный поселок, открытый археологами на Замковой Горе, защищался не только высотой холма, рекой, но и валом. Обитателями крепости были пешие, конные

¹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. № 41. М., 1954. С. 197.

воины и ремесленники, обеспечивавшие гарнизон. Культура поселения говорит о непосредственных связях населения с Русской землей. О присутствии христиан свидетельствует находка кости с буквами кириллического алфавита. Типы местной керамики, которая имеет совсем небольшой процент штампованной «мазовецкой», в основном связаны своим происхождением с городами Волыни. Прослеживается роль Городны в транзитной торговле:

«О тесных связях с Киевом и — шире — Поднепровьем говорят найденные здесь пока единичные обломки стеклянных браслетов, киевских поливных писанок, амфор-корчаг, стеклянной посуды, овручских пряслиц из розового шифера и серого сланца. Наряду с этим здесь много янтаря, идущего по Неману с «янтарного берега» Балтики»².

Неоднократно высказывались предположения, что поселение на Замковой Горе могло существовать уже в конце X в.³, или даже в IX–X вв.⁴ но никаких находок, кроме осколков лепной керамики, в подтверждение этого нет⁵. Обоснованным представляется мнение, согласно которому первоначальный поселок возник во второй половине или в конце XI в. на свободном месте, вскоре погиб в пожаре и был отстроен снова⁶.

Примерно тогда же в Волковыске в полукилометре от заброшенного городища Муравельник на Шведской Горе строится крепость, валы которой, согласно датировке М. В. Малевской, были насыпаны в конце XI в.⁷ Возведение Городны и Волковыска может относиться ко времени Изяслава Ярославича (туровский князь до 1052 г., после смерти Ярослава

² Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 43.

³ Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно // СА. 1951. № 15. С. 93–95; Трусаў А. А. Вынікі археалагічных даследаванняў на старым замку ў Гродне ў 1985–1989 гадах // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі «Музей і развіццё гістарычнага краязнаўства». Гродна, 1990. С. 23–24; Ткачоў М. А. Археалагічныя помнікі г. Гродна // Археалагічныя помнікі Гродзеншчыны. Гродна, 1992. С. 5; Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І. Стары замак у Гродне XI–XVIII ст.ст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 1993. С. 6, 18.

⁴ В частности, А. В. Соловьев считал, что славянско-ятвяжский поселок на месте Гродно мог существовать в IX–X вв., и «довольно вероятно, что Владимир св. в своем походе 983 г. мог дойти до Городна и заложить здесь княжий городок, зависевший от Турова» (Соловьев А. В. Новые раскопки... С. 86).

⁵ См. рецензию: Заяц Ю. Новае даследаванне па археалёгіі старога замка ў Горадні // Кругіца. 1996. № 1. С. 111.

⁶ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 197–199.

⁷ Данная датировка основана на хронологии бытования керамических форм в культурном слое под валом, в отличие от мнения Я. Г. Звяруго, относившего из общих соображений строительство укреплений на Шведской горе к концу X в. (когда на Шведской горе и Замчище существовали синхронные раннему слою Муравельника селища):

в 1054 г. занимал с перерывами киевский стол до 1078 г.) или его сына Ярополка Изяславича (туровский и берестейский князь в 1079–1086 гг.). Можно с уверенностью сказать, что меры по укреплению границ и установлению административного контроля над юго-западной частью Понеманья предпринимались именно князьями Турова и Берестья. Отметим, что Изяславу-Димитрию Ярославичу принадлежала, по мнению В. Л. Янина, найденная Г. И. Пехом в Волковыске в 1948 г. вислая печать с изображением на одной стороне святого с копьем и греческой надписью «Διμιτ[ρ]ῆς», на другой — креста-розетки⁸.

Выше по течению от Гродно, на возвышении при впадении в Неман р. Турья, было основано небольшое поселение *Турыйск* (*Тоурьск*, *Тоуриск*). На размещение поселка, выполнявшего военно-административные задачи, очевидно, повлияла близость устья р. Щары. Вскоре оно было уничтожено пожаром, после чего селище со стороны поля было укреплено валом и начало превращаться в небольшой городок, первые упоминания о котором относятся ко второй половине XIII в.⁹ В среднем течении Щары, по-видимому, также в конце XI в., строится *Вослоним* (Слоним), где при археологических раскопках найден значительный материал XII в.¹⁰

К северу от Турейска на правобережье Понеманья, где ранее с конца X в. существовало городище Кульбачино, строится небольшое укрепление на берегу р. Костеневки (Щучинский район) — крайний опорный пункт русских князей, валы которого подсыпались три раза, имели дубовый частокол и в XII в. были укреплены булыжным камнем¹¹.

Единственным из поселений Понеманья, неоднократно упоминающихся в письменных источниках XII в., является Городен. До проведения раскопок в Гродно в 1930-е гг. расположение летописного города с этим именем было предметом дискуссии, отдельные отзвуки которой слышны и сегодня¹². Многие историки сомневались, что «в глубине ятвяжских лесов» в XII в. мог существовать столь удаленный от Русской земли город, и считали местом его расположения окрестности современной деревни

Звяруго Я. Г. Древний Волковыск. С. 15, 20; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов. С. 100–101.

⁸ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. М., 1970. С. 35.

⁹ *Пиваварчык С. А.* Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы. С. 15; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов. С. 125.

¹⁰ *Пиваварчык С. А.* Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы. С. 14, 19; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов. С. 132.

¹¹ *Звяруго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 75–76.

¹² *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяды. Мінск, 1990. С. 257–259; *Плахонин А. Г.* «История Российской» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 321–330.

Городно в бассейне Припяти (Брестская область)¹³. Но в припятском Городне никаких археологических слоев X–XII в. обнаружено не было¹⁴. Не имеет признаков княжеской столицы и предложенное недавно А. Г. Плахониним на роль Городна небольшое городище на Горине, обладающее малой укрепленной площадью в 0,3 га¹⁵.

Вопрос о расположении города был решен окончательно, когда в результате раскопок Ю. Йодковского и З. Дурчевского на Замковой Горе в Гродно был открыт княжеский детинец XII в. с несколькими каменными зданиями (в том числе теремом и Нижней церковью, разрушенной при пожаре в последних десятилетиях XII в.), о котором сообщается в Ипатьевской летописи под 1183/84 г. (в действительности — 1184/85 г.)¹⁶

Первыми десятилетиями XII в. археологи датируют начало нового этапа развития городенского поселка: укрепляется оборонительная мощь его валов, а на возвышениях вокруг них разрастается поселение ремесленников. Достаточно бурный рост города объясняется тем, что небольшой опорный пункт в земле ятвягов становится княжеской столицей. В первой половине XII в. происходит рост посада Гродно. Политическим и культурным событием было строительство в 30-х гг. XII в. на княжеском детинце первой городенской каменной церкви (Нижней), руины которой были открыты Ю. Йодковским.

О внутреннем развитии Городенской волости в это время известно крайне немного. Волковыск становится вторым по значению городом после Гродно, о чем говорит богатый комплекс археологических находок. Над поселением доминировали мощные укрепления Шведской Горы, соседнее с ней Замчище в начале XII в. обносится валом и превращается в окольный город, заселенный ремесленниками. На Замчище в XII в. (более точная датировка затруднительна) начинается возведение каменной церкви, сходной по архитектурным чертам с Нижней церковью в Гродно, строительство которой по неизвестным причинам не было закончено. В этом же столетии к юго-западу от Волковыска возводится городище у дер. Мстибово, известной в источниках XVI в. как *Мстибовог городок*.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. М., 1816. С. 440. Примеч. 250; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 104; Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 301–302; Lowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. T. I. S. 54, przyp. 4; T. II. S. 273, przyp. 1.

¹⁴ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 6.

¹⁵ Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 324.

¹⁶ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 634; Jakubowski J. Gdzie leżało «Horodno» hipackiego latopisu // Ateneum Wileńskie. T. VII. 1930. S. 419–424; Durczewski Z. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938 / Odbitka z czasopisma «Niemen». 1939. Nr. 1. Grodno, 1939.

П. А. Раппопорт связал название городища с именем одного из волынских бояр начала XIII в. *Мстибога*, упоминаемого Ипатьевской летописью¹⁷, который гипотетически мог бежать затем в Пономанье¹⁸. Не исключено также, что городенские князья имели отношение к Слониму (*Оуслонимъ*), важному торгово-ремесленному центру XII в. на средней Щаре, однако вопрос о восточной границе Городенского княжества остается дискуссионным.

Слоним и Новогрудок из соображений географической близости зачастую включают в состав волости Городенских князей. Но Слоним расположен на пути к Пинску, а расстояние от Новогрудка до Гродно и до Менска почти одинаково, поэтому данный аргумент нельзя расценивать, как определяющий¹⁹. Здитов, упомянутый в середине XIII в. в числе подчиненных Миндовгу городов, располагался на неманско-припятском междуречье, а ранее мог контролироваться пинскими князьями²⁰.

Возникновение укреплений на Новогрудской возвышенности, по-видимому, совпадает или несколько опережает строительство новых опорных пунктов на территории будущей Городенской волости. После того, как в X или в середине XI в. было заброшено (возможно, после вооруженного нападения) городище Радогоща, в 15 км севернее, на самой высокой возвышенности Пономанья возводится вал, который превратил местное поселение в раннегородской центр²¹. Ф. Д. Гуревич утверждала, что в это время поселение на новогрудских холмах не являлось боевой крепостью — по ее мнению, оно возникло в итоге внутренней эволюции, слияния нескольких земледельческих поселков и перерастания дреговичского племенного центра в город²². Более верной представляется точка зрения С. А. Пивоварчика, видевшего в Новогрудке второй половины XI в. именно крепость — опорный пограничный пункт русских князей, основание которого сопровождалось ремесленно-торговой колонизацией, которая и вызвала рост города²³.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

¹⁸ Раппопорт П. А. Мстибогов городок // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 105–107; Зверуго Я. Г. Верхнее Пономанье в IX–XIII вв. С. 91; Пиваварчык С. А. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы. С. 16–17.

¹⁹ Ср.: Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. М., 2006. Кн. 2. С. 248.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 816. — Наиболее вероятное место расположения — дер. Старомлыны Брестской области (см.: Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 96).

²¹ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгарадок. С. 62.

²² Там же. С. 71.

²³ Пиваварчык С. А. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы. С. 11; Tyszkiewicz J. Cultural processes connected with expansion of the Rus of Kiev towards Lithuania in 9th–11th century. P. 118.

Связывая строительство укреплений с деятельностью Ярослава Владимировича, С. А. Пивоварчик не исключал, что в Понеманье в XI в. столкнулись интересы киевского князя и Брячислава полоцкого, которые были союзниками и поделили сферу влияния на северо-западной периферии, в результате чего Ярослав укрепился в левобережном Понеманье, а Брячислав — в Подвинье²⁴. Впрочем, новгородские укрепления могли возникнуть и несколько позже, при наследниках Ярослава (согласно датировке Ф. Д. Гуревич — в 50–60-е гг.²⁵). При этом остается только гадать, как затронула земли Понеманья борьба Всеслава Брячиславича с Ярославичами во второй половине XI в.

Впервые Новгородок упоминается в Ипатьевской летописи лишь через два столетия, при описании событий 1249 г., когда он находился под властью литовского князя Войшелка²⁶. По всей видимости, с этим городом также связано упоминание князя *Изяслава Новгородского*, ходившего под руководством Миндовга в Мазовию в 1238 г.²⁷ Ни одна из более ранних дат основания или первого упоминания города, которые можно встретить в литературе (1005, 1044, 1066, 1116, 1212 и 1228 гг.), не может быть принята: грамота об установлении Туровской Епархии 1005 г. является фальсификатом²⁸; под 1044, 1066 и 1212 гг. речь бесспорно идет о Новгороде Великом²⁹, под 1228 — об отряде из Новгорода-Северского (одним из главных участников коалиции, напавшей на Каменец, был Михаил Всеволодович Черниговский, приведший и войска черниговских городов)³⁰. В известии 1116 г. сообщается о постройке для пленных жителей Друцка города *Желни* в Переяславской земле³¹.

²⁴ Пивоварчик С. А. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы. С. 7, 11.

²⁵ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок. С. 61.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 816.

²⁷ Там же. Стб. 776.

²⁸ Шапов Я. Н. Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 255–256, 271; Лысенко П. Ф. Древний Пинск. XI–XIII вв. Минск, 1997. С. 14–16.

²⁹ См.: Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок. С. 52–53; Баранавіч Т. Новгородок в XIII в.: История и миф. // Castrum, urbis et bellum: Зборнік навуковых прац. Прысвячаецца памяці прафесара Міхася Ткачова. Баранавічы, 2002. С. 29. — Дата 1212 г. указана М. Н. Тихомировым, в летописи речь идет о Новгороде Великом, где сидел Мстислав Мстиславич Удалой (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 42; ПСРЛ. Т. II. Стб. 731).

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 753; Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII в.: Избранные труды. М., 2009. С. 118.

³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 291. — Упоминание Новгородка по недоразумению увидел Т. Нарбут в словах Карамзина: «...сын Мономахов, Ярополк, опустошил Друцк и вывел жителей в новый городок (имеется в виду город Желни. — А. К.), для них основанный» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 147; Narbutt T. Dzieje starożytnie narodu litewskiego Т. III. S. 271–274).

Название города встречается в Ипатьевской летописи в разных формах — *Новъгородъ*, *Новъгородокъ*, *Новъи Городъкъ*, в источниках XVI в. — даже *Новый Городец*, в зетельском говоре — *Naugardas*. По какой причине этот город был назван новым? Ф. Д. Гуревич предположила, что таковым он стал в середине XI в. по отношению к существовавшим на его месте догородским поселениям³². По мнению С. А. Пивоварчика, название появилось в связи с перенесением центра округа с городища Радогоща³³. Оригинальную версию выдвинул В. А. Чемерицкий: современное название город мог приобрести после столетия своего существования — в конце XII в., после пожара и коренной перестройки укреплений³⁴.

Выражение «новый городок» могло применяться как к поселению, сменившему свой характер с сельского на городской, так и к новым укреплениям, построенным вместо старых³⁵. В Новогрудке деревянные укрепления на территории Замоквой горы возобновлялись и перестраивались в XI–XIII вв. не менее пяти раз³⁶. Особо масштабные работы были произведены на границе XII–XIII вв., когда вал на Замоквой Горе был передвинут на край верхней площадки³⁷. У подножья Замоквой горы в начале XIII в. был насыпан дополнительный вал³⁸.

Поскольку левобережье Понеманья включалось в состав ареала расселения дреговичей, некоторые исследователи считали, что Новогрудок относился к Туровскому или Пинскому княжеству³⁹. Как показывает пример Менска, само по себе присутствие в местных курганах «дреговичских» зерновых бус и сходные черты погребального обряда с полесским регионом еще не говорят о политической зависимости от Турова или Пинска — напротив, во второй половине XI в. на Свислочи полоцким князем Всеславом Брючиславичем была основана мощная крепость Менск, перенявшая название от городища на Менке. В начале XII в. здесь она становится центром владений Глеба Всеславича. В 20–30-х гг. XII в. Менск был захвачен киевскими князьями и находился в составе владений

³² Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгарадок. С. 71

³³ Піваварчык С. А. Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка. С. 172–173.

³⁴ Беларускія летапісы і хронікі / Ўкл. У. Арлоў, В. Чамярыцкі. Мінск, 1997. С. 395.

³⁵ Для сравнения можно привести новгородскую запись под 1262 г., когда Новгород уже существовал и подвергся перестройке: «Срубшиа новгородци городъ новъ». Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 83.

³⁶ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгарадок. С. 72–78; Ткачев М. А. Замки Белоруссии. Мінск, 1987. С. 14.

³⁷ Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгарадок. С. 77.

³⁸ Там же. С. 78

³⁹ Баранаскас Т. Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 29.

туровского княжества, но с середины 40-х гг. и до самого конца XII в. у власти там снова оказались потомки Глеба Всеславича.

Расположенные на неманско-припятском водоразделе в верховьях Лани и Случи туровские города Клеческ и Случеск, основанные в середине-конце XI в.⁴⁰, на протяжении 40–60-х гг. XII в. переходили из рук в руки представителей различных династий, являясь своеобразной разменной монетой в территориальных спорах «обделенных» родственников с киевскими князьями⁴¹. Была ли судьба Новгородка похожа на судьбу городов «дреговичской волости» или Менской округи?

В дореволюционной историографии города Верхнего Понеманья, включая Городен на Немане, чаще всего относили к территории кривичской колонизации и владениям полоцких или минских князей⁴². На формирование такой точки зрения повлияло диалектное единство Понеманья с ареалом белорусских говоров Минской губернии, отличие местных говоров от полесских и неясное известие хроники Петра Дусбурга, назвавшего территорию в районе Новогрудка «*terra Criwicie*»⁴³. Также М. Грушевский приводил «аргумент молчания»: если бы это были турово-пинские земли, то южнорусские источники не обошли бы их стороной⁴⁴. Предположения о принадлежности этой территории в XII в. князьям менской династии можно встретить и в современной историографии⁴⁵.

Любые замечания в таких обстоятельствах могут носить лишь гипотетический характер. Нужно признать достаточно вероятным присутствие в Новогрудке князей или наместников пинско-туровской династии. Новгородок, несомненно, имел экономические и политические

⁴⁰ *Калядзінскі Л. У.* Умацаванні і ўзбраенне дзядзінца летапіснага Случаска. (XII–XIII стст.) // *Гістарычна-археалагічны зборнік Памяці Міхася Ткачова*. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 160–181; *Пазднякоў В. С.* Умацаванні Клецка XI–XVIII стст. // Там же. Ч. 2. С. 77–92.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 310, 383; *Середонин С. М.* Историческая география. С. 137; *Кучкин В. А.* Дреговичи в X – начале XIII века. С. 44.

⁴² *Беляев И. Д.* Рассказы из Русской истории. Кн. 4. Ч. 1: История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 10; *Антонович В. Б.* Монография по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. С. 20–21; *Довнар-Запольский М. Ф.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. С. 55; *Любавский М. К.* Очерк истории литовско-русского государства. М., 1915. С. 17.

⁴³ SRP. T. I. P. 180; *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Пер. В. И. Матузова. М., 1997. С. 173.

⁴⁴ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. С. 303.

⁴⁵ *Насевіч В. Л.* Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнатцкіх беларускіх родаў 12–18 стагоддзяў. Мінск, 1993. — Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. URL: <http://vn.belinter.net/vkl/tables.html> (дата последнего посещения: 07.08.2008).

связи с Киевом, и эти связи осуществлялись через Поприпяжье. Но и вопрос о возможном присутствии в нем представителей менской династии заслуживает рассмотрения, тем более, он мог переходить представителям родственных династий поочередно. Здесь внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, обращает на себя внимание, что единственный известный памятник новгородской древнерусской церковной архитектуры — храм Бориса и Глеба, построенный на территории открытого посада в XII в. (в 40–60-х гг.?) — возводился мастерами из Витебска (греческой артелью?), а ее галереи — полоцкими строителями, использовавшими технику кладки «утопленного ряда»⁴⁶.

Во-вторых, в этом же контексте необходимо рассмотреть проблему топонимов типа *Кривичи*, которые неоднократно встречаются на территории Новгородчины и в остальном Понеманье: *Кривичи* на правом берегу Немана возле Белицы, *Кривичи* на левом берегу Немана к северу от Новогрудка, *Кривичи* к западу от Деречина вблизи Зельвянки. На первый взгляд, их характеристика была бы уместной в главе о славянизации, но хронология использования этого этнонима выходит за рамки «племенного» периода.

Е. Охманьский вслед за Х. Ловмянским все эти названия относил к типу «периферийных» — возникающих на стыке племенных ареалов — и датировал их возникновение в широком диапазоне VII–XIII вв., прочерчивая по ним линию «литовско-русской этнической границы в племенную эпоху»⁴⁷. Напротив, Ф. Д. Гуревич считала их экстерриториальными (появившимися в результате переселения небольших групп кривичей в иноэтничное окружение)⁴⁸.

Названия кривичей, вятичей, радимичей и дреговичей продолжают фигурировать на страницах летописей и в XII в., когда другие «племенные» этнонимы из этнографического описания Повести временных лет перестают употребляться⁴⁹. При описании событий XII в. они чаще выступают как территориальные обозначения. Под 1127 г. походом «на Кривиче» назван масштабный поход, направленный киевским князем

⁴⁶ Гуревич Ф. Д. 1) О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 36–40; 2) Летаписны Новгородок. С. 232; *Раннопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 64; Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. М., 2006. Кн. 2. С. 86–87, 102.

⁴⁷ *Lowmiański H.* Początki Polski. T. II. S. 281; *Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. S. 27–31.

⁴⁸ Гуревич Ф. Д. Летаписны Новгородок. С. 67.

⁴⁹ Паушто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 108–110; Лукин П. В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: Историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 271–280.

Мстиславом Владимировичем против полоцких князей⁵⁰. В следующий раз мы встречаемся с производными этого термина под 1130 г., когда Мстислав послал «по кривитьстеи (кривскыа) князе», посадил их в три лодьи и «за неслоухание» отправил в Константинополь⁵¹. Снова название связывается с полоцкой княжеской династией при описании похода на Слуцк в 1161/1162 гг., среди участников которого названы кривские князья («съ кривьскими (кривскыми) князьми»⁵²). Участником похода был Володарь Глебович и, возможно, его старший брат Ростислав Менский, если он еще был жив⁵³.

О чем говорит употребление этих терминов — об устойчивости книжной традиции или о широком использовании термина? Упомянутые топонимы, сконцентрированные вдоль границ владений полоцких князей, свидетельствуют в пользу второго. Кроме того, термин был заимствован носителями балтских говоров (как известно, в современном латышском языке этноним отражен в безсуффиксальной форме *krievi* «русские»). В летописях при описании событий IX–XII вв. до 1127 г. фигурирует форма *кривиче* и *кривитьстеи*, а в последних известиях 1130 и 1161 гг. прилагательное встречается уже без патронимического суффикса — *кривские князе*. Несмотря на то, что в современном литовском это обозначение не известно, на возможность его присутствия ранее в говорах Литвы указывает *Kriveikiškiai* — название городского могильника XIV в. в Кярнаве, часть похороненных в котором составляли христиане⁵⁴.

Если учитывать упомянутые обстоятельства, то становится ясно, что топонимы типа *Кривичи* могли возникать в зоне балто-славянских контактов в самых различных ситуациях: в разных языковых традициях обозначение могло быть связано со славянским языком, христианством, определенной территорией, полоцкой княжеской династией.

Наиболее загадочным остается наименование новгородской округи «землей *Criwicie*» в XIV в. при описании неудачного похода орденского отряда на Новгородок. Петр Дусбург в «Хронике Прусской земли», законченной во второй половине 20-х гг. XIV в., сообщает о походе Генриха фон Плоцке на «Землю Кривичи»⁵⁵ (*ad terram Criwicie*) в сентябре

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 297.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

⁵² Там же. Стб. 521.

⁵³ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 272–273.

⁵⁴ *Zabiela G. Laidosena pagoniskojoje Lietuvoje // Lietuvos archeologija. 1998. T. 15. Vilnius. P. 356–358.*

⁵⁵ В. Т. Пашуто переводил это обозначение как «земля кривичей», В. И. Магузова — как «кривичская земля». П. В. Лукин считал последний вариант предпочтительным (*Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях»... С. 110; Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. С. 173; Лукин П. В. Восточнославянские «племена»... С. 283.*

1314 г. и разорении города, называемого малым Новгородом (*parva Novgardia*). Братья Ордена опустошили город и округу, переночевали под стенами замка, предприняли его штурм, а после этого, оставленные без провианта в результате действий Давыда Городенского, возвратились в Пруссию⁵⁶.

Стихотворный перевод латинской хроники Дусбурга на немецкий язык, выполненный Николаем Ерошиным, сохраняет фабулу известия Дусбурга и дополняет его новыми подробностями (такими, как смерть под стенами Новогрудка погезана Дивана). У Ерошина мы встречаем название *Iant Kriwitzin* и, возможно, наименование населения этой земли (?): *Di vart was kegn Kriwitzin*⁵⁷. Краткое сообщение о походе на Новогрудок можно обнаружить в рукописи «Самбийского каноника» XIV в.: *Fuit expedicio versus Kriwicz*⁵⁸, далее направление похода указывается *in fines Ruthenorum Criwicz*⁵⁹.

Для немецких источников XIV в. обычна практика обозначения территории по названию имения, что видно из описания Вигандом Марбургским похода 1361 г., который был направлен *in Russyam in terram Delitzc*. Так названо великокняжеское имение Делятичи, располагавшееся к северо-востоку от Новогородка на Немане. В 1830 г. И. Фойгт, учитывая более позднюю версию рассказа Ерошина, в которой штурм Новогородка по недоразумению перенесен под стены замка Кривич (*Kriwicz castrum*), выдвинул версию, согласно которой поход 1314 г. разорил поселение в районе современной деревни Кривичи Лидского р-на⁶⁰. С этой же деревней связал появление названия *terra Criwicie* издатель Хроники Дусбурга М. Теппен⁶¹. В таком случае, княжеский двор Кривичи на берегу Немана в начале XIV в. необходимо считать своеобразным административным центром округи. Согласно другой, не менее популярной версии, обозначение Дусбурга считается признаком «кривичского характера Черной Руси», проявлением исторической памяти о «племенном» периоде истории Понеманья⁶².

⁵⁶ SRP. T. I. P. 180.

⁵⁷ «Поход был направлен против кривичей» (Ibid. P. 584–586).

⁵⁸ «... в 1314 г. был поход на Кривич» (Ibid. P. 282).

⁵⁹ Ibid. P. 285.

⁶⁰ Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. IV. Königsberg, 1830. P. 302.

⁶¹ SRP. T. I. P. 180; также см.: Петр из Дусбурга. С. 328.

⁶² Bonnel E. Russisch-litwändische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862. P. 161–162; *Lowmiański H. Początki Polski*. T. II. S. 281; *Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. S. 27–31; *Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок*. С. 67; *Лукин П. В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: Историческая память и реальность*. С. 282.

Наконец, кривичско-полоцкий след в истории Понеманья связан с вопросом о местоположении Городца — крепости, единственный упомянутой раз в Ипатьевской летописи под 1161/1162 г. при описании похода полоцкого князя Рогволода Борисовича на Володаря Глебовича. Исходя из контекста сообщения, она должна находиться вблизи Менска и Слуцка:

«Приходи Рогъволодь на Володара с Полотъчанъи к Городцю. Володаръ же не да ему полку въ днѣ но ночь выступи на нь из города с литьвою и много зла створиса в ту ночь внѣхъ избыша а другиа руками изоимаша множество паче избыены⁶³. Рогъволодь же въбѣже въ Случьскъ и ту бывъ три днѣ и иде въ Дрыютескъ а Полотъску нѣ смѣ ити занеже множество погибе Полотчанъ»⁶³.

Между Новгородской и Менской волостями находился значительный лесной массив, часть которого — современная Налибоцкая пушта). По нему Л. В. Алексеев провел западную границу Полоцкой земли⁶⁴. Парадоксально, но сам исследователь считал возможным искать Городец в Понеманье, к западу от собственноручно прочерченной черты. Он не исключал, что Городцом может быть Городея к северо-западу от Несвижа или Городище к северу от Барановичей⁶⁵. Другие исследователи искали Городец в Витебской области (дер. Городец Шарковщинского р-на, город Городок) или в Минском районе (Семков Городок, Острошицкий Городок)⁶⁶. Однако все упомянутые городища либо не обладают культурным слоем XII в., либо слишком удалены от Менска и Слуцка. Нет оснований также отождествлять этот пункт с Городном на Немане⁶⁷, поскольку в Городне в это время правила линия Всеволодковичей.

Более правдоподобной выглядит версия Н. П. Барсова, располагавшего твердь Володаря на месте небольшого городища Городок в верховьях притока Немана р. Березины (Молодеченский район)⁶⁸. Однако и здесь культурный слой XII в. не обнаружен⁶⁹. Наконец, оригинальное предположение сделал В. А. Чемерицкий — он отождествил Городец с Ново-

⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 519.

⁶⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 75–79; Назаренко А. В. Городенское княжество. С. 183–184.

⁶⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 184.

⁶⁶ См.: Довнар-Запольский М. Ф. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. С. 49. Примеч. 122; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 184; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978. С. 23; Штыхов Г. В., Семянчук Г. М. Гарадзец // ЭГБ. Минск, 1994. С. 471; Творогов О. В. Городец (Городно, Городен) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. II: Г–И. СПб., 1995. С. 49–50.

⁶⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 374.

⁶⁸ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 162; Довнар-Запольский М. Ф. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. С. 49; Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. С. 26.

⁶⁹ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 92–93; Штыхов Г. В., Семянчук Г. М. Гарадзец. С. 471.

городком (так, по его мнению, город стал называться после строительства новых укреплений в конце XII в.)⁷⁰.

Итак, вопрос о расположении Городца остается открытым. Несмотря на это, именно князя Менской и Изяславльской волости были носителями верховной власти в крайней восточной, слабозаселенной, части Верхнего Пономанья, прилегающей к днепровско-неманскому водоразделу.

Такова география административно-территориальных центров Пономанья в XII в. В развитии наиболее значительных из них можно проследить общие закономерности. Как отметил Г. Н. Семенчук⁷¹, организация локальных политико-административных центров извне силами центральной власти были причиной экономического расцвета возникновения городов. Присутствие местных элит вызывало спрос на эксклюзивные товары и притягивало ремесленников и купцов. Наличие постоянной власти, династической преемственности, интеграция разных культурных групп, делали более легкой экономическую деятельность и коммуникацию. Волынские, киевские колонисты, выходцы из других земель Руси получали защиту князя, условия для получения прибыли и социального статуса. Расцвет городских посадов совпадает с периодом сравнительной стабильности княжеской власти.

В становлении нового порядка трудно недооценить значение христианизации. Утверждение княжеской власти на балто-славянской периферии предполагало не только возведение городских стен, но и организацию внутри них мест отправления общественного культа. После возведения каменных храмов в городах Пономанья они становились местом, где «небеса встречаются с землей»⁷², происходило возникновение особого социального мира, обитатели которого обладали специфической религиозной и территориальной идентичностью. По словам В. П. Даркевича,

«Возвышавшийся на высоком берегу реки город, окруженный стенами с башнями, с монументальными храмами, княжескими и боярскими строениями, производил на приближавшихся путников впечатление чуда. Природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное, окультуренное пространство, упорядоченный и одомашненный мир, где его обитателям не грозит опасность, где они всегда среди своих»⁷³.

⁷⁰ Беларускія летапісы і хронікі / Ўкл. Арлоў У., Чамярыцкі В. Мінск, 1997. С. 395.

⁷¹ Семянчук Г. Генезіс беларускіх гарадоў у ранім сярэднявеччы (IX–XIII стст.). С. 20.

⁷² Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию В. В. Мавродина. Вып. 10. Л., 1987. С. 24–25.

⁷³ Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 57.

Под сенью сводов каменных церквей и защитой городских стен у местных жителей утверждалось осознание себя представителями новой конфессиональной и культурной общности — Русской земли, «крестянского языка». В результате христианизации по всему пространству Русской митрополии распространились единые символы, обряды, молитвы, почитание одних и тех же святых. И в этом смысле земли Понеманья, не входившие в состав поднепровской Русской земли (о ее границах см. работы А. Н. Насонова и В. А. Кучкина⁷⁴), стали частью той «земли русской», граница которой, по словам книжника XIII в., простиралась «от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы».

По мере удаления из городов по направлению к болотам, из которых, по выражению русского книжника, «не выныривала на свет литва», культурный ландшафт и механизмы самоидентификации приобретали иные формы. Очевидно, в сильной степени идентичность зависела от социального статуса. Значение имели близость или удаленность от политических центров, коммуникативных путей, степень вовлеченности групп населения и отдельных лиц в систему военно-административных и экономических отношений со столицами. Однако не стоит преувеличивать степень культурной инаковости сельского окружения: городская культура непрерывно воздействовала на сельскую. Показателем этого процесса можно считать некоторые данные о распространении погребального обряда.

Нередко можно встретить утверждения о том, что особенностью религиозной ситуации в Понеманье в связи с его периферийностью было долгое сохранение язычества — до конца XI в. или даже XII в.⁷⁵ Но если принять за показатель начала христианизации переход от трупосожжений к трупоположениям⁷⁶, нельзя не отметить достаточно быстрое распространение трупоположений в курганах Понеманья уже во второй половине XI в.⁷⁷ Курганы с трупосожжениями в Понеманье, которые следует считать, безусловно, языческими, датируются X — первой половиной XI в.: это курганный комплекс с каменными конструкциями в Ясудово⁷⁸, безинвентарные единичные курганы недалеко от городища Кошели на Зельвянке⁷⁹,

⁷⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 42, 44, 46, 216–217; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГВЕ: 1992–1993. М., 1995. С. 90, 95–96.

⁷⁵ Рапов О. М. Русская церковь в XI — первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 239; Зайкоўскі Э. Язычніцкія свяцілішчы паўночнай перыферыі ўплываў Галіцка-Валынскага княства. С. 33–37.

⁷⁶ Об изменении похоронного обряда в контексте христианизации см.: Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб., 2002.

⁷⁷ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 99–110.

⁷⁸ Krukowski S. Cmentarzysko mogił ciałopalnych w Jasudowie pod Sopoćkiniami (w pow. Augustowskim, gub. Suwalskiej) // Światowit. T. IX. Warszawa, 1911. S. 1–21.

⁷⁹ Седов В. В. К истории поселений Черной Руси // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 32.

курган в Волковыске в 150 м от городища Муравельник (недалеко от урочища Мышкова Гора, на котором был найден наконечник копья с Готланда)⁸⁰. В слое под курганом найдены идентичные происходящим из культурного слоя на городище Муравельник типы наконечников стрел, серп «славяно-литовского» типа⁸¹. Курганы с кремациями и бедным инвентарем известны на территории Новогрудской возвышенности (Гордиловка, Лодейники)⁸². В некоторых могильниках сельской местности (например, Сулятичи) кремации встречаются и в XII–XIII вв.⁸³, но в течение XI в. обряд труположения становится преобладающим на всем Левобережье Понеманья.

Территория распространения труположений показывает не столько пространство культурного воздействия городов, которые только возникали, но пространство культурной лояльности Киеву и Турову. Вся территория к югу от Немана, следовательно, вошла в состав этой «зоны лояльности».

Особенности социального устройства городов Понеманья, как и функционирование большинства общественных институтов, не отражены в источниках. Ф. Д. Гуревич по археологическим данным реконструировала элементы общественной организации Новогрудка и считала, что здесь существовала особая ремесленная корпорация ювелиров, в какой-то мере сопоставимая со средневековыми «цехами»⁸⁴. На тех же основаниях, впрочем, пришлось бы искать подобные корпорации во многих крупных древнерусских городах, где сохранились следы компактного проживания ремесленников⁸⁵.

Из должностей древнего Городна посчастливилось однажды попасть на страницы летописей тысяцкому — в 1170 г. из-за стен осажденного Вышгорода вырываются половцы (погании) и захватывают его в плен («аша бо тысяцкого Всеволодковича⁸⁶»). Лишь князя — военные предводители, верховные судьи и проводники провидения, власть которых принадлежала им по праву рождения, — удостоились того, чтобы их имена не были забыты потомками.

⁸⁰ *Звяруга Я. Г.* Раскопки курганоў у вярхоўях Росі і Зельвянкі // ГАЗ. № 22. С. 210–214.

⁸¹ Там же. С. 214.

⁸² *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII в. С. 100–101; *Гуревич Ф. Д.* Летаписны Новгородок. С. 63–64.

⁸³ *Гуревич Ф. Д.* Летаписны Новгородок. С. 64.

⁸⁴ Ядром этой организации был, по ее мнению, окольный город, застроенный большими домами с застекленными окнами, в которых жили богатые ремесленники, значительную часть которых составляли ювелиры (*Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. С. 127–137).

⁸⁵ См. критику цеховой гипотезы: *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. С. 125.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 549.

Князья Неманского края

Изяславъ же рече Борисови Городеньскому: ...
а поѣди, брате, Бѣлугороду по борови

Борисъ же рече: все я брате готовъ есмь

*Ипатьевская летопись, 1151 г.*⁸⁷

Городенский князь Всеволодко впервые упомянут под 1116/1117 г., когда он женился на Агафье, дочери киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха («Володимеръ ѿда дщерь свою Отафью за Всеволодка») ⁸⁸. Спустя десятилетие под 1127/28 и 1131/32 гг. летопись называет *Всеволодка из Городна* союзником киевского князя Мстислава Владимировича в походах «на Кривиче» и «на Литву» ⁸⁹.

Многие годы в историографии Всеволодко считался сыном Давыда Игоревича — тмутараканского (1082–1083), волынского (1086–1098), дорогобужского (1084–1085, 1100–1112) князя. Но в 1998 г. А. В. Назаренко обратил внимание, что подобная генеалогия восходит к предположительной идентификации этого князя создателем Густынской летописи XVII в. (где городенский князь под 1116 г. спутан с Всеволодом Давыдовичем *Черниговским*⁹⁰, а под 1132 г. назван Всеволодом *Юрьевичем Городенским*⁹¹) и В. Н. Татищевым⁹². Ни в каких более ранних летописных списках отчество князя не указывалось. Если Всеволодко действительно был Давыдовичем, то его брак с Агафьей не соответствовал церковным канонам, по которым запрещалось родство супругов в 6-й степени (3:3)⁹³. Кроме того, Давыд Игоревич никогда не владел территориями к северу от Припяти. Понеманье во второй половине XI в. политически было связано с Берестьем, Туровом и Пинском, в связи с чем более логично

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 433.

⁸⁸ Там же. Стб. 284.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 297; Т. II. Стб. 291, 294.

⁹⁰ «В се же лето Володымеръ отдаде дщер свою Агафию за Всеволода Давыдича Чернеговского» (ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 75).

⁹¹ Там же. С. 77.

⁹² Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. // ДГВЕ. 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 169–188. — В 2009 г. опубликован переработанный текст этой статьи, расширенный ответом на критику А. Г. Плахонина (Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 124–161). Подробный разбор сведений Татищева см.: Плахонин А. Г. 1) Всеволодко Городенський: Василь Татищев та джерела до вивчення генеалогії Рюриковичів // Записки НТШ. Т. ССXL. Праці комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С. 219–236; 2) «История Российской» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 299–320.

⁹³ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 172.

искать предков Всеволодка в числе князей, владевших этими городами в конце XI – начале XII в.

А. В. Назаренко предложил считать его отцом не Давыда Игоревича, а Ярослава Ярополчича, пытавшегося укрепиться в Берестье в 1101 г., и умершего через год в плену у своего дяди, киевского князя Святополка Изяславича⁹⁴. В развернувшейся полемике А. Г. Плахонин призвал не торопиться с пересмотром генеалогии, указав на конкретные примеры возможного нарушения запрета родственных браков⁹⁵. А. В. Назаренко признал, что нарушения канонов могли иметь место, но воспринимались современниками именно как нарушения⁹⁶. В любом случае, существование такого запрета говорит не в пользу старой версии генеалогии. Не менее важно, как подчеркнул А. В. Назаренко, учитывать обстоятельства наследования столов: Всеволодко мог бы считаться сыном Давыда Игоревича, если бы получил в удел Дорогобуж или городки Погорынья, но после смерти Давыда в 1113 г. все эти земли вошли в состав владений владимирского князя Ярослава Святополчича. Всеволодко не получил их даже после бегства Ярослава с Владимирского стола и установления контроля Владимира Мономаха над Вольнью в 1117 г.

Вовсе не обязательно считать, что имя городенского князя повторяет имя Всеволода Игоревича, брата Давыда⁹⁷. Наречение Всеволодка с такими же основаниями можно связывать с именем киевского князя Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха. Как известно, зачастую княжеское имя задавало княжичу-младенцу своеобразную «программу» на будущее, в его выборе выражались политические союзы и родственные связи той линии Рюриковичей, представителем которой был нарекаемый⁹⁸. Если считать, что наречением Всеволодка Ярославича Городенского предопределялась его будущая связь с потомками Всеволода Ярославича

⁹⁴ Там же. С. 177–180.

⁹⁵ Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 322. — Против пересмотра генеалогии Всеволодка выступил и Л. Войтович, считая, что в политических целях Рюриковичи обходили церковные запреты (Войтович Л. Княжа доба на Русі: Портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 331–332).

⁹⁶ Исследователь опроверг некоторые из приведенных А. Г. Плахоным примеров (Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. С. 128, 151–156).

⁹⁷ Гостев А. П. О возникновении удельного Городенского княжества и князьях городенских // Наш радавод: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX ст.ст.» (Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1993 г). Кн. 5. Ч. 1. Гродна, 1993. С. 108; Плахонін А. Г. 1) Всеволодко Городенський: Василь Татишев та джерела до вивчення генеалогії Рюриковичів. С. 234; 2) «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 321.

⁹⁸ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Киевского, то эта «программа» была выполнена не только самим горденским князем, женившимся на внучке Всеволода Агафье, но и его сыновьями — союз Всеволодовичей с Мономашичами на протяжении XII в. является редким примером такой последовательности в отношениях между княжескими семьями.

Дополнительный (хотя и косвенный) довод в пользу происхождения Всеволодка от Ярослава Ярополчича привел сам А. Г. Плахонин, который заметил, что у сына Глеба Всеславича от брака с дочерью Ярополка Изяславича Анастасией (теткой Всеволодка, согласно версии А. В. Назаренко), появляется ранее не характерное для полоцкой династии имя Всеволод, которое носил младший брат Ростислава и Володаря⁹⁹. Конечно, Глебович мог быть назван в честь киевского князя Всеволода Ярославича, но и копирование имени близкого родственника вполне соответствует княжеским обычаям.

Нет подтверждений в пользу происхождения Всеволодка от Давыда и в материалах сфрагистики. Две свинцовые печати были найдены в Гродно около 1938 г. при раскопках на Замковой горе. На одной из них погрудное изображение Иоанна Предтечи (обозначенное буквами «I G A») на оборотной стороне сопровождалось легендой «+ДЪ НЪ СЛ(ОВО)». В 1946 г. Ю. Йодковский прочел надпись на обороте, как «Давида слово» и приписал печать Давыду Игоревичу¹⁰⁰. Печать, как ему казалось, позволяла говорить об участии Давыда в строительстве резиденции на Немане. Но формула «дънь слово», которая характерна для особого типа древнерусских булл (всего не менее 40 экземпляров)¹⁰¹,

⁹⁹ Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 329. — А. В. Назаренко высказал сомнения в том, что Ярополковна была матерью Ростислава Глебовича, поскольку брак Глеба Всеславича с Ярополковной мог быть не первым (Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. С. 153–154). Представляется, что по поводу матери младшего Всеволода Глебовича таких сомнений не должно возникать.

¹⁰⁰ Jodkowski J. Pieczęcie ruskie z XI–XII w. znalezione w Grodnie i Drohiczyńie // Przegląd Historyczny. T. 37, 1948. S. 163.

¹⁰¹ В историографии нет единства по поводу прочтения данной легенды. Наиболее удачной представляется версия В. К. Зиборова — «д(ан)ънь слово», т. е. «данное слово», или «слово о дарении» (исследователь связал эти печати с практикой земельных дарений во время активного монастырского строительства, которое началось в 70–80-е гг. XI в. и даже считал возможным по распространению печатей судить о количестве монастырей в русских землях). Н. П. Лихачев прочитал ее как «(Въ) дънь слово», то есть «слово внутри». Такой же смысл вкладывал в эту фразу В. Л. Янин: «слово внутри, разверни и читай». Рыбаков понимал ее как указание на тайную переписку. В. В. Нимчук реконструировал вариант «дънь с(ъ)слово», «речь посла», С. В. Белецкий — «дѣ(а)н(и)ѣ с(ъ)слово», «деяние посла». Наиболее оригинальную версию предложил А. В. Назаренко — «слово против дны (демонического существа женского рода)», считая серию находок не актовыми печатями, а более дешевыми

не оставила сомнений, что идентификация Давиду ошибочна. Тем более что изготовленные с той же матрицы печати с изображением Иоанна Предтечи (№ 85 по В. Л. Янину) были найдены также в Дорогичине (2 шт.), в Стеблёве на р. Рось (Черкасская обл.) и в Великом Новгороде. В. Л. Янин приписал эти печати Ярославу Святополковичу, поскольку вариант № 85 «тяготеет к западным районам Руси» (аргумент, нужно признать, зыбкий, учитывая находки в Новгороде и в Южной Руси).

На другой печати изображение молодого святого, похожего на св. Глеба, соседствовало на обороте с процветшим крестом (№ 333, 2 по В. Л. Янину). В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков и А. Г. Плахонин как представляется, вполне обоснованно считали ее владельцем Глеба Всеславича Менского¹⁰². А. В. Назаренко предположительно приписал печать городенскому князю Глебу Всеволодовичу, не исключая, что процветший крест мог быть геральдическим знаком городенской династии¹⁰³. При этом сам исследователь упомянул аргумент против такой идентификации: печати с погрудным изображением святого были распространены в первой половине XII в., а Глеб Всеволодович стал князем во второй. Процветший крест также изображен на сimeoновской печати, найденной в Волковыске¹⁰⁴, но даже после этой находки мысль Н. Н. Ворониной о том, что Всеволодко носил крестное имя Симеон, остается лишь

аналогами амулетов-змеевиков. Разошлись мнения и о времени их бытования. В. Л. Янин датировал печати узким периодом княжения Святополка Изяславича (1093–1113 гг.). По мнению В. В. Булгаковой, региональные особенности печатей не подтверждают столь краткого периода их существования (см.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. М., 1970. С. 75–86, 184–185. Таб. 41–42; *Назаренко А. В.* О древнерусских печатях с надписью ДЬНѢСЛОВО // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 20–22 февр. 1995 г.: Тез. докл. М., 1995. С. 49–53; *Зиборов В. К.* «Даньѣ слово» в Древней Руси // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 217–255; *Булгакова В. В.* Печати («дньеслово»): Ситуационный анализ // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998. С. 206–208; *Белцкий С. В.* Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб., 2001. (Исследования и музеификация древностей Северо-Запада. Выпуск 4). С. 53–57).

¹⁰² *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 61; *Плахонін А. Г.* Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Число 6 (7). Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського: У 2 ч. Ч. 1. Київ, 2001. С. 146–149.

¹⁰³ *Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 186.

¹⁰⁴ *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. С. 134. Рис. 40, 2.

предположением, хотя и чуть более весомым¹⁰⁵. Заманчивой, но от этого не более убедительной, представляется идентификация сыну Всеволодка Глебу дорогичинской пломбы с Симеоном и молодым князем, похожим на св. Глеба¹⁰⁶.

Даже если признать, что найденная в Дорогобуже печать с изображением процветшего креста и св. Давыда принадлежит Давыду Игоревичу¹⁰⁷, ее наличие никак не свидетельствует о династической связи Давыда с городенскими князьями. А. Г. Плахонин отметил, что процветший крест не может считаться княжеским знаком — он был общим христианским символом, на что указывает его использование в начале XII в. представителями разных княжеских линий¹⁰⁸.

Таким образом, более вероятно, что Всеволодко Городенский происходил из боковой ветви старшей линии Ярославичей, представители которой занимали в свое время киевский стол, но потеряли влияние в результате усиления конкурирующих семей. В таком случае, его прадед Изяслав Ярославич занимал туровский, новгородский и киевский стол, был женат на дочери польского князя Мешко II Гертруде, боролся за Киев против Всеслава Полоцкого и против собственных братьев. Дед Ярополк, изображенный на миниатюрах «кодекса Гертруды», был туровским, волыньским князем, получил в Риме от папы исключительные права на Русское королевство, но не смог закрепить наследование за своими потомками и был убит в 1086 г.

Пытаясь получить в управление часть отчины, отец Всеволодка Ярослав Ярополчич в 1101 г. сделал попытку захватить Берестье, но в итоге борьбы был схвачен на р. Нур в Побужье в 1102 г. и умер в заключении¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Основанием для такой гипотезы было наличие пластины с изображением св. Симеона в Гродно и пломб с изображением св. Симеона и процветшего креста в Дорогичине. Н. Н. Воронин одновременно допускал принадлежность симеоновских пломб волыньскому епископу Симеону (*Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 146. Примеч. 1*).

¹⁰⁶ *Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 186; Плахонин А. Г. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел... С. 146.*

¹⁰⁷ *Плахонин А. Г. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел... С. 139–143.*

¹⁰⁸ Там же. С. 142, 146, 149.

¹⁰⁹ Ряд дореволюционных исследователей полагали, что Ярослав Ярополчич был женат на старшей дочери польского князя Владислава Германа (от второго брака с Юдитой Марией), но серьезных аргументов в пользу этого нет. Галл Аноним сообщает лишь, что она вступила в брак на Руси (МРН. Т. I. С. 429). В 1882 г. И. А. Линниченко предположил, что «мужем дочери Владислава мог быть Ярослав Ярополчич или Ярослав Святополчич (сын Святополка II)» (*Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия // Университетские известия. Киев, 1882. № 10. С. 250*). С предположением Н. М. Карамзина, что она была женой Давыда Игоревича, И. А. Линниченко не согласился в силу большой разницы в возрасте (дочь польского князя родилась не ранее 1089–1090 г.). Н. А. Баумgarten посчитал кандидатуру Ярослава

Берестье и Туров были переданы его двоюродному брату, волынскому князю Ярославу (сыну киевского князя Святополка Изяславича).

В правление Ярослава Святополчича на северных окраинах его волостей произошел всплеск военной активности, как можно судить из сообщений летописи о двух походах Ярослава на ятвягов — в 1112/1113 г. и еще одного несколько ранее¹¹⁰. Нельзя исключать, как полагал Н. Н. Воронин, что именно тогда произошла гибель первоначального поселка в Городне, которую Н. Н. Воронин датировал началом XII в.¹¹¹ Сразу после этого крепость отстраивается с более мощными укреплениями.

Мнение А. В. Назаренко о том, что Всеволодко получил город незадолго до своей свадьбы¹¹², вписывается в то немногое, что известно о судьбе Берестейской волости в этот период. Выделение из нее Городенской волости, может быть, связано с переделом княжений, произведенном Владимиром Мономахом после смерти киевского князя Святополка Изяславича в 1113 г., и вызвано стремлением упрочить границы на важном стратегическом направлении. Молодой Всеволодко, вошедший в состав ближайших свойственников киевского князя, стал его сторонником и поэтому не участвовал в войне Глеба Всеславича Менского и Ярослава Святополчича с Мономахом.

После смерти Мономаха в 1125 г. Всеволодко остается под знаменами его сына, киевского князя Мстислава Владимировича. Под 1127 г. он упомянут в числе участников общерусского похода «на кривиче», а в 1131/1132 г. вместе с Мстиславом он ходил на Литву¹¹³, в северо-восточную часть Верхнего Понеманья и в бассейн Вилии.

Ярополчича наиболее подходящей (*Баумгартен Н. А.* Кунигунда Орламюндская княгиня Русская и ее потомство // ЛИРО. 1909. № 3. С. 35–36). Тогда, однако, придется признать, что польская княжна успела стать матерью и вдовой в возрасте 12–13 лет. О. Бальцер высказался в пользу Ярослава Святополчича, поскольку именно он в 1107 г. выступал посредником в споре сыновей Владислава Германа — Збигнева и Болеслава Кривоустого (*Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 123*). Но учитывая, что Болеслав Кривоустый был женат на родной сестре Ярослава Сбыславе, этот аргумент не может считаться определяющим. Резюмируя столетние разыскания, К. Ясиньский посчитал вопрос о муже Владиславы открытым. По его мнению, она вышла замуж в 1101–1111 г. и была жива около 1112 г., когда Галл Аноним трудился над хроникой (*Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Poznań, 2004. P. 195–196; см. также: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноευропейские источники / Сост. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. № 29. Примеч. 48*).

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 289. — О возможной связи этой экспедиции с походами Болеслава Кривоустого на пруссов см.: *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша... С. 65–66; *Viatuński G. Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich.* S. 34.

¹¹¹ *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. С. 199.

¹¹² *Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 180.

¹¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 297; Т. II. Стб. 291, 294.

Зимой 1141/1142 г. Всеволодко Городенский умер¹¹⁴, оставив отчину сыновьям Борису, Глебу и Мстиславу, поочередно занимавшим отцовский стол во второй половине XII в. «Всеволодковича два Борис и Глеб» впервые упоминаются в 1144 г. среди участников масштабного похода на Владимирко Галицкого, возглавляемого киевским князем (в 1139–1146 г.) Всеволодом Ольговичем. Вероятно, в это время старший из братьев Борис княжил в Городне, а Глеб — в Волковыске¹¹⁵.

В 1142 г. представители правящего на Руси клана Ольговичей Владимир и Изяслав Давыдовичи получили в управление Берестье, а также Дорогичин, важный русский торговый центр на ятвяжском направлении¹¹⁶. Через три года в награду за военную помощь в борьбе против Болеслава Кудрявого Ольговичам досталась также пограничная Визна, выделенная Владиславом II из мазовецких владений. В 1144 г. Всеволод Ольгович выдал замуж дочерей Всеволодка Городенского — одну за Владимира Давыдовича, который, видимо, и получил Дорогичин, другую за Юрия Ярославича, княжившего в одном из городов Туровской земли. А. В. Назаренко видит в этих браках стремление киевского князя обеспечить стабильность вокруг молодых городенских князей¹¹⁷. Г. Бялуньский полагал, что браки могут быть намеком на создание Всеволодом Ольговичем союза, направленного против мазовецкого князя Болеслава Кудрявого и имевшего целью усилить влияние Руси на ятвяжском направлении¹¹⁸.

Возможно, у Всеволода Ольговича были подобные намерения, но говорить об активном участии Бориса в таком союзе нет оснований. Он оставался лоялен Всеволоду, пока тот был киевским князем. Когда после его смерти в августе 1146 г. столицей Руси завладел двоюродный брат Бориса волынский князь Изяслав Мстиславич, то городенский правитель, по-видимому, сразу стал его поддерживать — по крайней

¹¹⁴ «В се же лѣто престависа Всеволодъ Городеньскій» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 309). В Никоновской летописи XVI в. появляется дата смерти Всеволодка, но происхождение ее не ясно: «Того же лѣта престависа благовѣрный князь Всеволодъ Городецкій, мѣсяца февраля 1 дня» (ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862. С. 166). Как отмечал А. В. Назаренко, «Если это уточнение верно, то смерть Всеволодка имела место 1 февраля 1142 г.» (Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 124). В Радзивилловской летописи указывается, что Всеволодко умер зимой 6649 г.: «тое ж(е) зимы преставис(я) Всеволод, Городньскій кн(я)зь» (ПСРЛ. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 111).

¹¹⁵ Аргументов для точки зрения А. В. Соловьева, который считал Бориса и Глеба совладельцами Городна и даже близнецами, недостаточно (Соловьев А. В. Новые раскопки... С. 92. Примеч. 2).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 310.

¹¹⁷ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 181.

¹¹⁸ Białuński G. Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. S. 56–57.

мере, он был его верным соратником в событиях 1151 г. В свою очередь, Изяслав был союзником Болеслава Кудрявого — отношения между ними установились еще в 1137 г., когда Болеслав женился на Верхуслане Всеволодовне, племяннице Изяслава. На помощь Изяславу, несмотря на прусскую угрозу, Болеслав приходил в 1150 г. После того как мазовецкий правитель в 1146 г. стал польским князем-принцепсом (в этом году под контроль Болеслава должна была вернуться Визна), Борис вряд ли был враждебно настроен по отношению к союзнику своего родственника.

Более того, учитывая географическое положение городенского княжества, местные князья являются одними из возможных участников похода Болеслава на пруссов в 1147 г.

В этот год по призыву Бернарда, аббата Клервосского, начался второй крестовый поход. Биться с сарацинами в Святую землю отправились немецкий император Конрад III и французский король Людовик VII, на Пиренеях начался очередной этап реконквисты, а часть восточнонемецкой, датской и чешской знати, не желая идти в Палестину, отправилась на ободритов и лютичей. Летом—осенью 1147 г. крестоносцы, к которым присоединился брат Болеслава Кудрявого познаньский князь Мешко, разорили земли этих народов.

Тогда же Болеслав Кудрявый, которому помогали отряды «рутенев», совершил поход в земли пруссов, о чем нам известно из Магдебургских анналов (запись оставлена в 70–80-е гг. XII в.):

«[Болеслав] с бесчисленным войском двинулся против пруссов, жесточайших варваров, проведя там длительное время. Против них, по неисповедимой воле Божией, с огромным числом воинов выступили также и русские (*Rutheni*), хотя и менее католики, но все же отмеченные именем христиан. Все они, после тщательнейших приготовлений и оснащения, с удивительным благочестием с разных сторон вступили в землю язычников, и вся земля содрогнулась от их вида; почти три месяца ходя [по Пруссии], они опустошали все, предавали огню города и укрепления и сожгли также храм с идолами близ города Мальхон, равно как и сам город»¹¹⁹.

Походы Болеслава и Мешко преследовали политическую цель — получить благосклонность папы и западнохристианского мира в соперничестве с Владиславом II Изгнанником, бежавшим к Конраду III¹²⁰. Территория военной экспедиции точно не указана. Х. Ловмянский

¹¹⁹ Текст в переводе А. В. Назаренко: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 390 (Оригинал: *Annales Magdeburgenses* // MGH. SS. T. XVI. Stuttgart, 1859. P. 188–189).

¹²⁰ *Białuński G. Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. S. 45; Сагановіч Г. Русь у палітыцы крыжовых паходаў (XII–XIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. Київ, 2003. С. 72.*

и Б. Влодарский считали, что Болеслав разорил землю ятвягов, расположенную ближе всего к территории русских княжеств¹²¹. Более вероятна точка зрения Г. Бялуньского, который указывал, что поход был направлен в пределы собственно Пруссии¹²².

Русскими участниками похода часто называли самого Изяслава Мстиславича и его брата Ростислава Смоленского¹²³. Но хотя Изяслав был основным русским союзником Болеслава, в 1147 г. он не мог участвовать в дальнем трехмесячном походе, поскольку был занят внутренней борьбой. С августа 1147 г. вплоть до начала 1148 г. вместе с Ростиславом Изяслав воевал в Черниговской земле против Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича. Не приходится говорить и о посылке им своего отряда в Польшу из Киева: во время подготовки войны с черниговскими князьями он остро нуждался в войсках и просил киевлян: «Собирайтесь от мала до велика, кто имеет коня, а кто не имеет — пусть в лодку садится»¹²⁴. Между тем, вероятным временем похода на пруссов были осень–зима 1147 г.¹²⁵

Кто тогда, если не Изяслав? Ясно, что участников похода стоит искать среди союзников русского или польского князя, и на эту роль не подходят черниговские Ольговичи, Владимирко Галицкий или Юрий Долгорукий.

А. В. Соловьев был первым, кому пришла в голову мысль, что «рутенами» в этом походе были городенские князья¹²⁶. Б. Влодарский, не называя конкретных имен, предполагал, что это был кто-то из князей, соседствующих с землей ятвягов¹²⁷. Г. Саганович признал наиболее вероятными кандидатурами правителей Городна, Волини или Берестья, где сидели братья и сыновья Изяслава Мстиславича¹²⁸. К этому списку

¹²¹ *Lowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. II. S. 249, przyp. 1; Włodarski B. 1) Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich. S. 25; 2) Sojusz dwóch seniorów (ze stosunków polsko-ruskich w XII wieku) // Europa – Słowiańszczyzna – Polska. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 358.*

¹²² На это указывают сообщения летописи, в которых противниками польских князей названы пруссы: в 1149–1150 г. Болеслав пришел на помощь Изяславу, оставив брата Мешко «стеречи земле своя от Пру», затем поляки поспешили вернуться, получив весть («уже идут Пруси на землю их») (ПСРЛ. Т. II. Стб. 385, 387). Нападение в начале 1150 г. могло быть продолжением конфликта 1147 г. (*Białyński G. Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. S. 46, 56.*)

¹²³ *Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów (ze stosunków polsko-ruskich w XII wieku). S. 358; Головки А. Б. Древняя Русь в Польша... С. 78.*

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 348–349.

¹²⁵ Б. Влодарский полагал, что по времени эта экспедиция совпадала с походом на ободритов (*Włodarski B. Sojusz dwóch seniorów... S. 358.*)

¹²⁶ *Соловьев А. В. Городенские князья и Деремела // Russia mediaevalis. Bd. 7, 1. 1992. S. 82.*

¹²⁷ *Włodarski B. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich. S. 25, przyp. 79.*

¹²⁸ *Саганович Г. Русь у палітыцы крыжовых паходаў (XII–XIII ст.). С. 72.*

можно добавить Туров, где с 1146 г. княжил сын киевского князя Ярослава. Но в силу определяющей роли Городна на «явтяжском» направлении участие местных князей — двоюродных братьев Изяслава — достаточно правдоподобно.

Борис Городенский многократно упомянут в числе сторонников Изяслава при описании событий 1151 г.¹²⁹ Под стенами Киева у Лядских ворот 30 апреля этого года городенский отряд принял участие в крупнейшей битве Изяслава и его союзников с войсками Юрия Долгорукого¹³⁰.

По расчетам А. В. Назаренко¹³¹, Борис умер не позднее 1166 г., поскольку его брат Глеб уже правил в Городне при Ростиславе Мстиславиче¹³², а когда после смерти последнего в 1167 г. волынский князь Мстислав Изяславич просил помощи в экспедиции на Киев, он обратился «къ Всеволодковичама»¹³³. Их, судя по двойственному числу в обращении, оставалось двое. На подмогу Мстиславу Изяславичу приходил Мстислав Всеволодкович¹³⁴.

Смерть Глеба А. В. Назаренко датировал февралем 1170 г., когда, по мнению исследователя, грозившая Городенскому князю болезнь помешала его младшему брату лично отправиться на помощь Мстиславу Изяславичу¹³⁵. Впрочем, далеко не ясно, что в действительности было причиной отсутствия Городенских князей, как не ясно и то, к внукам или сыновьям Всеволодка относится упоминание о городенских князьях в 1173 г.¹³⁶, когда они уже ходили под рукой Андрея Боголюбского. Мстислав один назван в составе участников общерусского похода против половцев в 1183 г.¹³⁷, и это последнее упоминание Всеволодковичей в XII в.

Не исключено, что кто-то из представителей местной династии был похоронен в Нижней церкви, где обнаружены два скелета — один в углу под хорами, другой близ алтарной преграды¹³⁸. Кроме того, многие исследователи связывали с городенскими князьями двузубцы, изображенные

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 410, 413, 424, 426, 427, 433.

¹³⁰ Там же. Стб. 428–432. — Войска Изяслава защищали, а не осаждали Киев, как ошибочно указывал Н. Н. Воронин (*Воронин Н. Н. Древнее Гродно*. С. 14).

¹³¹ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 170.

¹³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 528.

¹³³ Там же. Стб. 533.

¹³⁴ Там же. Стб. 538.

¹³⁵ Назаренко А. В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 170.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 574.

¹³⁷ Там же. Стб. 631. — О. Прицак на основании ошибочной идентификации В. Н. Татищева считал, что участник похода 1184 г. Мстислав Городенский был не Всеволодковичем, а Владимировичем (*Прицак О. «Деремела — Бродники» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1965. Vol. 9. P. 82–96). С обоснованной критикой такого мнения выступил А. В. Соловьев (*Соловьев А. В. Городенские князья и Деремела*. S. 70–74).

¹³⁸ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 122.

на кирпичах княжеского терема в Гродно (как указывал В. В. Воронин, он был возведен в третьей четверти XII в.)¹³⁹. Вероятным владельцем двузубца с крестовидной ножкой Н. Н. Воронин считал Всеволодка. В. Голубович связывал знаки (не указывая, какие именно) с одним из его сыновей — Борисом или Глебом¹⁴⁰. А. В. Назаренко «чистый» двузубец с крестовидной ножкой предположительно приписал Борису Всеволодовичу, а знаки с крестом на левой и правой мачтах — Глебу и Мстиславу соответственно¹⁴¹. Между тем неизвестно, кто был заказчиком партии кирпичей, использовавшихся при строительстве, и даже где они производились. Согласно гипотезе С. В. Белецкого, различные варианты двузубцев использовались в XII в. потомками Владимира Мономаха¹⁴². С ними у Всеволодка и его сыновей были установлены тесные контакты, и они могли содействовать организации строительства на Немане.

Еще два княжеских знака были процарапаны на берестяном сосуде, найденном на Старом Замке при работах экспедиции Белорусского реставрационно-проектного института¹⁴³. Как отметил С. В. Белецкий, их неслучайный характер подтверждается тем, что каждый из знаков процарапан дважды, с обеих сторон сосуда¹⁴⁴. При всем сходстве со знаками на кирпичах, эти двузубцы имеют существенное отличие — не крестовидную, а вертикальную ножку. Не указывает ли парное нанесение сходных символов на то, что их носители были братьями? В таком случае, их владельцами могут быть сыновья Всеволодка.

Последовательная лояльность городенских князей Киеву, а с другой стороны — внимание киевских князей к делам периферийной династии, объясняются особым крайним положением города, взаимной заинтересованностью в прочных связях окраины с метрополией. Одной из причин, по которым местным князьям важно было сохранять связь с уда-

¹³⁹ *Соловьев А. В.* Новые раскопки... С. 82; *Таубе М. А.* Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси // *Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938.* Белград, [1939]. С. 103; *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно... С. 130. — Лишь И. М. Хозеров высказывал сомнения в том, что гродненские клейма на кирпичах представляют собой знаки конкретных Рюриковичей, поскольку они встречаются в других древнерусских городах (*Хозеров И. М.* Белорусское и Смоленское зодчество XI–XII вв. Минск, 1994. С. 38–40).

¹⁴⁰ *Hołubowicz W.* Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodzie // *Slavia antiqua.* T. I. Poznań, 1948. S. 579.

¹⁴¹ *Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. С. 187.

¹⁴² *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей на пломбах из Дорогичина (по материалам свода К. В. Болсуновского) // *Stratum plus.* № 6: Время денег. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. С. 326–328. Рис. 36.

¹⁴³ *Труссаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне... Мал. 99, 100.

¹⁴⁴ *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей на пломбах из Дорогичина. С. 320.

ленным Киевом, несомненно, была потребность в военных ресурсах для сдерживания балтского окружения.

Тесные династические связи городенские князья имели и в ближайшем Поприпятье, где смог утвердиться Юрий, сын Ярослава Святополковича. Всеволодковна стала женой Юрия Ярославича, хотя и без этого Юрий по мужской линии являлся наиболее близким Всеволодковичам в династическом отношении князем (если считать Всеволодко сыном Ярослава Ярополчича). О связях с другой соседней княжеской династией, правившей в Менской волости, известно мало. Связи такие были — о них говорят не только археологические находки, но и некоторые данные о браках менских князей. С 40-х гг. до конца XII в. потомки Глеба Менского оставались главными носителями власти в западной части Верхнего Поднепровья. Насколько глубоко распространялось их влияние на территорию Верхнего Пономанья, не ясно. В то же время очевидно, что эти князья установили особенно тесные контакты с частью литовских военных элит, неоднократно принимавших участие в их походах и битвах. В связи с этим, целесообразно подробнее представить историю этой линии.

Судьба сыновей Глеба Всеславича Менского, захваченного Владимиром Мономахом в 1119 г. и через год умершего в заточении, не отражена в летописях вплоть до 1150-х гг., когда Ростислав Глебович уже занимал стол отца. Вероятно, малолетние княжичи находились на попечении старших родственников в Полоцкой земле и в конце 20-х гг. могли достигнуть совершеннолетия. Но как раз тогда новый натиск Киева привел к подчинению большинства полоцких городов Мономашичам. В 1129 г. Мстислав Владимирович отправил полоцких князей в ссылку в Византию. Считается, что наказание коснулось только потомков Давыда и Рогволода (по крайней мере, Глебовичи не упомянуты в числе тех, кто был выслан). Василько Святославич, полоцкий князь с 1132 г., смог сохранить удел, либо быстро вернулся.

Возможно, Глебовичи бежали в Польшу — об этом, по предположению Д. Линда, говорят их брачные союзы¹⁴⁵. Володарь Глебович женился на Рихезе (Рыксе, род. ок. 1115–1116 гг.), дочери польского князя Болеслава Кривоустого. По мнению датского исследователя, этот брак укрепил союз Глебовичей с Болеславом, направленный против другого альянса — короля данов Эйрика Эймуна с Мономашичами. Женитьба могла состояться не ранее 1134 г., когда был убит первый муж Рихезы, правитель Вестготланда Магнус Сильный¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Lind J. De russiske ægteskaber: Dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes Danske borgerkrig // Historisk tidsskrift. København, 1992. Bd. 92. N. 2. S. 247–248. — Местом княжения Володаря Д. Линд ошибочно считал Гродно на Немане, которое он принимал за Городец.

¹⁴⁶ Ibid. S. 248.

Ранее считалось, что вторым мужем Рихезы был новгородский князь Владимир Всеволодович¹⁴⁷. Я. Гален¹⁴⁸ и Д. Линд показали, что это не так: в скандинавских сагах отца Софии называют не Владимиром, а Володарем (Valađar, Valađr). К тому же Владимир Всеволодович не оставил потомков, тогда как у Софии Русской (дочери Рихезы) были братья, ставшие затем князьями. Мнение Д. Линда поддержал А. В. Назаренко на том основании, что брак Рихезы с Владимиром Всеволодовичем был бы родственным в отношении 3:2¹⁴⁹. Любопытно, что К. Ясиньский вернулся к старой идентификации отца Софии как Владимира Всеволодовича именно потому, что в 30-х гг. XIII в. Альберик из Монастыря Трех Источников (Труа-Фонтене) утверждал, что Вальдемар I и его жена были родственниками в третьей степени: «...Вальдемар дабы утвердить мир, взял в жены сестру Канута III, дочь Магнуса, в третьей степени себе родственную и породил от нее Вальдемара II, который женился на Софии Русской»¹⁵⁰. Здесь очевидны две ошибки Альберика: он посчитал мужем Софии ее сына Вальдемара II и назвал отцом жены Вальдемара I не второго мужа Рихезы Володаря, а первого — Магнуса, который был, в действительности, родственником Вальдемару в отношении 2:3¹⁵¹.

Старший брат Володаря Ростислав женился на Софии, дочери Ярослава Святополчича¹⁵², лишённого Мономахом в 1118 г. своего стола, бежавшего в Польшу и погибшего под стенами Владимира во главе польско-

¹⁴⁷ Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. P. 210–215; Войтович Л. Княжа доба на Русі. С. 464. — Малолетний Владимир Всеволодович упоминается однажды в связи с бурными событиями в Новгороде Великом, когда он стал на четыре дня князем (см.: Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечаго уклада). СПб., 2003. С. 133).

¹⁴⁸ Gallén J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? // Historisk Tidskrift för Finland. 1976. Årg. 61. S. 273–288.

¹⁴⁹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 582, 590.

¹⁵⁰ «...Waldemarum causa pacis faciente sororem accepit tertii Kanuti filiam Magni, tertio gradu sibi consanguineam et genuit ex ea Waldemarum II, qui duxit Sophiam de Russia» (Chronica Albrici monachi Trium Fontium / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH SS. T. XXIII. Hannovera, 1874. P. 841).

¹⁵¹ Вальдемар был правнуком Свейна II Эстридссона, а Магнус — внуком. Соответственно, согласно представлениям Альберика, мнимая дочь Магнуса и жена Вальдемара находилась с мужем в соотношении 3:3. Именно такое соотношение обозначалось термином «in tertio gradu». Как указывал Бернард Павианский в начале XIII в., внуки братьев находятся в третьей степени родства: «...nepotes fratrum in tertio gradu consanguinitatis» (Bernardi Papiensis Faventini Episcopi Summa Decretalium ad librorum manuscritorum fidem cum aliis eiusdem scriptoris anecdotis / Ed. E. A. T. Laspeyres. Regensburg, 1860. S. 171).

¹⁵² А. Г. Плахонин справедливо указал, что брак Софии и Ростислава может быть близкородственным (Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 322); А. В. Назаренко отметил, что Ростислав может быть

венгерской армии в 1123 г. Логично предполагать, что потомство Ярослава нашло приют у родственников в Польше, где и состоялась свадьба.

Возвращение Глебовичей во владения отца состоялось не позже середины 40-х гг.¹⁵³ В течение 50–60-х гг. продолжалась их борьба за Полоцк с друцким князем Рогволодом Борисовичем, в которой активное участие принимали литовские отряды. В это время Ростислав Глебович княжил в Менске. Отсюда он перебирался на полоцкий стол в 1151 г., когда полочане свергли князя Рогволода Борисовича, отправленного в заточение в Менск¹⁵⁴. Сюда же он бежал в 1158 г. после попытки покушения на него полочан¹⁵⁵. Володарь во время полоцкого княжения Ростислава находился в Менске, в 1158 г. освободил ему менский стол, и мог после этого находиться в Городце. О третьем брате — Всеволоде Глебовиче — известно лишь, что в 1158 г. он был перемещен Рогволодом Борисовичем из Изяслава в Стрежев¹⁵⁶.

Смерть Ростислава, наступившая в начале или первой половине 60-х гг., снова переместила Володаря в Менск. После неудачной попытки закрепиться в Полоцке в 1167 г. Володарь, вероятно, бежал обратно в Менск¹⁵⁷, и его имя навсегда исчезает со страниц летописей. Возможно, он был еще жив в конце 70-х гг. В рассказе о чудесах св. Фомы Бекета сообщается, что в это время вендскими князьями был схвачен и посажен в колодки некий Климент, везший дары его дочери Софии (1140–1198), королеве Дании, «посланные ее отцом, королем»¹⁵⁸.

О династической и политической истории Менской волости в эпоху литовских походов сохранились еще более отрывочные данные. Аббат Вильгельм, составивший «Генеалогию датских королей», указывает на существование по крайней мере двух сыновей Володаря, имевших в конце XII в. столы («Братья же королевы Софии, матери Ингеборги, со славою держат бразды правления королевством и до сего дня»¹⁵⁹). В летописях с отчеством Володаревич фигурирует только Василько,

сыном Глеба не от дочери Ярополка Изяславича, а от первого брака, тогда канонические препятствия исчезают (Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. С. 152–154).

¹⁵³ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 267.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 445.

¹⁵⁵ Там же. Стб. 493–496.

¹⁵⁶ Там же. Стб. 496.

¹⁵⁷ Там же. Стб. 526–527.

¹⁵⁸ Уильям Кентерберийский. Житие и чудеса святого Фомы // Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 41. — Датировка устанавливается по походу Вальдемара на Вендов 1177/1178 г., который последовал за ограблением Климента (см.: Lind J. De russiske ægteskaber... S. 260).

¹⁵⁹ «Fratres quoque Sophie regine, matris Ingeburgis, in Russia usque hodie regni gubernacula gloriose amministrant» (Wilhelmi abbatis genealogia regum danorum // Scriptores minores historiae Danicæ mediæ ævi / Ed. M. Cl. Gertz. København, 1917. P. 184, 185); см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 590.

занимавший в 1186 г. логожский стол¹⁶⁰. Недавно А. В. Пятнов, сопоставив эти данные с известиями Генриха Латвийского из «Хроники Ливонии»¹⁶¹, высказался в поддержку предположения Н. М. Карамзина, считавшего полоцкого короля Вольдемара (*rex Woldemarus de Ploceke*), упоминаемого в 1186–1216 гг., старшим сыном Володаря Глебовича¹⁶². Как считает исследователь, его утверждение на полоцком столе произошло не позднее 1184 г., а ранее местом княжения был Менск. Именно он, как родственник датской королевы и противник витебских князей, позволил проводить миссионерскую деятельность среди ливов, бывших до этого в зависимости от Васильковичей. Хотя данная генеалогия Владимира не может считаться бесспорной, она более логично объясняет отрывочные известия источников о полоцких князьях последних десятилетий XII в., чем причисление «короля Вольдемара» к линии Васильковичей¹⁶³.

Сына Владимирка Менского приписывает Володарю также В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской», однако рассказ о борьбе за Берестье в 1182 г. не известен в других источниках, поэтому его не следует брать в расчет при изучении генеалогии «Вольдемара». Отметим, что в историографии существует оригинальная трактовка «Татищевского известия» 1182 г.: чтобы Владимир Володаревич мог напасть на Брест, сначала в зоне его влияния должно было оказаться Понеманье — значит, Новогрудок уже находился в его власти¹⁶⁴. Я. Соболевский даже называл Владимира Володаревича Минско-Городенским князем, смешивая вслед за О. М. Раповым Городец с Городном (соответственно, Гродненщину Владимирко согласно этой версии унаследовал от своего отца)¹⁶⁵.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 403.

¹⁶¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 82–95.

¹⁶² Пятнов А. В. Полоцкая земля в последней четверти XII в. // *Rossica Antiqua*. Т. II. [в печати]. — Ранее подобная идентификация основывалась на «татищевском известии» о борьбе за Берестье (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. Примечания. СПб., 1830. С. 11. Примеч. 75; Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 16–17).

¹⁶³ Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1877. С. 55; Довнар-Запольский М. Е. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. С. 6; Насевич В. Л. Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнатскіх беларускіх родаў 12–18 стагоддзяў. Мінск, 1993. Таб. 1: Радаводы полацкіх, турава-пінскіх і гарадзенскіх князёў у 12–13 ст.

¹⁶⁴ Чаропка В. Гародня — горад на беразе ракі часу // Беларускі Гістарычны Часопіс. 2005. № 10. С. 30.

¹⁶⁵ Sobolewski J. P. Wasyłko Jaropelkowicz i Iziasław Jarosławowicz, dwaj książęta drohiccy z drugiej połowy XII wieku // *Inter Orientem et Occidentem: Studia z dziejów Europy Środkowowschodniej ofiarowane prof. Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestolecie pracy naukowej*. Warszawa, 2002. S. 79–83; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X–первой половине XIII в. М., 1977. С. 58.

Согласно «Истории Российской», конфликт за обладание Берестьем разразился между Владимирком Менским и дорогичинским князем Василько (во второй редакции — Ярополчицем), сопровождался участием мазовецких и польских войск, но в итоге этих событий победителем оказался владимирский князь Роман Мстиславич, выгнавший из Берестья Василька с его тестем — мазовецким князем¹⁶⁶. В указателе к первой редакции менский князь назван Владимиром Борисовичем¹⁶⁷, в более пространной второй редакции у участников событий отчества появляются прямо в тексте, и только тогда он назван Володаревичем.

Некоторые исследователи полагают, что известие 1182 г. может происходить из несохранившейся летописи¹⁶⁸. А. В. Горовенко, который ранее высказывал соображения в пользу возможной аутентичности известия Татищева¹⁶⁹, теперь признал его «искусственной конструкцией»¹⁷⁰. По его мнению, менский князь просто не мог бороться за Брест в это время, поскольку между его владениями лежали земли туровских, пинских и городенских князей. Хотя при наличии верной дружины и соответствующих династических связей русские князья боролись и за гораздо более удаленные от своих основных волостей столы, в целом недоверие к известию о борьбе за Берестье нужно признать оправданным¹⁷¹.

¹⁶⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1995. Т. III. С. 127–128; Т. IV. С. 298.

¹⁶⁷ Там же. Т. IV. С. 499.

¹⁶⁸ По мнению А. В. Майорова, вопрос о его источниках не может считаться закрытым: Майоров А. В. 1) Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 310–319; 2) О Полоцкой летописи В. Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2005. Т. LVII. С. 321–343; 3) Борьба за Берестье в 1182 г. по сведениям полоцкой летописи В. Н. Татищева и польских средневековых хроник // Исследования по истории средневековой Руси. М., СПб., 2006. С. 62–69.

¹⁶⁹ Как замечал тогда А. В. Горовенко, если историк выдумал войну Владимира Минского и Василька Дорогичинского, то становится непонятной инсценировка поиска генеалогии вымышленных князей. В первой редакции своего труда Татищев не только спутал Владимирка Менского с Володарем Глебовичем, ошибочно названным им под 1158 г. Владимиром, но и приписал ему отчество Борисович, в результате чего в одном и том же известии Володарь оказался «раздвоенным» (Горовенко А. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 142–147).

¹⁷⁰ Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. М., 2011. С. 271–273.

¹⁷¹ К сожалению, нам остались недоступными следующие публикации: Powierski J. Identyfikacja księcia brzeskiego z przekazu mistrza Wincentego // Między Wileńszczyzną a Prusami. Polityka, społeczeństwo, kultura. Księga pamiątkowa poświęcona jubileuszowi pięćdziesięciolecia pracy naukowej i siedemdziesięciolecia urodzin prof. dr hab. Wacława Odyńca. Gdańsk, 1995. S. 93–94; Jusupowicz A. Tak zwany «Latopis Połocki» w przekazie Wasilija Tatiščeva. Rola Drohiczyzna w kontaktach polsko-ruskich drugiej połowy XII wieku // Studia Źródłoznawcze. 2007. T. 45. S. 15–32.

В недавнем исследовании вопроса о татишевских известиях А. П. Толочко пришел к выводу, что все фрагменты, не встречающиеся в летописях, были сочинены Татишевым¹⁷². Согласно подобной логике, мотивом создания известия 1182 г. могло быть несогласие с польской версией событий, возвышающей действия Казимира. Татищев называл «сущей ложью» известия польских хронистов XV–XVI вв. (Длугоша, Кромера, Бельского и др.), сообщающие, что Казимир взял у русских Брест, Дорогичин, Владимир и Перемышль, поскольку «Кодлубок о том не упоминает»¹⁷³. Хроника Винцентия Кадлубка как раз сообщает о том, что Казимир «приказывает захватить и некоторые русские провинции: Перемышль с прилежащими городами, Владимир целиком со всем княжеством, Берестье со всем населением своих [городов] и Дрогичин со всем, что к нему относится»¹⁷⁴. Вызывает сомнения также различие в показаниях первой и второй редакций: сначала источником рассказа названа летопись Еропкина, затем — Хрущева¹⁷⁵.

Известие «Истории Российской» вступает в противоречие с недатированным рассказом Винцентия Кадлубка о борьбе за Берестье, которую на основании записей польских рочников (под 1181 или 1182 г.: «князь Казимир победил рутенов»)¹⁷⁶ обычно относят к 1182 г. Согласно сообщению Кадлубка, Берестье осадил краковский князь Казимир, стремясь вернуть город первородному сыну своей сестры, на которого наклеветала родная мать о неблагородном происхождении. На помощь осажденным подошел князь Всеволод Белзкий с помощью из Владимира, Галича «и тысячами парфян». Блистательно разгромив эту армию, Казимир посадил в городе своего племянника, который вскоре после этого был отравлен жителями Берестья. Тогда Казимир передал владения умершего его брату Роману, владимирскому князю¹⁷⁷.

Сторонники поиска исторического зерна в сведениях Татищева, стараясь согласовать их с Хроникой Винцентия, поступали по-разному: одни относили войну Владимирка и Василька к более раннему времени, другие — к более позднему. Я. Соболевский передатировал описанное Татишевым событие 1170 г.¹⁷⁸, хотя такая версия наиболее противоречива

¹⁷² Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 170–195.

¹⁷³ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. Ч. 2. С. 452. Примеч. 382.

¹⁷⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105.

¹⁷⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. IV. С. 451. Примеч. 382; Т. III. С. 251. Примеч. 530.

¹⁷⁶ МРН. Т. II. Р. 237, 397, 398, 799, 834; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148, 155, 156.

¹⁷⁷ МРН. Т. II. Р. 407–412; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 92, 105–106.

¹⁷⁸ Sobolewski J. P. Wasylko Jaropełkowicz i Iziasław Jarosławowicz... S. 76–87.

(тогда в Менске княжил Володарь Глебович, а в Городне, где автор ошибочно размещает стол Владимира — представитель линии Всеволодковичей). А. Вилькевич-Вавжинчикова, наоборот, находила возможным относить все эти события ко времени княжения в Кракове Лешка Белого, т. е. к первой половине XIII в.¹⁷⁹ А. В. Горovenko, пытаясь объяснить несоответствия известия Кадлубка, перенес описанные события в 1170 г., вопреки сообщениям кратких польских рочников о походе Казимира на рутенов¹⁸⁰.

Естественно предполагать, что источник начала XIII в. дает более адекватную картину событий, чем историк XVIII в., и в целом исследователи больше доверяют Кадлубку, а не «Истории Российской». Но обнаружить ярко выраженные несоответствия в известии Татищева, которые поставили бы точку в долгом споре о его аутентичности, пока что не удалось. Утверждение, будто упоминаемый Татищевым Василько Ярополчич умер в конце 1170-х гг. и поэтому не мог принимать участия в борьбе за Берестье¹⁸¹, не соответствует действительности: эта датировка была сделана на основе «татищевского известия» О. Бальцером, который произвольно относил описанные Татищевым события к 1178 г., а описываемые Кадлубком — к 1182 г., в связи с чем и поместил смерть Василька Ярополчича между этими двумя датами¹⁸². Исследователи предлагали на роль племянника Казимира, боровшегося за Берестье в 1182 г., кандидатуру Святослава Мстиславича¹⁸³. Но тогда получается, что Кадлубек не разбирался ни в порядке наследования столов у Мстиславичей, ни в родственных отношениях братьев: старшим среди них был не Святослав, а Роман, получивший Владимир после смерти отца в 1170 г.¹⁸⁴

В творении Кадлубка сильно литературная составляющая, связанная с основной целью — прославлением деяний Казимира. Вызывает вопрос степень информированности польского хрониста о событиях на Руси: не смешал ли он события разных лет, как это произошло в более поздних Велькопольской хронике и Анналах Длугоша, где описываемая Кадлубком борьба за Берестье перенесена под стены Галича?¹⁸⁵ Ведь сюжетная

¹⁷⁹ *Wilkievicz-Wawrzynczykowa A. Ze studjów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII w. // Ateneum Wileńskie. R. 12. Wilno, 1937. S. 1–35.*

¹⁸⁰ *Горovenko A. В. Меч Романа Галицкого... С. 26–30.*

¹⁸¹ *Головко А. Б. 1) Древняя Русь и Польша... С. 83–84; 2) Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел // Terra cossacorum. Студії з давньої і нової історії України. Київ, 2007. С. 365–368.*

¹⁸² *Balzer O. Genealogia Piastów. S. 190.*

¹⁸³ *Головко О. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел. С. 366.*

¹⁸⁴ *Горovenko A. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году. С. 142–147.*

¹⁸⁵ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях / Пер. Попова Л. М. М., 1987. С. 122; *Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 328, 435.*

линия рассказа о борьбе за Берестье у Кадлубка пересекается с рассказом Ипатьевской летописи о событиях в ходе борьбы за Галич в конце 80-х гг.: оттуда, как известно, был изгнан испытывавший трудности в обосновании своих прав на княжение сын галицкого князя Ярослава от наложницы Олег «Настасьич»; недолго бывший Галицким князем владимирский князь Роман Мстиславич с помощью польского войска возвратил себе Владимир, захваченный Всеволодом Белзким; Ростислав Иванович был отравлен на галицком княжении, а сводный брат Олега Настасьича Владимир Ярославич (сын законной жены Осмомысла) с помощью Казимира возвратил себе Галич¹⁸⁶. Рассказ же Кадлубка о борьбе за Галич, следующий за описанием берестейских событий, лишен ряда этих деталей¹⁸⁷. Таким образом, использование рассказа Кадлубка для реконструкции событий не менее проблематично.

Итак, в конце 80-х гг. наследники Всеволодка и Глеба оказываются вне зоны внимания летописцев. Немногочисленные данные о княжеской власти в XII в. Позволяют говорить о том, что в это время династическая преемственность была одним из главных условий стабильности социально-политической системы Понеманья. Княжеские семьи Всеволодковичей и Глебовичей оказались на крайних рубежах проникновения славянского влияния, и из числа русских князей им чаще всего приходилось действовать в соседних балтских землях, которые находились к северу. Там, под влиянием внешних и внутренних факторов, также начинался процесс формирования княжеской элиты.

¹⁸⁶ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 657–667.

¹⁸⁷ МРН. Т. II. Р. 407–412; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105–106.

Глава V

ЗА НЕМАНОМ

Территория к северу от Немана была заселена в меньшей степени, чем левобережье, но вовсе не представляла, как когда-то казалось Х. Ловмянскому, девственную пограничную пушу. Здесь не возникло крупных торгово-ремесленных поселений, но все же сооружались небольшие городища, селища и могильники. На правобережье процесс славянизации не был таким активным, как на новогрудской стороне. Тем не менее, имеется целый ряд признаков балто-славянских контактов и на этой территории.

На основании данных топонимии З. Зинкявичюс не исключал, что в древнерусский период славянский язык распространялся вдоль р. Котры¹. С. А. Пивоварчик полагал, что славянизации подверглись также районы в бассейне Котры и Лебежды, между Гавьей и Дитвой, причем начался этот процесс уже в X–XI вв., однако в XII–XIII вв. не закончился, на что указывает появление на этой же территории ятвяжских памятников — каменных могил².

Данная группа памятников представляет исключительный интерес для понимания ситуации на правобережье. Наиболее ранние каменные могилы начали сооружаться к северу от Немана в конце XII–XIII вв. (Вензовщина (Борок), Пузели, Кукли, Дворчаны) а в XIII–XIV вв. эта традиция распространилась на значительной территории не только Верхнего Понеманья (как к северу, так и к югу от Немана), но и на территории Менской, Борисовской волости. В целом ряде мест каменные могилы продолжали сооружаться до XVI в. В последнее время эти памятники наиболее активно изучала А. В. Квятковская, которая раскопала больше половины из них (383 могилы в 16 могильниках из всех 650 известных на 1998 г.)³. Исследовательница настаивала на том, что все каменные

¹ Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. T. II. P. 59.

² Пивоварчик С. А. Да этнічних працэсаў на Панямонні. С. 241.

³ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998. 327 с.

могильники были оставлены ятвягами, которые с XI по XIX в. (!) сохранили свой язык, этническую обособленность и языческую религию⁴.

В конце XIX в., когда изучение этих древностей только началось, А. А. Спицын интерпретировал их как «памятники русского населения Черной Руси», обратив внимание на то, что речь идет о христианских захоронениях⁵. В 1960-х гг. Ф. Д. Гуревич, указывая на обычай класть в мужские погребения оружие, пришла к выводу, что могилы оставило смешанное население Верхнего Понеманья в XIII–XIV вв. (мазовецкие, прусские, литовские, ятвяжские и латышские беженцы), исповедовавшее «официальное язычество»⁶. Со времен Спицына исследователи отмечали сходные черты обрядности каменных могил Понеманья и Поднепровья с жальниками Новгородской земли XII–XV вв., а также иногда с каменными могилами Мазовии и Подляшья, которые бытовали в XI–XII вв.⁷

Новгородские жальники XII–XV вв., в свою очередь, вызвали долгую дискуссию по вопросу о принадлежности славянскому или финно-угорскому населению⁸. Наиболее убедительное решение было предложено А. Е. Мусиным, который рассмотрел распространение жальников на территории славянизирующегося финно-угорского населения в контексте христианизации новгородской периферии⁹. Особенности вещевого состава могильников он объяснил тем, что в языческом окружении представителей местной христианизированной верхушки общества хоронили и с оружи-

⁴ Основные положения исследования Квятковской были критически рассмотрены А. М. Медведевым (*Мядзведзеў А.* Рец. на: *Квятковская, Алла В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998 // БГА. Т. VI. Сш. 1–2 (10–11). 1999. С. 303–314); также см.: *Семянчук Г.* Рец. на: *Квятковская, Алла В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998 // ВЗН. № 13. 2000. С. 242–245.

⁵ *Спицын А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1899. С. 303–310.

⁶ *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. С. 121–130, 139–141.

⁷ Там же. — Необходимо отметить, что становление традиции каменных могил Мазовии в польской литературе рассматривается как результат либо размещения на этой территории дружинников после победы Ярослава и Казимира над Мещавом в 1040-х гг., либо влияния балтской погребальной традиции. В каменных могилах Мазовии похоронено христианизированное население, на что кроме обряда ингумации указывают многочисленные находки крестиков и привесок с крестообразной символикой (см.: *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*. Т. I. 1971. S. 435–656; *Sedov B. B.* Восточные славяне... С. 122; *Skalski K.* Mazowieckie groby w obudowach kamiennych z rejonów Płocka: Przyczynek do historii politycznej drugiej połowy XI wieku // *Inter Orientem et Occidentem...* S. 51–64).

⁸ См., например, мнение о прибалтийско-финской принадлежности жальников: *Пронин Г. Н.* Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 12–71.

⁹ *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. С. 198–203.

ем, и с христианскими предметами (как правило, крестиками), что было связано с ситуацией социального соревнования, требующего выражения особого статуса и христианской идентичности.

Распространение каменных могил на территории Понеманья также выглядит связанным с процессом христианизации и социального соревнования на балто-славянской периферии. В пользу этого, во-первых, свидетельствует сам обряд могильников, в подавляющем большинстве представляющих собой ингумации, нередко в гробах (в поздних захоронениях)¹⁰, с преобладающей западной (с сезонными отклонениями) ориентацией костяков¹¹, присутствие в изголовьях могильных камней с изображением креста¹², использование некоторых могильников непрерывно с XIII по XVI в.¹³ — до эпохи несомненного господства христианства.

Особую важность для нас представляют находки крестиков в наиболее ранних комплексах конца XII—XIII в. (Вензовщина (Борок), Пузели, Кукли, Дворчаны¹⁴). Бронзовый крест из женского погребения в Куклях, найденный в 1988 г. А. В. Квятковской¹⁵, относится к так называемым крестикам «скандинавского» типа. Аналогичный крест найден в Волковыске на Шведской Горе в слое XIII в.¹⁶ Такие кресты были отдельными нательными амулетами, входили в состав наборных женских ожерелий¹⁷. Как указывает А. Е. Мусин, кресты «скандинавского типа»

«...Характерны в основном для финно-угорских окраин (северо-запад и северо-восток) Новгородской земли, Владимиро-Суздальского ополья, Могилевского Поднепровья, Белозерья. Производились эти кресты преимущественно в Киеве, где недавно была найдена мастерская по их изготовлению. Однако они встречены и на городских усадьбах Новгорода, Пскова и Старой Ладogi. В случае, когда можно опеределить социальный контекст этих дворов, можно говорить, что проживавшие здесь лица были связаны с князем, его дружиной и сотенной администрацией. В ряде случаев находки крестиков «скандинавского» типа в погребениях сопровождалась также оружием»¹⁸.

¹⁰ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 51–54.

¹¹ Там же. С. 55–56.

¹² Там же. С. 30–34.

¹³ Там же. С. 292–305.

¹⁴ Там же. С. 80–81; *Стицын А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси. С. 307, Таб. VI:7, Таб. VIII:5.

¹⁵ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 68. Фото 23; С. 80–81. Рис. 15:2.

¹⁶ *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. С. 41–42. Рис. 13, 2.

¹⁷ *Фехнер М. В.* Крестовидные привески «скандинавского типа» // *Славяне и Русь. М., 1968.* С. 210–214; *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. С. 179–180.

¹⁸ *Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Военская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 155.

Многочисленные находки оружия (боевых топоров, копий, кордов и ножей), шпор, деталей поясного набора, наличие которых позволяло А. В. Квятковской считать погребения в каменных могилах языческими, являются показателем связи населения, соорудившего каменные могилы, с военным делом¹⁹. Однако, как и на новгородской периферии в XII–XIII вв.²⁰, присутствие большого количества погребального инвентаря в могилах Понеманья, по-видимому, свидетельствует не о язычестве, а о претензиях на особый социальный статус христиан в смешанном социуме. Утверждая, что все могилы оставлены язычниками-ятвягами, А. В. Квятковская вынуждена была признать:

«Почти все женские погребения с крестиками принадлежали богатым. Видимо, обычай носить крестики и образки получил распространение преимущественно среди социальной верхушки местного общества, хотя и не являлся исключительной привилегией этой группы населения»²¹.

О высоком социальном статусе населения, похороненного в XIII–XVI вв. на кладбищах с каменными выкладками, позволяют говорить и некоторые другие косвенные данные. В Вороновском, Волковысском, Слонимском районах А. В. Квятковской по отношению к каменным могильникам зафиксированы названия *бояры*, *боярские могилы* (в том числе, в Куклях)²². Термин *боярин* на Руси был основным обозначением привилегированной социальной группы, находившейся в зависимости от князя, и в этом качестве был заимствован в литовский язык (*bajorai*). В ВКЛ статус боярина подвергся инфляции — так стала называться группа служилого населения и мелкой шляхты. Не менее интересно, что каменный могильник Пузели в Вороновском районе на границе с современной Литвой носит название *Лейцекатинис*, то есть «могильник лейтей» — социальной группы, непосредственно зависимой от литовского князя²³.

В Вензовщине, Пузелях, Куклях, Дворчанах найдены детали женских украшений (бляшки от головных уборов, трехбусинные височные коль-

¹⁹ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 105–123.

²⁰ Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. С. 178–207.

²¹ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 82. — К сожалению, о находках в могилах образков автор более не сообщает.

²² А. В. Квятковская приводит также любопытные данные устной традиции: «...про могильник около д. Вензовщипа (Борок) местные жители сообщили, что тут “погребены воины”. Возникновение могильника около д. Кукли (“Боярские могилы”) местные жители объясняют как результат войны между “боярами и крестоносцами» (там же. С. 35–36).

²³ Dubonis A. Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai: Iš Lietuvos ankstyvųjų valstybių struktūrų praėities. Vilnius, 1998. P. 50.

ца²⁴), аналогичные которым широко известны в древностях литовского Кярнаве второй половины XIII–XIV в. Эти предметы типологически связаны с традициями ремесленного производства городов Понеманья XII–XIII вв., корни которых ведут в Киев²⁵. О непосредственных связях захороненных в могилах с городами Понеманья говорят находки других, несомненно, статусных предметов — перстней-печаток (из Пузелей и Апоновцев²⁶), известных в древнерусских городах XII–XIII вв. Ближайшие аналогии печатке с изображением птицы из Апоновцев представляют форма для изготовления такого перстня из Гродно²⁷, а также перстни из Полоцка и других населенных пунктов Руси, где появление этого типа колец связывается с византийским и болгарским влиянием²⁸. Вновь налицо связь местной социальной верхушки с княжеским центром.

При всем этом, с конца XII по XVI в. инвентарь каменных могильников (керамика, оружие, украшения, металлические изделия) обнаруживает устойчивое сходство с предметами из могильников на территории Литвы²⁹. Поэтому было бы неверным считать все население, похороненное по этому обряду, славянскими колонистами — речь, скорее, идет об одной из форм погребального обряда поликультурного общества, которое складывалось как из пришлых групп, так и местных аборигенов.

Большинство каменных кладбищ датируется уже периодом существования Великого княжества Литовского и является свидетельством социальных процессов иной эпохи. Но становление данной традиции происходило в конце XII в. к северу от Немана, в зоне балто-славянского взаимодействия, где, согласно А. В. Квятковской, обнаружены наиболее ранние памятники.

По всей видимости, указанные археологические материалы говорят о связи традиции каменных могильников с появлением христианизированных военизированных социальных групп, зависимых от русских князей. Наиболее древние могилы расположены не только в бассейне верхней Котры на территории Щучинского района (Вензовщина), но и в Вороновском районе, на границе с современной Литвой (Кукли,

²⁴ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 68–72.

²⁵ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 129, 141; Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 39–41; *Vėlius G. Kernavė in the context of towns of the Grand Duchy of Lithuania* // *AL*. Т. IV. 2003. Р. 164–171.

²⁶ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 133–134.

²⁷ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 43–44; Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск, 2008. С. 92, 141. Рис. 315.

²⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 137–138; Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры... С. 92, 141. Рис. 308–316.

²⁹ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси. С. 68–112, 120–158, 170, 174.

Дворчаны, Апоновцы, Пузели), где еще недавно сохранялось литовское население. Традиция, сначала зафиксированная в лесах литовского пограничья, в XIII–XIV вв. распространяется на давно христианизированных территориях к востоку и к югу. Сходные могильники начинают сооружаться не только в бассейне Верхнего Немана, но и вокруг Менска, Бобруйска — в волостях, ранее находившихся под контролем князей полочкой династии. Несмотря на фрагментарность данных и расплывчатость археологических датировок, подобная тенденция распространения могил нуждается в объяснении.

В. Л. Носевич не исключал вероятности того, что «носители культуры каменных могил окажутся наиболее успешными кандидатами на роль “Литвы Миндовга”» и предполагал, что каменные могилы свидетельствуют о наличии в Понеманье и Поднепровье довольно многочисленного балтского населения³⁰. Распространение традиции каменных кладбищ, действительно, совпадает по времени с литовской экспансией конца XII–XIII в., но против данной гипотезы говорит география: к северу от Верхнего Понеманья их ареал ограничен лишь небольшим участком на литовско-белорусской границе (если бы данный обряд был характерен для «Литвы Миндовга», то был бы зафиксирован там, где распространилась власть литовского князя). На наш взгляд, возможно другое объяснение феномена активного возведения каменных могил в XIII в.: в ситуации отсутствия твердой власти, столкновений с языческими дружинными лидерами, в среде христианизированного населения могла распространиться новая форма погребального обряда, сопровождавшегося применением особых маркеров идентичности. В гетерогенных культурных зонах роль таких маркеров, показателей коллективной солидарности, закономерно возрастает в периоды вооруженного противостояния или нестабильности³¹.

Мода на сооружение могильников с каменными выкладками, вероятно, распространялась в XIII в. в среде христианизированных групп, ранее непосредственно входивших в социальную систему русских княжеств Понеманья (в языковом отношении они могли быть как русинами, так и литовцами). Балтские элиты на основной литовской или ятвяжской территории каменных могил не создавали, и это несмотря на то, что находки крестов X–XII вв. в районе Вильнюса и других местах к северо-востоку, по мнению В. Жулкуса, показывают знакомство определенной части местного общества с византийско-славянским христианством³².

³⁰ Носевич В. Л. Проблемы образования Великого княжества Литовского: Обзор белорусской историографии // Lietuvos istorijos studijos. 2008. Т. 22. С. 56.

³¹ См. Curta F. Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // Early Medieval Europe. Т. 15 (2). P 169–177.

³² Žulkus V. Heidentum und Christentum in Litauen im 10–16 Jahrhundert. P. 148–149.

Та же ситуация наблюдается у ятвягов — раскопки на городище и селище Еглинец в Сувалкии, функционировавшем в XII–XIII вв., выявили более десятка различных крестов и крестовидных подвесок, значительная часть которых происходит из городов Руси³³. Можно гадать, являются ли находки крестов и крестовидных подвесок свидетельством торговых связей, или показателем символического обмена с балтскими лидерами, но они определенно показывают наличие сообщения между Гродно, Новогрудком и территориями, лежащими к северу.

Полная картина контактов княжеств верхнего Немана с представителями балтского этнолингвистического массива ввиду фрагментарности источников не может быть восстановлена. Но процессы, происходившие на соседней балтской территории на рубеже XII–XIII вв., полностью изменили политический ландшафт Понеманья, поэтому невозможно обойти их стороной.

Как показывают фрагментарные данные о распространении восточнолитовских курганов (памятников XII–XIII вв. крайне мало), зона компактного размещения балтского населения начиналась в районе Лиды, Ошмян, Сморгони и была отделена от близлежащих славянизированных территорий слабозаселенной полосой³⁴. Значительный лесной массив также находился к северо-западу от Гродно и отделял Городенское княжество от «ятвяжских» групп на территории Сувалкии и Занеманья.

В XI–XIII вв. важнейшими для ориентации в близлежащем балтском пространстве были две территориальные единицы — *Ятвязь*, которая располагалась к северо-западу от Гродна и *Литва*, которая располагалась к северо-востоку. Как уже отмечалось, в смысловом наполнении этих терминов проявились субъективные особенности формирования знания о балтской периферии — русские князья имели дело с мозаикой обществ, еще не объединенных в единую политическую организацию. Эти группы разговаривали на сходных неславянских диалектах, были отделены друг от друга незаселенными территориями, имели множество территориальных и иных самоназваний.

Под именем ятвягов в летописях фигурирует население Сувалкии и Занеманья, однако с 1112/1113 до 1196/1197 г. об отношениях с ними нет никаких данных. Название, по всей вероятности, закрепилось за обитателями указанных территорий после укрепления русской границы в середине XI в. Нельзя исключать, что отдельные вожди или представители военизированных групп на этой территории в середине XI в. сумели сохранить свое положение, вступив в союзные или даннические отношения

³³ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec. P. 92–108.

³⁴ Kurila L. Rytinė lietuvių genties riba IX–XII a. (1. archeologijos duomenys) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2005. T. 27. P. 59–84.

с русскими князьями (последнее предположение не кажется поспешным ввиду продолжительного функционирования городища Каукай в XI–XIII вв.).

Единственное упоминание о действиях городенских князей против Литвы мы находим под 1131/1132 г. в летописных записях киевского происхождения:

«Ходи Мьстиславъ на Литву съ снѣми своими и съ Лговичи и съ Всеволодомъ Городенскимъ и пожгоша ѿ а сами са расхорониша а Киань тогда много побиша Литва не втагли бо баху съ кнземъ но послѣди идаху по немь особѣ»³⁵.

Представляется вполне допустимым предположение, что поход на литовцев связан с политической ситуацией, сложившейся после высылки в Византию старших представителей полоцкой династии³⁶. Военная акция, в которой принял участие городенский князь, могла быть направлена против тех литовских групп, которые ранее имели контакты с полоцкими князьями. По-видимому, поход не принес серьезного результата — литовцы не приняли бой с войском Мстислава, а затем нанесли ущерб киевскому ополчению. Но нет оснований делать из этого вывод, что в 1131 г. было свергнуто господство Руси над Литвой, длившееся со времен Ярослава³⁷ — во-первых, стабильный контроль над всей территорией Литвы в течение 90 лет был невозможен без постройки городов, во-вторых, последующие события показывают, что во второй половине XII в. характер взаимоотношений князей полоцкой династии с литовцами не подвергся серьезным изменениям³⁸. Так, с помощью литовской дружины Володарь Глебович разбил войска Рогволода Борисовича под Городцом в 1161/1162 гг.³⁹, а под 1159 г. летопись сообщает, что Володарь «ходаше подъ Литвою в лѣсъхъ»⁴⁰. Трудно согласиться с теми исследователями, которые понимают выражение «подъ Литвою», как «под предводительством литовцев»⁴¹. Поскольку здесь присутствует указание на леса, в которых Володарь уклонился от присяги полоцкому князю

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 294.

³⁶ *Любаўскі М.* Літва і славяне ў іх узаемаадносінах ў XI–XIII стагоддзі // *Запіскі адзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук. Працы клясы гісторыі.* Менск, 1928. Т. 3. С. 5; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 263; *Ochmański J.* Litewska granica etniczna. S. 22; *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. P. 153.

³⁷ *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. I. М., 2005. С. 30.

³⁸ *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. P. 153.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 519.

⁴⁰ Там же. Стб. 496.

⁴¹ *Gudavičius E.* Dėl lietuvių žemių konfederacijos susidarymo laiko // *MADA.* 1984. Т. 24. P. 13; *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. P. 154, 159.

Рогволоду, более вероятно территориальное значение предлога *подъ* (ср.: «подъ градомъ», «подъ горъ» и др.⁴²). Литовцы и ливы присутствуют также в 1181 г. в войсках Васильковичей в походе на Друцк⁴³.

Фактически, этим исчерпываются свидетельства о Литве до 80-х гг. XII в. В историографии существует необозримая дискуссия по поводу того, что такое «литва» XI–XII вв. Многие авторы были убеждены в существовании в это время «Литовской земли», политической единицы, происходящей из «племенной организации»⁴⁴, обладающей культурной однородностью. Так, по мнению Э. Гудавичюса, уже при Нетимере «цикл источников о Миссии св. Бруно в Литву в 1008–1009 гг. обнаруживает сильную власть литовских племенных вождей и политическую организацию, уже изрядно продвинувшуюся по направлению к “племенным княжествам”»⁴⁵. Упадок этой политики ученый связывал с негативными последствиями русских походов 40-х гг. XI в., но после 1131 г. она добилась независимости и стала ядром, вокруг которого в конце XII в. сформировалась конфедерация литовских земель. В вопросе о расположении «Литвы в узком смысле» Э. Гудавичюс принял сторону Х. Ловмянського, который считал, что это территория позднейшего Трокского княжества⁴⁶, то есть юго-западная часть современной Литовской Республики в междуречье Немана, Мереча и нижнего Няриса. Один из аргументов в пользу такой локализации, по мнению исследователя, состоит в созвучии некоторых топонимов на этой территории именам литовских князей первой половины XIII в.

В литературе фигурирует другая гипотеза Х. Ловмянського, согласно которой к Новгородку ближе всего примыкала земля Нальшаны, которая тянулась по территории будущих Ошмянского и Браславского поветов от Эйшишек на северо-восток, вдоль русского пограничья (некоторые авторы признавали существенным созвучие названий Нальшаны и Гольшаны)⁴⁷. Однако топонимические данные, а также сообщения источников о том, что через Нальшаны пролегал путь ливонских походов

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 287, 297, 315, 321, 385, 733, 749, 769, 795, 818, 851, 879, 886; см.: *Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. I. S. 16–17.*

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 620.

⁴⁴ *Gudavičius E. Mindaugas. P. 140.*

⁴⁵ *Ibid. P. 123.*

⁴⁶ *Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. II. S. 110; Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės kūrimosi centro ir laiko // MADA. 1983. T. 2. P. 61–70.*

⁴⁷ *Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. II. S. 106–108; Ермаловіч М. Беларуска дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск, 2000. С. 39–40.*

в Литву, ясно указывают на то, что эта земля располагалась за Вилией, вокруг Утяны и Свенцянь⁴⁸.

Т. Баранаускас, полагая, что некоторые формы имен литовских князей XIII в. (Довьспрункь, Вишимут) проявляют фонетические признаки, характерные для диалектов «пунтининков», обосновал версию о размещении Литовской земли на территории Ошмянской возвышенности, к югу от средней Вилии (Няриса) и к северу от верхнего Немана⁴⁹. В этом случае Литва, а не Нальшаны, оказывается ближайшей к Новгородку землей. Как считает исследователь, городище Гольшаны, расположенное в Ошмянском повете (в крайней северной части бассейна неманской Березины), которое функционировало в XII–XIV вв., могло быть одним из литовских политических центров этого периода⁵⁰.

Однако любая гипотеза о границах Литвы наталкивается, во-первых, на проблему отсутствия данных о территориальном делении и идентичности местного населения в X–XII вв. Существование в бассейне Вилии на протяжении этого времени значительной по размерам политики, внутри элиты которой могла происходить политизация этничности, на сегодняшний день недоказуемо. Во-вторых, в литовской историографии было высказано мнение о возможном изначально социальном, а не территориальном значении балтского соответствия термина *litwa*. С. Каралиюнас, подвергнув критике версию возникновения названия от мелкой речки *Lietauka (Lietava)* в 30 км от Кярнаве, в болотистом течении которой почти нет археологических памятников, посчитал, что название восходит к слову, имевшему значение «дружина, вооруженное сопровождение, воинский отряд»⁵¹. Данная гипотеза не была принята другими лингвистами, поскольку единственным основанием для нее послужил восходящий к общеиндоевропейскому корню немецкий глагол *leiten* (предводительствовать, руководить), которого нет в балтских языках⁵². Но несколько больший вес предположению о социальном значении названия придал А. Дубонис, также считающий, что корни Литвы нужно искать

⁴⁸ См.: Вольтер Э. А. Где искать землю Нальшанскую Ипатьевской летописи // ЖМНП. 1900. № 5. С. 195–201; Gudavičius E. Mindaugas. P. 146–154; Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. P. 134.

⁴⁹ Baranauskas T. Kur buvo Lietuvos žemė? // Lituanistica. 2002. Nr. 2 (50). P. 3–18; Zinkevičius Z. Dar kartą apie an tipo junginių siaurinimą // Ibid. P. 84–85.

⁵⁰ Зееруго Я. Г. Верхнее Понеманье. С. 60–61.

⁵¹ Karaliūnas S. 1) Lietuvos vardo kilmė // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1995. T. 35. P. 55–71; 2) К проблеме происхождения названия *Lietuva* ‘Литва’ // Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции. М., 2006. С. 78.

⁵² Zinkevičius Z. Lietuvos vardas ir leičiai (laičiai) // Lituanistica. 1994. Nr. 4 (20). P. 59–62.

«не в воде, а в людях»⁵³. Он исследовал *лейтей* (*leičiai*) — одну из групп служилого населения в Великом княжестве Литовском XVI в., отдельные поселения которых и целые войтовства (войтовство *Летувское/Левтеевское* в Аникшчяйской волости) были разбросаны по территории, ограниченной реками Швянтойей, Вилией, Неманом, Ошмянским, Марковским и Браславским поветами, а также некоторыми местами Жемайтии и Неманско-Припятского водораздела.

Поскольку поселения лейтей в значительной степени повторяют контуры территории, подконтрольной литовскому князю в XIII в., А. Дубонис не исключил того, что они могут быть остатками военизированной социальной группы, занимавшейся войной, земледелием, охраной границ и другой деятельностью на службе верховному литовскому князю. Согласно гипотезе литовского исследователя, именно к этому социальному термину восходит и термин *Lietuva*.

Таким образом, вопрос о начальном этапе литовского этногенеза не поддается окончательному решению. Какую из версий мы бы ни приняли, остается очевидным, что литовская идентичность до XIII в. не была свойственна для всего населения современной Литвы, и попытки обосновать существование большого литовского этноса, включающего «жемайтов» и «аукштайтов» уже в I тысячелетии н. э., являются историографическим анахронизмом. Разумеется, термин возник в балтской среде еще до 1009 г., и если существовала территориальная, социальная или этнополитическая группа, которая использовала это название в качестве самоидентификации, то она могла размещаться в южной части ареала восточнолитовских курганов, иначе трудно объяснить, почему именно этот термин был заимствован в древнерусский язык. С этой первоначальной Литвой Русь начала контактировать не позже начала XI в. Сложно полагать, что в ситуации международных контактов с начала «века викингов» социальная структура балтских обществ оставались статичной. По археологическим данным, в разных местах бассейна Вилии, Швянтойи и в нижнем течении Немана имелись группы военизированного населения. Но письменные источники вплоть до 80-х гг. XII в. не дают возможности найти у литовцев признаки существования политического лидерства надлокального уровня или организации, способной на независимые согласованные акции в отношении русских земель.

К тому времени, как экспансия киевских и полоцких князей привела к возникновению периферийных княжеств Понеманья и Поднепровья, названия Ятвезь и Литва закрепились за относительно определенными территориями, и уже тогда в русской летописной традиции термин Литва стал использоваться как собирательное название различных групп,

⁵³ *Dubonis A. Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai*. P. 100.

обитавших к западу и северо-западу от владений князей полоцкой династии. Признаки широкого применения термина, как указывал Э. Гудавичюс, наблюдаются в раннем летописании начала XII в.: Литва упомянута в каталоге обитателей Восточной Европы среди народов, «сидящих» в Афетовой части, а также в списке данников Руси⁵⁴. Если учесть, что Ятвязь и Жемоить ни в первом, ни во втором случае не упоминаются, то можно допустить, что название в данном случае покрывало обширное пространство балтского этнолингвистического массива⁵⁵. Но «Литва» здесь — не современный монолитный «этнос», а всего лишь элемент субъективной картины пространства, в которой христианская Русь противопоставлена окружающим язычникам («вси языци» или «инии языци»), наделенным признаками «варварства». В эпоху литовских набегов в Новгороде применение термина становится нарицательным — по-видимому, даже обитатели современной Эстонии, вторгавшиеся в 1210-х гг. в псковские и новгородские владения, иногда могли быть названы летописцем «безбожной Литвой»⁵⁶.

Процесс «этногенеза», как отмечают исследователи, сочетает изменения самоидентификации с формированием представлений об этнической группе извне⁵⁷. Литовская элита, в начале XIII в. покрывшая единой коммуникативной сетью значительное пространство бассейна Вилии и Немана, стала, как отметил Р. Петраускас, тем «ядром традиции», которое было основой распространения литовской идентичности⁵⁸. Но учитывая предшествовавшие этому длительные контакты литовцев с Русью, представляется логичным считать, что существование особой этнографической категории, «поганьска языка», сопровождало процессы политических и социальных изменений на балто-славянском пограничье и оказывало влияние на распространение литовской идентичности.

Безусловно, именно внутренние социальные изменения были главной причиной формирования централизованной политической системы в Литве. Но тенденция изоляции социально-политических процессов в границах балтского этнолингвистического массива, когда их описание в итоге укладывается в простую схему образования литовского нацио-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 8 (ср.: Пауцто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 10; Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. P. 151).

⁵⁵ Составитель толковой Палеи, заимствовавший из ПВЛ перечень народов, посчитал необходимым внести в него ятвягов (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. 1940. С. 79; *Вилкул Т. Л.* Толковая Палея и ПВЛ. Сюжет о «разделении языкъ» // *Ruthenica*. 2007. № 6. С. 50, 83).

⁵⁶ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 253–254.

⁵⁷ *Curta F.* The Making of the Slavs. P. 335.

⁵⁸ *Petrauskas R.* Socialiniai pokyčiai Lietuvoje valstybės formavimosi laikotarpiu // Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste. Vilnius, 2008. P. 164.

нального государства, а затем его территориальной экспансии, не учитывает международного контекста, в котором происходило возвышение литовской знати. С известной долей условности контакты Руси и Литвы недавно были удачно сопоставлены с контактами Рима и варваров⁵⁹. Русско-литовское взаимодействие в пограничных регионах вполне может рассматриваться через призму теории взаимодействия ядра и периферии. Русь, в XII в. все больше проявлявшая тенденцию к децентрализации, оставалась системой политий, обладавших сложной политической организацией. Погрязшие в междоусобицах потомки Владимира Святославича, сражаясь за лучшие столы и верхние ступени княжеской иерархии, привлекали к участию в этой борьбе отряды литовцев. Тем самым, княжеская элита, не имея целью завоевать или христианизировать балтскую периферию, знакомила ее обитателей с политической культурой более сложного, иерархизированного, урбанизированного и экономически развитого общества, что не могло не иметь последствий для лидеров балтских дружин. Местом встречи двух миров, где происходило взаимное обогащение опытом социально-политической жизни, были, в том числе, и города Понеманья, имевшие политические и экономические связи с Литвой и Ятвязью.

Как бы ни различались у разных исследователей оценки процесса образования литовского государства, большинство из них согласны с тем, что военная и политическая организация литовского общества формировалась в военных походах после 80-х гг. XII в. Самостоятельным литовским походам на Русь предшествовал период войн под предводительством Глебовичей и других князей полоцкой династии⁶⁰. Если основываться

⁵⁹ *Новікаў Я. У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.).* Т. II. Мінск, 2008. С. 191–214.

⁶⁰ Не исключено, что полоцкие князья начали использовать «Литву» в своих походах уже вскоре после походов Ярослава. В Великом Новгороде в постройке второй половины XI в. найдена грамота (№ 590), краткая запись которой, сопровождаемая витиеватым знаком, гласит: «литва встала на корьлоу». До уточнения системы стратиграфических датировок на Нутном раскопе появление грамоты связывали с событиями 1188 г., когда карелы на стороне Новгорода ходили на шведов. Но, как указывает В. Л. Янин, «Проверка стратиграфических обстоятельств находки позволила Петру Григорьевичу Гайдукову доказательно датировать документ второй половиной XI в., с предпочтением 1065–1085 годов: так дендрохронологически определяется время бытования сруба, с которым эта грамота была обнаружена» (*Янин В. Л.* 1) Берестяная грамота № 590 // *Историческая археология: Традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина.* М., 1998. С. 387–388; 2) *Я послал тебе бересту...* М., 1998. С. 265). Согласно оригинальной (хотя и сугубо гипотетической) интерпретации В. Л. Янина, этот текст может указывать на конфликт, разгоревшийся между карельскими и литовскими отрядами в войске Всеслава Брючиславича во время похода на Новгород осенью 1069 г.

только на приведенных данных XII в., то можно предполагать, что трибутарные, торговые и союзные отношения с русскими князьями стимулировали процесс формирования военизированной верхушки внутри целого ряда локальных обществ бассейна Вилии. Судя по тому, что литовцы, принимавшие участие в конфликтах полоцких князей, названы отдельно, часть их уже тогда обладала особой военной организацией.

Особой вехой политических и социальных перемен внутри балтских обществ обоснованно считаются 80-е гг. XII в. Яркую картину этой эпохи, намеренно сгустив краски, создал Генрих Латвийский: «И бежали русские по лесам и деревьям пред лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы пред охотником, и были ливы и лэтгты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей»⁶¹. Литва становится источником непрерывной военной угрозы для всех окружающих ее соседей. Раз за разом ее жители начинают вторгаться в ливонские, новгородские, псковские, смоленские, черниговские, волынские, мазовецкие и польские земли. Социальные процессы конца XII в. на территории Литвы хорошо исследованы. Их характерной чертой была стремительная милитаризация, создание дружин, усиление власти военных предводителей и бесконечная вереница грабительских походов. Чтобы понять политический контекст, в котором оказались неманские города в конце XII – первой половине XIII в., нам необходимо кратко остановиться на особенностях политического лидерства в литовском обществе в этот период.

Главным источником для реконструкции социально-политической системы ранней Литвы остается список литовских князей из договора 1219 г. с великой княгиней «Романовой» и ее сыновьями Даниилом и Васильком⁶². Пять князей — «Живиньбоудь, Давьаць, Довьспроункь, брать его Мидогь, брать Довьаловь Виликаиль» занимают в нем почетное первое место среди множества региональных лидеров, от имени которых был заключен мир. Династия пяти «старейших князей» — уже не просто группа предводителей грабительских банд, а вожди структуры с институционализированным лидерством, которую, видимо, можно причислить к «сложным вождествам». Список князей показывает, что политическая система литовского общества в 1219 г. имела два уровня сложности — пять перечисленных князей представляли наследственную элиту, занимавшую высшие ступени в иерархии старшинства, и их статус признавался не только родственными и свойственными князьями Деволт-

⁶¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 114.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 735–736. — Обсуждение договора было основным содержанием споров о времени образования литовского государства, последний виток дискуссии см.: Gudavičius E. Mindaugas. P. 113–122; Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. P. 185–188 (там же основная литература).

вы, Булевичами или Рушковичами, но и наследниками Романа Мстиславича. Символическое лидерство верховного князя, впрочем, не означало прямого подчинения региональных князей власти Живинбуда. Необходимым условием для централизации власти литовского князя была стабилизация социального порядка, появление монополии на применение насилия у представителей «старейшего князя», идеологии, легитимизирующей единовластие, а также возникновение крепостей и городов, ресурсы и экономическое значение которых стали бы опорой княжеской власти над окружающими территориями — все эти условия в полной мере сложатся только к началу XIV в.

Система политических, которая сформировалась к северу от Немана в ближайшем соседстве с Новогрудком и Городном, имела весьма аморфную структуру, но отсутствие централизации было не только ее слабой, но и сильной стороной. Без привлечения больших военных ресурсов и постройки городов политическое подчинение территории Литвы русскими князьями было невозможно. На организацию такой экспансии киевские князья в конце XII в. уже были неспособны. Литва становится главной военной опасностью для обитателей территории от Берестья до Новгорода Великого.

Глава VI

МЕЖДУ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ

Земля Палемоновичей, еще не объединенная политически в единое целое, уже оказывала серьезное влияние на Черную и Белую Русь. Войны, которых и здесь хватало на протяжении веков, прогремели глухо в пущах, не оставив следа в истории; отзвуки их, полулегендарные, фантастичные картины, дошли до нас только в преданиях.

Констанция Скимунт, 1903 г.¹

Темное время в «Черной Руси»

Под грохот грома и блистание молний в 1184/1185 г. Городен сгорает², на княжеском детинце обрушивается каменная церковь, и Понеманье для нас погружается в темноту неизвестности, которая рассеивается только в 1249 г., когда галицкий князь Даниил впервые идет на Новгородок, контролируемый уже Миндовгом. О том, что происходило здесь между двумя этими датами, мы можем судить лишь по косвенным данным.

Не вполне ясно, связан ли с событиями на Немане скорбный возглас «Унылы голоси, пониче веселіє, трубы трубують городеньскіи»³, которым заканчивается поэтическое описание смерти Изяслава Васильковича от литовских мечей в «Слове о полку Игореве». Ряд историков считал, что выражение «городеньские трубы» относится к Городну Всеволодовичей, другие же связывали его с Городцом, в стенах которого укрывался в 1161/1162 г. Володарь Глебович⁴. Доказать то или другое вряд ли возможно, тем более,

¹ *Skirmunt K. Nad Niemnem i Baltykiem. II. Podania. Czasy Przed-Mendogowe. Dzieje starożytnych Prus. Kraków, 1903. S. 49.*

² «Городень погорѣ весь и цркъы каменна ѿ блистанія молніѣ и шибенія грома» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 634).

³ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 24, 45–46, вклейка между С. 32 и 33 (факсимильное воспроизведение издания 1800 г., С. 34).

⁴ См.: *Творогов О. В. Городец (Городно, Городен) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. Г–И. 1995. С. 49–50.* — С городом на Немане «городеньские трубы» связывали М. А. Таубе, Н. Н. Воронин, М. Н. Тихомиров (см.: *Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 14–15; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 374).*

что согласно еще одной из выдвигавшихся версий, прилагательное «городеньский» может относиться не к какому-то географическому объекту, а к городским стенам-городням⁵. В то же время, не следует преувеличивать непоследовательность летописных сообщений о неманском Городне⁶ — древнейшие рукописи дают устоявшуюся форму названия владения Всеволодка и его потомков, а количество разночтений в его передаче (Городец, Городок) возрастает по мере переписывания. Можно лишь догадываться, какое значение вкладывалось в текст — скорбят ли трубы в знак сдачи города⁷, предупреждают ли о приближении врага⁸, возвещают ли о выступлении в поход городенского отряда или призывают внуков Ярослава и Всеслава прекратить распри. Только в последнем случае, который предполагает особую разбивку текста на предложения («Трубы трубят городеньскій: Ярославе, и вси внуце Всеслави! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени...»)⁹, можно говорить о связи «городенских труб» с неманским Городном — призыв «труб» к Ярославу (или потомкам Ярослава)¹⁰ и полоцким князьям прекратить распри выглядит более логичным, нежели оплакивание гибели одного из «всеславлих внуков» в то время, когда в Городне правили Всеволодковичи.

Ю. Лятковский и Й. Тотарайтис не исключали, что из этого отрывка можно сделать вывод о захвате в 80-х гг. XII в. Городна литовцами¹¹. Подтверждением своей точки зрения Ю. Лятковский считал обстоятельства несостоявшегося похода Рюрика Ростиславича зимой—весной 1190/1191 г., когда соправитель киевского князя отправился на Литву и по пути остановился у своей тещи в Пинске (по всей видимости, это была одна из дочерей Всеволодка Городенского). Пока в Пинске шло празднование свадьбы князя Ярополка, «бысть тепло и стече снѣг, и и не лзѣ бо имь дойти земли ихъ», поэтому Рюрик повернул обратно¹². Вероятно,

⁵ Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве»: Библиографический очерк, перевод, пояснения к тексту и переводу. М., 1963. С. 319.

⁶ Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 323.

⁷ Слово о полку Игореве. С. 95. — Р. Манн, напротив, услышал в звуке труб ликование захваченного литовцами Городна по поводу гибели Изяслава (*Mann R. The Igor Tales and Their Folkloric Background. Karacharovo, 2005. P. 106–108*).

⁸ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 158.

⁹ Слово о полку Игореве. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 450–452.

¹¹ *Latkowski J. Mendog, król litewski. Kraków, 1892. S. 8–9; Totaraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905. S. 28.* — Сходное мнение высказывал Я. Якубовский, приписывая захват отцу Миндовга (*Jakubowski J. Gdzie leżało «Horodno» hipackiego latopisu. S. 424*).

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 672. — Отметим, что из летописного сообщения не до конца ясно, до кого не смог пойти Рюрик — до земли литовцев, или земель своего «шурья», т. е., братьев жены Анны.

ему помешали припятские болота, отделявшие территорию Пинского княжества от Понеманья¹³. Повторное намерение Рюрика отправиться на литовцев вызвало недовольство киевского князя Святослава Всеволодовича¹⁴. Реальные мотивы похода остаются нам неизвестными, но, как можно судить, обстановка на северных рубежах не была спокойной, и родственники жены Рюрика Анны (среди которых, нужно отметить, были и городенские князья) обращались к влиятельному зятю за поддержкой¹⁵.

В любом случае, нельзя не согласиться с А. В. Соловьевым, который отмечал ослабление Городенского княжества в конце XII в.: «Как будто бы, Городно перестало защищать Черную Русь от Литвы. Впрочем, набеги Литвы могли происходить и минуя укрепленные города»¹⁶. Пожар 1184 г., вероятно, серьезно сказался на обороноспособности города. Разрушенная нижняя церковь на детинце была заброшена и использовалась как кладбище. Если верить датировкам Н. Н. Воронина, в последние десятилетия XII в. строится Борисоглебская Коложская церковь — не на княжеском детинце, а за р. Городничанкой¹⁷. В XIII в. Городен постигла уже новая общегородская катастрофа¹⁸.

О том, что произошло с городенскими князьями, нет никаких данных. Вряд ли все трое братьев Всеволодовичей не оставили потомства, но их дети не имели большого политического веса и не упоминаются в источниках (их потомком, впрочем, может быть Глеб Волковыский, упоминаемый в середине XIII в.). Трудно принять мнение А. В. Соловьева¹⁹,

¹³ *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь. С. 252–253.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 677–678.

¹⁵ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. С. 310.

¹⁶ *Соловьев А. В.* Новые раскопки... С. 94.

¹⁷ *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. С. 140.

¹⁸ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 172.

¹⁹ *Соловьев А. В.* 1) Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 80–81; 2) Городенские князья и Деремела // *Russia Medievalis*. Bd. 7/1. München, 1992. С. 82–83. — В данном контексте А. В. Соловьев приводил также рассказ Хроники Петра Дусбурга, который описывает поход руменов в Скаловию и осаду замка в районе Раганиты «за девять лет до прихода братьев в Пруссию» (т. е., в 1221 г., если брать за точку отсчета 1232 г., когда братья воинства Христова начали завоевания на Висле, или в 1218 г., если отсчитывать от 1226–1227 гг., когда Орден получил владения в Добжиньской земле от Конрада Мазовецкого (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской. С. 403)). Стержнем рассказа является сюжет о чудесном исчезновении рыбы из пруда после завоевания братьями Раганиты, благодаря которой скалвы выдержали русскую осаду. А. В. Соловьев предполагал, что такой поход и осаду могли предпринять городенские князья, что свидетельствует, по его мнению, о сохранении местной династии в XIII в. Скалвия находилась в нижнем течении Немана, в глубине балтских земель, на основании чего издатель хроники М. Тёппен подверг сомнению правдивость данного отрывка, поскольку «в политической

который отождествлял Мстислава Всеволодовича с Мстиславом, упомянутым в известном фрагменте Слова, который приписывает ему победы над Литвой и Ятвязью:

«А ты буй Романе, и Мстиславе! ...Суть бо у ваю желъзныи папорзи подь шеломы лагинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подь тыи мечи харалужныи».

«Буй» Роман — это, несомненно, владимирский князь Роман Мстиславич. Под именем Мстислава, наиболее вероятно, подразумевается двоюродный брат Романа, пересопницкий князь Мстислав Ярославич Немой²⁰. Известно, что Мстислав Ярославич «великоу любовь имѣа» к Роману²¹, то есть, был его верным союзником.

Если присоединиться к принятой большинством исследователей точке зрения, что «Слово» написано не позднее 1188 г. и не считать перечисление побед Романа и Мстислава риторическим преувеличением²², то можно полагать, что за некоторое время до этого волынские князья вели войны с литовцами и ятвягами. В летописях сохранилось лишь одно известие об ответном походе Романа 1196 г. на ятвягов и ни одного о походах на литовцев. Но Роман Мстиславич, с 1170 г. княживший во Владимире, а в 1200 г. объединивший под своей властью Волынь и Галичину, неслучайно удостоился в Ипатьевской летописи панегирика, который говорит о нем, как о приснопамятном самодержце всея Руси, («долѣвша всимъ поганьскымъ ѧзыкомъ»), устремлявшемся «на поганья ѧко и левъ сердить же быс(ть) ѧко и рысь и гоубаше ѧко и коркодилъ...» После захвата

обстановке русских государств того времени нападение русских на Скаловию в те годы невозможно, и полагал, что здесь, на самом деле, упомянут поход Даниила Галицкого на ятвягов между 1251 и 1254 гг. (SRP. Т. I. Р. 133). В. Т. Пашуто предположительно приписывал поход смоленским князьям (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 263). Легендарные подробности и позднее происхождение рассказа заставляют относиться к нему с осторожностью.

²⁰ Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 35. — Менее вероятна гипотеза Н. Ф. Котляра (Мстислав Мстиславич Удалой), который относит создание «Слова» или фрагмента, посвященного Роману Мстиславичу, к более позднему времени (*Котляр Н. Ф.* Из исторического комментария к «Слову о полку Игореве»: Кто был Мстислав // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 43–50).

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 744.

²² См.: *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого. С. 40–43. — Что за территорией была Деремела, достоверно выяснить невозможно. Наименее противоречивой представляется гипотеза Соловьева, который располагал ее в земле ятвягов (*Соловьев А. В.* 1) Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 71–103; 2) Городенские князья и Деремела // *Russia Medievalis*. Bd. 7/1. München, 1992. С. 69–83).

Галича он стал главой княжеской иерархии всей Юго-Западной Руси и развернул еще более активную внешнюю политику.

Каковы были взаимоотношения Романа, претендовавшего на титул «великого князя», с мелкими династиями к северу от Припяти, и как он решал проблему литовских походов? Более поздняя «притча», записанная М. Стрыйковским (в которой один из пленных литовцев обращался к князю: «Romanie, Romanie! *lichym się karmisz, Litwuju oże!*»), и севернорусские былины о войне Романа с литовскими королевичами — слишком поздний фольклорный материал, чтобы оценивать конкретные результаты борьбы на «литовском фронте»²³. Тем не менее, известно, что почти через 50 лет после гибели Романа Мстиславича его сын Даниил и внук Роман Данилович повели борьбу с Миндовгом за Новгородок. Существует предположение, согласно которому войны Даниила за этот город — продолжение политики отца, и поэтому Верхнее Понеманье в конце XII – начале XIII в. на исторических картах иногда включается в состав Галицко-Волынской державы Романа Мстиславича²⁴. Нет, конечно, весомых аргументов считать, что Роман непосредственно управлял Новгородком, но какая-то степень зависимости пограничных князьков Понеманья от воли «великого князя» вполне возможна. Любопытно, что в Новгородке именно в конце XII в. или начале XIII в. происходит масштабная реконструкция укреплений. Разумеется, кто их возводил — неизвестно, но едва ли можно исключить, что попытка укрепить обороноспособность порубежного с Литвой города, приблизительно совпадающая по времени с периодом наибольшего могущества Романа Мстиславича, может быть как-то связана с его политикой. Допустимо предположить, что именно с этими мероприятиями связана потеря Городном былого значения. Впрочем, ценность последних рассуждений снижается в связи с наличием по соседству менской и пинской княжеских линий, характер связей которых с галицко-волыньским князем неизвестен.

Несмотря на то, что к началу XIII в. Роман стал одним из влиятельных правителей Восточной Европы, вряд ли он мог хоть в какой-то мере поставить под контроль литовское пространство, где отсутствовали крупные военно-административные центры, зато была значительная масса вооруженных людей, харизматические лидеры и возможность организации крупных походов. После смерти галицкого князя в 1205 г. в битве с краковскими и мазовецкими войсками под Завихостом его земля погрузилась

²³ См.: *Strzykowski M. Kronika...* S. 227, 238. — Стрыйковский преподносил успехи Романа как полное подчинение Литвы: «Litwę też i Jatwieżów, ludzi leśnych, w sąsiedztwie przyległych zwojował, zhodował i do posłuszeństwa ruskiego mocą przypędził»; *Горovenko A. B. Меч Романа Галицкого. С. 245–256.*

²⁴ *Цемушаў В. М. Галіцка-Валынскае княства ў першай палове XIII ст. [мапа] // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. I. Мінск, 2006. С. 484–485.*

в многолетнюю борьбу княжеских и боярских группировок. В это время, около 1208–1209 гг., «беда была в земле Владимирской от воевания литовского и ятвяжского»²⁵. Накануне литовского набега Лешек Белый захватил в плен князя Святослава Игоревича (представителя черниговских Ольговичей), который продержался на владимирском столе около года, и посадил там белзкого князя Александра Всеволодовича (племянника Романа Мстиславича). Наиболее активным сторонником Святослава Игоревича был владимирский боярин Мстибог, которого П. А. Раппопорт посчитал владельцем Мстибогова городка под Волковыском. Возможно, именно утверждение Александра в воынской столице было причиной выезда Мстибога под защиту волковыского князя. Более того, если данная гипотеза верна, то периферийные князья Понеманья и Полесья, к одному из которых бежал Мстибог, могут быть причастны к организации литовско-ятвяжского похода 1208–1209 гг. — по крайней мере, Владимир Пинский, который считается внуком Юрия Ярославича, был захвачен в плен во Владимире в числе сторонников Святослава Игоревича²⁶.

Итак, неманские княжества после 1180-х гг. оказались непосредственными соседями воинственных литовских дружинных лидеров, которые стремились поддерживать свой статус удачными набегами на соседние земли. Киевские и воынские князья, растерявшие свое влияние в междоусобной борьбе, уже не могли использовать военные ресурсы всей Руси для помощи своим младшим соплеменникам в пограничных городах, и военный хаос, вызванный литовскими походами, начал разваливать старую иерархию. Как отметил В. Л. Носевич, отсутствие данных о действиях литовцев в Понеманье, Минской и Полоцкой землях следует отнести на долю особенностей источников, которые ничего не сообщают о происходящем на этой территории²⁷. Полоцкий центр, сохранявший свою силу до смерти князя Владимира в 1216 г., после этой даты тоже теряет влияние, пока в 50-х гг. XIII в. к власти здесь не приходит князь Товтивил.

Пограничные русские князья Полесья, Верхнего Поднепровья и Понеманья вынуждены были выстраивать собственные отношения с литовскими лидерами, которые распространили власть уже на значительные группы и сформировали свою иерархию. Х. Пашкевич отмечал, что процесс присоединения Черной Руси к Литве был постепенным — в течение всей первой половины XIII в. местные династы все более вовлекались в тесное взаимодействие с литовскими князьями²⁸. Ключевым в этом

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

²⁶ Там же. Стб. 720.

²⁷ Носевич В. Л. Непасрэдня перадумовы фарміравання Вялікага Княства Літоўскага // Гісторыя Беларусі. Т. 2. Мінск, 2008. С. 64.

²⁸ Paskiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. I: Litwa a Moskwa w 13–14 wieku. Warszawa, 1933. S. 68–71.

процессе были, по-видимому, не только военные успехи литовцев, но и установление их княжеской верхушкой политических, династических и экономических связей с русскими князьями. Также обоснованным представляется акцентирование внимания на роли пограничного боярства²⁹, которое складывалось в Понеманье при активном взаимодействии с местными балтскими лидерами.

Боярство со второй половины XII в. начинает играть все большую роль в военной и общественной жизни русских княжеств. Неизвестно, существовала ли в это время боярская собственность на землю, или замки и села представляли собой временные кормления, но очевидно, что бояре в этот период уже имели значительную экономическую самостоятельность и содержали собственные военные отряды³⁰. Боярский слой оставался достаточно подвижным — бояре имели право перехода от князя к князю, и, вероятно, именно такой случай мы имеем со Мстиславом. В то же время, органически боярская верхушка была связана своим происхождением с княжеской дружинной организацией, которая в силу своей мобильности впитывала разноэтничные элементы. Смешанный состав населения Понеманья, а также географическая близость с Ятвизью и Литвой позволяют предполагать, что внутри дружинной организации этих княжеств оказалось достаточно носителей литовского языка, что также облегчало контакты с литовскими князьями, а затем и переход Новгорода под их власть.

Понеманские города, несомненно, в XIII в. продолжали активно участвовать в торговом обмене с Литвой и Ятвизью. Новгородок оставался транзитным центром, купечество которого имело экономические связи как с Волынью, Галичиной и Киевом, так и с литовцами и ятвягами. Кроме товаров ремесленного и сельскохозяйственного производства, интерес для балтского населения могла представлять галицкая соль, следы древней торговли которой можно наблюдать в туровском церковном уставе XIV в.³¹

Вряд ли можно принять мнение³², что договором 1219 г. было утверждено литовское господство в Черной Руси, которая отныне стала базой для набегов в Южную Русь. Но из договора ясно следует, что первая литовская династия в это время признавалась на Волыни «старейшей». Очевидно, что к этому времени литовские лидеры не просто осуществляли грабительские набеги, но и достигли значительного успеха в соперничестве за место во взаимной иерархии правителей Восточной Европы.

²⁹ См.: *Насевич В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. 160 с.

³⁰ См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 41–48.

³¹ См.: *Новосельцев А. П., Паушто В. Т.* Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. № 3. 1967. С. 87.

³² *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 45.

Какое положение в этой иерархии заняли русские князья неманского края? Ипатьевская летопись при описании похода 1238 г. в Мазовию указывает: «Даниль же возведе на Кондрата Литву Миньдога Изяслава Новгородского»³³. Маловероятной выглядит версия, согласно которой здесь упомянут Новгород-Северский князь Изяслав Владимирович, представитель черниговской династии Ольговичей, — нет никакой уверенности, что он был жив в 30-х гг. XIII в.³⁴ Участником похода, скорее всего,

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

³⁴ Изяслава Новгородского считали Новгород-Северским князем многие исследователи (*Зубрицкий Д. И.* История Древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 3. Львов, 1855. С. 123; *Голубовский П. В.* История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 186–188; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 76–79; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины: С древнейших времен до второй половины XIV в. СПб., 2002. С. 355). В современной историографии наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал Н. Ф. Котляр (*Котляр М. Ф.* Загадковый Изяслав з Галицько-Волинського літопису // Український історичний журнал. 1991. № 10. С. 95–102; Галицко-волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 298–301). Более осторожно на этот счет высказывался А. К. Зайцев (*Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII в. С. 117). В известиях 1207–1211, 1226–1227, 1230-х и 1254 гг. фигурируют несколько князей с именем Изяслав (ПСРЛ. Т. I. Стб. 457; Т. II. Стб. 723, 725–726, 747–748, 770–775, 829; Новгородская первая летопись... С. 73–74, 284–285). Согласно мнению Н. Ф. Котляра, во всех случаях речь идет о Изяславе Владимировиче, который вместе с Михаилом Всеволодовичем Черниговским боролся против Даниила за Галич, кратковременно в 1235 г. занял киевский стол, но в 1238 г. вынужденно подчинился Даниилу и отправился в набег в Мазовию. В известии о походе на Конрада Мазовецкого, как считает исследователь, единственный раз названо место его княжения — Новгород-Северский (Галицко-волинская летопись. С. 243–244, 301). Но летописи, основанные на сводах XV в., называют князя, севшего в 1235 г. в Киеве, Изяславом Мстиславичем (См., например: ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Софийская первая летопись. Л., 1925. С. 210). В связи с этим, А. А. Горский считает его сыном Мстислава Удалого (*Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 14–17). Такое предположение также маловероятно — получается, что в 1226 г. Изяслав выступил против родного отца. Наиболее правдоподобной остается версия, высказанная московскими сводчиками XV–XVI вв. — что Изяслав, правивший в Киеве в 1235 г., принадлежал к смоленской династии и был сыном погибшего на Калке Мстислава Романовича Киевского («Изяславъ Мъстиславичъ, внук Романовъ, съде Киевѣ») (ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 126); «Съде въ Киевѣ Изяславъ Мъстиславичъ Романовича, котораго на Калкахъ убили» (ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 236)). В этом случае сын занял стол отца. Если это был Изяслав Владимирович, то необъяснимо, почему Киев получил представитель младших Ольговичей, а не сам глава черниговского клана Михаил Всеволодович. М. Димник поместил стол Изяслава Владимировича не в Новгороде-Северском, а в Путивле, и предположил, что во время войны 1235 г. он водил половцев на Киев, а Изяслав Мстиславич был в результате этого поставлен Киевским князем (*Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003. P. 315, 326–332). В источнике, однако, нет оснований «раздваивать» этого киевского князя.

был князь Новгородка (Новогрудка), находившегося на границе с Литвой. Наличие родственных связей Изяслава с Миндовгом, которые не отражены в источниках, остается не более чем гипотезой³⁵. Но интересен порядок перечисления участников похода. В русских летописях, как правило, имена князей располагались в зависимости от места в княжеской иерархии, поэтому достаточно вероятно, что летописец считал Изяслава Новгородского менее значимым князем по сравнению с Миндовгом³⁶. В случае, если взаимоотношения Миндовга и Даниила в 30-х гг. оставались союзными³⁷, следствием этого союза также могли быть особо близкие отношения Изяслава с Миндовгом.

Происхождение Изяслава Новгородского остается неясным. Наибольшего внимания заслуживает гипотеза Г. Семенчука и А. Шаланды, которые считали его представителем пинской династии — внуком Юрия Ярославича (князя Туровского, Пинского в 1140–1160-х гг., женатого на дочери Всеволодка Городенского), братом Владимира (упоминается в 1229 г.) и Михаила (упоминается в 1247 г.)³⁸. Впрочем, есть и другая возможность — тождество Изяслава Новгородского и Изяслава Свислочского, который в походе на ятвягов зимой 1255 г. находился под знаменами Даниила³⁹. К этому времени могло произойти его перемещение на Березину⁴⁰. Более того, выдвигалась гипотеза, что зависимый от Войшелка полоцкий князь Изяслав, от имени которого в 1265–1267 гг. был составлен торговый договор с рижским епископом, — это все тот же Из-

³⁵ *Семянчук Г., Шаланда А.* Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. // *BZH. № 11.* Białystok, 1999. С. 18–44.

³⁶ Ср.: *Паушто В. Т.* Образование литовского государства. М., 1959. С. 374; *Насевич В.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. С. 29–30. — Г. Блашчык видел в этом упоминании признак подчиненности Изяслава Миндовгу (*Błaszczuk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Т. I. S. 35).

³⁷ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III. С. 79.

³⁸ *Шаланда А., Семянчук Г.* Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. С. 36–37.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 831; *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая. А.—И. СПб., 1871. С. 155 (таким образом, М. Д. Хмыров считал возможным происхождение Изяслава Новгородского «из племени князей полоцких»); *Баранаваскас Т.* Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 31.

⁴⁰ Замок Свислочь безрезультатно искали в бассейне Немана на одноименной речке Свислочь (*Ризуна J.* Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // *Ateneum Wileńskie.* 1936. R. XI. S. 62–63; *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 75). Городище с материалами XIII в. было исследовано на другой Свислочи — днепровской, при ее впадении в Березину (Осиповичский район Могилевской области). Здешний замок с одноименным названием оставался административным центром и в XIV–XVII вв., в связи с чем есть все основания именно к нему относить известие 1255 г. (*Кошман В. I.* Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. Мінск, 2007. С. 60).

яслав Свислочский, получивший теперь Полоцк⁴¹. Хотя тождество этих трех князей недоказуемо, все они выступают рядом с князьями литовской династии: в походе на Мазовию Изяслав Новгородский выступает как соратник Миндовга, Изяслав Свислочский упомянут в одном ряду с Романом Даниловичем Новгородским и Глебом Волковыским — «вассалами» Миндовга, а Изяслав Полоцкий десятилетие спустя находится в прямой зависимости от Войшелка (согласно грамоте от его имени, «а воли есми Божии и в Молшелгове»⁴²).

Если в 1238 г. Новгородком еще управляет Изяслав, то в конце 40-х гг. город находится уже под властью Миндовга (вероятно, непосредственно в городе княжил Войшелк). В результате каких событий здесь смог утвердиться литовский князь? Наиболее распространенным является взгляд, согласно которому Миндовг завладел городом в начале 40-х гг. XIII в., использовав хаос на Руси после Батыева погрома, а до этого Новгородок оставался независимым от Литвы. Такую точку зрения впервые развернуто обосновал в 1905 г. Й. Тотарайтис. Захват городов Черной Руси (Новогрудка, Волковыска, Слонима и Эдитова) он датировал временем между 1235 г., когда в Новгородке еще княжил Изяслав (точнее — 1238 г.), и 1248 г. (точнее — 1249 г.), когда Даниил уже пытался отбить город у Миндовга⁴³. Тотарайтис обратил внимание на то, что в 1241 г. волынский князь Василько Романович оставался охранять свою землю от литовцев⁴⁴ — возможно, именно тогда в соседней Черной Руси шла война: Миндовг нападал большими массами, подчинял себе города и благодаря военным успехам в русских землях значительно усилил свою власть⁴⁵.

Главным подтверждением насильственного захвата Новогрудка при Миндовге считались слова Галицко-Волынской летописи: «И Воишелк же нача княжити в Новѣгородѣч(е) в поганьствѣ боуда и нача проливати

⁴¹ Урбан П. Пра началянальны характар Вялікага Княства Літоўскага й гістарычны тэрмін «Літва» // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. № 3 (9). Мюнхен, 1964. С. 35–90; см. также: Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью... С. 35.

⁴² Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. Ч. 1. М., 1977. С. 36–37; Там же. Ч. 3. М., 1980. С. 118–123. — В последнее время А. В. Кузьмин пересмотрел традиционную датировку 1265 г. и считает, что текст грамоты Изяслава появился в 1267 г.: (Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. 2007. № 2. С. 33–42).

⁴³ *Totoraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe. S. 63–64.*

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 792.

⁴⁵ *Totoraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe. S. 65, 67.* — Сходную точку зрения имеют современные литовские историки (*Баранускас Т. Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 31; Dubonis A. Voluinietiškos Lietuvos užsienio politikos krypties formavimasis (iki Mindaugo mirties 1263 m.) // Lituanistica. 2005. № 4. P. 5).*

крови много. Оубивашеть бо на всакъ д(ь)нь по три по четьри, которого же д(ь)ни не оубьяшеть кого — печаловашеть, тогда коли же оубьяшеть кого — тогда весель башеть»⁴⁶. Й. Тоторайтис понимал ситуацию так, что своей жестокостью Войшелк хотел заставить своих новых подданных повиноваться, но когда понял, что это опасно для его власти, решил принять религию завоеванного народа⁴⁷. Напротив, по мнению Т. Баранаускаса, в начале своего правления Войшелк был малолетним, и репрессии проводили назначенные Миндовгом регенты. Сам Войшелк был склонен к мягкой политике и крестился, когда получил самостоятельность⁴⁸.

Сразу за описанием беззаконий Войшелка следуют слова: «Посем же вниде страх Б(ож)ии во с(ь)р(ьд)це его помысли в собъ хотя прияти с(ва)тое кр(е)сц(е)ние и кр(ес)тиса тоу в Новѣгородьцѣ и нача быти во крѣстьянствѣ»⁴⁹. Как отметили Э. Гудавичюс и П. П. Толочко, перед нами типичный агиографический прием, призванный подчеркнуть контраст между христианским и языческим правителем⁵⁰. Более того, сравнение двух отрывков о Войшелке в составе Ипатьевской летописи, помещенных под 1255 и 1262 г., привело Т. Л. Вилкул к выводу, что второй отрывок, в котором появляются строки о вокняжении в Новогрудке, был составлен в результате переделки первого согласно агиографическим канонам, вероятно, в правление Владимира Васильковича⁵¹. Таким образом, рассказ о начале княжения Войшелка имеет литературное происхождение и не может считаться указанием современника.

А. Дубонис предположил, что захват Новогрудка был первой самостоятельной акцией Миндовга на южном направлении и стал причиной разрыва в 1241–1245 г. многолетнего союза между Миндовгом и Даниилом Галицким⁵². О последовавшем конфликте с Даниилом, по мнению исследователя, свидетельствует нападение на Вольнь в промежутке между 1243 г. и первой половиной 1245 г. упитского князя Войшно (Аишьвно) Рушковича, а затем племянника Миндовга Ленгвяниса (Лонкогвени, Лонкгвени), по-видимому, нальшанского князя⁵³. Поскольку Даниил накануне Ярославской битвы 1245 г. нуждался в поддержке, он

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 858.

⁴⁷ *Totoraitis J.* Die Litauer unter dem König Mindowe. S. 66.

⁴⁸ *Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 31.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 858–859.

⁵⁰ *Gudavičius E.* *Mindaugas*. P. 241, nuor. 2032; *Толочко П. П.* Литовский князь Войшелк в русских летописях // *Ruthenica* Т. 5. 2006. С. 120.

⁵¹ *Вилкул Т. Л.* 1) Галицко-Волинский летопис про постриження литовського князя Войшелка // *Український історичний журнал*. 2007. № 4. С. 26–37; 2) Постриження князя Войшелка: Політика князя Данила і стратегії літописців // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Вип. 13. Львів, 2009. С. 123–129.

⁵² *Dubonis A.* *Voluinietiškos Lietuvos užsienio politikos...* P. 5.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 797–798.

примирился с Миндовгом, а чтобы закрепить новый мир со старым союзником, женился в 1246–1248 гг. на племяннице Миндовга Дауспругайте. Новогрудок остался в литовской власти, но галицкий князь не простил его захвата и постарался усилить братьев своей жены Товтивила и Едивида, столкнуть их со своим дядей Миндовгом⁵⁴.

Эта реконструкция основана на нескольких допущениях. Во-первых, в 1243–1245 гг. не Даниил пытался отвоевать Новгородок, а литовские князья отправились в набег на Волынь. Вовсе не очевидно, что с этими походами как-то связана ситуация вокруг Новгородка — они были скорее следствием нестабильности на Руси после татарского нашествия. Во-вторых, нам неизвестно, кем эти набеги были инициированы — Миндовгом или нальшанским и упитским князьями самостоятельно. Так что и о разрыве Даниила с Миндовгом можно говорить лишь предположительно, особенно принимая во внимание тот факт, что в 1245 г. Миндовг снова оказывает помощь Даниилу. В-третьих, датировка женитьбы Даниила на Дауспругайте 1246–1248 гг. сделана Д. Домбровским сугубо на основании аргумента *ex silentio*, и ранее тот же автор определял диапазон женитьбы более широко — 1242–1248 гг.⁵⁵ Союзные отношения Миндовга и Даниила в 1245 г., по крайней мере, указывают на то, что отказываться от возможности заключения брака до Ярославской битвы рано. Причиной же последующей вражды Миндовга и Даниила в 1249–1254 гг., согласно Галицко-Волынской летописи, был не Новгородок, а конфликт внутри литовского правящего клана. В ходе начавшейся войны город стал основным направлением ударов Даниила, но это говорит лишь о том, что он был главной крепостью Миндовга на южном направлении.

Не могут служить достаточным аргументом в пользу захвата Новгородка в начале 40-х гг. и слова буллы Александра IV от 6 марта 1255 г., согласно которым Миндовг (как он накануне сообщал в своем послании папе) «с неумолимым усердием сражаясь против Русского королевства и его жителей, наставленных на путь неверия, подчинил своей власти некоторые земли этого королевства»⁵⁶. Документ касается результатов

⁵⁴ *Dubonis A.* 1) *Voluinietiškos Lietuvos užsienio politikos...* P. 5–6; 2) Каралеўства Міндоўга // *Arche*. 2009. № 9. С. 9–10.

⁵⁵ Аргумент *ex silentio* заключался в том, что при возвращении Даниила из поездки к Батью упоминаются его брат и сыновья, но не упомянута жена: «и спете его братъ и сынови его и бысть плачь ѿ бидѣ его и болшаа же бѣ радость ѿ здравья его» (ПСРЛ. Т. II. С. 808; *Dąbrowski D.* *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002. S. 73–76). Данный довод трудно принять, поскольку княжеские жены в летописях слишком часто остаются «за кадром».

⁵⁶ *VMPL*. Т. I. № 123. S. 61. — «...tu contra Regnum Russie ipsiusque habitatores in infidelitas devio constitutos indefessa strenuitate decertans, nonnullas terras ipsius Regni tue subiugaveris dicioni...»

борьбы с Даниилом в 1249–1254 гг., когда Миндовгу удалось отстоять право на верховный суверенитет над Новогородком.

Идея, согласно которой часть русских земель вокруг Новогрудка вошла в состав Литвы именно после нашествия Батгя, уходит корнями к историческим представлениям времен Великого княжества Литовского. В литовских летописях, содержащих созданные в 20-х гг. XVI в. генеалогические легенды, присутствует рассказ об основании Новогрудка князем Скирмонтом (в других списках — Ердивилом):

«...Повѣстав царь Батгяи и пошол на Рускую землю, и всю землю Рускую звоевал... А князь великий киевський Дмитрей, боячися великое силы и моци его, збег с Киева в город Чернигов, и потом довѣдался, што город Киев скажен и вся земля Руская спустошена. А въслышав, иж мужики мешкають без господаря а зовутся дручане. И он, собравшись з людми, пошол ко Друцку, и землю Друцкую посел, и город Друческ зарубил, и назвался князем великим дружцьким. А в тот час доведался князь великий Монтивил жомоитский, иж Руская земля спустела и князи руский розогнаны, и он, давши воиско сыну своему Скирмонту, и послал с ним панов своих радных, наперvei с Колюмнов именем Кгрумпа, а другого со Врсином именем Екшис, а третего з Рож именем Кгровъжис. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон и нашли в четырех милях от реки Немна гору красную, и сподобалася им, и вчинили на неи город и назвали его Новьгородок. И вчинил собѣ князь великий в нем столець, и назвался князем великим новьгородским. А пошодши з Навагородка и зарубил Городен город, и потом пошол до Берестя и нашол Берестей и Дорогичин, и Мелник от Батгя спустошены и скажены, и он тые города зарубил и почал на них княжити. ... Скирмонт, иметь княжити на Новегородце и на тых вышереченых городех. И подавал тым паном своим, которые с ним вышли, острова пуци: Крумпю дал остров около реки Ошмены, которое нинечи зовется Ошмена, и все прилежаое к Ошмене, што нынѣ князи и панове в повѣте Ошменьском держать...»⁵⁷

Неоднократно высказывалось мнение, что в этом повествовании, несмотря на общую недостоверность, сохранилось верное указание на время установления литовского контроля над городами Понеманья⁵⁸. Но поиск здесь отголосков неизвестных событий XIII в. не выдерживает

⁵⁷ Текст цитируется по летописи Красинского: ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. С. 129.

⁵⁸ *Łowmiański H. Uwagi o genezie państwa litewskiego // Łowmiański H. Prusy-Litwa-Krzyżacy. Warszawa, 1989. S. 255* (впервые опубликовано: *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1961. T. 52. Zesz. 1. S. 127–146*); *Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso ordą: Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenių. Vilnius, 1975. P. 98; Баранаускас Т. Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 31.*

критики⁵⁹. Не только мифический отец Гаштовта Групп (от Грумпшиек, имения Гаштовтов в Ошмянском повете), но и неожиданное упоминание о Друцке, куда якобы бежал последний киевский князь Дмитрий⁶⁰, выдают родственные связи Альберта Гаштовта — по женской линии потомка князей Друцких, наследовавшего в конце XV в. часть их имений⁶¹. Тезис о защите русских земель от татар имел ключевое идеологическое значение в обосновании литовской власти, был важным элементом исторической памяти шляхты ВКЛ⁶². Приведенный рассказ о присоединении русских земель настолько анахроничен, что в нем одновременно идет речь и о Понеманье, где литовская династия начала утверждаться не позже середины XIII в., и о Полесье, где литовские князья впервые стали княжить при Гедимине.

Обратим внимание также на то обстоятельство, что археологически не зафиксировано следов крупномасштабного разорения Новогрудка в середине XIII в. В это время проводились работы по реконструкции крепости на Замковой Горе, которые Ф. Д. Гуревич приписала деятельности Романа Даниловича, когда валы были укреплены каменными башнями и дубовыми срубами⁶³. Предшествующий по времени период бурного строительства приходится на конец XII — начало XIII в.⁶⁴

Учитывая принадлежность Миндовга и Изяслава Новгородского в конце 30-х гг. к лагерю союзников Даниила Романовича, представляется поспешным объяснять утверждение литовского князя на новогрудском столе военным захватом. В самом предположении о захвате Новогрудка нет ничего невероятного. Русские и литовские князья часто именно силой своих дружин добивались правления в какой-либо волости. Но в кругу союзников распределение столов производилось, как правило, в соответствии с династическими правами и местом князя в родственной иерархии. В источниках нет никакого указания на конфликт Миндовга с династиями Понеманья и Полесья. У пинских князей во время войны 1249–1254 гг. не было претензий к Миндовгу и Войшелку — они не желали

⁵⁹ *Gudavičius E.* 1) Dėl Lietuvos valstybės kūrimosi centro ir laiko // MADA. 1983. T. 2 (83). P. 63; 2) *Mindaugas*. P. 195–198.

⁶⁰ Его прототипом был наместник князя Даниила, попавший в плен к татарам (ПСРЛ. Т. II. Стб. 785; *Gudavičius E.* *Mindaugas*. P. 196).

⁶¹ *Насевич В. Л.* Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мінск, 2000. С. 49–76; *Łatyszonek O.* Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI w. // *BZH*. T. 25. 2006. S. 17.

⁶² *Gudavičius E.* *Mindaugas*. P. 196; *Филошкин А. И.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 561–601.

⁶³ *Гуревич Ф. Д.* Летapisны Новгородок. С. 78.

⁶⁴ *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. С. 117.

участвовать в походе Даниила на Новгородок («кнази же Пиньсьци имѣахоу леств и поа ъ со собою неволею на воиноу»⁶⁵), а ранее в середине 40-х гг. Михаил Пинский не только пропускал через свои земли Ленгвяниса, но и предупреждал его о подходе войск Даниила и Василька⁶⁶. Волковыский князь Глеб во время Бурондаевой рати 1258 г. был взят в плен Даниилом, что может указывать на его связи с Войшелком⁶⁷. Мирные отношения местных периферийных династов с Войшелком и Миндовгом в 40–50-х гг., показывают, что они не считали свои династические права нарушенными. Вокняжение литовского князя в Новгородке могло состояться в результате смерти Изяслава, передела волостей Миндовгом, проведенного при вынужденном согласии союзных ему князей, или даже договора с Даниилом Романовичем с целью дополнительного укрепления союза, скрепленного браком русского князя с Дауспругайте.

Разумеется, нашествие Батыя в сильной степени изменило политическую ситуацию на Руси. Его значение в судьбе Новгородской земли особо подчеркивали В. Л. Носевич и А. К. Кравцевич, согласно мнению которых пограничное новгородское боярство, чтобы избежать суверенитета татарского хана, совершило в 40-х гг. XIII в. нетрадиционный шаг — вышло из политической системы Руси и сменило правящую династию. Возник прочный «симбиоз» или «союз» городов Понеманья с литовским князем, он стал началом процесса создания нового государства, и последующие попытки галицких и волынских князей, «татарских сателлитов», присоединить Понеманье закончились неудачей⁶⁸.

Тем не менее, влияние первой литовской династии в Черной Руси стало возрастать задолго до монгольского нашествия. Кроме того, при Миндовге, Войшелке, Тройдене, Букидиде и Буйвиде галицко-волынские князья неоднократно получали в управление какие-либо из городов Понеманья (Новгородок, Волковыск или Слоним). Поэтому вхождение исследуемой территории в состав литовского государства не может быть объяснено ни с помощью теории единовременного завоевания, ни добровольного перехода под власть литовской династии. Его скорее следует представить как длительный и динамичный процесс, продолжавшийся с конца XII в. и не законченный к середине XIII в. В обстановке политического вакуума, вызванного ослаблением влияния Киева, Понеманье стало буферной зоной

⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 818.

⁶⁶ Там же. Стб. 798.

⁶⁷ Там же. Стб. 847.

⁶⁸ *Носевич В. Л.* 1) Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 1993; 2) Наваградчына ў палітычных падзеях XIII ст. // Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Навагрудскага раёна. Мінск, 1996. С. 57–63; 3) Непасрэдныя перадумовы фарміравання Вялікага Княства Літоўскага // Гісторыя Беларусі. Т. 2. Мінск, 2008. С. 71–78; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 1998. С. 98–150.

между сплоченными Галицко-Волынскими княжениями, мелкими княжествами Пинских и Менских земель и балтскими территориями, где активно шел процесс социальной стратификации. Постепенно, по мере интеграции литовской и русской элиты и признания за родом Живинбуда княжеских прав, старейшие литовские князья начали распространять свои власть и авторитет среди князей и бояр Неманского края.

Новгородская земля во второй половине XIII в.

«... историки заставляют Новгородок, так сказать, рельефнее выказываться перед прочими городами, принимать частые нападения врагов, отражать их, с великолепною добычею возвращаться в неприступные его стены, запираеть накрепко затворы и опять пировать и бражничать, ожидая нового набега...»

М. А. Дмитриев, 1855 г.

В XVI в. историческая литература Великого княжества наградила Новгородок романтическим ореолом первой столицы, места торжественной коронации короля Миндовга. Через три сотни лет литературная традиция уже имела материальное подтверждение — «гору Миндовга», как стали называть старое кладбище к востоку, и «гай Миндовга», как Адам Мицкевич именовал вырубленную липовую рощу за фарным костелом. Распространенный и в наши дни столичный стереотип не вполне точно отражает реальное значение новгородского стола в системе галицко-волынских и литовских княжений во второй половине XIII в.⁶⁹ Единственным достоверным источником по истории Новгородка в этот период остается Галицко-Волынская летопись (ГВл), а согласно ее сведениям, город никогда не был основной резиденцией литовского короля и управлялся поочередно зависимыми от него князьями — Войшелком и Романом Даниловичем. Причем последний, несмотря на формальную зависимость от Миндовга, был представителем волынской династии. Власть литовских князей в других городах Верхнего Понеманья также не была прочной, и ее неоднократно вплоть до 90-х гг. XIII в. приходилось делить с наследниками короля Даниила.

Новгородок во второй половине XIII в. часто появляется на страницах ГВл. В свое время В. Т. Пашуто объяснил это тем, что во второй

⁶⁹ О столичности см.: *Баранаскас Т.* Новгородок в XIII в.: История и миф. С. 29–44. — Равным образом нет серьезных оснований полагать вслед за «Хроникой» Стрыйковского, что в Новгородке летом 1253 г. состоялась коронация Миндовга (*Баранаскас Т.* Месца каранаяі Міндоўга // Спадчына. 2002. № 5–6. 2003. С. 26–31; *Дзярновіч О. И.* У истоков дискуссии: История споров о месте коронации Миндовга в 1253 г. // *Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы).* Мінск, 2010. С. 102–105).

половине XIII в. в его окрестностях велось свое летописание — книжник одного из православных монастырей (вероятно, Лавришевского) составил «относительно связный текст» о правлении Миндовга, Войшелка, Треняты, Шварна и Тройдена, который в значительно урезанном виде стал одним из источников ГВл⁷⁰. В поддержку этой идеи выступил Д. Голдфранк⁷¹, который отметил знакомство летописца с внутренним делением Литвы и даже увидел местный патриотизм в описании возвращения князя Сирпутя⁷². Более того, Н. Н. Улащик полагал, что новгородской летописью мог пользоваться Мацей Стрыйковский⁷³, хотя в пользу этого нет совсем никаких данных — информация из ГВл в хронике Стрыйковского появилась через посредничество летописи, близкой к Хронике Быховца⁷⁴. Несмотря на то, что в наши дни сдержанную поддержку гипотезе о литовской летописи высказал Д. Баронас⁷⁵, большинство исследователей оценили ее скептически, поскольку сообщения о Миндовге и Войшелке имеют общие черты с теми сюжетами ГВл, которые никак не связаны с литовской тематикой⁷⁶.

Наиболее ранний блок новгородских известий, в которых описаны война 1249–1254 гг., пострижение Войшелка и ряд событий княжения Романа Даниловича, восходит к холмскому летописцу Даниила Романовича и был записан не позже первой половины 60-х гг.⁷⁷ Согласно рассказу

⁷⁰ Паушто В. Т. 1) Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 113–121; 2) Образование Литовского государства. С. 37–43.

⁷¹ Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojselk: A study of competing legends // Harvard Ukrainian Studies. 1988. Vol. 11/1–2. P. 46.

⁷² «придоша со ч(ь)стью великою домовъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 878).

⁷³ Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 100–103.

⁷⁴ Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojselk... P. 68–69, 75; Dąbrowski D. Romanowicze w Kronice polskiej, litewskiej, żmudzkiej i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych). Przyczynęk do badań nad dziejami genealogii i świadomości historycznej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI wieku // Senoji Lietuvos literatūra. 2006. Nr. 22. S. 158–159, 165–166.

⁷⁵ Mindaugo knyga: Istorijos šaltiniai apie Lietuvos karalių. Vilnius, 2005. P. 25.

⁷⁶ См.: Еремин И. П. Волинская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 117; Вікулі Т. Л. Галицько-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка. С. 37. Примеч. 53; Толочко П. П. Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 126. — На слабость аргумента, что Войшелк крестился «тоу в Новгороде», указал Е. Охманський (Ochmański J. Nad Kroniką Bychowca // Studia Źródłoznawcze. 1967. Т. XII. S. 155).

⁷⁷ Разделительную черту одной из редакций холмского свода иногда проводят на событиях 1258 г., когда рассказ о военных действиях против Войшелка прерывается на полуслове (Толочко П. П. Русские летописи и летописцы XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 260), другие исследователи такой датой считают 1266 г. (Генсьорський А. І. Галицько-Волинський літопис: Процес складання, редакції і редактори. Київ, 1958. С. 10–16).

ГВл, в 1249 г.⁷⁸ Даниил объявил своим польским союзникам, что «время есть христианомъ на поганья» и повел галицко-волынские полки на Новгородок. Рассказ летописи не дает оснований для утверждения о том, что основной причиной войны было желание захватить город. Поход был следствием нарушения Миндовгом системы коллективного управления в Литве; Даниил принял сторону братьев своей жены и вошел в состав широкой антиминовговской коалиции. Разумеется, поддерживая Товтивила и Едивиду, он стремился к укреплению собственного влияния, и Новгородок мог быть желаемым вознаграждением за помощь. Но даже не ясно, дошел ли Даниил до этого города — его войска разделились, брат Василько Романович отправился на Волковыск, сын Лев Данилович — на Слоним, а сам глава клана Романовичей пошел к полесскому Здитову в верховьях Ясельды⁷⁹. Захватив «грады многы» (все города Понеманья остались под контролем Миндовга, поэтому за этой неопределенной фразой может скрываться грабеж сел и взятие полона), галицко-волынская армия вернулась в свои дома.

Товтивил, который также может быть неназванным участником похода на Новгородок, с помощью отрядов русинов и половцев продолжил войну на территории Литвы и Жемайтии. Двухлетнее противостояние с Миндовгом окончилось безрезультатно, и он вновь обратился за помощью к Даниилу: «Тевтивиль присла Ревбоу река поиди к Новѹгородоу». В новом походе на Новгородок зимой 1251/1252 г. приняли участие Василько Романович, Лев Данилович, половецкий хан Тегак⁸⁰, а также пинские князья, которые не стремились нарушить мир с Миндовгом — их Даниил взял на войну «неволею». Ятвяги, обещавшие оказать помощь, не явились из-за глубоких снегов. Передовые галицко-волынские отряды встретились с литовской стражей у озера Зьято⁸¹ и преследовали ее до

⁷⁸ Датировка установлена М. С. Грушевским (*Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 35*).

⁷⁹ ПСРЛ. Т. С. 815–816.

⁸⁰ Тегак, по мнению Д. Домбровского, был первым тестем Романа Даниловича (*Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 126–127*).

⁸¹ А. П. Непокупный предположил, что от названия оз. Зьято, которое существовало в Дятловском районе, может происходить топоним Зетела (см.: *Непокупный А. П. Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей. С. 152–154; Русаў П. А. Заўвага адносна аднаго з момантаў ваенных падзей 1258 г. на Верхнім Панямонні ў геаграфічным і гістарычным аспектах // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры. Гродна, 2007*). Отсутствие озера с таким названием в окрестностях Зетелы, а главное — направление движения волинского войска показывают, что озеро Зьято находилось в бассейне Ясельды, где топоним и гидроним Зьято, Зьять (болото, урочище и оступ) сохранялся в XVI в. (Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867. С. 1, 12–14, 17, 75).

реки Щары («послаша сторожѣ Литва на взерѣ Зьятѣ и гнаша чересь болота до рѣкы Щарѣ»). А. Дубонис предположил, что в верховьях Ясельды могла быть размещена группа литовского населения, которая охраняла южную границу державы Миндовга (впоследствии в этом районе будет проходить рубеж Новгородского и Берестейского воеводств, также здесь сохранились топонимические следы пребывания литовскоязычного населения)⁸². Теперь намерение Даниила пойти на Новгородок не было тайной для неприятеля, и часть его войска на совете усомнилась в целесообразности продолжения экспедиции, которая могла закончиться встречей с крупными силами Миндовга. Даниил двинулся дальше, но за фразой «Наоутрѣа же плѣниша всю землю Новгородскоую ѿтуда же возвратишаса в домъ свои» скорее скрывается торопливость и безрезультатность похода. Вместо Новгородка Василько Романович и Роман Данилович взяли Городен. Вскоре волынское войско вновь заняло какую-то часть Понеманья: «потом же посласта многы своя пѣшьщѣ и коньники на град(ы) ихъ и плѣниша всю воутчиноу ихъ страны ихъ»⁸³. Не вполне ясно, о чьей вотчине идет речь — возможно, имеется в виду территория вокруг Городна, в которой волынцам удалось закрепиться. В ответ Миндовг отправил одного из своих сыновей (возможно, Войшелка) разорить окрестности Турийска. Сходное название носили два города — один к востоку от Городна, другой к северу от Владимира. Если нападению подвергся Турийск на Немане, то там должен был находиться верный волынским князьям гарнизон. ГВл бегло упоминает также о третьей попытке Даниила пойти на Новгородок, которая сопровождалась оттепелью⁸⁴.

После того, как в 1253 г. или в начале 1254 г. отношения Миндовга и Даниила были урегулированы и скреплены женитьбой Шварна Даниловича на дочери Миндовга, Новгородок был передан в управление сыну Даниила Роману. ГВл отводит главную роль при заключении мира Войшелку:

«Потом же Воишелкъ створи миръ с Даниломъ и выда дщерь Миндогдовоу за Шварна сестроу свою и приде Холмъ к Данилоу оставивъ княжение свое и восприемъ мнискии чинъ и власть Романови с(ы)н(о)ви королевоу Новгородкъ ѿ Миндога и ѿ себе и Волковьескъ и всѣ города...»⁸⁵

Вполне возможно, что Войшелк намеренно выведен на первый план летописцем, в центре внимания которого было его последующее отречение и уход в монастырь. Инициатором мира и заключения междинастического

⁸² *Dubonis A. Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai*. P. 74–76.

⁸³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 819.

⁸⁴ Там же. Стб. 828–829.

⁸⁵ Там же. Стб. 830–831.

брака был Миндовг, который еще в 1252 г. присылал послов с предложением о «любви о сватстве»⁸⁶.

Вокняжившись в Новгороде, Роман Данилович попытался заручиться поддержкой местных князей, что видно из его женитьбы на дочери Глеба Волковыского. Последний дважды упомянут в ГВл — сначала как тесть Романа, сопровождавший его в походе на ятвягов в 1255/1256 гг., затем как волковыский князь, захваченный в плен Данилом в 1259 г.⁸⁷ Высказывались разные мнения по поводу его происхождения: что имя может указывать на принадлежность к одной из ветвей полоцких Изяславичей (что наименее вероятно)⁸⁸, что он — потомок городенских Всеволодковичей⁸⁹ или сын пинского князя Ростислава Святополчича⁹⁰. Д. Домбровский считал более вероятным, что Глеб, происходивший из мелких династий литовско-русского пограничья, получил Волковыск уже после вокняжения Романа в Новгороде, который выделил Волковыск своему новому тестю (автор обращал внимание на то, что Волковыск числится среди городов, переданных Войшелком «от себя и от Миндовга»⁹¹). Глеб, впрочем, мог уже некоторое время находиться на волковыском столе, будучи в зависимости от Миндовга — как отметил тот же Д. Домбровский, брак Романа с дочерью мелкого династа выглядит неравным и должен был нести какую-то выгоду. Роман мог искать военной поддержки у местных князей и бояр. Как нужно полагать, расчет на «любовь сватства» не вполне оправдался — когда в 1259 г. Войшелк и Товтивил захватили Романа в плен, пытавшийся найти и освободить своего сына Даниил пленил Глеба⁹², что заставляет подозревать последнего как минимум в пассивности или неоказании помощи зятю и самостоятельных связях с литовскими князьями.

Несмотря на то, что Миндовг после заключения мира сохранил суверенитет над Романом Даниловичем и формально «прислал» его в помощь отцу, он оказался перед перспективой усиления волынского влияния в наиболее значимом городе литовско-русского пограничья. Вероятно, по этой причине литовский король обратился к папе Александру IV с просьбой утвердить за собой и своими наследниками те земли Русского королевства, которые были им захвачены, равно как и те, что он захватит

⁸⁶ Там же. Стб. 819–820.

⁸⁷ Там же. Стб. 831.

⁸⁸ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. С. 54.

⁸⁹ Назаренко А. В. Городенские князья и городенское княжество. С. 148.

⁹⁰ Донской Д. В. Справочник по генеалогии Рюриковичей (сер. IX – нач. XIV в.). Ч. I. Ренн, 1991. № 337. С. 127; № 460. С. 162 (цит. по: Котляр Н. Ф. Княжеская администрация в Древней Руси // ДРВМ. 2010. № 3. С. 45).

⁹¹ *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów...* S. 139.

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 847.

в будущем. По инициативе Миндовга святой престол впервые распорядился землями русских «схизматиков», передавая их по своему усмотрению католическому правителю — подтверждающая булла была выдана папой 6 марта 1255 г.⁹³

Во время, пока Даниил Романович еще рассчитывал на помощь латинского Запада в борьбе с татарами, влияние курии на отношения новоиспеченных королей не было фикцией. Урегулирование отношений между ним и Миндовгом укладывалось в русло политики Иннокентия IV, который в последние годы своего понтификата пытался организовать восточноевропейских правителей к сопротивлению против татар⁹⁴.

Прямым следствием союза стала попытка русско-литовского похода на Киев, предпринятая в 1255 г. Литовские и новгородские войска во главе с Романом Даниловичем, Сирвидом Рушковичем и воеводой Хвалом отправились по воле Миндовга под Возвягль, где должны были соединиться с полками Даниила⁹⁵. Экспедиция прошла крайне неудачно: Даниил, не дождавшись вестей от Романа, сжег город, вывел в плен всех жителей и вернулся домой, не отваживаясь идти на Киев без литовской помощи. Подошедшие через некоторое время литовцы и новгородцы обнаружили лишь дымящееся городище, по которому бегали собаки. Раздосадованные отсутствием добычи, воины Миндовга разорили окрестности Луцка, где натолкнулись на активное сопротивление, в результате которого погиб воевода Хвал (судя по имени — русин). Такой исход не мог пойти на пользу союзу Миндовга с Романовичами, но соглашение 1253/1254 гг. оставалось в силе.

Не исключено, что Роман действовал также с согласия Миндовга, предводительствуя «всеми новгородцами» в походе на ятвягов, который состоялся зимой 1255/1256 г. (?)⁹⁶. Ятвяжские земли в 1254 г. были разделены в Рацёнже между Даниилом, Земовитом Мазовецким, Тевтонским орденом, и для реализации соглашения Даниил подготовил совместный русско-польский поход, в котором Роман Данилович участвовал вместе со своим тестем Глебом и Изяславом Свислочским⁹⁷.

⁹³ VMPL. Т. I. № 123. S. 61; *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 206.

⁹⁴ *Дубо́нiс А.* Каралеўства Мiндоўга // *Arche*. 2009. № 9.

⁹⁵ «Прислаша Миндовгъ к Данилоу пришлоу к тобъ Романа и Новгородцъ а бы пошелъ ко Возваглю ѿтоуда и къ Кыеву и срече срьокъ во Възвагль» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 838).

⁹⁶ В ГВЛ поход на ятвягов описан раньше похода на Возвягль, и в литературе встречается датировка похода зимой 1254/1255 г. Как указывает Г. Бялуньский, в конце 1254 г. один из участников похода Земовит не мог в нем принять участие, т. к. был взят в плен Казимиром Куявским, а еще раньше заключал договор в Рацёнже (*Białuński G.* *Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich*. S. 102, przyp. 119).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 831–835.

Драматический поворот судьбы новгородского князя произошел после разрыва Миндовга с Даниилом, когда около 1259 г. волыньские князья присоединились к походу татар в Литву. Роман был захвачен Войшелком и Товтивилом, которые могли иметь поддержку со стороны Миндовга, а могли действовать самостоятельно. Даниил взял Волковыск и захватил в плен Глеба (как отмечает летописец, «и держашеть и во ч(е)сти»⁹⁸), но Войшелка или Романа не обнаружил ни в городе, ни в окрестностях. Воевода Михаил совершил безрезультатный рейд вдоль реки Зельвы. Было принято решение идти на Городен, но для подготовки экспедиции Даниил отвел войска в Мельник. Татары, которые возвращались из похода на ятвягов, помешали галицкому князю совершить задуманное, и рассказ ГВл обрывается на полуслове. По поводу судьбы Романа остается строить только догадки. Многие исследователи полагали, что он был убит Войшелком, который вернул себе Новгородок⁹⁹. Так ли это — установить невозможно, но Роман определенно погиб или умер до начала ноября 1259 г., после чего был похоронен в церкви Богородицы в Холме¹⁰⁰.

Фрагменты ГВл о Войшелке удостоились многочисленных посмертных литературных откликов, в которых его образу, как правило, придавались черты исключительного благочестия¹⁰¹. Первый отрывок о заключении мира 1253/1254 г. и добровольном принятии монашества (редакция А по Т. Л. Вилкул) относится к тексту холмского летописца Даниила Романовича.

Высказывалась точка зрения, что детали этого сообщения являются насильем над фактами¹⁰², — в первую очередь потому, что захват Войшелком Романа Даниловича не соответствует образу смиренного чернеца, отказавшегося от светской власти. Т. Л. Вилкул отметила, что на Руси практиковалось насильственное пострижение как средство политической борьбы — в том числе отцом Даниила, который отправил в монастырь своего бывшего тестя Рюрика Ростиславича. Согласно

⁹⁸ Там же. Т. II. Стб. 847. — По мнению Т. Л. Вилкул, фраза «держашеть и во ч(е)сти» является интерполяцией волынского редактора (*Vilkuł T. L. Галицько-Волинський літопис про постриження... С. 31*). Д. Домбровский также отмечал, что в данном месте чтение ГВл испорчено (*Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 138*).

⁹⁹ См.: *Голочко П. П. Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 125; Dubonis A. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282). Vilnius, 2009. P. 42–43, nuor. 28.*

¹⁰⁰ *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 116–126.*

¹⁰¹ См.: *Огицкий Д. П. Великий князь Войшелк // Богословские труды. М., 1983. Т. 24. С. 133–184; Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojtselk. P. 44–76; Dąbrowski D. Powieść o Wojsielku. Szkic historiograficzny // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 31–66.*

¹⁰² *Vilkuł T. L. Галицько-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка. С. 26–37.*

догадкам Т. Нарбута и В. Б. Антоновича, сын Миндовга стал заложником Даниила¹⁰³, и тогда его уход в монастырь можно расценивать как устранение соперника за новгородский стол. Впрочем, детали соглашения Даниила и Миндовга остаются неизвестными, и для Войшелка заложничество могло иметь «почетный» характер с сохранением свободы (ведь Роман Данилович, вокняжившись в Новгороде, также оказался в зависимости от литовского короля). Некоторые авторы пытались найти психологические причины решения стать монахом — например, М. Гедройц полагал, что оно могло быть вызвано душевной раной, которую нанес ему отец, пожертвовавший позициями православного сына ради союза с католиками (Миндовг короновался летом 1253 г.)¹⁰⁴.

Глубину нравственного перерождения Войшелка демонстрирует читателю упоминание о несостоявшемся путешествии на Афон, организованном для Войшелка Даниилом: принявший монашество «самъ просиса ити во С(ва)тоую Гороу и наиде емоу король поуъ оу корола Оугорьского и не може ити С(ва)тое Горы и воротиса в Болгарѣхъ»¹⁰⁵. Вряд ли возможно установить, было ли паломничество реальным: оснований для гиперкритического сомнения не больше, чем для доверия летописи. Как отметил Д. Домбровский, детали путешествия внешне соответствуют политической ситуации на Балканах — венгерская протекция для проезда через Болгарию имела смысл после женитьбы в конце 1255 г. царя Михаила Асеня на дочери бана Мачвы Ростислава Михайловича, а междоусобная война, начавшаяся после убийства Михаила Асеня (начало 1257 г.), могла расстроить планы Войшелка¹⁰⁶. В контексте гипотезы о насильственном пострижении путешествие можно было бы рассматривать как ссылку. Исследователи также проводили параллель с княжичем св. Саввой (Растко) Сербским (ум. 1236 г.), который по своей воле уехал на Афон и стал монахом¹⁰⁷.

Значительно больше подробностей содержит второй рассказ о пострижении (*редакция В*)¹⁰⁸, который открывает серию статей о жизни и подвигах Войшелка. Недавно Т. Л. Вилкул предположила, что редакция В составлена в результате агиографической амплификации редакции А

¹⁰³ *Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. IV. Wilno, 1838. S. 128; Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Ч. I. Киев, 1885. С. 31.*

¹⁰⁴ *Giedroyć M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Early Contacts (Thirteenth Century) // Oxford Slavonic Papers. Vol. 18. 1985. P. 16.*

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 830–831.

¹⁰⁶ *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 201.*

¹⁰⁷ *Baronas D. Katalikiška ir stačiatikiška Lietuva XIII a. // Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste / Sud. R. Petrauskas. Vilnius, 2008. P. 256.*

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 858–859.

во время правления Владимира Васильковича. Параллели с историей об убийстве Войшелка (упоминание Григория Полонинского, а также крещение Войшелком Юрия Львовича, обусловленное тенденцией летописца изображать в нелестном свете Льва Даниловича — убийцу крестника собственного сына)¹⁰⁹ могут указывать на то, что в составлении или редактировании этих отрывков принимал участие один и тот же редактор. Нужно отметить, что гипотеза Т. Л. Вилкул о времени редактирования вписывается в политический контекст 80-х гг. — сюжет о добровольном пострижении Войшелка и признании своим отцом Василька Романовича мог приобрести идеологическую актуальность после 1282 г., когда началась предполагаемая борьба группировки приближенных Тройдена с литовцами, союзными Владимиру Васильковичу, которые чтили память Войшелка и готовы были мстить Льву Даниловичу за его убийство¹¹⁰.

Серия полуагиографических рассказов о Войшелке, начинающаяся с рассказа *B*, как отметил Д. Голдфранк, придает его образу черты подвижника. Пять его путешествий увенчаны подвигами и завершаются насильственной смертью¹¹¹. В тексте встречается заимствованная из компилятивного хронографа формула «и тако бысть конец убитья его», которая появляется ранее в рассказах об убийстве Миндовга и Треняты¹¹². А. И. Генсьорский считал использование хронографа характерной чертой сводчика, работавшего над текстом ГВл до 1266 г.¹¹³ Но заимствованием из хронографа, по мнению А. Дубониса, может быть также указание на 12 лет правления Тройдена, при этом в летопись оно могло быть внесено уже после смерти Владимира Васильковича (1288 г.)¹¹⁴. Поэтому не ясно, можно ли считать упомянутую формулу признаком принадлежности исключительно к холмскому своду 60-х гг., тем более, что А. П. Толочко указывал на сходную формулировку из завершающей части ГВл («тоутож положим конец Вьлодимерову княженію»)¹¹⁵.

¹⁰⁹ Вилкул Т. Л. Галицько-Волинський літопис про постриження... С. 31.

¹¹⁰ Dubonis A. Traidenis. P. 77–78, 145.

¹¹¹ Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojseik... P. 47–49.

¹¹² Впервые это характерное клише встречается в рассказе о взятии Сандомира татарским темником Бурндаем и Васильком Романовичем: «и тако быс(ть) конѣць Соудомирському взатью» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 855), далее в рассказе об убийстве Миндовга: «и тако быс(ть) конѣць Миндовговоу оубитью» (Там же. Стб. 860), Треняты: «и тако быс(ть) конѣць оубитья Тренатина» (Там же. Стб. 861), Войшелка: «и такъ быс(ть) конѣць оубитья его» (Там же. Стб. 868); см.: Толочко А. П. Одна заимствованная формула в Галицко-Волинской летописи // *Ruthenica*. 2006. № 5. С. 256–257.

¹¹³ Генсьорський А. І. Галицько-Волинський літопис. С. 12–15.

¹¹⁴ Показателем редактуры, по мнению автора, является различное изображение братьев Тройдена в летописи Владимира Васильковича и в рассказе о вокняжении Тройдена (Dubonis A. Traidenis. P. 29–31).

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 927.

В начале *редакции В* повторяется информация о выдаче Войшелком дочери Миндовга за Шварна Даниловича. Затем, в отличие от первой версии, следует анахроничный отрывок о вокняжении в Новгороде, нравственном перерождении и крещении. Исправление Холма (реальной резиденции Даниила) на Галич и обобщенное указание на то, что он пришел одновременно к обоим Романовичам, выдают меньшее знакомство с биографией князя¹¹⁶. Добавлена деталь о том, что литовский князь был пострижен настоятелем Григорием не в Холме, а в Полонинском монастыре (местонахождение которого не выяснено), и прожил в нем три года¹¹⁷. С благословения Григория он отправился на Афон, но паломничество не удалось из-за «мятежа» в тех землях. После этого, согласно повествованию, Войшелк не стал возвращаться в Полонинский монастырь: «и приде шпать в Новьгородокъ и оучини собѣ монастырь на рѣцѣ на Немнѣ межи Литвою и Новымъгородкомъ и тоу живаше». В последующие столетия монастырь на Немане к северо-востоку от Новгорода носил название Лавришевского. Именно с ним традиционно связывалась история о Войшелке и производные от нее истории о Римонте/Лаврыше и Елисеѣ¹¹⁸. В первом рассказе об основании обители не упоминается, в связи с чем нельзя быть уверенным, что оно состоялось сразу после возвращения из паломничества. Вероятно, полуагиографический рассказ указывает на связь Войшелка с этим монастырем, однако некоторые детали повести вполне могут быть вымышленными. Завершается фрагмент клишированным описанием конфликта с отцом из-за христианства — «шѣ же его Миндовгъ оукаривашеться емоу по его житью шнѣ же на ш(ть) ца своего нелюбовашеть велми». Сюжет конфликта с родителями часто встречается в агиографии (в частности, Д. Баронас указывал на житие св. Алексия)¹¹⁹. Представляется, что наиболее полная литературная параллель цитаты — отношения индийского царя-язычника Авенира и его сына-христианина Иоасафа в Повести о Варлааме и Иоасафе¹²⁰. В свою очередь, Григорий Полонинский в ГВл повторяет в повести о Войшелке

¹¹⁶ *Вилкул Т. Л.* Галицько-Волинський літопис про постриження... С. 29.

¹¹⁷ Т. Л. Вилкул три года жизни в монастыре напомнили «священное число», а для составления рассказа о Григории, по ее мнению, «достаточно “виртуальной реальности” (у монаха должен быть учитель, а у идеального монаха — идеальный учитель) и библейной топике» (*Вилкул Т. Л.* Галицько-Волинський літопис про постриження... С. 30).

¹¹⁸ О поисках места монастыря см.: *Краўцэвіч А. К.* Археалагічныя даследаванні Лаўрышаўскага манастыра на Панямонні // 3 глыбі вякоў. Наш край. Вып. 1. Мінск, 1996. С. 227–234.

¹¹⁹ *Baronas D.* Katalikiška ir stačiatikiška Lietuva XIII a. P. 254.

¹²⁰ Данный памятник, в основе имеющий арабские, персидские и, вероятно, индийские произведения, уже в XII в. вошел в древнерусский Пролог (см.: *Повесть о Варлааме и Иоасафе.* Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985).

роль пустычника Варлаама, который наставил царевича Иоасафа на монашескую жизнь¹²¹.

Пребывание в монастыре (повторное?) и трения с Миндовгом остаются одним из наиболее темных и спорных мест биографии князя. По мнению Д. Баронаса, конфликт с Миндовгом в начале 60-х гг. действительно имел место и был вызван переходом Войшелка на сторону волынских князей, а также различием в выборе цивилизационного будущего — в отличие от своего отца, симпатизировавшего западному христианству, он возвел монастырь и стал воплощать программу построения «православной Литвы»¹²².

Посмертный героизированный образ Войшелка, который предстает перед нами благочестивым подвижником, вероятно, имеет некоторые реальные черты. О его христианстве известно не только из ГВл — сразу несколько источников сообщают о том, что накануне убийства Миндовга Войшелк оставался монахом. На информацию Новгородской I летописи (согласно которой Войшелк вышел из монастыря, чтобы покарать убийц отца, и дал обет вернуться через три года) опираться по меньшей мере неосторожно, поскольку полуагиографическая редакция сильно искадила первоначальный вариант¹²³. Но независимо от нее Анналы

¹²¹ В связи с этим нужно отметить, что из восемнадцати миниатюр Лавришевского Евангелия, в основном иллюстрирующих евангельские сюжеты, две восходят к указанной Повести («Разговор Варлаама и Иоасафа» и «Притча о единороге»). Хотя созданные в XIV в. миниатюры, по-видимому, не имеют непосредственного отношения к личности Войшелка, ее присутствие демонстрирует популярность этих сюжетов в Галицко-Волынской и Литовской Руси. Как отмечает М. Сморгонь-Ружицкая, образы Варлаама и Иоасафа были активно задействованы в Сербии при установлении культа св. Стефана Немани, благодаря личному участию его сына св. Саввы (Пастко) (см.: *Smorąg-Różycka M.* 1) *Miniatury «Ewangeliarza Ławryszewskiego»*. *Zagadnienie stylu // Folia Historiae Artium*. 1992. T. 28. S. 26–27, 38; 2) *Romans chrześcijański Barlaam i Jozafat w kulturze średniowiecznej Europy. Uwagi o dwóch miniaturach w Ewangeliarzu Ławryszewskim // Slavia Orientalis*. 1993. Nr. 1. S. 9–27; 3) *Ewangeliarz Ławryszewski*. Kraków, 1999. S. 70–81). Нельзя полностью исключать, что популярная история царевича-монаха, через призму которой волыняне книжники рассматривали деятельность Войшелка, была образцом подражания и для самого литовского князя.

¹²² Впрочем, оснований для пересмотра хронологии принятия монашества и паломничества князя недостаточно (см.: *Ibid.* P. 254–255).

¹²³ «По убиении же отца своего, не хотящю ему сего створити, но богу поущышо на них, на поганую Литву, за хрестьяньскую кровь, вложи сему въ сердце, соимя съ себя ризу, обѣщася богу на 3 лѣта, како приятии риза своя, а устава мнишьскаго не остана...» (Новгородская первая летопись... С. 84–85, 314). Как отмечал Д. Голдфранк, несмотря на различия, рассказ имеет композиционное сходство с биографией, представленной в ГВл, и, вероятно, является его поздней переработкой (*Goldfrank D.* *Lithuanian Prince-monk Vojtsel*... P. 53–56).

Красиньских сообщают: «...беззаконник Войшелк, сын короля Миндовга, будучи монахом на Руси, выйдя из обители, мстя за смерть отца, убил убийцу короля Трогната с прочими князьями»¹²⁴. Время составления данной записи не установлено, но ее уже использовал в XV в. Ян Длугош¹²⁵. Ливонская рифмованная хроника, памятник конца XIII в., прямо не называет сына Миндовга монахом, но отмечает, что он был христианином, «выказал добродетель уже в молодости» и во время убийства Миндовга находился на Руси¹²⁶.

В рассказе ГВл о борьбе Войшелка за литовское княжение нет упоминаний о его монашестве — в нем он выступает как правитель, претендующий на верховную власть. Многократные метания между монастырем и политической борьбой, которую он вел в 1259 и 1263 гг., труднообъяснимы. Основание монастыря могло иметь целью укрепление связей с волынской иерархией, что вкупе с «любовью сватства» (брак Шварна Даниловича на его сестре) создавало на юге весьма выгодный политический климат для новгородского князя-монаха.

Осенью 1263 г. весть об убийстве Миндовга вынудила Войшелка бежать в Пинск, откуда он наблюдал за событиями в Литве. По всей видимости, уже тогда Шварн Данилович и Василько Романович оказали содействие беглецу. Летописец дважды настойчиво повторяет, что он признал старшинство Василька, назвал его своим отцом и господином¹²⁷. Также Войшелк, хорошо знакомый с опытом борьбы Товтивила с Миндовгом, заручился поддержкой ливонского ландсмагистра Конрада фон Мандерна. После убийства Треняты пришло время действовать — «Воишелкь поиде с Пинаны к Новоугородоу и ѿтолѣ пока со собою Новгородцѣ и поиде в Литвою княжить. Литва же вса приаша и с радостью своего господичича». В течение 1264 г., опираясь на войска русинской части

¹²⁴ «Quod nephas *Woysalk*, filius regis Mendok, existens monachus Russie, egrediens de clastro regicidam Thrognath cum aliis ducibus, ulciscens patris mortem, occidit» (*Rocznik Krasiniskich* // МРН. Т. III. С. 133).

¹²⁵ *Joannis Długosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera Omnia* / A. Przeździecki. Т. XI. Kraków, 1873. С. 392; см.: *Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę «*Annalium*» korzystał z Kroniki halicko-wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? // *Ruthenica*. Т. 3. 2004. С. 166; *Goldfrank D.* Lithuanian Prince-monk *Vojselk*... P. 50.

¹²⁶ Перевод П. Жадейкиса (*Mindaugo knyga*. P. 294–295 (7133–7170)). Слова о том, что после убийства Треняты литовцы поддержали сына Миндовга и «покинулись ему в верности и вступили в союз все по языческим законам» (7202–7206) являются не более чем традиционным клише, и в остальном в хронике Войшелк подчеркнuto изображен христианином (ср.: *Віакул Т. Л.* Постриження князя Войшелка: Політика князя Данила і стратегії літописців. С. 125. Примеч. 5). Место об освобождении им пленных христиан объединяет рифмованную хроникy с известием Германа Вартберга (*SRP*. Т. II. С. 45).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 861–863.

Понеманья, людей Миндовга¹²⁸ и галицко-волинских князей, он подчинил Нальшаны и Деволтву.

В благодарность за помощь Шварн Данилович мог получить Новгородок — в нем он находился в начале противостояния с Болеславом Стыдливым¹²⁹. По-видимому, были возобновлены условия русско-литовского соглашения 1254 г., и правление в русинской части Понеманья позволило летописцу назвать Шварна соправителем Войшелка («Кнажашоу Воишелкови во Литвѣ и Шварнови»). Жизнеописание князя-монаха завершается рассказом об очередном добровольном оставлении власти¹³⁰. Несмотря на мольбы Шварна остаться в Литве и продолжать вместе править, Войшелк удалился в Угровский монастырь св. Даниила, где его посетил наставник Григорий Полонинский. Вскоре Василько Романович по просьбе Льва Даниловича созвал княжеский съезд во Владимире, на который Войшелк, боявшийся Льва, поехал под гарантии безопасности от Василька. После званого обеда у немца Марколта Василько уехал спать, а Войшелк удалился в монастырь св. Михаила. Пьяный Лев приехал туда со словами «коуме, напимса» и во время продолжения пиршества в монастыре по дьявольскому наущению зарубил Войшелка — из зависти, что тот отдал литовскую землю Шварну. После убийства Шварн княжил в Литве «лет нѣмного и тако престависа».

Д. Голдфранк справедливо отметил, что завершающая часть биографии Войшелка в ГВл политически ангажирована¹³¹. Она обосновывает преобладание Руси над Литвой, показывает законность вокняжения Войшелка в Литве, добровольное оставление власти и передачу ее Шварну. Эти обстоятельства позволили А. Дубонису радикально усомниться в достоверности рассказа. Неучастие Шварна в съезде, по мнению исследователя, может указывать на то, что к тому времени он был болен или даже умер, а Василько, Лев и Войшелк собрались для того, чтобы в связи с этим обсудить будущее политическое устройство Литвы и Руси¹³². Т. Л. Вилкул заметила, что сцена убийства князя-чернеца, который после банкета решил выпить со Львом еще по чарке, не совсем вписывается в идеальный монашеский образ, но А. Дубонис считает достоверными и детали убийства Войшелка, и известие об уходе в Угровский монастырь, из которого «хитрый» и деятельный литовский князь был намерен ока-

¹²⁸ О поддержке, которую Войшелк встретил в Литве, упоминает не только ГВл, но и Ливонская рифмованная хроника (*Mindaugo knyga*. P. 295–296 (7202–7206)).

¹²⁹ «тогда же Шварнови соушо в Новѣгородѣ»; «посем же Шварно приѣха из Новгородька вборзѣ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 864).

¹³⁰ Там же. Стб. 867–868.

¹³¹ *Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojselk...* P. 47–49.

¹³² *Dubonis A. Traidenis*. P. 53–55.

зывать влияние на Шварна (впрочем, одновременно исследователь не исключал давления на Войшелка со стороны Василька).

В литературе давно известна гипотеза, согласно которой Войшелк был убит из мести за смерть Романа Даниловича, «при молчаливом сочувствии Василька»¹³³. По мнению же А. Дубониса, причина убийства князя лежит в споре вокруг обладания Новгородком. Последнее предположение основано на рассказе «Анналов» Длугоша, согласно которому ненависть Льва к Войшелку возникла из-за соперничества за земли Руси, на которые Войшелк пытался предъявить свои права. Ничего не упоминающая о монашестве и съезде, Длугош повествует, что 9 декабря (в другом списке — 9 сентября) 1267 г. в некоей деревне Лев окружил Войшелка и расправился с ним¹³⁴. Более ранние польские источники лишены таких подробностей — запись Анналов Траски сообщает: «Князь Лев, сын короля Руси Даниила, убил Войшелка, сына Миндовга, князя литовского»¹³⁵. Для составления статьи, очевидно, Длугошу не обязательно было использовать дополнительный источник, поэтому все детали могут быть амплификацией¹³⁶.

После убийства Войшелка власть в Литве установил Тройден, названный в ГВл самыми нелестными эпитетами — окаянный и незаконный, проклятый и немилостивый. Известие о вокняжении Тройдена, как считает А. Дубонис, редактировалось не менее двух раз, и кроме упоминания о его братьях (Борза, Сирпутий, Лесий, Свелкений) оно не содержит оригинальной информации. Исследователь высказал даже сомнения в том, что братья Тройдена были христианами — такими, по его мнению, их мог создать редактор, чтобы с помощью контраста подчеркнуть беззаконие Тройдена¹³⁷.

Один из братьев, Сирпутий, по всей видимости, правил в Новгороде и отвечал за южное направление политики Тройдена¹³⁸, так как именно он действовал против галицко-волинских войск в 1276 г., когда разгорелся конфликт в Понеманье, и предводительствовал походом на Люблин

¹³³ Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 293; Толочко П. П. Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 125.

¹³⁴ «Nona die mensis Septembris (Decembris), Leo Dux Russiae... cum Woysalko Mendolphi alias Mendog filio Duce Lithuaniae, pro terris Russiae, quas idem Woysalk sui iuris facere nitebatur, in similitates et odia perveniens, praefatum Woysalk in quodam rure se continentem, circumventum obruncat» (Joannis Długosz Senioris Canonici Cracoviensis Opera Omnia. T. XI. S. 404).

¹³⁵ «Dux Leo filius Danielis regis Rusie occidit Woyslaum filium Mendogi ducis Lithwanorum» (Rocznik Traski // MPH. T. II. S. 840).

¹³⁶ Ср.: Dąbrowski D. Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę «Annalium» korzystał z Kroniki halicko-wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? S. 170.

¹³⁷ Dubonis A. Traidenis. P. 30.

¹³⁸ Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. S. 136; Dubonis A. Traidenis. P. 162.

в 1279 г. Войска русских городов были задействованы также на северном направлении — в 1272–1273 гг. они помогали судовскому князю Скомонту (Скуманту) в походе на Кульм (Хелмно)¹³⁹.

В правление Тройдена его южные территории неоднократно становились ареной боевых действий литовских, галицко-волинских князей и их многочисленных союзников. Рассказы об этих войнах вошли в летопись при составлении волинского свода Владимира Васильковича.

Обострение отношений с Тройденом произошло после того, как тот, «забыв любви Львовы», отправил городенское войско на Дорогичин¹⁴⁰. Некий Трид, благодаря хорошему знакомству с оборонительными сооружениями города, влез в него ночью, открыл ворота, и на Пасху 1 апреля 1274 г. город был разграблен. Лев Данилович не мог оставить этот шаг безнаказанным и обратился за помощью к хану Менгу-Тимуру. В конце 1274 г. в Литву отправилась татарская армия под командованием воеводы Ягурчина. Рассказ ГВл об этом походе вновь изображает Льва в нелестном свете. Полки Льва Даниловича и Владимира Васильковича, к которым присоединились туровские и пинские князья, под Слуцком встретились с татарами и проследовали зимней дорогой на север. Перед восходом солнца войска перешли Сервечь, построились и двинулись на Новгородок: справа — Ягурчин, в центре — Лев, слева — Владимир. В какой-то момент татарский разъезд сообщил, что за холмом замечено вражеское войско, но оказалось, что за дыхание коней был принят пар, поднимающийся от текущих с холмов ручьев. Нападавшие спокойно расположились у стен города. К нему должны были подойти также Мстислав Данилович, который шел из Луцка, «от Копыля воюя по Полесью», Роман из Брянска, Глеб из Смоленска и другие князья. Не дожидаясь их, Лев с татарами взял штурмом окольный город Новгородка и подверг его разграблению. Крепость на Замковой Горе устояла. По изначальному плану Новгородок должен был стать первым пунктом на пути в Литву, но большинство князей, не участвовавших в штурме и лишенных добычи, разгневались на Льва и отказались продолжить поход.

После разорения города основной фронт борьбы переместился в западную часть Понеманья. Согласно ГВл, в 1276 г. Тройден поселил пришедшие к нему группы прусских беженцев в Городне и Слониме¹⁴¹. Очевидно, это переселение было не единичным. Петр Дусбург упоминает об уходе погезанов «в волость замка Гарты», о гибели во время захвата Городна орденским войском в 1284 г. барта, бежавшего из Погезании, также о неоднократных отъездах судовов в Литву и Русь

¹³⁹ SRP. T. I. S. 162 (166).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 871–874.

¹⁴¹ Там же. Стб. 874.

в 80-х гг. XIII в.¹⁴² Литовский князь укреплял оборону южных и юго-западных рубежей Литовского княжества — земля переселенцам предоставлялась под условие несения военных и иных служб. Барты и скалвы сохраняли свой особый статус в течение многих столетий, что демонстрирует существование вплоть до конца XVIII в. Бортынского староства — административной единицы в составе Пеляяского, Скольвенского, Городенского и Понеманского войтовств. До наших дней сохранялся и так называемый «*барцяньскі язык*», литовский говор в районе Радуни и Пелясы¹⁴³.

Появление в русинской части Понеманья пруссов и бартов вызвало недовольство Владимира Васильковича, который после совета со Львом отправил рать к Слониму и захватил пруссов. В ответ Сирпутий совершил поход на Камен, а Владимир взял Турийск на Немане вместе с окружающими его селами (в его окрестностях, как считал Е. Охманский, также могли размещаться прусские переселенцы)¹⁴⁴.

В конце 1276–1277 г. был заключен мир между Тройденом, Владимиром и Львом. По мнению В. Т. Пацуто, литовский князь отказался от притязаний на Дорогичин в обмен на сохранение власти в Черной Руси¹⁴⁵. А. Дубонис полагает, что ему пришлось отказаться также от Слонима и Волковыска¹⁴⁶. О зависимости Волковыска от владимирского князя можно судить из описания следующего похода зимой 1277–1278 гг., когда нападающие князя спокойно прошли Волковыск, направляясь на Городен: «и быс(ть) минуовшимъ имъ Волковыескъ далече сташа на ночь». В Слониме в 80-х гг. княжил Василько, который деятельно служил Владимиру Васильковичу. В летописи он упоминается без отчества, два раза как «воевода» Владимира Васильковича, три раза с княжеским титулом («князь Вослонимский»)¹⁴⁷. Нет особых оснований полагать, что Василько являлся сыном Романа Даниловича и дочери Глеба Волковыского — как отметил Д. Домбровский, он может быть как волынским Изяславичем,

¹⁴² SRP. T. I. S. 136, 143–148.

¹⁴³ Охманский Е. Иноземные поселения в Литве в XIII–XIV вв. в свете этнонимических местных названий // БСИ. 1980. М., 1981. С. 112–131; Судник Т. М. 1) К истории языковой ситуации Пелясы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 181–191; 2) К изучению исторической антропологии литовско-белорусского пограничья // БСИ. 1986. М., 1988. С. 213–219; Квятковская А. В. К вопросу о пруссах-переселенцах на территории Беларуси в средневековье // ГАЗ. 1997. № 11. С. 9–14; Dubonis A. Traidenis. P. 114.

¹⁴⁴ Охманский Е. Иноземные поселения в Литве... С. 124.

¹⁴⁵ Пацуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 388.

¹⁴⁶ Dubonis A. Traidenis. P. 116–117.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 884, 885, 887, 889. — Например: «Володимиръ ... ѿради воеводу Василка княза Вослонимьского».

так и мелким чернорусским или турово-пинским князем¹⁴⁸. Связывать его вокняжение с договором 1276 г. можно лишь предположительно — он мог появиться в Слониме уже в результате междоусобной борьбы после смерти Тройдена.

Мирный договор оказался преждевременным — беклярбек Ногай в ответ на жалобы галицких князей отправил на Литву войско под командованием воеводы Мамшея, к которому не могли не присоединиться галицко-волинские князья. В конце 1277 г. Владимир Василькович, Мстислав Данилович и Юрий Львович направились в поход на Новгородок¹⁴⁹. Когда они находились в Берестье, стало известно, что татары уже подвергли Новгородок разграблению, и русские князья двинулись на Городен.

Пройдя Волковыск, основные силы организованно заночевали в лагере, но часть «лучших» бояр и слуг Мстислава и Юрия, которая вместе с воеводой Тюимой отделилась от основного войска и опустошала села Городенской волости, остановилась на ночевку прямо в них, не выставив сторожей и сняв оружие. Во время ночной вылазки городенские пруссы и борти (барты) перебили их, часть взяли в плен и увели в город.

Подошедшие к Городну войска начали осаду, и прусские и бартские воины вновь приняли активное участие в обороне города — согласно рассказу ГВл, они заперлись в каменной башне рядом с городскими стенами. Хотя башню удалось взять приступом, осада была снята в обмен на выдачу пленных. Тройден, заинтересованный в спокойствии на южной границе, не стал разрывать мира с волинскими князьями, и когда в 1279 г. Сирпутий совершил поход в Люблинскую землю, летописец положительно оценил его результат¹⁵⁰, следовательно, союз с Тройденом сохранился.

Как отмечает А. Дубонис, отрывочные данные о литовской внешней политике позволяют считать, что после смерти Тройдена (предположительно, в 1282 г.) в Литве началась борьба между приближенными Тройдена и оппозиционной партией, связанной с прошлой династией. Ее поддерживал Владимир Василькович, и она одержала победу.

Экспедиции литовцев и ятвягов 1282 г. под Люблин и Сандомир, по мнению А. Дубониса, можно считать частью войны против группировки мазовецкого князя Болеслава II (зятя Тройдена), союзником которого являлся краковский и сандомирский князь Лешко Черный. Их противник, черский князь Конрад Земовитович, состоял в союзе

¹⁴⁸ *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów...* S. 271–275.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 876–878.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 878.

с Владимиром Васильковичем. Характерно, что одним из основных предводителей волинского войска, посланного в помощь Конраду, был Василько Слонимский.

Литовцы намеревались принять участие в походе войск Владимира Васильковича (в том числе, Василько Слонимского) в Мазовию в 1285 г., но опоздали, поэтому были направлены Владимиром на Люблин, разорять земли Лешка Черного. Во время следующего русско-литовского похода в Мазовию в 1286 г., в котором участвовал Юрий Львович, Лев опасался мести за убийство Войшелка и предостерегал своего сына, чтобы тот не ходил в поход вместе с литовским войском¹⁵¹. В. Т. Пашуто интерпретировал эти опасения как признак того, что «в чернорусской части Литовского великого княжества правила прежняя династия»¹⁵². Как отметил А. Дубонис, походы против Болеслава, женатого на дочери Тройдена, преданность Владимиру Васильковичу и готовность мстить Льву Даниловичу за убийство Войшелка показывают, что к власти в Литве пришли князья, связанные с Войшелком¹⁵³. Противоборство с ними вынудило бежать в Орден союзника Тройдена Скомонда, который ранее около 1280 г. перешел под защиту Тройдена «в Русь» (вероятно, Городенскую волость), а летом 1284 г., уже крестившись¹⁵⁴, был проводником крестоносцев в походе на Городен¹⁵⁵.

Последнее сообщение ГВл о городах и князьях Верхнего Понеманья касается передачи двумя литовскими князьями — Букидидом и Буйвидом — в 1289 г. Волковыска только что занявшему владимирский стол Мстиславу Даниловичу¹⁵⁶. Необходимость соглашения с Мстиславом, очевидно, была связана со смертью в конце 1288 г. Владимира Васильковича. Новый владимирский князь, как отмечает ГВл, мир держал и с «немцами», и с «ляхами», и с литвою. Таким образом, в начале его правления сохранились дружественные отношения с теми князьями, которые считаются родоначальниками династии Гедиминовичей.

На протяжении XIII в. вплоть до 90-х гг. бассейн верхнего Немана оставался буферной зоной между взаимосвязанными политическими системами — Галицко-Волинской Русью и Литвой, ареной ожесточенного соперничества и временных компромиссов русских и литовских князей, которые объединялись между собой в династические альянсы. Вопрос об обладании Новгородком, стратегическим военно-административным пунктом, в этом соперничестве занимал особую роль.

¹⁵¹ Там же. Стб. 891.

¹⁵² Там же; Пашуто В. Т. Образование литовского государства. С. 37.

¹⁵³ Dubonis A. Traidenis. P. 71–72, 77, 145–146.

¹⁵⁴ SRP. T. I. S. 143 (211).

¹⁵⁵ Ibid. S. 147.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 932–933.

По крайней мере, дважды — во время княжения Романа и Шварна Даниловичей новгородский стол был залогом мирных отношений с Холмом и Владимиром, но в период вооруженных столкновений защищал литовскую землю на южном направлении. Наряду с укреплением власти литовских князей в Новгородке и Городне, в русинской части Понеманья сохранялось волынское присутствие, и еще в 80–90-х гг. XIII в. Слоним и Волковыск оставались в двойственном положении, имея политические связи как с Волынью, так и с Литвой.

Глава VII

CÓŻ WY CHCESIE, BO TO Ż CZARNA RUŚ!

В исторических сочинениях последних двух столетий нередко по отношению к территории вокруг Гродно, Волковыска, Слонима и Новогрудка употребляется название *Черная Русь*. Более того, из исследований XIX в. мы узнаем о существовании *черноруссов* — отдельной этнографической группы на территории Гродненской губернии. В статистическом описании П. О. Бобровского в 1863 г. о них сказано следующее:

«Крестьяне северной части [Гродненской губернии], Черноруссы, ростом выше среднего, телосложения крепкого и правильного, глаза серо-голубые, лицо продолговатое, нос орлиный, волосы светло-русые, у некоторых на манер польский подбритые, носят усы и бороду. Любят пиво и водку, которыми угощаются при всяком случае. Наречие белорусское»; чернорусс недоверчив, но гостеприимен, простодушен, вял, «в песнях его проглядывает какая-то тоска, что-то тяжелое, печать векового рабства»¹.

Каких только идей не высказывалось по поводу появления термина — что страна получила имя «от дремучих и темных лесов и пуш, покрывавших некогда огромные пространства этой области»², «от цвета волос или одежд» местных жителей³, от «черных лаптей», которые якобы здесь носили⁴. Митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич в 1812 г. пришел к выводу, что все дело в древней восточной традиции, занесенной в Европу гуннами и аvaraми, по которой белыми называли свободные, черными — подчиненные, а красными — плодородные и «красивые» страны⁵. Кто-то понимал дело так, что черная — значит захваченная в XIII в.

¹ Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. Часть 1. СПб., 1863. С. 650.

² Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. I. Warszawa, 1880. S. 739.

³ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М., 1962. С. 287; Карпский Е. Ф. Белорусы. Т. I. С. 117–118.

⁴ См.: Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś. P. 32.

⁵ Siestrzencewicz-Bohusz S. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates des Esclavons et des Slaves. Et sur les époques de la conversion de ces peuples au Christianisme. Vol. I. P. 141.

литовцами территория, названная так в противовес «свободной» Белой Руси⁶. По другим версиям, термин возник в Понеманье («вследствие преобладания здесь великокняжеских доменов, которые образовывались во время литовских захватов, тогда как Белая Русь — это первоначально боярско-вечевая ее часть»⁷. Некоторые связывали Черную Русь с обилием враждебного славянам ятвяжского и литовского населения, которое осталось после завоевания этой территории дружинами южнорусских князей⁸. Еще одна версия — название появилось из-за упорной приверженности местного населения язычеству⁹.

Г. В. Вернадский допускал, что *Черная Русь* — район, контролируемый в IX в. группировкой неких «черных викингов», или же сфера языческого культа Черного бога¹⁰. М. Ф. Пилипенко указывал, что название было дано балтскими племенами и означает «Западная Русь»¹¹. По мнению А. П. Непокупного, термин стоит в одном ряду с обозначениями *Sūdūvā* и *Mazowsze*, и все три слова связаны с болотистым, «грязным» характером местности¹². А. Ф. Рогалев считал, что прежде возникновения Черной Руси появился этноним черноруссы, который закрепился за местным дреговичским населением и связан с болотистым характером территории¹³. Затем он же писал, что названия *Черная* и *Белая Русь* зародились в тюркской среде у хазар и булгар в первоначальный период образования русского государства¹⁴. Согласно третьей его версии,

⁶ *Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle, ou, Description de toutes les parties du monde. T. VI. Description de l'Europe orientale. Peuples slaves. Paris, 1826. P. 652; Соловьев А. В. Великая, Белая и Малая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.*

⁷ *Паушто В. Т. Образование Литовского государства. С. 319.*

⁸ *Карев Д. В. «Черная Русь»: Распространенные историографические версии и конкретные исторические реалии // Чтения памяти В. В. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Сборник тезисов докладов и сообщений. Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 82–85; Vidugiris A. Zietelos lietuvių šnekta. Vilnius, 2004. P. 45.*

⁹ *Тарасаў К. Памяць пра лягенды: Постаці беларускай мінуўшчыны. Мн., 1990. С. 44; Рогалев А. Ф. Русь Белая и Черная: К вопросу о восприятии древних географических названий в разные исторические периоды // Славяне: Адзінства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24–27 мая 1990. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. 2 секцыя: Этнагенез славян. Мінск, 1990. С. 72; Цімоў А. К. Герб места Наваградка // Памяць: Наваградскі раён. Мінск, 1996. С. 136.*

¹⁰ *Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 241–243.*

¹¹ *Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мінск, 1991. С. 112.*

¹² *Непокупный А. П. Балто-северославянские языковые связи. С. 111–113.*

¹³ *Рогалев А. Ф. Географическая проекция и историческая интерпретация названий «Белая Русь» и «Черная Русь» // Первая Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1987. С. 157–158.*

¹⁴ *Рогалев А. Ф. Русь Белая и Черная: К вопросу о восприятии древних географических названий в разные исторические периоды. С. 70–72.*

название представляет собой своеобразный перевод предшествовавшего ятвяжского наименования *Кирсновия* — «черная земля»¹⁵. Наконец, наиболее популярной среди лингвистов в 50–90-х гг. XX в. стала теория, по которой в триаде *Белой, Черной и Красной Руси* проявилась свойственная многим народам Евразии исключительно древняя традиция цветовой характеристики сторон света, в которой красный соотносился с югом, белый — с западом, а черный — с севером¹⁶.

Ни одна из перечисленных версий сегодня не может восприниматься всерьез. Проанализировав массу упоминаний этих терминов в источниках XIII–XVIII вв., А. Белый пришел к выводу, что они возникли, долгое время существовали в латиноязычной средневековой литературе и лишь через несколько столетий стали известны в Восточной Европе¹⁷. Соответственно, причины их появления следует искать в культуре латинского Запада.

Первоначально исследователь предположил, что название *Alba Ruscia*, впервые упомянутое в трактате *Descriptiones terrarum* середины XIII в., связано с представлениями латинских книжников о мифической стране Албании, находящейся на северо-востоке Европы¹⁸. О. Латышонок, подвергнув сомнению этот тезис, истолковал *rutheni albi* как «добрые русины», или «признающие главенство папы» — так, по его мнению, были названы обитатели Галицкой Руси, Верхнего Понеманья или Полоцкой земли, правители которых имели контакты с папским престолом в отличие от «схизматиков»¹⁹.

В действительности, белый цвет в цветовой символике запада был связан с обозначением высокого статуса и благородства происхождения²⁰. Поэтому не менее вероятным представляется традиционный взгляд,

¹⁵ *Рогалев А. Ф.* Белая Русь и белорусы (в поисках истоков). Гомель, 1994. С. 132–133.

¹⁶ *Ludat H.* Farbenbezeichnungen in Völkernamen: Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziehungen // *Saeculum*. Bd. 4. München, 1953. S. 138–155; *Mańczak W.* Biała, czarna i czerwona Ruś // *International journal of Slavic linguistics and poetics*. Lisse. Vol. 19. 1975. P. 31–40; *Иванов В. В.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии) // *Балто-славянские исследования* 1980. М., 1981. С. 163–177; *Трубачев О. Н.* 1) В поисках единства. М., 1992. С. 104; 2) *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М., 2002. С. 26; *Подосинов А. В.* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 377–378.

¹⁷ *Белы А.* Хроніка «Белай Русі»: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000.

¹⁸ Там же. С. 25–40.

¹⁹ *Łatyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł Białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006. S. 25–43, 305.

²⁰ *Curta F.* Colour perception, dyestuffs, and colour terms in twelfth-century French literature // *Medium Ævum*. LXXIII. 2004. P. 44–46.

согласно которому эпитет *alba* означает «великая», «благородная Русь» — по крайней мере, именно таков смысл этого термина в источниках XIV–XV вв.²¹

Что касается двух других терминов, то Красная и Черная Русь, по мнению А. Белого, появились не ранее XIV в. в результате построения примитивных классификаций средневековыми книжниками²². Впервые Красную Русь упоминает «Хроника Констанцкого собора», написанная после 1420 г. баварцем Ульрихом фон Рихенталем. По его словам, в русской земле находятся *собственно Русь (recht Russen), Красная Русь (rot Russen) и Белая Русь (wiß Russen)*²³. Не исключено, что на появление этого названия повлияло созвучие географических терминов *Rossia, Rotenia* и прилагательных итал. *rossa*, нем. *rot* «красный».

Если белый цвет занимал в западной иерархии цветового восприятия самую высокую ступень, то черный был его противоположностью. Это цвет зла, обычно использовавшийся для описания сарацинов и великанов, у которых черны бороды, волосы и кожа, считавшаяся признаком черноты души²⁴. Но у нас нет данных о том, что появление термина Черная Русь напрямую связано с этим противопоставлением — по крайней мере, *страна черных русинов (das land der swarczen reussen)* в составленной около 1360 г. Генрихом фон Мюгельном «Хронике Венгрии» появилась случайно, в результате переделки сообщения Шимона Кезаи о походах Аттилы, когда эпитет черных куманов был перенесен на русинов²⁵. Соответственно, о появлении устойчивых представлений о делении Руси на черную и белую части в это время говорить еще рано.

Известная история Черной Руси начинается с карты мира, изготовленной в 1459 г. венецианским монахом ордена камальдулов Фра Мауро, где впервые были изображены три цветные части. Черная Русь располагалась между Белой и Красной, южнее Москвы, по соседству с Амазонией и Тартарией. Надпись на карте дает четкое объяснение происхождению этих названий: «часть Руси, которая на эту сторону от белого моря, называется белой (*Rossia bianca*), которая по ту сторону черной реки — называется черной (*Rossia negra*), а которая по ту сто-

²¹ См.: Флора Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв.: К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Славяноведение. 1993. № 2. С. 64.

²² Там же. С. 170; см. также: Бель А. Чорная Русь // Вялікае княства літоўскае: Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. II. Мінск, 2006. С. 745–746.

²³ *Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. S. 54.*

²⁴ *Curtis F. Colour perception, dyestuffs... P. 44–46.*

²⁵ Бель А. Хроніка «Белай Русі». С. 105; *Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. S. 48.*

рону красной реки — красной (*Rossia rossa*). И татары называют белое море *Hactenus*, черную реку — *Carasu*, а красную реку — *Cozusu*²⁶.

Следует ли признать эти объекты плодом творчества Фра Мауро или же можно найти им реальные соответствия? Насчет Белого моря сомнения вряд ли могут возникнуть: *Hactenus* — это Белое озеро или *El mar Bianco* («Белое море») на карте, единственное большое озеро, удаленное от океана и связанное речной системой с левыми притоками Волги. В названии *Hactenus* угадывается тюркизм «белое море» (татарск. *ак дингез*).

Сложнее локализовать *Carasu* (татарск. *кара су* «черная вода») и *Cozusu* (татарск. *кызыл су* «красная вода»). Подобные названия распространены во всем тюркском мире, но поиск соответствий должен быть ограничен Восточной Европой. А. Белый осторожно соотносил *Carasu* с р. Кубанью, названной *Черной рекой* в сочинении арабского географа Аль-Идриси²⁷. Можно привести другой топоним, находящийся непосредственно в русско-ордынском пограничье — центр небольшого княжества Елец носил татарское наименование *Карасу*²⁸. Также любопытно, что в русских источниках XII–XIV вв. обширная территория бассейна р. Хопер и прилегающих степных территорий, а также одна из рек, впадающих в Дон между устьями Тихой Сосны и Битюга, носила название *Червлёный Яр* (*яр, су буе* «берег») ²⁹. Не исключено, что в обстановке славяно-тюркского двуязычия мог существовать и татарский эквивалент этого гидронима и хоронима.

Таким образом, несмотря на лишь гипотетический характер этих соответствий, не кажется невероятным предположение Б. А. Рыбакова о том, что часть данных о Восточной Европе попала к венецианскому монаху-картографу через посредничество купцов итальянских причерноморских колоний, имевших постоянные контакты с татарами³⁰.

²⁶ Материалы для историко-географического атласа России. Издание археографической комиссии. СПб., 1871. С. II; *Белы А.* Хроніка «Белай Русі». С. 89. — По мнению А. В. Соловьева, под *Белой* подразумевается Московская Русь, под *Черной* — литовская, а под *Красной* — Русь, принадлежащая Польше, но расположение частей Руси на карте никак не соответствует такому делению (*Соловьев А. В.* Белая и Черная Русь (Опыт историко-политического анализа) // Сборник русского археологического общества в Королевстве Югославии. Т. III. Белград, 1940. С. 45). Еще более сомнительно сопоставление Б. А. Рыбаковым *Черной* и *Красной Руси* у Фра Мауро «с двумя этнографическими областями — южных великороссов и мордвы» лишь на основании преобладающего цвета в орнаментах их одежды (*Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974. С. 18).

²⁷ *Белы А.* Изноў пра пачаткі Белай Русі // ВЗН. № 23. Białystok, 2005. S. 253.

²⁸ *Шенников А. А.* Червлёный Яр. Исследование по истории и географии среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 39–41.

²⁹ Там же.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии. С. 17–18.

Однако тюркское происхождение названий еще не объясняет появление термина *Черная Русь*. Следует обратить внимание на то, что ученым Античности, Средневековья и Возрождения была свойственна общая страсть к этимологии — всякий добросовестный средневековый историк не начинал рассказа о какой-либо стране, не объяснив сперва происхождения ее имени³¹. Как показывает комментарий на карте итальянского космографа, не был свободен от этой страсти и создатель имени *Черная Русь*. Он исходил, во-первых, из того, что Русь делится на несколько частей, две из которых назывались *Белой* и *Красной*. Во-вторых, он знал о существовании объектов *Hactenus*, *Carasu* и *Cozusu*. В результате самим картографом (или его неизвестным современником) была установлена мнимая зависимость названий частей Руси от этих объектов, и на карте по аналогии с парами *Белое озеро* — *Белая Русь* и *Красная Река* — *Красная Русь*, появилась произведенная от имени *Черной реки* — *Черная Русь*.

Дальнейшее развитие этих представлений мы видим в написанном в 1470-е гг. труде греческого историка Лаоника Халкокондила. Он по-прежнему использует для русских земель древнее имя *Сарматия*, называя *Белой Сарматией* «управляемую республикой» территорию вблизи Северного Океана и около Новгорода, *Черной Сарматией* — южную часть Руси, в которой находятся «управляемые тиранами» княжества Москва, Киев, Тверь и Хорова (Ростов?)³². Халкокондил придерживается своего принципа деления Руси, связанного с формой политического устройства, но взаимное расположение частей Руси совпадает с картой Фра Мауро.

В следующий раз название встречается уже в XVI в. — побывавший в Москве в 1518–1519 гг. Франческо да Колло, посол императора Максимилиана I, называет Псковскую землю, которая граничит с территорией Ливонского ордена, *Черной Королевской Русью*³³. Иллюстрациями его слов служат завершенная в Италии в 1539 г. «Морская карта» шведского священника Олафа Магнуса, на которой надпись *Rusia regalis nigra* поставлена к западу от Пскова³⁴, и глобус Меркатора 1541 г., где *Russia Nigra* лежит к востоку от него³⁵. Сложно предположить, по каким мотивам название было перенесено к ливонской границе, но здесь оно долго не задержалось.

Большую популярность этот термин приобретает в западной Европе со второй половины XVI в. Появляются и сосуществуют несколько разных

³¹ См. параграф «Страсть к Этимологии» в кн.: *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 212–219.

³² *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // *Византийский временник*. Т. XXI. М., 1962. С. 63; *Łatyszzonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów. S. 64–65.

³³ *Франческо да Колло.* Доношение о Московии / Пер. и вступ. О. Симчич; Общ. ред. Е. Н. Лебедева. М., 1996. С. 61.

³⁴ *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 39, 41.

³⁵ The Mercator Globes at Harvard Map Collection. URL: <http://hcl.harvard.edu/libraries/maps/exhibits/mercator/main.html> (дата последнего посещения: 01.01.2008).

вариантов локализации Черной Руси. Исследователи пытались подсчитать, на какой территории она располагается чаще, но не получили общего результата³⁶. Каковы причины такого разнообразия? Не обошлось здесь без обыкновенной путаницы: в переводе трактата Сигизмунда Герберштейна, вышедшем в 1579 г., население Московии названо «черным», хотя сам Герберштейн писал лишь, что название «Россия» якобы произошло от «смуглого цвета ее народа». Такое указание побуждало некоторых ученых отождествлять Черную Русь с Московией³⁷. В противоположность этому, сохранялась традиция размещения ее в южной части Руси. Так, Джильс Флетчер в трактате «О государстве русском» (1591 г.) сообщал, что когда Россия называлась Сарматией, она делилась на Белую, находившуюся на севере, и Черную, которая прилегала к Черному морю³⁸. На юге располагал Черную Русь и Мацей Стрыйковский, называя ее центром Львов (то же повторяется в хронике, изданной Александром Гваньини)³⁹. Поэт Себастьян Клонович считал, что главным ее центром является Киев⁴⁰.

В последующие два столетия одновременно существовали несколько традиций размещения Черной Руси — Южная Русь с центром в Киеве⁴¹, Львовская и Галицкая земля⁴², Московия⁴³ и Новогрудское воеводство.

³⁶ В. Маньчак считал этой территорией Московию, А. С. Мильников — Галичину: *Mańczak W. Biała, czarna i szeregowa Ruś*. P. 37–38; *Мильников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. СПб., 1999. С. 66.

³⁷ См.: *Мильников А. С. Картина славянского мира*. С. 59.

³⁸ *Флетчер Д. О государстве русском*. М., 2002. С. 16; *Соловьев А. В. Белая и Черная Русь*. С. 53–54.

³⁹ См.: *Улащик Н. Н. Белая и Черная Русь в «Хронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма*. М., 1982. С. 238–242.

⁴⁰ *Kolbus E. Sebastiani Fabiani Sulmircensis Acerni Roxolania // Humanistica Iovaniensia: Journal of neo-latin studies*. Vol. XLVII. 1998. P. 212.

⁴¹ Эту традицию продолжали Пьер Шевалье (1663), Георг Хорн (1667–1668), Иоганн Якоб Гофман (1698), Николай Бергий и Гудиций Крук (1704) (*Hofmann J. J. Lexicon Universale*. Leiden, 1698. Т. III. P. 107; *Соловьев А. В. Белая и Черная Русь*. С. 53; *Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, країну, звичай, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар*. Переклад з французького видання 1663 року. Київ, 1993. С. 52; *Белы А. Хроніка «Белая Русь»*. С. 171; *Мильников А. С. Картина славянского мира*. С. 60, 64–65).

⁴² Восходящую к Стрыйковскому традицию продолжали Йодокус Хондиус (1607), Лаврентий Лудениус и Рудольф Штраух (1639), Готфрид Иоганн Людвиг (1646), Мартин Цайлер (1647, 1657), Сансон д'Абевиль (1655), Эберхардт Шульгес (1650), Иоганн Якоб Гофман (1698) (*Hofmann J. J. Lexicon Universale*. Т. III. P. 105; *Мильников А. С. Картина славянского мира*. С. 64–65; *Белы А. Хроніка «Белая Русь»*. С. 172). Под воздействием иноземных авторов название проникает и в источники местного происхождения (Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси. Киев, 1888. С. 243).

⁴³ Львовский шляхтич Мартин Пашковский в 1611 г. утверждал, что *Черная Русь* лежит в Московской земле около Белоозера. Ему следовали Симон Старовольский (1656), Андреас Келлер (1659), Избрант Идес (1700), Иоганн Хюбнер (1704), словак Даниель

Не случайно в латиноязычной «Стемматографии» хорвата Павла Риттера Витезовича (Вена, 1701 г.) герб Львова (золотой лев в голубом поле) считается гербом Черной Руси⁴⁴. Опубликованный Христофором Жефаровичем в 1741 г. перевод этого гербовника на церковнославянский язык помещает под тем же изображением комментарий:

«Гора, по ей Левъ ходящъ, здѣ видна бываесть,
Левъ златъ Черну Россію шитомъ закриваесть;
Россіа вѣщемъ прильжить труднимъ жесточеа,
Да избѣгнет трудная, да живит легчае»⁴⁵.

В недавних исследованиях Черная Русь была признана «фантомом», который в отличие от Белой Руси никогда не существовал в ВКЛ как отдельный историко-географический регион⁴⁶. С такой оценкой трудно согласиться — уже со второго десятилетия XVII в. этим термином в Великом княжестве Литовском начинают называть Новогрудское воеводство. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский в докладе о состоянии униатской церкви, написанном в Новогрудке 1 июля 1624 г., указывает, что этот город является столицей Черной Руси (*Novogrodecum, metropolis Russiae Nigrae*), Киев — столицей Белой Руси, а Львов — Красной Руси⁴⁷. Различия наименования этих земель, согласно Рутскому, происходят «от одежды (облика) местных жителей, главным образом, крестьян»⁴⁸.

Новогрудок зачислен в состав Черной Руси и в донесениях, отправленных в Рим двумя годами ранее. Автором первого был нунций Козимо де Торрес, писавший, что Русь, гнездо схизматиков, делится на Красную (Львов, Перемышль, Волинь), Белую (от Риги до Московской границы, включая Полоцк, Оршу, Витебск, Могилев) и Черную, находящуюся

Крман, побывавший в Польше и Украине в 1707–1709 гг., «Лексикон» Цедлера (1743) (*Kronika Sarmacye Europejskiej, w ktorej się zamyka Krolestwo Polskie ze wżystkiemi Państwami, Xięstwami, y Prowincjami swemi. Przelozzona Marcina Paszkowskiego. Kraków, 1611. S. 323; Latyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. S. 95; Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай. М., 1967. С. 60; Мельников А. С. Картина славянского мира. С. 65; Крман Д. Подорожній щоденник (*Itinerarium 1708–1709*). Київ, 1999. С. 103).*

⁴⁴ Соловьев А. В. Белая и Черная Русь. С. 61.

⁴⁵ Жефарович Х. Стематография. Вена, 1742. С. 32. Фототипное онлайн издание / П. Яначков, И. Войников, Ю. Маринов. URL: <http://www.rootsweb.com/~bgrbshv/stemmatographia/> (дата последнего посещения: 15.07.2008). Там же на С. 49 комментарий: «Руссія Черная златаго Лва Гору Каменную возходаща, на плаветномъ (ингѣмъ на червленномъ) полю въ печать полагаесть. Имже мужественно сердце, ниже трудними, ниже твердими оустрашатися, но тѣмъ самимъ сыли поощрати авно поучаесть».

⁴⁶ Бель А. Хроніка «Белай Русі». С. 169; *Latyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. S. 13, 242–243, 257–258.*

⁴⁷ *Epistolae Josephi Velamin Rutskyj Metropolitae Kiovensis Catholici (1613–1637)*. Roma, 1956. P. 113.

⁴⁸ *Ibid.* P. 112.

«между Литвой и Волынью, до Киева с городами Пинском, Новогрудком и Овручем»⁴⁹. Почти совпадает это описание с другим анонимным донесением, в котором Черная Русь включает Киев (*Chiovia*), Минск (*Miesche*) и Новогрудок (*Nowogrodek*)⁵⁰.

Кроме этого, в 1621 г. униатами в Вильно было издано полемическое сочинение «*Sowita wina*», в котором Белая, Черная и Червоная Русь помещены в границах Речи Посполитой⁵¹. Поскольку автором трактата называют одного из протоархимандритов базилианского ордена — либо Иосифа Рутского, либо Льва Креузу Ржевуского⁵², наиболее вероятно, что и здесь географическое значение терминов совпадает с предыдущими примерами.

Когда и почему Черной Русью начинают называть часть Верхнего Понеманья с центром в Новогрудке? По всей видимости, ответ на этот вопрос кроется в гербовой символике, которой придавалось большое значение в шляхетском государстве. На гербе Новогрудского воеводства во второй половине XVI в. был изображен черный ангел с распростертыми крыльями и отставленной вправо рукой (в дальнейшем — Михаил Архангел в черных латах). Высказывалось предположение, что этот герб был установлен, поскольку Новогрудок являлся центром Черной Руси⁵³. На наш взгляд, зависимость здесь прямо противоположная — благодаря гербу название закрепилось за этой территорией.

Наиболее раннее изображение черного ангела на гербе воеводства известно по краковским гербовникам Бартоша Папроцкого 1578 и 1584 гг.⁵⁴ В этих же изданиях на обороте листа присутствует ангел в белых одеждах — герб Киевского воеводства. Во второй половине XVI в. за восточной территорией ВКЛ утверждается название Белая Русь, в которую, как правило, включается и Киев, символический центр русских земель. Связав цвет облачения ангелов с названиями «цветных» частей Руси, читатель мог сделать вывод, что если центр Белой Руси (Киевское воеводство) имеет белого ангела на гербе, то воеводство с черным ангелом на гербе должно быть Черной Русью.

В любом случае, земли Новогрудского воеводства, которое в те времена включало Волковыский, Слонимский, Новогрудский поветы и Слуц-

⁴⁹ *Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*. Т. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 150.

⁵⁰ *Litterae episcoporum historiam Ucrainae illustrantes (1600–1900)*. Vol. I: 1600–1640. Roma, 1972. P. 90–91.

⁵¹ *Sowita wina, to jest Odpis na skript... nazwany Verifycatia niewinnosci*. Wilno, 1621. S. 25.

⁵² *Latyszzonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów*. S. 133.

⁵³ *Пякарскі А. Наваградскія гербы // Спадчына*. 1993. № 5. С. 2–3; *Цимоў А. К. Герб места Навагародка // Памяць. Наваградскі раён*. Мінск, 1996. С. 136.

⁵⁴ *Paprocki B. 1) Gniazdo snoty*. Kraków, 1578. S. 1227–1228; 2) *Herby rycerstwa polskiego*. Kraków, 1858. S. 918–919.

кое княжество, стали называть Черной Русью не раньше, чем за несколько десятилетий до 1621 г. Причисление в донесениях 1622 г. к этим территориям Киева, Пинска, Овруча и Минска объясняется довольно просто. Новогрудок после Брестской унии стал фактическим центром униатской церкви — местом резиденции митрополита, по-прежнему носившего титул Киевского. Границы митрополичьей епархии с границами Новогрудского воеводства не совпадали: она охватывала Виленское, Трокское, Новогрудское, Минское и Киевское воеводства — те территории, которые были названы Черной Русью в упомянутых донесениях.

Использование термина в XVII в. остается признаком высокого стиля и достаточно эпизодично. Тем не менее, традиция размещения Черной Руси на территории Новогрудского воеводства или епархии сохранилась в среде костела: спустя пятьдесят лет после Торреса папский нунций в Речи Посполитой в 1670–1671 гг. Галеаццо Марескотти сообщает: «Русь, которая частично принадлежала фамилии Ягеллонов, делится на три части, то есть: на Белую Русь, Червонную и Черную, все три принадлежат Польше», при этом столицей Червонной Руси является Львов⁵⁵. Под 1690 г. в написанной в Могилеве хронике Трофима Сурты Черной Русью названы окрестности Слуцка, входившего в состав Новогрудского воеводства⁵⁶. Кроме того, термин известен по документам 30–40-х гг. XVIII в., в которых границы католического Виленского епископства включают часть Белой, часть Черной Руси, Подляшье и Полесье⁵⁷.

Именно благодаря своему внутреннему происхождению в Великом княжестве Литовском эта традиция размещения Черной Руси пережила все остальные. В европейской географии она возобладала во второй половине XVIII в., когда проникла в географические труды и энциклопедии. Так, в немецких «Сообщениях по космографии на 1748 год» этим термином названо Новогрудское воеводство, включая Мозырский и Речицкий поветы Минского⁵⁸, а в виленском «Географическом лексиконе» 1766 г. Иллариона Карпинского — Новогрудское и Минское воеводства⁵⁹.

⁵⁵ *Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690*. Т. II. S. 362.

⁵⁶ ПСРП Т. 35. С. 247; *Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów*. S. 252–253, 256–257.

⁵⁷ *Пазнякоў В. У пошуках Белаі Русі // Польшыя*. 2001. № 11. С. 270; *Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów*. S. 257.

⁵⁸ *Kosmographische Nachrichten und Sammlungen auf das Jahr 1748*. Nürnberg, 1750. P. 98.

⁵⁹ *Karpiński I. Leksykon geograficzny dla gruntownego pojęcia gazet i historii z roznych autorow zebrany*. Wilno, 1766. S. 492 (цит. по: *Белы А. Хроніка «Белай Русі»*. С. 175).

В большинстве случаев в XVIII–XIX вв. Черной Русью продолжают называть территорию бывшего Новогрудского воеводства⁶⁰. Поскольку в Понеманье это название конкурировало с хоронимом *Литва*, а в Припятье — с хоронимом *Полесье*, случалось, что границу Черной Руси расширяли до Вилии⁶¹, либо наоборот, помещали Черную Русь только в бассейне средней Припяти⁶². После разделов Речи Посполитой и перемены административных границ (территория Новогрудского воеводства была поделена между Гродненской и Минской губерниями), на западе к Черной Руси стали причислять Гродно⁶³. На востоке в ее состав зачастую включался Мозырский и Речицкий поветы Минского воеводства⁶⁴, иногда даже на основании внешнего сходства названий — Чернобыль⁶⁵.

Российские авторы XVIII–XIX вв. находились под влиянием уже устойчивой традиции использования названия. В. Н. Татищев поместил эту территорию «частью в Древлянском княжестве, частью в Литве»⁶⁶. В представлении А. И. Мусина-Пушкина, Черная Руссия «граничила на Север с Литвою до реки Вильны; к Востоку до Днепра или до Березы; к Югу по Припять, а к Западу по Буг»⁶⁷. К XIX в. термин становится обычным наименованием как в Российской Империи, так и за ее

⁶⁰ См., например, работы таких авторов как: Karpiński, Мусин-Пушкин, Tooke, Malte-Brun, Bandtkie, Снегирев, Połujański, Mierzewski. Кроме того: *Büschings A. F. Erdbeschreibung. Theil II. Hamburg, 1788. P. 271, 286; [Sadebeck A.] Polens ende, historisch, statistisch und geographisch beschrieben. Von Sirisa. Warschau, 1797. S. 353, 355; Bornschein E. Geschichte von Polen vom Ursprung dieses Reichs an bis auf die neuesten Zeiten. Leipzig, 1808. P. 14; Świecki T. Opis starożytny Polski. T. I. Warszawa, 1816. S. 224; Zaydler B. Storia della Polonia: Fino agli ultimi tempi Vol. I. Firenze, 1831. P. 7; Schnitzler M. J.-H. La Russie, la Pologne et la Finlande: Tableau statistique, géographique et historique. Paris, 1835. P. 370; Устрялов Н. Г. Русская История. Ч. I. СПб., 1839. С. 338.*

⁶¹ Мусин-Пушкин А. И. 1) Историческое исследование о местоположении древнего российского тмутараканского княжения. СПб., 1794. С. LI; 2) Замечание о границах Древней Руссии // Московский журнал. 2000. № 12. С. 14; Tooke W. History of Russia: From the Foundation of the Monarchy by Rurik, to the accession of Catharine the Second. Vol. I. London, 1800. P. 137.

⁶² *Słowaczyński A. Mapa hydrograficzna Europy Wschodniej. Paryż, 1844. [Капра].*

⁶³ *Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle, ou, Description de toutes les parties du monde. T. 6. Europe orientale. Peuples slaves. Paris, 1833. P. 351; Mierzewski H. Podole, Wołyń i Ukraina. Lwów, 1862. S. 98.*

⁶⁴ *Bandtkie J. S. Dzieje królestwa polskiego T. II. Wrocław, 1820. S. 3; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и северные обряды. Вып. I. М., 1837. С. 154–155; Военный энциклопедический лексикон. Ч. XIII. СПб., 1849. С. 638.*

⁶⁵ *Połujański A. Opisanie lasów królestwa Polskiego i gubernii zachodnich cesarstwa Rosyjskiego. T. II. Warszawa, 1854. S. 67.*

⁶⁶ *Татищев В. Н. История Российская. Т. I. С. 357, 440.*

⁶⁷ *Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего русского тмутараканского княжения. С. LI.*

пределами. Никому не был известен тот долгий путь, который прошло название, прежде чем закрепиться за этим регионом, и оно стало восприниматься как древнее и исконное.

Митрополит С. Богуш-Сестренцевич впервые связал имя «Черной России» и Чернигова с упоминаемыми Геродотом в V в. до н. э. меланхленами (греч. «носящие черные одежды»)⁶⁸. Эту догадку подхватил Т. Нарбут, который сообщал читателю, что в Гродненском и Лидском поветах к западу от Дитвы еще живут потомки древних меланхленов — *czarnorusini*, которые «отличаются от окружающих славян и литовцев физиогномичными чертами, народ неотесанный, грубый, хотя мягких обычаев и добрых склонностей», «одеваются чернее всех славянских народов»⁶⁹.

Нет сомнения, что образ черноруссов возник под пером Т. Нарбута, но благодаря популярности его трудов сведения о них перекочевали в сочинения по географии, статистике и истории края⁷⁰. Даже в 1882 г. А. К. Киркор указывал, что остатки этого «древнего племени» обитают в пинском Полесье, небольшой части Гродненской губернии, Новогрудском повете и нескольких приходах Лидского⁷¹. П. О. Бобровский последовательно называл так все население Гродненской губернии, говорившее по-белорусски (в том числе своего дядю М. К. Бобровского). Наиболее интересно, что, по данным П. В. Терешковича, черноруссы упоминаются на территории Слуцкого и Игуменского поветов в приходских списках, составленных местными священниками в 1857–1858 гг.⁷² Поскольку это совсем не то место, где разместил их Т. Нарбут, вполне возможно, что здесь появление термина произошло независимо, в результате этнотворчества местных священников.

Но этнониму была суждена недолгая жизнь: намного чаще географы и этнографы Российской империи именуют местное население белору-сами. Комментируя встречающиеся разногласия, в 1895 г. Гродненские губернские ведомости писали, что «довольно странно бело-руссов, несомненных белоруссов — и по языку, и по верованиям, и по обычаям, называть чем-то противоположным — черно-руссами»⁷³. К началу XX в.

⁶⁸ *Сестренцевич-Богуш С.* История о Таврии. СПб., 1806. Т. I. С. 148–149.

⁶⁹ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego T. II. S. 119.

⁷⁰ *Pohujański A.* Opisanie lasów królestwa Polskiego i gubernii zachodnich cesarstwa Rossyjskiego. S. 67; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния / Сост. А. Корева. СПб., 1861. С. 290.

⁷¹ Живописная Россия. Т. III. СПб.; М., 1882. С. 13, 250, 357.

⁷² *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 85.

⁷³ К вопросу о Ятвягах и Черной Руси // Гродненские губернские ведомости. 1895. № 14. С. 2.

среди читающей и пишущей публики этнографическая классификация по языковому принципу становится общепринятой.

И все же использование названия *Черная Русь* не прошло бесследно. Память о нем сохранялась в исторических исследованиях, краеведческой литературе и в местных ругательствах, записанных в 20-х гг. XX в. на территории Речицкого повета: *Ech ty, hadawa jajco! Ty, Czornaja Ruś! i Cóż wy chcecie, bo to ż Czarna Ruś!*⁷⁴

В истории Черной Руси можно выделить два этапа. На первом, с середины XV в. до конца XVI в., этот термин существовал только в представлениях европейских географов и не имел определенного географического значения. На втором, с начала XVII в., он закрепился в сознании образованной части жители ВКЛ за территорией Новогрудского воеводства и прилегающих областей.

⁷⁴ *Эх ты, змеиное племя! Ты, Черная Русь!; Что вы хотите, ведь это же Черная Русь!* Записано К. Мошиньским от п. Чеслава Петкевича (*Moszyński K. Nowogródzkie pod względem etnograficznym // Nowogródzkie: Praca zbiorowa wydana staraniem Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego. Warszawa, 1926. S. 10*).

Глава VIII

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

Патриотическое отношение к делу может делать пристрастным, односторонним, несправедливым к своему и к чужому. Очень вероятно, что оба эти недостатка будут в моих лекциях¹.

М. О. Коялович, 1864 г.

Каждое историческое исследование, каким бы цельным оно нам ни казалось, можно сравнить со сплетенным клубком разнообразных нитей. Одни ведут вглубь эпох к старинным рукописям и фолиантам, другие — к современным историческим стереотипам, третьи — к взглядам самого автора. Как переплетутся эти нити, зависит от «духа времени» — тех ментальных структур, которые определяют выбор темы, выдвижение гипотез и построение повествования.

Деятельность периферийных династов Понеманья особо не интересовала ни составителей кратких летописцев, ни пространных хронографов, центральной темой которых была история переноса центра русской монархии из Киева в Москву. Они лишь иногда воспроизводили краткие записи о походах Владимира и Ярослава на ятвягов, о Всеволодко Городенском, Миндовге и Войшелке. Благодаря труду переписчиков сохранилось самое важное произведение, без которого сегодня нельзя представить средневековую историю региона — Летописец Руский, дошедший до нас в Ипатьевском и Хлебниковском списках.

«Одну из его рукописей, называемую «русской кроиникой», в 20-х гг. XVI в. держал в руках составитель второго свода литовских летописей. Ответить на все его вопросы она, очевидно, не смогла. Заимствуя из «кроиники» имена князей и некоторые сюжеты (убийство Миндовга, постройка монастыря Войшелком), составитель, трудившийся в близком

¹ *Коялович М.* Лекции по истории Западной России. М., 1864. С. 5.

окружении великого канцлера ВКЛ Альберта Гаштовта, создал легенду о римском происхождении литовской знати. Текст о первых правителях ВКЛ, в большинстве списков озаглавленный как «Летописец...» или «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», начинался с рассказа о бегстве на берега Немана Палемона и 500 знатных римлян и заканчивался на правлении Гедимины. Данный исторический панегирик был призван заполнить идеологический вакуум в литовском историописании², в том числе — обосновать право господства Литвы на землях Понеманья. Именно такое значение имел рассказ, в котором говорится о строительстве Скирмонтом/Ердвиллом Новогрудка и Гродно вскоре после татарского нашествия и основании в Новогрудке княжеского стола³.

Через несколько десятилетий автор Хроники Быховца столкнулся с проблемой несоответствия легендарной генеалогии сведениям древних русских летописей. Чтобы согласовать их, он приписал новогрудскому князю Рынгольту сына Миндовга, положив начало устойчивому стерео-

² Подробнее о политическом и социальном контексте возникновения легенды см.: *Petrauskas R. Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnu teorijos aspektai // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 17. 2004. P. 270–284; Gudmantas K. Vėlyvųjų lietuvis metraščių veikėjai ir jų prototipai: «romėnai» // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 18. 2004. P. 113–138.*

³ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 129, 146, 176, 194, 215. — Источником легендарной части иногда называют «устную традицию» (*Batūra R. Lietuvos metraščių legendinės dalies ir M. Strijkovskio “Kronikos” istoriškumo klausimu // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, Serija A. 1966. T. 2 (21). 265–283; Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. P. 44, 165–167*). Т. Баранаскас указывал, что имя Скирмонт было приписано трем персонажам легенд, совершающим наиболее значимые деяния и предполагал, что этот правитель мог быть популярным героем литовских исторических преданий. Эта гипотеза получила бы подтверждение, если элементы сказания о Скирмонте нашлись бы в более ранних источниках. Любопытно, что М. Н. Тихомиров и М. Гедройц отождествляли Скирмонта со Сколомендом/Сколдимером, упоминаемым в «Задонщине» (конец XIV– начало XV в., см.: Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 222. Примеч. 23; *Giedroyć M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Between Rome and Byzantium (1281–1341) // Oxford Slavonic Papers. N. S. Vol. XX. Oxford, 1987. P. 7, n. 49*). Выражение «правнуки Сколомендовы» по отношению к Андрею и Дмитрию Ольгердовичам выступает как литературный эпитет, связанный, по-видимому, с легендарными представлениями о древних литовских князьях. Не исключено, впрочем, что прототипом Сколоменда был ятвяжский вождь Скомонд/Скумант, «вольхвь и кобникъ нарочить» (или два вождя с одним же именем?); см.: *Hacevič V. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993; Rowell S. C. Lithuania Ascending. P. 53–54. — Р. Петраускас подчеркивал, что «в легендарной части летописей почти нет имен, которые можно объяснить устной традицией — одни из них заимствованы из Галицко-Волынской летописи, другие созданы из топонимов (например, Гровжис из Граужишки, Ольшис из Ольшаны и т. д.)» (*Petrauskas R. Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnu teorijos aspektai // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 17. 2004. P. 281*).*

типу о том, что Новогрудок был столицей Миндовга⁴. Вскоре версию «Хроники Быховца» использовал Мацей Стрыйковский, через посредничество которого она была растиражирована, перерабатывалась и дополнялась⁵. У Мартина Бельского он позаимствовал сведения о принадлежности Новогрудка ятвягам⁶, дополнив их домыслом о тождестве ятвягов и эстонцев (по-латышски *Igauņi*) а также информацией о сохранении части ятвягов под Новогрудком («*Deiū ieszcze iest ich po części koło Nowogrodka Litewskiego także w Liflanciech y ku wielkiemu Nowogrodu Moskiewskiemu iest ich ieszcze ziemica ktorych Jgowiany zowią*»⁷). Стрыйковский предполагал, что ятвяги господствовали в Подляшье, Новогрудке и окрестных волостях до того, как их не завоевал киевский князь Владимир⁸. В отличие от составителя легендарной части второго свода, Стрыйковский не игнорировал причастность династии Рюриковичей к Новогрудку. В рассказе о строительстве Новогрудка и Гродно после Батыева нашествия появляется указание на то, что на новогрудской горе «*był pirwey zamek stołeczny Nowogrodek Xiążęcią Ruskiego / przez Bateia Carzá zburzony*»⁹. Наконец, именно в труде медницкого каноника впервые утверждается, что коронация Миндовга состоялась в Новогрудке¹⁰. До конца XIX в. эта информация будет восприниматься, как непреложная истина.

Создание легендарных повествований о литовских князьях, которые определяли форму исторической памяти населения ВКЛ в XVI–XVIII в., не было чем-то исключительным. В те же 20-е гг. XVI в. Симон Грюнау, доминиканский монах из Толкемита, завершил свою Прусскую хронику. В ней он творчески переработал легенду о Видевуте, которая уже была известна у саксонца Эразма Стеллы. По версии Грюнау, в VI в. сын Видевута Литво (*Lytpho*) получил от жреца Криве-Кирвайто в управление земли от Буга до Немана, где построил город Гродно (*Grottna*), названный

⁴ См.: *Баранукас Т.* Новогрудок в XIII в.: История и миф. С. 40–41.

⁵ Ее передают такие известные произведения, как Хроника Литовская и Жмойтская, Густынская летопись, Хроника из летописцев стародавних Феодосия Софоновича (ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 19; *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992; ПСРЛ. Т. 40).

⁶ М. Бельский писал, что ятвяги «*mieli swoy zamek y ziemice Drohiczyńska na Podlaszu y Nowogrod w Lithwie*» (*Bielski M.* Kronika ... S. 354).

⁷ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi kijówskiej... Królewiec, 1582. S. 206.

⁸ «...*Których stołeczne Miasto y zamek było Drohiczyn / do dzisieyszych czasów trwający. A Podlászce wsytko aż do Prus z Wołyniá począwszy osiedli byli / Nowogrodek też zamek i okoliczne wołości w Litwie trzymáli. Tych był naprzod Włodimirz Swentosławowic Jednowładziec álbo Monarchá wszystkich Ruskich ziem moczą zhołdował*» (*Ibid.* S. 204).

⁹ *Ibid.* S. 266.

¹⁰ *Ibid.* S. 326–329; *Баранукас Т.* Месца караначыі Міндоўга. С. 26–31.

в честь своего старшего сына Гарто (Gartho)¹¹. Автор легенды жил во время бурных перемен в своей стране, поддерживал католического польского короля в борьбе с лютеранами, и в его труде прослеживается попытка создания исторического фундамента новой негерманской прусской идентичности, противопоставленной тевтонскому прошлому, а также стремление показать исконное литовско-прусское единство.

В церковной полемике той эпохи нашлось место и спорам о мученичестве св. Бруно-Бонифация. Культ крестителя Руси св. Бонифация, который существовал параллельно с культом св. Бруно — апостола Пруссии, начал распространяться на территории Великого княжества Литовского во второй половине XVI в.¹² В 1579 г. Петр Скарга, первый ректор виленской иезуитской Академии и Университета, издал в Вильно сборник биографий святых, в котором оказалось и краткое житие св. Бонифация, составленное на основе рассказа Петра Дамиани. Активный проповедник унии, Скарга сделал миссию св. Бонифация символом борьбы против «схизматиков», о чем свидетельствует его комментарий:

«Обрати внимание, читатель: 1. Что русские земли не только от Греков, но и от Римского костела обращены к преславной вере, и не знаю, имеют ли они из Греков такого чудесного и великого мученика. Значит, наверняка сначала у Руси были римские и латинские костелы, но когда последовали за греческим одщепенством, изгнали Греки лагинских священников, как сделали в Валахии и Болгарии, и костелы обратили в свои обряды. 2. Будь уверен, что Русь сначала приняла правоверную и католическую веру, когда еще и Греки жили в подчинении Римского костела. Потому что еретическая и отщепенская [вера] по первому севу не всходит. Как потом с греками отделились — читай о том, кто хочет, мои книжки»¹³.

Поминование «крестителя Руси» Бонифация продолжалось в католических литургических календарях на территории ВКЛ и Российской Империи¹⁴. Во второй половине XVII в. в камальдулианском монастыре в Пажайяслэй Микеланджело Паллони создал цикл фресок, изображающий события жития св. Бонифация, в том числе — крещение им русского

¹¹ Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrsg. M. Perlbach. Bd. I. Leipzig, 1875. S. 69.

¹² *Strzykowski M.* Kronika polska. S. 326–329; *Баранаўскас Т.* Месца каранацыі Міндоўга. С. 26–31.

¹³ *Żywoty Świętych Starego i nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok: Wybrane z poważnych Pisarzów i Doktorów kościelnych, których imiona wyżej położone są.* Cz. 2. Kraków, 1585. S. 553–554 [первое издание: Wilno, 1579].

¹⁴ *Jovaiša L.* Šv. Brunono Kverfurtiečio kultas Lietuvoje: Liturginis ir hagiografinis aspektas // *LKMA Metraštis.* T. 32. 2009. P. 195–207.

короля¹⁵. В полемике против православных иезуит Николай Циховский говорил о миссии на Руси уже двух проповедников — Бруно и Бонифация, благодаря которым Русь «в единстве и сослужении со столицей Римской, как и Болгары, жила»¹⁶. Источником таких сведений были изданные в начале XVII в. «Церковные анналы» Цезаря Барония, в которых оба святых названы миссионерами, погибшими Руси¹⁷. Иезуит Ян Алоизий Кулеша, родившийся в Полесье, доказывал истинность данных Барония еще в 1704 г.¹⁸ Против мифа о католических крестителях Руси боролись православные полемисты и историки — архимандрит Иоанникий Галатовский в XVII в., митрополит Макарий в XIX в.¹⁹ Разумеется, никто не связывал тогда деятельности святого с территорией Черной Руси. Первым это сделал в XIX в. Т. Нарбут, который поместил место убийства Бруно возле Гродно²⁰.

Мысль эрудитов просвещенного XVIII в. шла вперед, создавая новые интерпретации. Епископ Феофан Прокопович искал в Литве на месте Новогрудка древний город Тмуторокань²¹. Настоящим первопроходцем в изучении истории Верхнего Понеманья по многим вопросам стал Василий Никитич Татищев, который в ранней работе не исключал проживания в Литве, «где Новой городок», народа «тмутараканов».

В его «Истории Российской» приведены сведения о Черной Руси с оговоркой, что «сего имени в древних русских [летописях] не упоминаемо»²². Взгляд на прошлое этой территории сформулирован не без влияния Стрыйковского: первоначально в пределах Подляшья и Новогрудского воеводства обитали ятвяги-язиги, «народ сарматской, весьма жестокосердной и военной», затем Новогородок был уделом Туровского княжества, пребывал под властью разных князей — киевских, древлянских, владимирских и по-

¹⁵ Paknys M. Šv. Brunono Kverfurtiečio freskos Pažaislio kamaldulių vienuolyne // LKMA Metraštinis. T. 32. P. 173–194.

¹⁶ Цит. по: Савченко С. Давня русь у полемічній літературі кінця XVI–XVII ст. Дніпропетровськ, 2007. URL: nmetau.edu.ua/file/65.doc (дата последнего посещения: 01.10.2010).

¹⁷ Cesaris S. R. E. Card. Baronii Annales Ecclesiastici. T. XVI. 1869. S. 427, 429–430.

¹⁸ Wiara Prawosławna Pismem Świętym, soborami, oycami Świętymi, mianowicie greckieimi u Historiją kościelną przez X. Iana Aloyzego Kuleszę Societatis IESV Theologa obiasniona. Wilno, 1704. S. 47, 52, 55–56.

¹⁹ Макарий [Булгаков]. История Русской церкви Т. I. СПб., 1889. С. 231–236. — О работе Галатовского см.: Савченко С. Давня русь у полемічній літературі кінця XVI–XVII ст. URL: nmetau.edu.ua/file/65.doc (дата последнего посещения: 21.12.2008).

²⁰ Narbut T. Dzieje starożytnie narodu litewskiego. T. III. Wilno, 1838. S. 275–276.

²¹ Об этом предположении нам известно со слов Татищева (Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. II и III. С. 240; Т. VII и VIII. М., 1996. С. 354).

²² Там же. Т. I. М., 1995. С. 440.

лоцких, пока его не подчинили князья литовские²³. Кроме того, Татищев дал начало спорам о дате первого упоминания Новогрудка, а также, после долгих сомнений, приписал Всеволодко Городенскому отчество Давыдович, которое продержалось за ним вплоть до недавнего времени²⁴. Интересен комментарий к рассказу Стрыйковского о постройке Гродно литовским князем: «сие, видится, для отнятия претензии русской на те места от поляков и литвы вымышлено»²⁵. Историк впервые критически оценил данные легендарной части литовских хроник, что было вполне справедливо.

Если Татищев, касаясь истории Понеманья, лишь приводил известные ему данные источников, то его современник М. В. Ломоносов в большей степени находился под влиянием распространенной в XVI–XVII вв. сарматской теории происхождения славян, выводящей русь от роксоланов, верил он также в Палемонову легенду²⁶. Ломоносов создал особенную концепцию происхождения «варяго-россов». Рюрик и варяги, по его мнению, были потомками роксоланов, «колена славенскаго», жили сначала на Немане между Вислой и Двиной, «иногда от той же реки Немени назывались немьнцы или немцы»²⁷. Их территория включала Жмудь, Литву, Подлясье, Полесье («Чермную Россию») и Белую Россию²⁸. Таким образом, вся территория ВКЛ оказывалась русской «прародиной». После же призвания Рюрика со всем русским родом в Новгород, население южной Балтики назвалось пруссами (то есть «по-руссами», живущими после руссов)²⁹. Взгляды эти оказали влияние на историков XIX в. и спровоцировали в 1860 г. одну из самых знаменитых дискуссий в русской истории между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным³⁰.

Сарматской теории придерживался также иезуит Юзеф Пазовский, автор истории Новогрудка, вышедшей во Львове в 1759 г.³¹ Он предпо-

²³ Там же. С. 228.

²⁴ Подробный разбор появления отчества у Татищева см.: *Плахонин А. Г.* «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей. С. 299–320.

²⁵ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 268

²⁶ *Ломоносов М. В.* Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера и происхождение имени и народа российского // *Ломоносов М. В.* Избранная проза / Сост., предисл. и коммент. В. А. Дмитриева. 2-е изд. М.: Советская Россия, 1986. С. 234.

²⁷ *Ломоносов М. В.* Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 201.

²⁸ Там же. С. 203, 231.

²⁹ Там же. С. 230.

³⁰ *Боричевский И. П.* Руссы на южном берегу Балтийского моря // *Маяк*. Т. VII. СПб., 1840. С. 174–182; *Костомаров Н. И.* 1) Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // *Современник*. Т. 81. СПб., 1860. С. 73–83; 2) Севернорусские народоправства во времена удельной Руси. Т. I. СПб., 1863. С. 26–27; *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю. М., 1876.

³¹ *Pażowski J.* Novogrodecum Ducum Novogrodensium olim Regia urbs hodie princeps palatinams Novogrodensis... [Leopolis], 1759. — Наш обзор основывается на заметке

лагал, что город был основан в IX в. дулебами, наследниками сарматов-роксалан, затем был подчинен ятвягами, потомками сарматов-языгов, а в результате завоевания Владимиром Святославичем в 970 г. находился под русским владычеством до начала правления литовских князей. Престарелый католический митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич указывал, что ятвягами русские стали называть «языков» (языгов), которые спасались от гуннов, перевалили через Карпаты и осели вокруг Дорогичина, Новогрудка, Давыд-городка и Райгорода³².

После разделов Речи Посполитой историки, писавшие по-польски и по-русски, оказались в одном государстве. Адам Чарноцкий, более известный под псевдонимом Зориан Доленга-Ходаковский, выходец из бывшего Новогрудского воеводства и участник кампании 1812 г. на стороне Наполеона, стал увлеченно собирать сведения о городищах на территории «Святой Руси». Прожив недолгую жизнь, он успел оказать влияние на развитие отечественной историографии. Критикуя труд Н. М. Карамзина за то, что на помещенной в нем карте Новогрудок включен в состав Литвы, Чарноцкий убеждал читателей в том, что вся территория вокруг принадлежала в древности не литовцам, а славянам-кривичам. Более того, считая, что «славяне чаще всего брали названия от главных своих поселений», он был уверен в том, что «гнездо русских кривичей» было в местечке Крево Ошмянского повета³³. В состав кривичской территории включалось и Городенское удельное княжество, а по поводу первоначального назначения «славянской насыпи» на Замковой Горе в Гродно и других городищ со сходными названиями Чарноцкий был мнения, что «все Городны были определены для земских советов у западных кривичей»³⁴.

Одним из тех любителей древностей, кто некритически переработал легенды литовских летописей, был историк Теодор Нарбут. В результате контузии, полученной в войне России со Швецией 1808–1809 гг., он оглох и, удалившись в свое имение в Лидском повете, сочинил многотомную «Историю литовского народа». Юзеф Игнатий Крашевский, отдавая дань почтения этому уникальному труду, называл его «глыбой материалов, собранных из разных и весьма разного качества источников, бесформен-

В. А. Чемерицкого (*Чамярыцкі В. А.* Ранняя гісторыя горада ў першай манаграфіі пра Наваградка // Наваградскія чытанні. № 3. Навагрудак, 1993. С. 56–58).

³² *Siestrzencewicz-Bohusz S.* Recherches historiques sur l'origine des Sarmates des Esclavons... Р. 99.

³³ *Доленга-Ходаковский З.* Розыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 287–288; *Dołęga-Chodakowski Z.* O słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy / Opr. i wstęp J. Maślanka. Warszawa, 1967. S. 53, 62, 249.

³⁴ Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1838. С. 47.

но слепленной грудой камней»³⁵. Согласно теориям Нарбута, в разных частях Верхнего Понеманья в средневековье обитали черноруссы (*Czarnorusini*, потомки геродотовых меланхленов в Лидском повете), слонимяне (*Słonimiany*), новогрудские кривичи (*Krewicze*), пелузы или пелясы (потомки древних пелазгов, на р. Пелясе), и ятвяги (потомки древних костобоков и языгов), называемые литовцами *Jodweżaj* («черные раки»)»³⁶. Несовместимость данных литовских легенд и русских летописей он объяснил тем, что в Понеманье существовало два Новогрудка: один на месте современного, другой, *Nauenpille* — вблизи Трок (на берегу Немана в районе Лишкавы), в котором в XI в. князь Ердвилл основал литовское княжество³⁷.

Основание Гродно Нарбут датировал временем до крещения Руси³⁸. Наряду с введением в оборот большого количества новых источников, историк не останавливался перед их фальсификацией и изобретением несуществующих персонажей — на страницах его труда впервые появились князь Юрий Глебович, «последний удельный гродненский князь из славянской крови», якобы погибший при штурме города татарами в 1241 г.³⁹, киевский боярин Андрей Киян, который бежал от татар к Миндовгу, построил костел в своем имении на Немане, а затем пригласил туда группу монахов-доминиканцев и литовско-русского епископа Вита⁴⁰. Живучими оказались многие домыслы Нарбута, которые воспроизводились в литературе 40–60-х гг. XIX в.⁴¹

Интерес русских историков в первой половине XIX в. к прошлому присоединенных земель был еще невысок. Все, что Николай Михайлович

³⁵ *Kraszewski J. I.* Litwa: Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłówia, podania. T. II. Warszawa, 1850. S. V.

³⁶ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. II. S. 119–120, 125, 137, 170, 277–278.

³⁷ *Ibid.* T. III. Wilno, 1838. S. 241–245.

³⁸ *Ibid.* T. III. S. 275–276.

³⁹ *Ibid.* T. IV. Wilno, 1838. S. 95.

⁴⁰ *Narbutt T.* Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno, 1856. S. 32. — Гипотеза Т. Нарбута о литовско-русском епископе Вите пуляризируется некоторыми авторами и в наши дни (*Жлутка А.* Да пытання аб месцы караначыі Міндоўга (Міндава) і сядзібе першага біскупа Літвы // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Мінск, 2010. С. 97–101).

⁴¹ *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasow najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część I. Litwa pogańska. Wilno, 1844; *Турчинович О.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857. С. 47–88; *Дмитриев М. А.* Несколько слов краткого исторического обозрения русско-литовского Новогрудка // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. Т. XXIV. С. 227–240; *Бобровский П. О.* Историческая монография города Гродны // Вестник Западной России. Год IV. 1865/1866. Кн. VIII. Т. III. Отд. II. Вильна, 1866. С. 28–43.

Карамзин писал о прошлом Понеманья до Войшелка, укладывается в одну фразу: «Кем постороен Новогородок, не знаем; вероятно россиянами»⁴². Но уже тогда возник характерный стереотип о первоначальной «дикости» населения древнерусской окраины и цивилизаторской миссии «славянского племени» по отношению к ятвягам и литовцам. В работах Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, Н. М. Костомарова тиражировалась восходящая к Стрыйковскому и Длугошу мифологема о дани венниками и лыком, которую, за неимением ничего более ценного, литовцы платили русским князьям в XI–XII вв. Создание Литовско-Русского государства часто объяснялось ослаблением русских княжеств в результате раздробленности, татарского нашествия, а также потребностью защиты от крестоносцев:

«Два губительные полчища, в виде двух орденов, тевтонического и меченосного, возмутили вдруг дикий покой их [литовцев] коварной проповедью, возвещавшею им, во имя евангелия, или конечное истребление или безусловное рабство. Бедным дикарям не оставалось другого спасения, кроме бегства. И вот они ринулись стремглав на Русь...»⁴³

В качестве ответа на подобные замечания можно воспринимать труд Ю. И. Крашевского, который подхватил мессианскую идею литовских летописей и показывал, что миссия язычников-литовцев была в том, чтобы встать на пути варварского нашествия монголов в Европу⁴⁴.

Положение в российской литературе начинает меняться после того, как в 1839 г. в работе Николая Герасимовича Устрялова прозвучал призыв считать историю Западной Руси и Великого княжества Литовского частью истории Российского государства⁴⁵. Призыв этот будет услышан в 60-е гг. XIX в., когда к истории Западного края Российской империи обратятся многие исследователи.

В годы, когда край был охвачен польским восстанием, в изучении истории Черной Руси наступает перелом. С одной стороны, появление новых исторических произведений было частью борьбы с польской культурой и построения русской национальной идеологии, с другой, постепенно повышался научный уровень исследований — по мере развития критических методов источниковедения, публикации источников (особо нужно отметить издание в 1843 г. Ипатьевской летописи), складывания

⁴² Карамзин Н. М. Примечания к истории государства Российского. Т. IV, V, VI / Изд. А. Смирдина. СПб., 1859. С. 62. Примеч. 104.

⁴³ Журнал МВД. 1843. Февраль. Кн. 2. С. 225.

⁴⁴ Kraszewski J. I. Litwa: Starożytnie dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłówia, podania itd. Warszawa. Т. I. 1847; Т. II. 1850.

⁴⁵ Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839.

научных школ в Санкт-Петербургском, Киевском и Московском университетах. Во второй половине XIX в. Гродненской, Виленской, Минской губерниям, их отдельным городам посвящались отдельные очерки⁴⁶, но наиболее активно средневековая история Черной Руси обсуждалась в общих работах по исторической географии, истории Полоцкой земли и Великого княжества Литовского.

Пафос историков-позитивистов состоял в том, чтобы среди «бредней Нарбута» (Н. П. Дашкевич), легенд и домыслов увидеть подлинные факты. Но недостаток источников вынуждал заполнять белые пятна собственными гипотезами. В большинстве работ центральной темой была история «русской народности» в крае, ятвяжское и литовское прошлое занимало историков как составляющая местной экзотики. Отождествление этнических групп с языковыми ареалами проявлялось в причислении Черной Руси к территории кривичей, что было вызвано ее диалектным единством с белорусскими губерниями. Статус Новогрудка как первой столицы Литовского княжества был первостепенным аргументом в причастности русского населения к его образованию.

Вопрос о первоначальных обитателях «этой дикой страны» сразу стал одним из дискуссионных. Многие авторы называли основным ее населением до середины XI в. ятвягов и литовцев⁴⁷. Как отмечал преподаватель Киевской военной гимназии Александр Еремеевич Редров,

«Русские князья, побеждая ятвягов, старались внести цивилизацию в их дикие пущи; заставляли и учили их пахать землю и строить города, т. е. прочные оседлые жилища. Русские колонии подвигались в ятвяжскую землю с двух сторон. Города Гродно, Слоним и Волковиск были основаны в глубокой древности на границе земли ятвяжской. Вместе с цивилизованным образом жизни ятвяги усвоили русские нравы и язык. Таким образом, племя это частью истреблялось войною, частью поглощалось русскою народностью, так что в настоящее время нет уже и следов его; память о нем сохранилась только в народных поговорках и названиях некоторых местностей»⁴⁸.

⁴⁶ Лишь некоторые из них: Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. III. СПб., 1858. С. 47–111; *Бобровский П. О.* Историческая монография города Гродны. С. 28–43; *Булгаковский Д.* Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии // Виленский Вестник. 1882. № 5; *Орловский Е. Ф.* Очерк истории города Гродны. Гродна, 1890.

⁴⁷ *Беляев И. Д.* Очерк истории северо-западного края России. Вильна, 1867. С. 5; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 13.

⁴⁸ *Редров А. Е.* Руководство к изучению Русской земли и ее народонаселения: По лекциям М. Владимировского-Буданова. Киев, 1867. С. 220.

Точно так же И. К. Шулицкий считал, что исчезновение ятвягов произошло в результате ассимиляции: «исчезновение это явилось как результат слияния, уподобления этого племени соседним русским славянам»⁴⁹. Напротив, Иван Дмитриевич Беляев считал возможным полное физическое истребление местного населения в ходе славянизации:

«Ятвяжскую землю можно было занимать только силою, с бою, постепенно, понемногу отодвигая туземцев в глубину их лесов и пущей, и каждую отвоеванную таким образом местность закрепляя построением города и совершенно очищая ее от старожиллов туземцев»⁵⁰.

Начало славянской колонизации связывалось с походами киевских князей Владимира и Ярослава в конце X — середине XI в. Причины этих походов Николай Павлович Барсов усматривал в действиях ятвягов на речных коммуникациях:

«... господствуя над южным течением Припяти, они могли действительно отрезать пути сообщения Киева с Побужьем и Поднестровьем, с областью Червенскою, — так что присоединение этих областей к русскому государству естественно налагало на русских князей обязанность или покорить ятвягов, или отодвинуть их далее на север и северо-запад»⁵¹.

Исключительно неожиданный образ создал игумен Анатолий, автор неопубликованной записки о Минской епархии, выдержки из которой приводит И. Зеленский⁵². В записке ятвяги предстают славянским племенем (их название производится от «ять», т. е. «хватать», «брать в плен»), обитавшим на берегах Припяти. Как считал игумен Анатолий, «ладья для ятвяга была его домом; на ней он проводил свою удалую жизнь, занимаясь рыболовством, и разгуливал в бурю и непогоду, презирая все опасности». В IX в. все ятвяжские «притоны» (поселения) объединил варяг Тур, который построил город Туров и принял христианство.

Те, кто критически относился к утверждениям о «ятвяжском» прошлом Черной Руси, доказывали древность ее заселения славянами. Генерал Павел Осипович Бобровский, выходец из дорогичинской униатской

⁴⁹ Археологические и историко-географические заметки преподавателя Свислочской учительской семинарии И. К. Шулицкого // Труды виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893. С. 62.

⁵⁰ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I: История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 55.

⁵¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 34.

⁵² Зеленский И. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Минская губерния. Ч. I. СПб., 1864. С. 403–404.

шляхты, подчеркивал изначальные политические связи с остальными русскими землями:

«Древнейшими племенами Гродненской Губернии... были племена славянские... племена эти признавали власть варяго-русов, приняли, вместе с восточными славянами, Христианскую веру греческого православного исповедания и до конца XIII и начала XIV столетий подчинялись князьям из рода Владимира Святого и Владимира Мономаха»⁵³.

Разделились мнения по вопросу, какие группы славян приняли участие в колонизации Понеманья. И. Д. Беляев доказывал, что переселение происходило с территории новгородских словен. Распространен был взгляд о том, что основной колонизационный поток шел со стороны полоцких кривичей⁵⁴. По мнению Митрофана Викторовича Довнар-Запольского, здесь пересеклись потоки с востока (кривичи), с юга (волыняне, дреговичи), смешавшиеся, возможно, с литовцами и ятвягами. Чтобы лучше узнать их древние быт и язык, по его мнению, необходимо изучать этнографический облик современного населения:

«Племена, колонизирующие Гродненскую губ., уносили с собой язык и быт своей родины, строго оберегая его от чуждых влияний, живя уединенно в лесах; в среде колонистов форма быта и язык всегда сохраняются устойчивее, древние формы сохраняются дольше, а посторонние влияния проникают с трудом и остаются особняком»⁵⁵.

В это время лингвисты начали изучать местные диалекты. В 1885 г. в экспедицию отправился Эдуард Александрович Вольтер, который посетил, в том числе, северную часть Слонимского уезда, где проживали литовцы. На рубеже XIX–XX столетий появились работы Александра Александровича Кочубинского и Александра Львовича Погодина по гидронимии неманского бассейна, которые показали балтскую этимологию названий многих рек⁵⁶. Во второй половине XIX в. началось активное археологическое изучение региона. Страсть к раскопкам проявили местные помещики, преподаватели гимназий, а также члены столичных археологических обществ⁵⁷.

⁵³ Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики... Ч. I. С. 615.

⁵⁴ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. 2-е изд. СПб., 2000. С. 76. [Изд. 1-е.: М., 1909].

⁵⁵ Довнар-Запольский М. В. Значение этнографического изучения Гродненской губернии. Гродна, 1893. С. 3.

⁵⁶ Кочубинский А. Н. Территория доисторической Литвы // ЖМНП. 1897. Ч. CCCIX. С. 60–94; Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

⁵⁷ Отсылаем читателя к специальной работе по истории археологического изучения Западной Руси (Алексеев Л. В., Богданов В. П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М., 2009).

Историки ввели в оборот все летописные известия о городах Понеманья и попытались определить их принадлежность. Новогрудок чаще всего относился к владениям «кривичских» (полоцких) князей⁵⁸. По поводу Гродно на Немане ясности не было — его то отождествляли с летописным Городном Всеволодка Давыдовича⁵⁹, то с Городцом Володаря Глебовича, то с городом Изяслава Васильковича из «Слова о полку Игореве»⁶⁰.

В трудах, посвященных образованию Литовско-Русского государства, сформировались два крайних взгляда на характер славяно-литовских взаимоотношений на протяжении XI–XIII вв. Согласно точке зрения Владимира Бонифатьевича Антоновича, первый этап формирования Литовско-Русского государства заключался в захвате Миндовгом Черной Руси в середине XIII в. и основании княжества в Новогродке-Литовском. Миндовг таким образом приобрел «новые силы, которые давали ему возможность и продолжать дальнейшие завоевания на Руси, и поставить в зависимое положение других, соседних с его владениями, мелких литовских родоначальников». В таком начале образования ВКЛ В. Б. Антонович видел причины слабости государства, которая выражалась «в разности двух этнографических типов», русского и литовского. Их взаимоотношение он описывал, как противостояние: литовцы — господствующее племя, русские — племя подчиненное; «связь между ними остается внешней, вызванной почти исключительно политическими обстоятельствами и отношениями. Заимствование бытовых начал происходит без выбора, случайно и в большинстве случаев вполне неудачно; рознь племенная, опирающаяся на отличительные бытовые различия двух племен, не сглаживается»⁶¹.

Напротив, для Михаила Осиповича Кояловича «литвины» были не чужеземными завоевателями, а «сторожевым полком русским, защищавшим русский народ от прусских и ливонских рыцарей». Он подчеркивал мирные связи Литвы с Западной Русью: верхне-литовское племя (аукштайты) жило с незапамятных времен в соседстве с белорусским,

⁵⁸ Беляев И. Д. Рассказы из Русской истории. Кн. 4. Ч. 1: История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 10; Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. С. 20–21; Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. С. 55; Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства. М., 1915. С. 17.

⁵⁹ Бобровский П. О. Историческая монография города Гродны. С. 28; Орловский Е. Ф. Очерк истории города Гродны. С. 5.

⁶⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. М., 1816. С. 440. Примеч. 250; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 104.

⁶¹ Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. С. 4, 25.

объединялось с ним, воспринимало его культуру, постепенно переходило в православие и «пересоздавалось» в русских⁶². Николай Павлович Дашкевич отмечал, что отношения литовцев и русских не обходились без вражды и столкновений, но не имели характера межплеменной борьбы. Как писал киевский профессор, «На западных окраинах... русскому племени предстояла славная, хотя и трудная задача распространения цивилизации среди племен, стоявших на низшей культурной стадии»; русские не могли не повлиять на «зарождение государственной идеи» у литовцев⁶³. В том, что до конца XIV в. в Литве не было борьбы народностей, «и должно искать объяснения образования Литовско-русского государства»⁶⁴.

В исследованиях Матвея Кузьмича Любавского рассматривалось расположение древней Литвы. Он пришел к выводу, что тем ядром, из которого выросло государство, была «область правых притоков Немана, преимущественно р. Вилии, населенная так называемую “верхнюю Литвою” (Auxtote)». В состав центральных земель нового государства рано вошла также Черная Русь. Поскольку Новгородок стал обычным местопребыванием Миндовга и отсюда литовский князь черпал силы для борьбы с врагами, литовское государство с самого начала было не просто литовским, а русско-литовским⁶⁵.

Полемизируя с Любавским, Федор Иванович Леонтович выступил против того, чтобы говорить о Черной Руси, как «части собственно Литовской земли» после середины XIII в., указывая, что избрание Новогородка княжеской резиденцией не означало превращения его в литовский город⁶⁶. Тезис о столичности Новогрудка в литовском княжестве впервые был оспорен в работах Юлиуша Лятковского и Йонаса Тоторайтиса. По мнению Ю. Лятковского, Гродно и Новогрудок могли быть захвачены еще отцом Миндовга на рубеже XII и XIII в.⁶⁷ В Новогрудке мог княжить в молодости Миндовг, но этот город не был ни литовской столицей, ни местом его коронации. Резиденцию Миндовга, град Вурута, Лятковский на основании внешнего созвучия идентифицировал с деревней Ворняны

⁶² Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. М. 1864. С. 92.

⁶³ Дашкевич Н. П. Литовско-русское государство, условия его возникновения и причины упадка // Университетские известия. 1882. № 3. С. 45, 59.

⁶⁴ Дашкевич Н. П. Литовско-русское государство, условия его возникновения и причины упадка // Университетские известия 1882. № 5. С. 197.

⁶⁵ Любавский М. К. 1) Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 2–3; 2) Очерк истории Русско-Литовского государства. М., 1915. С. 14.

⁶⁶ Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 73–81.

⁶⁷ Latkowski J. Mendog, król litewski. S. 16.

(Островецкий район Гродненской области)⁶⁸. Ксендз Й. Тотарайтис предполагал Вору́ту на месте Лишкявы на Немане, а также указывал, что в 30-х гг. в Новогрудке еще правил князь Изяслав, следовательно, захват столицы Черной Руси следует относить к 40-м годам⁶⁹.

После распада Российской империи центр изучения истории Черной Руси переместился в Польшу. В начале 1930-х гг. Хенрик Ловмянский в непревзойденном по полноте исследовании о началах литовского государства представил Верхнее Понеманье в виде огромной межплеменной пуши — настоящей полосы отчуждения, которая разделяла русинов и литовцев. Безлюдные пустоши в его труде начинались за Неманом и заканчивались только на линии Мереч–Эйшишки, за которой появлялись первые поселения аукштайтов⁷⁰. Изолированность двух этнических массивов, по его мнению, преодолевалась с большим трудом. Неман не притягивал к себе внимания купцов, не использовался скандинавами⁷¹. Х. Ловмянский был против отождествления летописного Городна с Гродно на Немане и включал в состав Черной Руси только Новогрудок, Слоним и Волковыск. Бедная и слабозаселенная Черная Русь не представляла интереса для жаждущих наживы литовских дружин — когда они в конце XII в. устремились на Полоцк, Смоленск и Новгород, то обходили стороной неманские города⁷². Аукштайтская колонизация земель к югу от линии Мереч–Эйшишки началась только во второй половине XIII в. Подобный взгляд был основан на теории пограничных пуш, которые, по мнению исследователя, должны были разделять любые этнические группы в раннем средневековье.

Х. Ловмянский придавал большое значение влиянию экспансии литовцев на Руси (в том числе, в Понеманье) на эволюцию литовского общества. На первом этапе экспансии происходил процесс образования дружин, которые отправлялись в грабительские набеги. Начавшиеся около 1240 г. территориальные захваты вызвали необходимость создания административно-фискального аппарата, усилили роль дружин и вызвали необходимость подчинения военному слою всего общества. Создателем литовской монархии в 50–60-х гг. XIII в. стал Миндовг, первоначальный обладатель Литовской земли.

Хенрик Пашкевич, основной оппонент Ловмянского, составил иное представление об исторической географии Черной Руси. Гродно на Немане он считал центром независимого княжества (по крайней мере,

⁶⁸ Ibid. S. 13, 38, 54.

⁶⁹ *Totoraitis J. Die Litauer...* S. 51–52, 63.

⁷⁰ *Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego.* T. I. S. 53, 56–57, 77.

⁷¹ Ibid. T. II. S. 267.

⁷² Ibid. T. I. S. 110; T. II. S. 272–274.

до 1183 г.), а Новогрудок в XIII в. — значительной волости⁷³. Справедливо отрицая столичный статус Новогрудка в Литовском княжестве, он, в отличие от Х. Ловмянського, отводил более активную роль дружинам русских городов Понеманья в процессе его образования — с их помощью литовские князья усиливали свою власть над другими князьями. Хотя другой тезис Х. Пашкевича — о том, что объединителем литовских земель был отец Миндовга, не был принят в историографии, Станислав Зайончковский под его влиянием подчеркивал силу власти князей отдельных литовских земель над зависимыми от них князьками в момент заключения договора 1219 г.⁷⁴ Сам С. Зайончковский считал, что предводители небольших литовских государств (княжеств) уже с середины XII в. совершали набеги на Гродненскую землю и территории вокруг Полоцка, а в конце этого столетия захватили Гродно⁷⁵.

В межвоенное время Владимир Голубович и Елена Цегак-Голубович провели раскопки некоторых славянских курганов Новогрудской земли и признали их дреговичскими. На основании изучения образцов керамики Новогрудчины и Виленщины Голубович предложил датировать волну славянского расселения, которая двигалась сюда со стороны Минска, XI–XII вв.⁷⁶

Из польских археологов наибольший вклад в изучение древней Гроденской волости внес Юзеф Йодковский. В ранних публикациях он приписывал основание Гродно литовцам или ятвягам⁷⁷. Раскопки на Замковой Горе в Гродно, начатые под его руководством в 1932 г., представили достаточно аргументов в пользу того, что здесь располагалась княжеская столица Всеволодка Гроденского. Были открыты Нижняя церковь, княжеский терем, исследована Коложская церковь⁷⁸. Поскольку работы проводились с нарушением методики, в 1934 г. специальная комиссия запретила Ю. Йодковскому их продолжать. В своих статьях

⁷³ *Paszkievicz H.* Jagiellonowie a Moskwa.

⁷⁴ *Paszkievicz H.* Litwa przed Mendogiem // *Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich.* Lwów, 1930. Т. I. S. 246–258; Т. II. S. 76–80.

⁷⁵ *Zajackowski S.* Dzieje Litwy Pogańskiej do 1386 r. Lwów, 1930. S. 16.

⁷⁶ *Cehak-Hoľubowiczowa H.* Słowiańskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Platowo w powiecie i województwie nowogródzkim // *Ateneum Wileńskie.* R. 13. Z. 1. 1938. S. 183–196; *Hoľubowicz W.* Garncarskie techniki lepienia na terenie Ziemi Północno Wschodnich Polski w świetle ostatnich wykopalisk // *Ibid.* S. 197–210.

⁷⁷ *Jodkowski J.* Grodno. Wilno, 1923. S. 1–4.

⁷⁸ *Jodkowski J.* 1) Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych, dokonanych na Królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 // *Przegląd historyczno-wojskowy.* Warszawa, 1934. Т. VII. Z. 1. S. 99–115; 2) Świątynia warowna na Koloży w Grodnie. W świetle badań archiwalnych i archeologicznych dokonanych w 1935 r. Grodno, 1936. (Prace i sprawozdania Muzeum w Grodnie. Т. 1).

первооткрыватель древнего Гродно не соглашался с Х. Ловмянским и считал Неман важной коммуникативной артерией, соединявшей Русь с Балтикой. Основание княжеской резиденции на Немане он приписывал Давыду Игоревичу⁷⁹, но уже в IX–X вв., по его мнению, норманнские купцы могли строить в верховьях Немана укрепления для контроля над путями сообщения, и именно Гродно могло быть упомянуто у Константина Багрянородного под именем Немогардас (Город на Немане). Здесь, на пограничье Пруссии, Литвы и Руси, состоялось в 1009 г. крещение миссионером Бруно дреговичского или мазовецкого князя Нетимира. Доверяя «рассказу Виберта», Йодковский размещал построенный в честь мученика монастырь на территории Гродно, которое уже в XI в. могло быть христианским центром.

В 1936–1939 гг. исследования на Замковой Горе продолжил Здислав Дурчевский, который согласился с выводом о тождестве Гродно и летописного Городна⁸⁰. Несмотря на это, спор о расположении города продолжался. Проводивший раскопки в Давыд-Городке Роман Якимович предполагал, что именно этот населенный пункт, основанный предположительно Давыдом Игоревичем, был столицей Всеволодка⁸¹.

Белградский профессор Александр Васильевич Соловьев, в сентябре 1934 г. посетивший раскопки Ю. Йодковского в Гродно, выступил с подробным обзором летописных известий о городенских князьях в XII в.⁸² Именно эта статья определила позицию самого Йодковского. Доказывая тождество летописной резиденции Всеволодка и Гродно, А. В. Соловьев обращал внимание на значение Немана как транспортной артерии, в контроле над которой были заинтересованы русские князья. К IX–X вв. он относил существование здесь ятвяжско-славянского поселка, а заложение крепости — ко времени Владимира Святославича. К городенской тематике А. В. Соловьев возвращался неоднократно и в женевский период своего творчества⁸³.

Уделил внимание ранней истории Гродно и другой русский эмигрант, барон Михаил Александрович Таубе. Он приписывал основание города Аскольду, которого считал дружинником шведского конунга Олафа

⁷⁹ *Jodkowski J. Pieczęcie ruskie...* S. 153–180.

⁸⁰ *Durczewski Z. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938 / Odbitka z czasopisma «Niemen». 1939. Nr. 1. Grodno, 1939.*

⁸¹ *Jakimowicz R. Dawidgródek. Pińsk, 1938.* — Р. Якимович развил догадку Я. Якубовского, который, однако, склонялся скорее к тождеству Городна и Гродно на Немане (*Jakubowski J. Gdzie leżało “Horodno” hipackiego latopisu.* S. 419–424).

⁸² *Соловьев А. В. Новые раскопки...* С. 69–96.

⁸³ *Соловьев А. В. 1) Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 71–103; 2) Городенские князья и Деремела // Russia Medievalis. Bd. 7/1. München, 1992. С. 69–83.*

и участником похода на куршей в 854 г. Согласно взглядам Таубе, построив опорный пункт на Неманском пути, Аскольд отправился в Киев, освободил полян от хазарского владычества и стал киевским князем⁸⁴. Под влиянием этих догадок парижский профессор П. Е. Ковалевский писал в своем учебнике о том, что варягам наряду с Волховско-днепровским путем был известен и Неманский, на котором главным опорным пунктом было Гродно⁸⁵.

Первые белорусские работы, в целом, следовали в русле российской историографии. Новогрудок включался в состав первоначальной территории «кривских» (белорусских) племен⁸⁶, считался первой столицей литовско-белорусского княжества⁸⁷. Всеволод Макарович Игнатовский отмечал, что русский «натиск», в ходе которого был построен Новогрудок, стал основным катализатором процесса централизации литовских земель.

В статьях, вышедших в 1941–1942 гг. в берлинской газете «Раніца», Николай Осипович Шкеленок впервые в белорусской историографии перенес центр формирования литовского государства на территорию Новогрудчины, Слонимщины, Гродненщины и Волковыщины. Не литовцы завоевали белорусские земли, а наоборот, Миндовг и Войшелк с белорусской дружиной покорили земли «жмудинов»⁸⁸. В послевоенное время этот набор тезисов будет характерен для ряда белорусских историков и публицистов.

В литовской историографии 20–30-х гг. земли в Верховьях Немана рассматривались как часть древней литовской территории. В учебнике 1936 г. под редакцией Адольфаса Шапоки (интересующий нас раздел написан Ю. Якштасом) указывалось, что волынские города Новогрудок, Слоним и Гродно были основаны в завоеванных ятвяжских землях, и ранее на месте Гродно стояла ятвяжская крепость⁸⁹. Согласно авторам, в первой половине XIII в., когда Миндовг создавал Литовское государство (а этот процесс, согласно учебнику, был завершен к 1236 г.), граница Во-

⁸⁴ Строго говоря, авторство теории о постройке Гродно Аскольдом принадлежит князю Юзефу Пузыне, который сообщил ее Таубе в личной переписке. Среди прочих предположений, Ю. Пузына считал, что название *Гарадарики* первоначально относилось не ко всей Руси, а только к территории вокруг Гродно. Текст его так и не опубликованного исследования «О Великом княжестве Литовском до Миндовга» погиб в годы войны, см.: *Taube M. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars: (IX–XIII siècles)*. Paris, 1947. P. 70–71, 107–112.

⁸⁵ *Ковалевский П. Е.* Исторический путь России: Синтез русской истории по новейшим данным науки. Ч. I. Париж, 1946. С. 11–12.

⁸⁶ См.: *Ластоўскі В.* Выбраныя творы. С. 337, 373.

⁸⁷ *Ігнатоўскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. С. 73.

⁸⁸ *Шкялёнак М.* Беларусь і суседзі. Гістарычныя нарысы. Беласток, 2003. С. 134–139.

⁸⁹ *Lietuvos istorija / red. A. Šapoka.* Kaunas, 1936. P. 38.

лынского княжества проходила севернее Гродно. После татарского нашествия справедливость восторжествовала, и произошло возвращение земель Понеманья — «У побежденного татарами Волынского княжества литовцы отобрали некогда утраченные литовские области Гродно, Новогрудка, Слонима и Волковыска⁹⁰».

После II мировой войны изучение Верхнего Понеманья продолжили советские историки. Работы польских археологов в Гродно завершил Н. Н. Воронин⁹¹. С середины XX в. разведки, раскопки и исследования полученного на этой территории материала вели десятки советских ученых. В сталинские годы на представления об этнической ситуации в Черной Руси повлияла тенденция автохтонизма. В. И. Пичета в 1946 г. раскритиковал лингвистов за то, что они обнаружили в Понеманье балтскую гидронимию и, со ссылкой на догадку Е. Ф. Карского о славянском происхождении названия *Неман*, отстаивал идею автохтонности здесь славян⁹². Дальнейшее развитие данная тенденция получила в трудах Л. Д. Поболя, который все известные культуры железного века на территории Западной Белоруссии приписывал славянам⁹³.

В годы «оттепели», по словам А. В. Арциховского, пошел процесс «разбалтывания славян» — ряд культур, считавшихся ранее славянскими, были признаны балтскими. Фрида Давыдовна Гуревич в первом едином обзоре археологических памятников Верхнего Понеманья относила к восточным балтам культуру штрихованной керамики. На основании распространения здесь длинных курганов она считала, что уже во второй половине I тыс. н. э. основная часть региона была заселена славянами⁹⁴. Валентин Васильевич Седов в 60-е гг. на основе картографирования нераскопанных длинных курганов проложил через Верхнее Понеманье маршрут миграции славян в V в. из Центральной Европы в район Пскова⁹⁵. Затем выяснилось, что за длинные курганы были приняты песчаные дюны естественного происхождения⁹⁶. После этого В. В. Седов, прочерчивая путь миграции, обошел крупные лесные массивы и провел славян

⁹⁰ Ibid. P. 51.

⁹¹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954.

⁹² Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI веках. М., 1961. С. 609–610.

⁹³ Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.

⁹⁴ Гуревич Ф. Д. 1) Верхнее Понеманье в I тысячелетии н. э. и начале II тысячелетия // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 13–24; 2) Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 75–76, 135.

⁹⁵ Седов В. В. 1) Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 56–59; 2) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 107.

⁹⁶ Седов В. В. Исследования в Гродненском понеманье // Археологические открытия 1968. М., 1969. С. 346–347.

севернее, через бассейн Няриса (Вилии)⁹⁷. В целом, версия о миграции славян через неманский бассейн основывалась на распространении отдельных элементов культуры и не нашла подтверждения в лингвистических данных⁹⁸.

В отличие от Ф. Д. Гуревич, В. В. Седов относил большую часть населения Верхнего Понеманья в X–XIII вв. к балтам (ятвягам) и их славянизированным потомкам⁹⁹. Тезис об активном участии носителей балтских диалектов в формировании славянского населения Понеманья тогда сегодня не вызывает сомнения. Впрочем, В. В. Седов объединял воедино разные по времени, территории бытования и инвентарю памятники (каменные курганы и могилы) на основе лишь одного признака — наличия на них каменных выкладок. Между тем, курганы IV–VII вв., встречаются только в Сувалкии и на правобережье Понеманья, курганы XI в. — в Побужье, а каменные могилы XII–XVI вв. — в Верхнем Понеманье и Верхнем Поднепровье. Кроме традиции использования камня в погребальных насыпях четкой преемственности между этими группами памятников не наблюдалось.

В конце 60-х гг. Николай Иванович Ермолович сформулировал теорию о расположении первоначальной Литвы на территории Верхнего Понеманья¹⁰⁰. Летописная Литва, которую Н. О. Шкеленок размещал между Неманом и Вилией, была перенесена Ермоловичем в четырехугольник Молодечно — Новогрудок — Ляховичи — Минск (в более поздней версии южная граница была растянута до Слонима). Гипотеза, выдвинутая на основе распространения топонимов типа *Литва*, не была принята большинством исследователей, поскольку подобные топонимы появлялись, как правило, в иноэтничной среде. Е. Охманский назвал ее «интересной», только если считать указанное пространство не первоначальной Литвой, а частью этнографической Литвы, колонизированной

⁹⁷ Седов В. В. 1) Славяне в древности. М., 1994. С. 301–303; 2) Древнерусская народность. М., 1999. С. 91–117; 3) Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 348–354, 381.

⁹⁸ Хабургаев Г. А. Этнонимия... С. 110; Горский А. А. К вопросу происхождения славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову. М., 2005. С. 83–94.

⁹⁹ Седов В. В. 1) Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4. С. 36–51; 2) Ятвяги // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 411–419.

¹⁰⁰ Ермолович Н. И. Где была летописная Литва? // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 233–238. — Уже в 1968 г. было написано исследование «По следам одного мифа», которое не могло быть опубликовано вплоть до 1989 г. (Нонканфармизм у Беларусі: 1953–1985. Даведнік. Т. 1 / Укл. А. Дзярновіч. Мінск, 2004. С. 81). Наиболее полно взгляды историка выражены в работе: Ермолович М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск, 1990.

литовцами в ходе экспансии¹⁰¹. Центральной в концепции Н. И. Ермоловича была идея о ведущей роли предков белорусов в образовании ВКЛ. В его интерпретации, Миндовг был изгнанником из Литвы, приглашенным на новогрудский стол, который силами новогрудцев завоевал остальные литовские земли.

На основании анализа топонимики и этнографических данных ученые пытались определить славяно-литовскую языковую границу к моменту образования древнерусского государства. Она была проведена по линии оз. Освейское — Дисна — Плисса — Будслав — Заславль — Рубежичи — Деревная — Белица — Слоним — Волковыск¹⁰². Ежи Охманский в специальной работе об эволюции этнической границы балтов и славян разработал картину многовековой литовско-русской конфронтации за территорию с VIII по XIII в., на первом этапе которой побеждали славяне, а затем произошел «триумф Литвы»¹⁰³. С использованием археологических данных им была реконструирована полоса пограничных сторожевых крепостей, которая разделяла два противостоящих этноса между собой в племенную и государственную эпоху. Единственный мотив возведения городищ в VIII–XIII в. Е. Охманский видел во внешней угрозе, хотя так и не объяснил, какая политическая организация в Литве была способна создать и поддерживать такую пограничную линию.

В 1989 г. в обобщающем исследовании археологических памятников Верхнего Понеманья Ярослав Генрихович Зверуго принял тезис о проживании ятвягов на территории западной части Верхнего Понеманья, подчеркнул активность процесса культурных контактов на этой территории и указал, что в Понеманье между компактными массивами литовцев и славян существовала обширная полоса смешанного населения¹⁰⁴.

В последние два десятилетия продолжалась публикация археологических исследований¹⁰⁵. Сергей Александрович Пивоварчик изучил сеть укрепленных городищ Верхнего Понеманья и отнес большую их часть

¹⁰¹ См.: *Ochmański J. Litewska granica etniczna...* S. 56.

¹⁰² *Видуегирус А. Ю., Климчук Ф. Д.* Некоторые вопросы этно-языковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // *Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом.* М., 1978. С. 13–15; *Охманьски Е.* Литовско-кривичское пограничье в племенную эпоху // *Становление раннефеодальных славянских государств.* 1972. С. 248–252.

¹⁰³ *Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku.* Poznań, 1981.

¹⁰⁴ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 15.

¹⁰⁵ *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII ст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 1993; *Гурэвіч Ф. Д.* Летапісны Новгородок (старажытнарускі Наваградак). СПб., Новогрудок, 2003; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.

к опорным пунктам славянской колонизации¹⁰⁶. Алла Викторовна Квятковская, исследовав каменные могилы Понеманья XI–XVII вв., связала их с ятвяжским населением региона¹⁰⁷.

Александр Константинович Кравцевич, рассмотрев вопрос об эволюции этнической границы, обосновал тезис о существовании в Верхнем Понеманье балто-славянской «контактной зоны», в которой невозможно определить преобладание одного этноса. Он призвал не преувеличивать роль этнического фактора в конфликтах изучаемого периода и настаивал на преимущественно мирном характере балто-славянских отношений на территории Понеманья («На том месте, где историки долгое время изображали огонь военных пожаров, на самом деле дымились мирные печи как балтских, так и славянских изб, раскиданных вперемешку по всему Верхнему и Среднему Понеманью»¹⁰⁸). С. А. Пивоварчик выделил в межэтнических отношениях два этапа: на первом, в X – середине XII в., продолжалась конфронтация, затем наступил более спокойный период, связанный с усилением княжеской власти¹⁰⁹.

Активно развивалась дискуссия о месте Верхнего Понеманья в политических процессах XIII в. Взгляды Н. И. Ермоловича в начале 90-х гг. приобрели популярность в белорусской историографии. С их критикой выступил Вячеслав Леонидович Носевич, который приводил аргументы в пользу традиционной реконструкции событий (за исключением тезиса о столичности Новогрудка), согласно которой земли Понеманья в состав Литвы вошли вследствие татарского нашествия на Русь. Вне зависимости от того, кому принадлежала инициатива политического объединения

¹⁰⁶ *Пивоварчык С. А.* 1) Да пытання аб летапісных гарадах Панямоння // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Юзафа Ядкоўскага. Гродна, 1990. С. 31–34; 2) Сацыяльна-гістарычная тыпалогія гарадзішч панямоння X–XIII стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік Памяці Міхася Ткачова. Ч. 2. Мінск, 1993. С. 93–108; 3) Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X–XIII вв.) // ГАЗ. 1994. № 3. С. 190–201; 4) Да пытання аб паходжанні і назве Навагрудка // Наваградскія чытанні. Навагрудак, 1994. Вып. 3. С. 58–61; 5) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.) // ВЗН. 1996. № 2 (6). С. 5–21; 6) Да гісторыі назваў населеных пунктаў Гарадзеншчыны // Гарадзенскія запіскі. Старонкі гісторыі і культуры. Вып. 2. Гародня, 1996. С. 19–23; 7) Домостроительство X–XIII вв. Белорусского Понеманья (по материалам городищ) // ГАЗ. № 10. Мінск, 1996. С. 72–79; 8) Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы. С. 235–245; 9) Беларуска-польскае памежжа у раннім сярэднявеччы (па археалагічных крыніцах) // Наш Радавод. Кн. 8. Гродна; Беласток, 1999 (2000). С. 4–8; 10) Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка. С. 172–173.

¹⁰⁷ *Квятковская А. В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998.

¹⁰⁸ *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 130.

¹⁰⁹ См.: *Пивоварчык С. А.* Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы. С. 235–245.

Новогрудка с Литвой, их отношения можно назвать «симбиозом»: русское население получало защитника от татар, а литовские князья — ресурсы и воинов для борьбы с экспансией Ордена¹¹⁰.

А. К. Кравцевич также предложил пересмотреть «милитарную» концепцию образования ВКЛ. По его мнению, начало государства положил в середине XIII в. союз балтского нобиля Миндовга и города Новогрудка¹¹¹. Влияние новогрудского княжества на политические процессы в Литве он считал настолько важным, что отрицал возможность создания литовского государства без участия славян: «Как варварские государства в римских провинциях не могли появиться независимо от римских влияний, так и тут в непосредственном контакте с выше развитыми в общественных отношениях славянами не могла возникнуть самостоятельная балтская держава»¹¹².

Необходимо отметить, что параллельно сугубо академическим дискуссиям по истории Черной Руси шел спор другого плана. В эпоху формирования современного национализма эта земля стала своеобразным полем соперничества нескольких «национальных нарративов» со своими мифами, героями и врагами — польского, российского, литовского и белорусского. Историки каждого из этих направлений стремились вписать регион в состав истории своей нации или государства, при этом даже неосознанно, у академических исследователей, «национальные интересы» или стремление «укоренить» нации во времени сказывались на интерпретации источников и процессов прошедших эпох.

¹¹⁰ *Насевіч В. Л.* 1) Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993; 2) Наваградчына ў палітычных падзеях XIII ст. // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Наваградскага р-на. Мінск, 1996. С. 57–63.

¹¹¹ *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. С. 145–146, 180.

¹¹² *Краўцэвіч А. К.* Да праблемы ўтварэння Вялікага княства Літоўскага // ВЗН. № 5. Białystok, 1996.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В то время, когда автор Слова о погибели Русской земли вспоминал, как половцы пугали своих детей именем Владимира Мономаха, а литовцы не смели показываться из своих болот, положение на периферии бывшего влияния Киева в корне изменилось. Из-за болот и лесов, расположенных на границе «от Ятвязи до Литвы», вышли воинственные дружины, их предводители сумели завоевать у русской военной элиты Верхнего Понеманья и Поднепровья признание и почет.

О деятельности поколения предшественников Миндовга нам почти ничего неизвестно. Период истории Верхнего Понеманья с 1184 по 1249 гг., когда начались литовские походы, остается для нас «темным», но кроме блеска мечей и зарева пожаров в этой мгле все же удастся разглядеть процесс трансформации политических и социальных отношений, происходивший в конце XII – первой половине XIII в. Свет источников, который вновь пролился на эту территорию, осветил изменившийся ландшафт. Городно и Новгородок стали главными литовскими крепостями на южном направлении, и хотя литовские князья вынуждены были считаться с интересами волынской династии в регионе на протяжении всей второй половины XIII в., общее соотношение сил не изменилось. Оставаясь Русью в культурном отношении, территория вокруг Городна, Волковыска, Слонима и Новгородка политически стала частью Литовского княжества.

Столетие, в течение которого устанавливалось литовское господство в южной части Понеманья, ознаменовано военной нестабильностью и кровопролитной борьбой княжеских группировок. Князья и бояре «Черной Руси», горожане и сельское население стали заложниками частых внутренних и внешних кризисов, которые сопровождались появлением литовских, волынских, половецких, татарских и тевтонских войск, грабежами сел и осадами городов. Необходимость поддержания обороны на южном направлении и войны с тевтонцами приводили в Верхнее Понеманье группы переселенцев из Литвы и Пруссии. Тем не менее, военно-административная инфраструктура, созданная в XI–XII вв., продолжала функционировать, а культурная идентичность большинства местной

знати, городского и значительной части сельского населения не менялась и сохранила ориентацию преимущественно на русско-византийскую модель. Эти исходные условия будут определять последующее развитие территории.

Завершая рассмотрение ключевых аспектов политической, социальной и культурной истории территории в верховьях Немана, необходимо отметить, что фрагментарное состояние источников неизбежно влечет за собой гипотетичность многих предложенных решений. Особые трудности возникают при использовании в реконструкциях данных археологии и лингвистики. Александр Брюкнер учил нас соблюдать рамки благоразумия: «Не поклоняйся чужим богам. Если ты историк, не ходи в храмы антропологии и археологии, потому что ничего не добьешься и еще потеряешь то, что имел»¹. Представляется, однако, что изучение многих проблем просто невозможно без привлечения максимально широкого круга источников. Кроме того, любые узкоспециальные исследования находятся во власти дефиниций, под воздействием определенных антропологических теорий и терминологического аппарата. И уже здесь появляется поле для разговора о том, что из написанного относится к действительному знанию, а что — к сомнительным и субъективным гипотезам.

¹ *Brückner A. Metodyka badań starożytniczych // Ateneum. 1900. T. 2 (98). S. 397.*

SUMMARY

From Jatvez to Litva

Political and Socio-cultural Transformations in the Upper Basin of the Niemen in X–XIII Century

Introduction

The subject of this study has *already become* a topic of deep research and stormy disputes. Though the debate revolves around the same scarce written records, a new examination of the political, social and cultural history of this area is desirable because of the revision of some theoretical assumptions of the medieval past of East-Central Europe that have taken place in the last several decades. The most far-reaching consequences arise from the recognition of the subjective nature of ethnicity, rejection of the linear evolutionism of sociopolitical theories and paying closer attention to the problems of ideology and culture.

The title of the book is a quotation of the mid-13th century *Tale of the Destruction of the Russian Land*, which describes its imaginary frontiers. So, in a spatial perspective the main emphasis of our subject is the formation, organization and the transformation of the Ruthenian frontier on the section from *Jatvež* (Jatvingian Land) to *Litva* (Lithuania). In the time period under investigation we start with the revision of the theory about the ancient jatvingian past and finish with the establishment of Lithuanian domination.

1. The beginning of slavification

During the 1st Millennium the dialects spoken by the populations of the wooded and swampy territory in the Upper Niemen basin belonged to a Baltic group. As the present-day study of hydronyms and archaeological data show, in that time cultural relations were determined by the northern and western vector of interaction, but contacts with the south also existed. The co-existence of the Baltic and the Slavic communities continued there at least during the 2nd Millennium, and until recently the Lithuanian language was used in some places in the northern part of the region. Remarkable is the case of the southernmost isolated dialect spoken around Zietela (modern Działawa in Grodno region). In the opinion of A. Vidugiris, this Lithuanian dialect inherited some elements of the substrate language of a local Baltic indigenous population (jatvingian, as he supposed).

There is, therefore, a possibility to link the clusters of Baltic toponyms in the lands around the rivers south of the Niemen with the spread of the Slavic language along the main communication routes.

Review of archaeological research in the Upper Niemen basin shows that the primordialistic attitude of the 20th archaeologists, according to whom the retrospective reconstruction of ethnic history was based on the identification of archaeological cultures with “tribal” ethnonyms taken from sources of later origin, is not a valid method. The cultural-historical analysis of settlements and burial mounds has led these archaeologists to the conclusion that the Slavic population of this region was a result of the colonization by several tribes. Namely by the Volhynians, Dregovichs, and Mazovians who are supposed to have assimilated with the local Balts. The early wave of the Slavic migration was dated to the 9–10th century, but the main movement was generally attributed to the 10–11th century.

However relying upon handmade pottery fragments on archaeological sites to indicate the migration time frame being discussed could be too simplistic. The marked presence of different “tribal” archaeological characteristics on the same sites clearly shows that the current reconstructed “tribal” units did not determine the beginning of settlement structures. There is no reason to believe that mounds with cremation, grained beads, handmade and ceramic pottery in the 10th century specifically expressed the Dregovichs’ ethnic identity. This term, which is thought to have appeared in the middle of 10th century, was a territorial designation for the dwellers of the swampy area of the Pripet basin and not an ethnic self-identification or a name of a large socio-political unit.

Remarkably some of the “Slavic” hills with remains from 10th century activities (Radahošča, Vysotsk, Kašali) were erected in the times of Brushed Pottery culture (in the first centuries of the 1st Millennium). These 10th-century settlements were not hill-forts with large defensive buildings. In fact, some of them possibly performed symbolic functions, as places of festivities or assemblies. These centers could have allowed the cross cultural interaction of the different inhabitants. Slavic colonization coincided with this process of interaction which may be one of the reasons for the spreading of the Slavic language as a language of inter-group communication.

At the same time, there were some hill-forts erected at the end of the 10th century with traces of the presence of retinues of warriors, which possibly shows rivalry between competing chiefdoms of unknown configuration (Muravelnik in Vaūkavysk, Indura in the pool of the Svislach and Kulbačyna in the pool of the Katra). Therefore, this period could be characterized by significant changes in the socio-political structure.

2. Jatviags on the Niemen (Niemen, Nioman, Nemunas) River Route

The Russian term Jatviags (Lithuanian jotvingiai, Polish jaćwiegowie or jadzwingowie) is considered in the last half-century of Polish and Lithuanian historiography to be the name of the large tribe that lived in Suwałki region and

which consisted of four components, the so-called small tribes, — Sudovians in the north-west, Dainavians in the northeast, Pollexiani or Polesianie in the south-west, and Jatviags in the center.

Caution must be used however, as such a view has not been directly taken from the sources, but was formed using scientific theories of the 20th century, dictating how the ethnic groups of Antiquity and Early Middle Ages should look. The archaeological evidence from the region considered to be the Jatviags' basic territory points to the lack of any active cultural life in this region in the period from the end of the 8th to the middle of the 11th century. Some researchers believed that the Jatviags' territory included not only the territory of present-day northeastern Poland and southwestern Lithuania, but also the region of the Upper Niemen river basin (the northwestern part of present-day Belarus), where the majority of hydronyms and many toponyms are of Baltic origin (the river names with the ending *-(u)da* considered to be specifically Jatvingian). The analysis of the written sources indicate that the names Jatviags, Suduvians, Dainavians and Pollexiani (Polesianie?) have their own origin and tradition of usage, but there is no evidence that they were four parts of a single tribe. In the end of the 12th and in the 13th century all these names are used for designating the inhabitants of approximately one and the same territory (Suwałki region and neighboring territories), each of them reflecting the view from the outside (accordingly from Russian, Teutonic, Lithuanian, and Polish side). At this moment these lands saw the rise of local military leaders, who often were the enemies of Russian, Mazovian, and Teutonic troops.

Were these groups named Ятвяги (Jatviags) in Russian chronicles during the years 983 to 1038? The term Jatvingiai (Jotvingiai) is considered by many linguists to be the original Baltic name borrowed later by the Slavic language. But such a Lithuanian (Baltic) term *jotvingiai* is not mentioned in the sources. The hypothesis suggested by Kazimieras Būga, who reconstructed the term in 1925, has serious flaws : there are no traces of the river **Jat(u)va* from which he produced the term and there is no evidence for the use of such a term in the Baltic language in toponymy (whereas dozens of toponyms exist reflecting the Baltic form *Dainava*, and the Slavic form *Jatvež*).

Meanwhile, the ending of the Old Russian (Old Slavic) *Jatviag* (ятвяг) resembles other Old Russian ethnosocial terms, *Variag* (Varangian) and *Kolbiag*, which are Old Norse by origin (*váringr*, *kylfingr*). In these cases Slavic *-eg* corresponds to the Scandinavian suffix *-ingr*. Possibly, the Scandinavian origin of the term *Jatviag* is corroborated by its first mention in the treaty of 944 between Kievan Prince Igor with the Byzantine Empire where the name of one of ambassadors of the Rus' was *Jatviag Gunarev*. The majority of the names mentioned in the text of the treaty are Scandinavian. In our opinion, the name *Játvígr* mentioned by the *Knytlinga* saga, is the most similar phonetically to the Slavic form *Jatviag*. Under this proposed hypothesis, the Slavic *Jatviagi* as a group name goes back to

the O. N. patronymic derivative *játvingar*; meaning «the descendants of *Játvígr*», or «the people of *Játvígr*».

In the second half of the 10th century in the Upper Niemen basin the settlements of Indura, Kulbačyna, and Muravelnik were founded. Some data from f Kulbačyna and Muravelnik (also of Kaukai near Alytus) may be interpreted as displaying Scandinavian influence. Explaining these settlements as Russian is at odds with the absence of continuity between them and the true Rus'ian strongholds in this region (Goroden, Šviedskaja hara in Vaūkavysk, Slonim, and Navahrudak). The activity in Kulbačyna, Indura, Muravelnik and Radagošča stopped after 1050, some of these sites were burnt and then Goroden (Grodno, Gardinas, Hrodna) and Novogorodok (*Nowogródek*, Naugardukas, Navahrudak) were erected. In the same way, finds from the settlements in Polesye and Podlhasie (Gorodišče and Frano-pol) point to interaction with the Baltic coast via Niemen. In these settlements life also stopped at the end of the 10th century, when Brest was built.

Possibly groups that controlled these settlements which were burnt at the end of the 10th and the middle of the 11th century can be identified as “Jatviags”, mentioned in *Russian Primary Chronicle* between the years 983 and 1038. The Records from the campaigns were written in the second half of the 11th century and the first date, apparently, is unreliable. The mention of Varangian Turi, *who was the founder of Turov*, confirms the presence the Scandinavian warrior leaders in the basin of Pripet.

Supposedly the name Jatvings could be a designation of a polycultural military-trading group (or groups) that existed in the 10th and 11th centuries before this territory was conquered by the Rus' princes. After the region had been conquered, the term in Russian chronicles became a basic designation for the Baltic-speaking population of the Upper Niemen basin and the Suwałki region.

3. Mission of St. Brunon of Querfurt and Yaroslav's campaigns.

The Case of the martyrdom of St. Brunon of Querfurt is significant for showing the conditions in which the region existed as the periphery of two centers of Christianisation and state formation — Rus' and Poland. The last Millennium Anniversary has seen the appearance of many papers on Brunon, but it should be stressed that only few records about his last mission (Quedlinburg Annals and Chronicle of Thietmar of Merseburg, Brunon's brother-in-law, who studied with him and wrote his work in 1012–1018) can be used for reconstructing the events, and it is inaccurate to treat uncritically hagiographical legends based on oral and written tradition about his martyrdom. Both early and similar stories of the miraculous baptism of the king of Prussia Nethimer (the so-called Wibert's account) and of one of the Kings of Russia (The Life of St. Romuald by Peter Damian) are literary constructs where real events such as the meeting with *senior Ruzorum* (the title of Vladimir of Kiev used by Brunon), the conversion of 30 Pechenegs and death at the hands of the Prussians (as any heathen Balts were called in those days) are tangled and overgrown with hagiographical embellishments. Both

early hagiographical stories are refuted by Thietmar's account, and there are no sources that can confirm the existence of a Christian King and monasteries in heathen Prussia.

Annales Quedlinburgenses clearly claim that Brunon died not in former Eastern Prussia, or modern north-eastern Poland or Lithuania, but in the borderlands of Russia and Lithuania (*in confinio Rusciae et Lituae*). We should pay attention to the appearance of the name of Lithuania, which in 10–13th century was used in Old Russian and was not mentioned by Latin sources before the end of 12th century. The name of Lithuania is represented in the *Annales* in the Slavic form (*Litua*). At the beginning of 11th century the approximate borderland of "Lithuania" and "Russia" was a broad zone north of the Pripyat River (where the political center of Turov was built) and south of the Vilnius-Oshmyany Upland.

Brunon was an independent missionary, but he was politically associated with Bolesław the first Chrobry of Poland. Some Soviet researchers have argued that the expedition of Brunon was planned in Rome and Gniezno with the aim of bringing Russia into the fold of Catholicism. But the case of Bruno was connected with a political reorientation of Prince Sviatopolk of Turov, Vladimir's son. Bruno had a broad ecumenical views, that is shown by his meeting with Vladimir in Kiev and his participation in the concluding of peace between Pechenegs and Rus'.

Many former researchers have linked the tragic journey of 1009 with attempts to increase the influence of Bolesław among the Jatvings (as assumed tribe), sometimes they have argued that, despite the death of a missionary, this goal was achieved. But the sources have no direct evidence for the subordination of the Jatvings by the Bolesław. At the same time, we know about the dynastic marriage of Sviatopolk with the daughter of Bolesław about 1010–1012, which caused the arrival of Bishop Reinbern (it is notable that St. Brunon was his countryman from the land of Hassegau) and then the conflict of Sviatopolk with his father Vladimir. Most probably that indicates a conscious choice to create ties with the Latin clergy by Prince of Turov.

It is difficult to speculate on any political expansion of Bolesław in the Lithuanian-Russian border area. The journey was carried out by Bruno with the support of the Polish prince, but the alleged area of the martyrdom is too far from the Polish principality and too close to the principality of Sviatopolk. We can not say, therefore, whether Sviatopolk had clear program for the Christianization of the north-western edge of his possessions, but we can assume that he influenced Brunon's last mission. The murder of St. Brunon suggests that the Lithuanian-Russian border was not a zone of strong influence of Sviatopolk around the year 1009.

After the death of Vladimir in 1015 and the capture of Berestyie shortly after by Bolesław contact between the people of the Upper Niemen river basin and the Polish Mazovia was established. A new phase of Russian expansion took place in 1030–1040s, when the alliance between Yaroslav the Wise, and Casimir the Re-

storer crushed Duke Miecław of Mazovian and his allies. We can assume that this war led to changes in the Jatvingian land. Turning the walls of a few towns of the Upper Niemen to ashes, he put the region under the steady control of Kiev.

4. Goroden (Grodno) principality and the eastern towns of the Niemen river basin.

The war campaigns of Yaroslav made possible not only military expeditions into the region, but the construction of permanent forts. So the southern part of the Upper Niemen basin was involved in the process of political and cultural integration with the lands ruled by the Rurikids. The Ruthenian towns developed from border forts built in the second half of the 11th century. From that time, and more actively — through the next century, there emerged urban settlements with developed crafts. Goroden became the most important political center as a seat of Prince Vsevolodko. The power of the Goroden dynasty also spread to Vaŭkavysk. But it is not known whether the Slonim and Navahrudak were under their control.

During this formation of a new social order the importance of Christianity can scarcely be exaggerated. The appearance of a princely power in the Balto-Slavic periphery was accompanied not only by the construction of city walls, but the introduction of a new way of life, including the organization of places of public worship. Under the protection of city walls and the arches of stone churches social religious practice led to the creation of a new religious and cultural community — the “Russian land”. The colonists from Volhynia and Kiev, or local natives received the protection of the prince, the conditions for comfortable existence and social status.

Often one can find the claim that a characteristic feature of the religious situation in the region was a long preservation of paganism among Baltic and Slavic locals — until the end of the 11th or even 12th century. If we take the transition from cremation rituals to inhumation as an indicator of the beginning of christianization, we can note the fairly rapid spread of burials in barrows in the second half of 11th century in the southern part of the region.

Dynastic succession was a major condition of stability of the socio-political system of the Upper Niemen Region. The presence of a constant power, the integration of different cultural groups, promoted economic activity and interaction.

Prince Vsevolodko of Goroden first mentioned in 1116/1117, when he married Agafia, a daughter of Prince Vladimir Vsevolodovich Monomakh. As it was noted by Alexandr Nazarenko, the traditional filiation of Vsevolodko as the son of David Igorevich is very questionable and the Upper Niemen region till the second half of 11th century was politically associated with Berestyie, Turov and Pinsk, therefore it is more logical to look for Vsevolodko’s ancestors among the princes, who ruled in Turov and Berestyie at the end of the 11th and the beginning of the 12th century (more probably, his father was Jaroslav Yaropolchich).

In the winter of 1141/1142, Vsevolodko of Goroden died, leaving sons Boris, Gleb and Mstislav, who held their father's heritage one by one in the second half of the 12th century.

Goroden princes' consistent loyalty to Kiev and Volynia, and, on the other hand, the attention of Kievan princes to the affairs of the peripheral dynasty, was due to a mutual interest. One of the reasons why it was important for the local princes to maintain communication with remote Kiev, was the need in military support to keep Baltic environment.

Goroden princes had close dynastic ties in the neighboring Pripyat region (Turov-Pinsk principality) and possibly with Mensk princes. One of the Mensk dynasty representatives Volodar Glebovich was possibly a prince of Gorodets (at least, in 1161/1162 he defended it together with the Lithuanians). This town or fort whose location has not been fully clarified, was probably situated in the eastern part of Upper Niemen Region on the river Berezina (a branch of the Niemen).

5. Beyond the Niemen

The territory lying north of the Niemen was less populated, but it was not an unsettled frontier forest. Stone graves, which were constructed in the Niemen basin from about the end of 12th (or to the 17th century, spread over the wide territory near Lida, Slonim and Novogorodok, even to the area of Minsk and Borisov. The dating of the earliest graves is uncertain, but as A. Kviatkovskaja claims, the graves located in the upper Katra in Ščučyn District and Voranava District on the border of modern Lithuania, can be dated to the turn of 12th and 13th centuries (more probably, to 13th century). Former archaeologists thought this group of monuments belonged to the "Black Ruthenians", Jatviags or different heathen migrants from Prussia, Masovia, Latvia, and Lithuania. The majority of the stone graves show clear features of Christian funeral rites, despite the presence of weapons. The active construction of graves in 13th century coincides with a situation of weak central authority, clashes between military leaders, "pagan" and Christian. Because in heterogeneous cultural areas indicators of collective solidarity naturally increase during periods of armed conflict or instability, it seems possible to put the spread of the new form of burial rite in the context of frontier confrontations with "heathen" peoples. The tradition of stone tombs shows the presence of social groups north of the Niemen that had close ties with the Ruthenian towns of the southern part of the Region and its Christian culture.

A complete picture of the contacts of Ruthenian principalities with the Baltic space in 12th century cannot be restored due to a paucity of sources. The only reference of the actions of a Goroden prince against the Lithuanians we find under 1131/1132 in a Kiev chronicle. In 1161/1162 Volodar Glebovich with Lithuanian retinue defended the Gorodets.

We can see that in Old Russian in 11–13th centuries there were two main names important for the orientation in the nearby Baltic space: *Jatvež* (Jatvingian Land),

which was located to the north-west of Goroden and *Litva* (Lithuania) to the northeast. The interpretation of these terms depends on subjective peculiarities of formation of Russian knowledge of the Baltic periphery. The Russian princes had to deal with a mosaic of societies not yet integrated into a unified political organization.

The social or ethno-political group that used the name of Lithuania as an identity-label, could be located, in the southern part of the area of the East Lithuanian barrows culture. But the existence of a homogenous large-sized polity in Lithuania before 13th century with characteristic politicization of ethnicity among its elite is unprovable. Possibly, the political and social changes in the Balto-Slavic frontier accompanied with the existence of a special ethnographic category in Old Russian, affected the distribution of Lithuanian identity, because Russian princes used the military groups of "Lithuanians" for their own needs. Thus, the prince's elite, not trying to colonize or to Christianize the Baltic periphery, acquainted its inhabitants with the political culture of a more complex, hierarchical, urbanized and economically developed society. The military and political organization of Lithuanian society was formed in predatory raids from 1180. Rapid militarization, strengthening of the power of retinue leaders and the endless string of expeditions formed an amorphous political structure which became very influential and threatening to Ruthenian princes not only in the Niemen basin.

6. Between Rus' and Lithuania

With the rumble of thunder and lightning shining in 1184/1185 the Goroden was burned by fire, the stone church on the prince's hill fell, and the territory plunged into obscurity, which dissipated only in 1249 when the Prince Daniel of Galician attacked Novgorodok.

Perhaps the events in the Niemen basin are connected with the mournful cry of The Tale of Igor's Campaign: «Voices grow weary, merriment wanes, trumpets trumpet of Goroden (*goroden'skii*)», but it's not clear whether adjective *goroden'skii* refers specifically to Goroden on the Niemen or another town with a similar name (*Gorodets*) or to defensive walls (*gorodnia's*).

The fate of Goroden at the end of the 1180-90s remains unknown, but taking into consideration the planned march to Lithuania of Rurik Rostislavich in 1190/1191, the situation on the northern frontier seems quiet unstable.

The growth of the influence of the first Lithuanian dynasty in the Upper Niemen basin should be thought as a long and dynamic process, which lasted from the end of the 12th century and was not completed by the middle of the 13th century. Amid the political vacuum caused by the weakening of Kiev, the Niemen Region became a buffer zone between the united Galicia-Volyn principality, the smaller principalities of Pinsk and Mensk areas, and the Baltic territories, where a process of social stratification was deployed. With the weakening power of Kiev, Polotsk and Minsk, the new Lithuanian polity in the Baltic periphery extended it's

influence over the Upper Niemen basin not only by force of arms, but with the integration of the Lithuanian and Russian elites and the recognition of Lithuanian princely family rights.

In the historiography of 16th–19th centuries the Novogorodok was considered to be the first Lithuanian capital and the place of coronation of King Mindaugas. According to the information of the Galician-Volhynian chronicle, this town was never the main residence of the Lithuanian king and in the middle of 13th century was ruled by other princes — by the son of Mindaugas Vojselk (Vaišvilkas) and in then by Roman Danilovich, who was a representative of the Volhynian dynasty formally dependent on Mindaugas. This territory was not an insignificant periphery — in 1250-70 it was an arena of fierce competition and temporary agreements of Russian and Lithuanian princes, who were united together through dynastic alliances. The question of the possession of Novogorodok played a special role in this rivalry, as it was a strategic, military and administrative town on the way from Volhynia to Lithuania. At least twice — during the reign of Roman and Shvarn Danilovič, it become a pledge of peaceful relations with the Galicia-Volhynia, but during the conflicts it was the main Lithuanian stronghold in the south. The power of the Lithuanian princes in other towns of the Upper Niemen was also not unconditional, and they had to share it with the heirs of King Daniel until the 1290s. So, until this time a buffer zone between the Lithuania and Galicia-Volhynia Rus' remained in the dual position between the two antagonists.

In the Galician-Volhynian chronicle (GVch) are fragments about Novogorodok's Lithuanian prince Vojselk, who with the "fear of God" went to the cloister, then left it to avenge the murder of his father, again returned to a monastery and was killed by a drunken Lev I of Galicia at the prince's congress in Volodymyr-Volynskyi. Vojselk's articles in GVch have several layers of editing, not to mention their numerous reworkings during the 14–17 centuries. It seems that the history of Vojselk is not just a series of metamorphoses of the memory of the real prince-monk, but also the history of the ancient literary lesson about the wise ruler, who left his power to achieve harmony with the universe. Analasis of the fragments of the GVch which constitute a semi-agiographic biography of the Prince during 6770 (1262) – 6776 (1268), shows significant plot similarities with the Christian story of Barlaam and Joasaph: Vojselk plays the role of Joasaph, Mindaugas — of Abner, Gregory Poloninsky — of Barlaam and Shvarn Danilovich — of Barachias. It is probable in light of the hypotheses of David Goldfrank and Tetyana Vilkul which concern the time of editing of the Vojselk's biography, that surviving version was made in Vladimir Vasilkovich's rule (died 1288), when the earlier versions of the GVch were transformed to mirror Joasaph's biography. Imitation of the story of the Indian prince could be drafted in to transmit a moral message to the reader, but in light of comments by Arturas Dubonis about the political situation in the Lithuanian principality after the death of Traidenis ca. 1282, po-

litical motives for the revision are not to be excluded — for the Volhynian compiler Vojselk could have become a symbol of loyalty of the Lithuanian princes to Vladimir Vasilkovich, in a time of struggle between his Lithuanian allies with the group of nobility, who were close to the dead Duke Traidenis.

7. Its Black Russia, what can you do?

The name Black Rus' (Ruthenia Nigra, Czarna Ruś) often was used in the last two centuries for denoting the areas around Grodno, Vaŭkavysk, Slonim and Navahrudak. Many fanciful theories date the emergence of this term to 10–13th centuries and even earlier. In 19th century texts we can see the existence of Chernarussians — a separate ethnographic group of the Grodno province. The statistical description by P. Bobrovsky from 1863 said the following about them: “The peasants of the northern part [of Grodno Province] Chernarussians are taller than average, strong and of regular build, their eyes are grey-blue, face oblong, nose aquiline, hair light brown, sometimes shaved in the Polish style, they wear a mustache and beard. They love beer and vodka, and treat themselves on any occasion. They speak the Belarusian dialect”.

As recent studies of A. Biely and O. Łatyszonek have shown, the origin of all the ‘colour’ names of Russia (*Russia Alba, Nigra et Rubra*) goes back to the Latin literary cosmographic tradition, where the name *Alba Ruscia* is known from the middle of 13th century. *Rossia Negra* was mentioned for the first time in the Fra Mauro’s *Mappamundi* in 1459, and its appearance was caused by the etymology of the author of the map or his informer.

The history of Black Rus can be divided into two phases. Firstly, from the middle of 15th to the end of the 16th century the term existed only in the representations of European geographers and had no specific geographical understanding (the name was placed very differently — near Pskov on the Livonian border, in Muscovy, in southern Russia with its center in Kiev or Lviv). In the second phase, from the first decades of the 17th century, some educated people of Rzecz Pospolita (previously Uniate and Catholic) came to use this name for the Navahrudak province and the adjacent areas. Because of its internal origin in the Grand Duchy of Lithuania, this tradition localing the Ruthenia Nigra has survived and from the second half of 18th century came to prevailing after it entered into geographical works and encyclopedias.

The Russian authors of the 18th and 19th century were already influenced by the stable tradition of using the name. Romantic scholars invented an ethnonym *czarnorusini/chernarussys*, which was thought to have originated from the *Μελαγχλαῖνοι* of Herodotus. But by the early 20th century the ethnographic classification on the basis of Belarusian language had become common. Despite this, the memory of Black Russia was preserved in historical literature and local curses, recorded in 1920s in the Rechytsa region — *Cóz wy chćecie, bo to ż Czarna Ruś!* (Its Black Russia, what can you do?).

8. The images of the past

The final chapter presents the main historiographical tendencies in the reconstruction of the 10–13th centuries history of the Upper Niemen region from the 16th century to the present day. To summarize, it should be noted that in the 16–18th century image of the history of the region was dominated by the legends of the Lithuanian chronicles which were intended to justify the Lithuanian rule among the Ruthenians. In the time of the formation of nationalism, when the modern-styled study of the history of Black Rus' began, this territory became a field of competition among several “national narratives” with their own myths, heroes and enemies — Polish, Russian, Lithuanian and Belarusian. Historians of each of these literary traditions sought to include the region into the history of their nation or state, and even unconsciously, in academic research, the “national interest” or the desire to legitimize a nation during a particular time effected upon the interpretation of the sources and actions of the past.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИВК — Акты, изданные Виленскою археографическою комиссией
- БГА — Беларускі гістарычны агляд
- БСИ — Балто-славянские исследования
- ВИ — Вестник истории
- ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік
- ДГВЕ — Древнейшие государства на территории Восточной Европы
- ДРВМ — Древняя Русь: Вопросы медиевистики
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- ИОРЯС АН — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
- ЛИРО — Летопись историко-родословного общества
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РА — Российская Археология
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией
- СА — Советская археология
- Сб. ИОРЯС — Сборник известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
- ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских
- ЭГБ — Энциклапедыя гісторыі Беларусі
- ABS — Acta Baltico-Slavica
- AL — Archaeologia Lituana
- BZH — Białoruskie zeszyty historyczne = Беларускі гістарычны зборнік
- LKMA — Lietuvių katalikų mokslo akademijos Metraštis
- Metraštis — Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, Serija A
- MADA — Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum
- MGH SS — Monumenta Poloniae Historica
- MPH — Monumenta Poloniae Historica
- SRP — Scriptorum rerum Prussicarum
- SSBP — Studia Slavica et Balcanica Petropolitana
- VMPL — Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, gentiumque finitimarum historiam illustrantia / Ed. A. Theiner

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АИВК. Т. XIV. Инвентари имений XVI столетия. Вильна, 1887.
- Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1979.
- Беларускія летапісы і хронікі / Ўкл. У. Арлоў, В. Чамярыцкі. Мінск, 1997.
- Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л. М. Попова. М., 1987.
- Галицко-волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.
- Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л. М. Попова. М., 1961.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинский. М.; Л., 1938.
- Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Пер., предисл. и коммент. А. П. Каждана. М., 1959.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010.
- Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай. М., 1967.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
- Крман Д. Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709). Київ, 1999.
- Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, середина XII – середина XIII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1990.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л., 1950.
- Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской [перевод] / Подгот. В. И. Матцова. М., 1997.
- Повести о Куликовской битве / Подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
- Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.
- Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. Ч. 1. М., 1977; Ч. 3. М., 1980.
- Пролог 1562 г. из рукописного собрания Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Рукоп. 724 (1735). Л. 382 об. // Официальный сайт Свято-Троицкой Сергиевой лавры. URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=724> (дата последнего посещения: 18.01.2009).
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись / Под ред. Е. Ф. Карского. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Софийская первая летопись Л., 1925.
- ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
- ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862.

- ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Сост. и ред. Н. Н. Улащик. М., 1975.
- ПСРЛ. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские / Сост. и ред. Н. Н. Улащик. М., 1980.
- ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- ПСРЛ. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- ПСРЛ. Т. XL. Густынская летопись. СПб., 2003.
- ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.
- Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867.
- РИБ. Т. XX. Литовская метрика. Т. 1. СПб., 1903.
- Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1888.
- Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Т. 2. М., 1995.
- Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992.
- Титмар Мерзебургский. Хроника: В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. 2-е изд., испр. М., 2009.
- Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
- Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.
- Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. Io. M. Lappenberg // MGH SS. Hannoverae, 1846. P. 267–389.
- Annales Quedlinburgenses* / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. III. Hannoverae, 1839. P. 22–90.
- Annales Magdeburgenses* / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. XVI. Stuttgart, 1859. P. 105–196.
- Bernardi Papiensis Faventini Episcopi Summa Decretalium ad librorum manuscriptorum fidem cum aliis eiusdem scriptoris anecdotis* / Ed. E. A. T. Laspeyres. Regensburg, 1860.
- Bielski M. Kronika wszystkiego świata*. Kraków, 1564.
- Brunonis Passio S. Adalberti episcopi et martyris* / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. IV. Hannoverae, 1841. P. 596–612.
- Christian Dualist Heresies in the Byzantine World, c. 650–c. 1450. Selected sources / Ed. by J. Hamilton, B. Hamilton, Y. Stoyanov. Manchester, 1998.
- Chronica Albrici monachi Trium Fontium* / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. T. XXIII. Hanovera, 1874. P. 631–950.
- Epistolae Josephi Velamin Rutskyj Metropolitae Kiovensis Catholici (1613–1637)* / Ed. A. H. Velykii, T. T. Haluščynskyj. Roma: Constantini Bohachevsky, 1956.
- Gesta Archiepiscoporum Magdeburgensium* / Ed. Guil. Schum // MGH. SS. T. XIV. Hannoverae, 1883. P. 361–486.

Joannis Długosz Seniorici Cracoviensis Opera Omnia / A. Przeździecki. T. XI. Kraków, 1873.

Jómsvíkingasaga ok Knytlínga. Kaupmannahöfn, 1828.

Kronika Sarmacyey Europejskiej, w ktorej się zamyka Krolestwo Polskie ze wżyskimi Państwami, Xięstwami, y Prowincjami swemi. Przełożona Marcina Paszkowskiego. Kraków, Roku Pańskiego, 1611.

Litterae episcoporum historiam Ucrainae illustrantes (1600–1900). Vol. I: 1600–1640. Roma, 1972.

MPH. T. I–II / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1864–1872.

Preußisches Urkundenbuch. Königsberg. Bd. I. H. 1–2, 1882–1909.

Preußisches Urkundenbuch. Politische Abtheilung / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg. Bd. I.

Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. II. Berlin; Poznań, 1864.

Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik et H. Raeder. T. I. Hauniae, 1931.

Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrsg. M. Perlbach. Bd. I. Leipzig, 1875.

Sowita wina, to iest Odpis na skript... nazwany Verifycatia niewinnosci. Wilno, 1621.

SRP. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit T. III / Ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861–1863.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmódzka i wszyskiej Rusi kijówskiej. Królewiec, 1582.

Vita et passio S. Brunonis episcopi et martyris / Ed. H. Kauffmann // MGH. SS. Lipsiae, 1934. T. XXX. Pars II. P. 1360–1367.

Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historia illustrantia. T. I. Romae, 1860.

Wilhelmi abbatis genealogia regum danorum // Scriptores minores historiae Danicae mediae aevi / Ed. M. Cl. Gertz. København, 1917. P. 176–185.

Żywoty Świętych Starego i nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok: Wybrane z poważnych Pisarzy i Doktorów kościelnych, których imiona wyżej położone są. Cz. 2. Kraków, 1585.

Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // Материалы по археологии России. 1890. Вып. 4. С. 1–42.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.

Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994.

Алексеев Л. В., Богданов В. П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом освещении. М., 2009.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966.

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Кн. 1–2. М., 2006.

Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лыиша. Владивосток, 1995.

Ангелов Д. Богомилството в България. София, 1961.

Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1877.

Андрощук Ф. А. От Рагнара Лодброка до Витгаутра // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской: Сборник статей. СПб., 2004. С. 109–140.

Антонович В. Б. Очерк истории великого княжества Литовского до смерти В. К. Ольгерда // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885.

Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча / Рэд. Егарэйчанка А. А., Шадыра В. І. Вяргей В. С. і інш. Мінск, 1999.

Археологические и историко-географические заметки преподавателя Свислочской учительской семинарии И. К. Шулицкого // Труды виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1893. С. 60–65.

Баловнев Д. А. Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

Баранукас Т. Новогрудок в XIII в.: История и миф // *Castrum, urbis et bellum*: Зборнік навуковых прац. Прысвячаецца памяці прафесара Міхаса Ткачова. Баранавічы, 2002. С. 29–42.

Баранукас Т. Месца каранавіцы Міндоўга // Спадчына. 2002. № 5–6. 2003. С. 26–31.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873.

Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.

Баумгартен Н. А. Кунигунда Орламюндская княгиня Русская и ее потомство // ЛИРО. 1909. № 3. С. 32–36.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Бектинеев Ш. И., Скрипченко А. С. Метрологические материалы поселения на р. Менке (к денежному обращению X–XII вв.) // ГАЗ. № 12. 1997. С. 23–30.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях. Л., 1983.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. 1979. № 1. С. 303–313.

Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дорогичина (по материалу свода К. В. Болсуновского) // *Stratum plus*. № 6: Время денег. СПб.; Кишинев; Одесса. 1999. С. 288–330.

Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб., 2001. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4).

Белецкий С. В. Кто такой Володислав договора 944 г.? // Норна у источниках судьбы. М., 2001. С. 16–23.

Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской: Сборник статей. СПб., 2004. С. 243–319.

- Белы А. Хроніка «Белай Русі»: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000.
- Белы А. Ізноў пра пачаткі Белай Русі // ВЗН. № 23. Białystok, 2005. S. 240–257.
- Белы А. Чорная Русь // Вялікае княства літоўскае: Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. II. Мінск, 2006. С. 745–746.
- Беляев И. Д. Очерк истории северо-западного края России. Вильна, 1867.
- Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I: История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. Ч. I. СПб., 1863.
- Бобровский П. О. Историческая монография города Гродны // Вестник Западной России. Год IV. 1865/1866. Кн. VIII. Т. III. Отдел II. Вильна, 1866. С. 28–43.
- Бобровский П. О. Судьба Супрасльской рукописи, открытой доктором богословия, магистром философии и филологии М. К. Бобровским. СПб., 1887.
- Боричевский И. П. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк. Т. VII. СПб., 1840. С. 174–182.
- Брамлей Ю. В. Этнос и этнография М., 1973.
- Брамлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Буга К. К. К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского // ИОРЯС АН. 1912. Т. XVII. Кн. 1. С. 1–49.
- Булгакова В. В. Печати «дньсеслово»: Ситуационный анализ // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998. С. 206–208.
- Булгаковский Д. Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии // Виленский Вестник. 1882. № 5.
- Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь в IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 118–123.
- Бычков А. Ф. Заметка о славянском палимпсесте // Сб. ИОРЯС. СПб., 1867. Т. I. С. XXVII–XXVIX.
- Ванагас А. П. К вопросу о диалектной дифференциации балтов, обитавших на территории Литвы (по данным гидронимии) // MADA. 1968. Т. 1 (26). P. 145–148.
- Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Введенский А. М. Житие варягов-мучеников: Летопись и Пролог // ДРВМ. 2008. № 3. С. 13–14.
- Введенский А. М. Житие варягов-мучеников (функционирование легенды в летописи и в прологе) // ДРВМ. 2009. № 4. С. 63–72.
- Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
- Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Февраль. С. 364–412.

- Видуگیرис А.* Зетельский говор литовского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1962.
- Видуگیرис А. Ю., Климчук Ф. Д.* Некоторые вопросы этно-языковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978. С. 13–15.
- Вилкул Т. Л.* Толковая Палея и ПВЛ. Сюжет о «разделении языка» // *Ruthenica*. 2007. № 6.
- Вилкул Т. Л.* Галицько-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка // Український історичний журнал. 2007. № 4. С. 26–37.
- Вилкул Т. Л.* Постриження князя Войшелка: Політика князя Данила і стратегії літописців // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 13. Львів, 2009. С. 123–129.
- Влодарский Б.* Ятвяжская проблема в польско-русских связях X–XIII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 116–130.
- Военный энциклопедический лексикон. Ч. XIII. СПб., 1849.
- Вольвич Л.* Княжа доба на Русі: Портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Вальтер Э. А.* Где искать землю Нальщанскую Ипатьевской летописи // ЖМНП. 1900. № 5. С. 195–201.
- Вальтер Э. А.* О Ятвягах. К какому антропологическо-этнологическому типу принадлежали ятвяги? [СПб.], 1906.
- Вальтер Э. А.* Следы древних Прусов и их языка в Гродненской губернии // ИОРЯС АН. Т. XVI. Кн. 4. СПб., 1911. С. 151–160.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века / Пер. с нем. Б. Миловидов, М. Шукин. СПб., 2003.
- Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954.
- Вуд И.* Кинокефалы: Кто они? // ДГВЕ. 2003. М., 2005. С. 23–24.
- Гайдуков П. Г., Макаров Н. А.* Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 179–188.
- Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // БСИ. 1986. М., 1988. С. 195–213.
- Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. Ч. 1. СПб., 1876.
- Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис: Процес складання, редакції і редактори. Київ, 1958.
- Головенченко Ф. М.* «Слово о полку Игореве»: Библиографический очерк, перевод, пояснения к тексту и переводу. М., 1963.
- Головки А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988.
- Головки О.* Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел // Terra cossacorum. Студії з давньої і нової історії України. Київ, 2007. С. 358–382.
- Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.
- Голубовский П. В.* Несколько соображений к вопросу о князе Туре // Киевская старина. 1891. Т. XXXV, октябрь. С. 58–81.

- Горовенко А. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 142.
- Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. М., 2011.
- Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 29–37.
- Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
- Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русских земель»: (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 36–38.
- Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996.
- Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГВЕ. 1995 г. М., 1997. С. 271–282.
- Горский А. А. Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский А. А. К вопросу происхождения славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 83–94.
- Горюнова В. М. Датирование возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132–141.
- Гостев А. П. О возникновении удельного Городенского княжества и князьях городенских // Наш радавод: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII–пач. XX стст.». Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1993 г. Кн. 5. Ч. 1. Гродна, 1993. С. 107–109.
- Грушевский А. С. Пинское Полесье. Ч. I: Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев, 1901.
- Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. II–III. Львів, 1905.
- Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. 1. М., 2005.
- Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Feodalisms Baltijas reģionā. Rīga, 1985. С. 35–44.
- Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно // СА. 1951. № 15. С. 85–95.
- Гуревич Ф. Д. Верхнее Понеманье в I тысячелетии н. э. и начале II тысячелетия // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 13–24.
- Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962.
- Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1969. R. VI. S. 219–222.
- Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. М., 1981.
- Гуревич Ф. Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X – 70-е гг. XIII вв.) // КСИА. № 175. 1983. С. 48–54.
- Гуревич Ф. Д. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 36–40.
- Гуревич Ф. Д. Скандинавские находки X–XI вв. на территории Белоруссии // Скандинавский сборник Т. XXXIII. Таллин, 1990. С. 110–121.

Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок (старажытнарускі Наваградак). Санкт-Пецярбург; Наваградак, 2003.

Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896.

Данилевский И. Д. Повесть временных лет: Герменевтические основы историко-ведения летописных текстов. М., 2004.

Даркевич В. П. Костяное навершие из Волковыска // КСИА. Вып. 96. М., 1963. С. 105–109.

Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 43–60.

Дашкевич Н. П. Литовско-русское государство, условия его возникновения и причины упадка // Университетские известия. 1882. № 3–5.

Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию В. В. Мавродина. Вып. 10. Л., 1987. С. 24–25.

Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.) СПб., 1993.

Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006.

Джаксон Т. Н. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 408–556.

Дзярновіч О. І. У истоках дискуссии: История споров о месте коронации Миндовга в 1253 г. // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Мінск, 2010. С. 102–105.

Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский временник. Т. XXI. М., 1962. С. 51–94.

Дмитриев М. А. Несколько слов краткого исторического обозрения русско-литовского Новоградка // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. Т. XXIV. С. 227–240.

Добрыян А. К вопросу о заселении ятвягами территории Гродненщины // Археалагічныя помнікі Гродзеншчыны. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, якая адбылася 26 лістапада 1991 г. ў г. Гродна. Гродна, 1992. С. 85–87.

Довгань П. Бужани як етнічний та державотворчий чинник у давній історії України // Вісник Інституту археології. Львів, 2006. Вып. 1. С. 46–57.

Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

Довнар-Запольский М. В. Значение этнографического изучения Гродненской губернии. Гродна, 1893.

Доленга-Ходаковский З. Розыскания касательно Русской Истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 277–302.

Донской Д. В. Справочник по генеалогии Рюриковичей (сер. IX – нач. XIV в.). Ч. 1. Ренн, 1991.

Доўнар-Запольскі М. Асновы дзяржаўнасьці Беларусі. Вільня, 1919.

Дубов И. В. Новые источники по истории древней Руси. Л., 1990.

Дубоніс А. Каралеўства Міндоўга // Arche. 2009. № 9.

Дювернуа А. О происхождении Варягов-Руси // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Ч. 1. С. 1–80.

Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 102–117.

Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск, 1990.

Ермаловіч М. І. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991.

Ермаловіч М. І. Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае. Мінск, 2000.

Ермолович Н. И. Где была летописная Литва? // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 233–238.

Жефарович Х. Стематография. Виена, 1742. Фототипное онлайн издание / П. Яначков, И. Войников, Ю. Маринов. URL: <http://www.rootsweb.com/~bgrbshv/stemmatographia/> (дата последнего посещения: 15.07.2008)

Живописная Россия. Т. III. Литовское и Белорусское Полесье в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1882.

Жлутка А. Да пытання аб месцы каранацыі Міндоўга (Міндава) і сядзібе першага біскупа Літвы // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Мінск, 2010. С. 97–101.

Журнал МВД. 1843. Февраль. Кн. 2.

Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Завитневич В. З. Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной Академии. № 8. Киев, 1886. С. 569–603.

Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России: Историко-географическое исследование. Казань, 1910.

Зайкоўскі Э. Язычніцкія свяцілішчы паўночнай перыферыі ўплываў Галіцка-Валынскага княства // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Матеріали Міжнародної ювілейної конференції. Івано-Франківськ; Галич, 1998. С. 33–37.

Зайкоўскі Э. Язычніцтва на сумежжы Панямоння і Падляшша ў сярэднявеччы // ВЗН. № 9. 1998. С. 120–123.

Зайкоўскі Э. Балты цэнтральнай і ўсходняй Беларусі ў сярэднявекі // Беларусіка – Albaruthenica. Кн. 21. Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.) / В. Скалабан (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2001. С. 33–41.

Зайкоўскі Э. Даследванні славянскага гарадзішча Радагошча каля Навагрудка // Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000–2001. Białystok, 2002. S. 283–291.

Зайкоўскі Э. Наваградчына ў жалезным веку і пачатку сярэднявечча // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Навагрудак, 2010. С. 67–78.

Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII в.: Избранные труды. М., 2009.

Заяц Ю. Новое исследование по археологии старого замка у Городни // Круга. 1996. № 1.

Зверуго Я. Г. К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 59–62.

Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989.

Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV в.). Минск, 1975.

Звяруга Я. Г. Раскопки курганоў у вярхоўях Росі і Зельвянкі // ГАЗ. № 22. 2006. С. 210–216.

Зеленский И. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба. Минская губерния. Ч. I. СПб., 1864.

Зиборов В. К. «Даньѣ слово» в Древней Руси. Средневековая и новая Россия // Сборник научных статей к 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 217–255.

Зинквичюс З. Польско-явтяжский словарь? // БСИ. 1983. М., 1984. С. 3–29.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

Зубрицкий Д. И. История Древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 3. Львов, 1855.

Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии) // БСИ. 1980. М., 1981. С. 163–177.

Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 413–440.

Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю. М., 1876.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957.

Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1838. С. 3–109.

Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1992.

Іоў А. В., Вяргей В. С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва заходняга Палесся у IX – пач. XI стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік памяці Міхася Ткачова. Ч. 1. Мінск, 1993. С. 117–134.

Іоў А. В. Турава-Пінскае княства ў X–XIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 3. С. 11–18.

К вопросу о Явтягах и Черной Руси // Гродненские губернские ведомости. 1895. № 14. С. 2.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

Калядзінскі Л. У. Умацаванні і ўзбраенне дзядзінца летапіснага Случаска (XII–XIII стст.) // Гістарычна-археалагічны зборнік памяці Міхася Ткачова. Ч. 1. Мінск, 1993. С. 160–181.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. М., 1816; Т. III. М., 1830.

Карамзин Н. М. Примечания к истории государства Российского. Т. IV, V и VI / Изд. А. Смирдина. СПб., 1859.

Каралюнас С. К проблеме происхождения названия Lietuva 'Литва' // Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции. М., 2006. С. 77–86.

Карев Д. В. «Черная Русь»: Распространенные историографические версии и конкретные исторические реалии // Чтения памяти В. В. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Сборник тезисов докладов и сообщений. Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 82–85.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М., 1991.

Карулис К. К ятвяжскому словарю // БСИ. 1985. М., 1987. С. 134–140.

Карцовник В. Владимир Великий, Брунон Кверфуртский и грегорианское пение в Киевской Руси // Старинная музыка. 2003. № 1. URL: www.krotov.info/history/11/1/1008karz.htm (дата последнего посещения: 21.12.2008).

Катлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Вільня, 2007.

Квятковская А. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII в.). Вильнюс, 1998.

Квятковская А. В. К вопросу о пруссах-переселенцах на территории Беларуси в средневековье // ГАЗ. № 11: Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1997. С. 9–14.

Кеппен П. И. О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827.

Киртичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., 1966.

Климчук Ф. Д. Некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории Надьясельдья и Погорынья // Palaeoslavica. 2004. XII. № 1. Cambridge; Massachusetts. С. 5–28.

Клосс Б. М. Житие Федора Варяга и его сына // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 214.

Ковалевский П. Е. Исторический путь России: Синтез русской истории по новейшим данным науки. Ч. I. Париж, 1946.

Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. 1981. № 5. С. 101–107.

Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. Т. IV. С. 115–137.

Корева А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. СПб., 1861.

Коробушикина Т. Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. Минск, 1993.

Коралюк В. Д. Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 24–31.

Коралюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

Коротаев А. В. Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

Костомаров Н. И. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. Т. 81. СПб., 1860. С. 73–83.

Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельной Руси. Т. I. СПб., 1863.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. М., 2006.

Котляр М. Ф. Загадковий Ізяслав з Галицько-Волинського літопису // Український історичний журнал. 1991. № 10. С. 95–102.

Котляр Н. Ф. Из исторического комментария к «Слову о полку Игореве»: Кто был Мстислав // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 43–50.

Котляр Н. Ф. Княжеская администрация в Древней Руси // ДРВМ. 2010. № 3. С. 37–47.

Котлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Выд. 2-е. Вільня, 2007.

Кочуркина С. И., Стиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI в). Петрозаводск, 1996.

Кочубинский А. Н. Территория доисторической Литвы // ЖМНП. Ч. CCCIX. 1897. С. 60–94.

Кошман В. І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. Мінск, 2007.

Коялович М. Лекции по истории Западной России. М., 1864.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2001.

Краўцэвіч А. К. Гарады і замкі Беларускага Панямоння 14–18 стст.: Планіроўка, культурныя слой. Мінск, 1991.

Краўцэвіч А. К. Археалагічныя даследаванні Лаўрышаўскага манастыра на Панямонні // З глыбі вякоў. Наш край. Вып. 1. Мінск, 1996. С. 227–234.

Краўцэвіч А. К. Да праблемы ўтварэння Вялікага княства Літоўскага // ВЗН. № 5. Białystok, 1996.

Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Rzeszów, 2000.

Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. / Подгот. В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. М., 2002.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Кузнецова А. М. Миссии латинской церкви: Опыт христианского Запада и Центральная и Юго-Восточная Европа на рубеже второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 35–60.

Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. 2007. № 2. С. 33–42.

[Куклинский С. И.?] Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. III. СПб., 1858. С. 47–111.

Кулаков В. И. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская Археология. 1996. № 3. С. 134–147.

Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003.

- Кулаков В. И., Иов О. В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. Вып. 211. 2001. С. 77–84.
- Кулешов В. С., Мачинский Д. А. Колбязги // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 207–227.
- Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 74–100.
- Кучкин В. А. Дреговичи в X – начале XIII века // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г.: Тезисы докладов. М., 1996. С. 43–45.
- Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск, 2008.
- Ластойскі В. Выбраныя творы. Мінск, 1997.
- Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.
- Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия // Университетские известия. Киев, 1882. № 10.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.) / Пер. с польск. М. В. Ковальковой. СПб., 2003.
- Ломоносов М. В. Избранная проза / Сост., предисл. и коммент. В. А. Дмитриева. М., 1986.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
- Лукин П. В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: Историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003. С. 257–285.
- Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в Начальном летописании и Прологе // ДРВМ. 2008. № 3. С. 37–39.
- Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в Начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект // ДРВМ. 2009. № 4. С. 73–96.
- Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.
- Лысенко П. Ф. Киев и Туровская земля // Киев и западные земли Руси в XI–XIII вв. Минск, 1982. С. 81–109.
- Лысенко П. Ф. Дреговичи. Минск, 1991.
- Лысенко П. Ф. Древний Пинск. XI–XIII вв. Минск, 1997.
- Лысенко П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. Минск, 2001.
- Лысенко П. Ф. Древний Туров. Минск, 2004.
- Лысенко П. Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С. 27–32.
- Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства. М., 1910.

Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства. М., 1915.

Любаўскі М. К. Літва і славяне ў іх узаемаадносінах ў XI–XIII стагоддзі // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук. Працы класы гісторыі. Менск, 1928. Т. 3. С. 1–20.

Мавродин В. В. Древняя Русь. М., 1946.

Мавродин В. В. Охота в Киевской Руси // Охотничьи просторы. 1962. № 18.

Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XIV в.). СПб., 2002.

Майоров А. В. Борьба за Берестье в 1182 г. по сведениям полоцкой летописи В. Н. Татищева и польских средневековых хроник // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 62–69.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Майоров А. В. О Полоцкой летописи В. Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2005. Т. LVII. С. 321–343.

Макарий [Булгаков]. История Русской Церкви. Т. I. СПб., 1857.

Малевская М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: Действительность, материальная основа, первичное и вторичное / Ред. коллегия: Константинов Ф. В., Плетников Ю. К. М., 1981.

Материалы для историко-географического атласа России. Издание археографической комиссии. СПб., 1871.

Мачинский Д. А. Колбязги «Русской правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 90–103.

Мачинский Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 120–130.

Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. н. э. по письменным и археологическим источникам // Acta Archaeologica Carpathica. 1976. Т. 16. S. 59–94.

Медведев А. М. К вопросу об участии ятвягов в формировании культуры восточнолитовских курганов // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. С. 55–59.

Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.). Минск, 1996.

Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 78–133.

- Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978.
- Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
- Мужич И.* Sklavi(ni) — Σκλαβῆνοι и формирование хорватского народа на Балканах // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 73–93.
- Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.
- Мусин-Пушкин А. И.* Замечание о границах Древней Руси // Московский журнал. 2000. № 12. С. 11–14.
- Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древнего российского тмутараканского княжения. СПб., 1794.
- Мыльников А. С.* Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
- Мядзведзеў А. М.* Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // ГАЗ. 1998. № 13. С. 10–15.
- Мядзведзеў А. М.* Рец. на: *Квятковская, Алла В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998 // БГА Т. 6. Сш. 1–2 (10–11). 1999. С. 303–314.
- Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XII веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А. В.* О древнерусских печатях с надписью ДЪНѢСЛОВО // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 20–22 февр. 1995 г.: Тезисы докладов. М., 1995. С. 49–53.
- Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. // ДГВЕ. 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 169–188.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
- Назаренко А. В., Кузьмин А. В.* Глеб Всеволодович // Православная энциклопедия. Том XI. Георгий – Гомар. М., 2006. С. 567–568.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Насевич В. Л.* Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларускіх родаў 12–18 стагоддзяў. Мінск: БелЭН, 1993. Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. URL: <http://vn.belinter.net/vkl/tables.html> (дата последнего посещения: 07.08.2008).
- Насевич В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.
- Насевич В. Л.* Наваградчына ў палітычных падзеях XIII ст. // Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Наваградскага раёна. Мінск, 1996. С. 57–63.
- Насевич В. Л.* Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. Мінск, 2000. С. 49–76.

- Насевич В. Л.* Непасрэдня перадумовы фарміравання Вялікага Княства Літоўскага // Гісторыя Беларусі. Т. 2. Мінск, 2008. С. 60–73.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI–XVIII вв. М., 1969.
- Непокупный А. П.* Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей // БСИ. М., 1974. С. 144–154.
- Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976.
- Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова. М., 1956.
- Николаев Н. В.* Меч X века из Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 81–82.
- Николай [Трусковский].* Историко-статистическое описание Минской епархии, составленное ректором Минской духовной семинарии архимандритом Николаем. СПб., 1864.
- Новікаў Р.* Канспект гісторыі крывічоў // Arche. 2008. № 12. С. 130–146.
- Новікаў Я. У.* Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Т. II. Мінск, 2008.
- Новосельцев А. П., Паушто В. Т.* Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 81–108.
- Нонканфармізм у Беларусі: 1953–1985. Даведнік. Т. 1 / Укл. А. Дзярновіч. Мінск, 2004.
- Носевич В. Л.* Проблемы образования Великого княжества Литовского: Обзор белорусской историографии // Lietuvos istorijos studijos. 2008. Т. 22. С. 39–57.
- Огицкий Д. П.* Великий князь Войшелк // Богословские труды. М., 1983. Т. 24. С. 133–184.
- Орел В. Э., Хелимский Е. А.* Наблюдения над балтийским языком польско-«ятвяжского» словарика // БСИ. 1985. М., 1987. С. 121–134.
- Орловский Е. Ф.* Очерк истории города Гродны. Гродна, 1890.
- Откутичиков Ю. В.* Opera philologica *minora*: Античная литература, языкознание. СПб., 2001.
- Отрембский Я.* Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 3–8.
- Охманьский Е.* Литовско-кривичское пограничье в племенную эпоху // Становление раннефеодальных славянских государств. 1972. С. 245–257.
- Охманьский Е.* Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовъ» // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 358–364.
- Охманьский Е.* Иноземные поселения в Литве XIII–XIV вв. в свете этнонимических местных названий // БСИ. 1980. М., 1981. С. 112–131.
- Пазднякоў В. С.* Умацаванні Клецка XI–XVIII стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік памяці Міхася Ткачова. Мінск, 1993. Ч. 2. С. 77–92.
- Пазднякоў В. С.* У пошуках Белай Русі // Полымя. 2001. № 11. С. 268–271.
- Паушто В. Т.* О возникновении Литовского государства // Известия АН СССР. Серия исторических и филологических наук. 1952. Т. IX. № 1. С. 29–49.

- Пашуто В. Т.* Образование литовского государства. М., 1959.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т.* Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 103–114.
- Перхавко В. Б.* Опыт комплексного использования письменных и материальных источников для реконструкции истории Припятско-Бугского пути в IX–XIII вв. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. С. 4–27.
- Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). СПб., 2003.
- Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории Русской культуры. Т. I. М., 2000. С. 11–410.
- Петрухин В. Я., Каменецкая Е. В.* Пруссия и Русь: Средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. 2008. № 5. С. 77–83.
- Пивоварчик С. А.* Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X–XIII в.) // ГАЗ. 1994. № 3. С. 190–201.
- Пивоварчик С. А.* Домостроительство X–XIII вв. Белорусского Понеманья (по материалам городищ) // ГАЗ. № 10. С. 72–79.
- Пишпенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск, 1991.
- Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI веках. М., 1961.
- Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.n.I.63) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308.
- Піваварчык С. А.* Да пытання аб летапісных гарадах Панямоння // Краязнаўчыя запіскі: Зборнік артыкулаў памяці Юзафа Ядкоўскага. Гродна, 1990. С. 31–34.
- Піваварчык С. А.* Сацыяльна-гістарычная тыпалогія гарадзішч панямоння X–XIII стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік памяці Міхася Ткачова. Ч. 2. Мінск, 1993. С. 93–108.
- Піваварчык С. А.* Да пытання аб паходжанні і назве Наваградка // Наваградскія чытанні. Наваградка, 1994. Вып. 3. С. 58–61.
- Піваварчык С. А.* Старажытныя паселішчы Беларускага Панямоння // Мінулае Гродзеншчыны. Вып. I. Гродна, 1995. С. 5–23.
- Піваварчык С. А.* Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.) // ВЗН. 1996. № 2 (6). С. 5–21.
- Піваварчык С. А.* Да гісторыі назваў населеных пунктаў Гарадзеншчыны // Гарадзенскія запіскі. Старонкі гісторыі і культуры. Вып. 2. Гарадня, 1996. С. 19–23.
- Піваварчык С. А.* Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы // ВЗН. 1999. № 11. С. 235–245.
- Піваварчык С. А.* Беларуска-польскае памежжа у раннім сярэднявеччы (па археалагічных крыніцах) // Наш Радавод. Кн. 8. Гродна; Беласток, 1999 (2000). С. 4–8.
- Піваварчык С. А.* Гарадзішча Радагошча — магчымы папярэднік Наваградка // Беларускі Сборнік. Вып. 2. СПб., 2003. С. 172–173.

Плавінські М. А. Слонімські шлем (датаванне и паходжанне) // Гістарычны Альманах. Т. VIII. Гродна, 2003. С. 137–144.

Плавінські М. А. Клінковая зброя X–XIII стст. на тэрыторыі Беларусі. Мінск, 2006.

Плахонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татишева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 321–330.

Плахонин А. Г. Всеволодко Городенський: Василь Татишев та джерела до вивчення генеалогії Рюриковичів // Записки НТШ. Т. CCXL. Праці комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С. 219–236.

Плахонин А. Г. Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X – перша половина XI ст.) // Український історичний журнал. Київ, 2000. № 4. С. 127–144.

Плахонин А. Г. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Число 6 (7): Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського: У 2 ч. Ч. 1 Київ, 2001. С. 136–152.

Поболь Л. Д. Старажытнасці Дзятлаўшчыны: Кароткі аналіз археалагічных дадзеных // На зямлі Дзятлаўскай. Ліда: Лідская друкарня, 1998. С. 122–124.

Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.

Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Подосинов А. В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Поптэ А. В. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 78–80.

Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Пріцак О. «Деремела — Бродники» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1965. Vol. 9. P. 82–96.

Пріцак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські сагі і Стара Скандинавія. Т. II. Київ, 2003. 1304 с.

Пронин Г. Н. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 12–71.

Прохоров А. А. О туrowских преданиях // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 1. Мінск, 2006. С. 85–100.

Пякарскі А. Наваградскія гербы // Спадчына. 1993. № 5. С. 2–3.

Пятнов А. В. Полоцкая земля в последней четверти XII в. // Rossica Antiqua. Т. II. [в печати].

Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград, 2006.

Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

- Рапов О. М. Русская церковь в XI – первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988.
- Раппопорт П. А. Мстибогов городок // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 105–107.
- Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Редров А. Е. Руководство к изучению Русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова. Киев, 1867.
- Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: Сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 199–222.
- Рогалев А. Ф. Белая Русь и белорусы (в поисках истоков). Гомель, 1994.
- Рогалев А. Ф. Географическая проекция и историческая интерпретация названий «Белая Русь» и «Черная Русь» // Первая Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1987. С. 157–158.
- Рогалев А. Ф. Русь Белая и Черная: К вопросу о восприятии древних географических названий в разные исторические периоды // Славяне: Адзінства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24–27 мая 1990. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. 2 секцыя: Этнагенез славян. Мінск, 1990. С. 71–72.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 2007.
- Русаў П. А. Спатканя ў дарозе. Мінск, 1995.
- Русаў П. А. Заўвага адносна аднаго з момантаў ваенных падзей 1258 г. на Верхнім Панямонні ў геаграфічным і гістарычным аспектах // Гароды Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры. Гродна, 2007.
- Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.
- Рябцевич В. Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск, 1998. С. 66–80.
- Савельева Е. А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.
- Савченко С. Давня русь у полемічній літературі кінця XVI–XVII ст. Дніпропетровськ, 2007.
- Сагановіч Г. Русь у палітыцы крыжовых паходаў (XII–XIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. Київ, 2003. С. 69–78.
- Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XII в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 72–109.
- Седин А. А. Никодимово — городище третьей четверти I-го тысячелетия н. э. в Восточной Беларуси // Край. Дыялог на сумежжы культур. Магілёўская дауніна. Магілёў, 2000. С. 31–43.
- Седов В. В. Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47–62.
- Седов В. В. Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4. С. 36–51.
- Седов В. В. Исследования в Гродненском понеманье // Археологические открытия 1968. М., 1969. С. 346–347.
- Седов В. В. Ятвяжские древности в Литве (По поводу статьи А. З. Таутавичюса «К вопросу о границах между ятвяжскими и литовскими племенами») // MADA. 1968. Т. 1 (26). P. 177–185.

- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Седов В. В.* К истории поселений Черной Руси // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 27–33.
- Седов В. В.* Ятвяги // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 411–419.
- Седов В. В.* Земля ятвягов (племенная дифференциация) // *Vakarų baltų archeologija ir istorija*. Klaipėda, 1989. P. 50–54.
- Седов В. В.* Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Семянчук Г. М., Шаланда А. I.* Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. // *BZH*. № 11. Białystok, 1999. С. 18–44.
- Семянчук Г. М.* Рец. на: *Квятковская, Алла В.* Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Вильнюс, 1998 // *BZH*. № 13. 2000. С. 242–245.
- Семянчук Г. М.* Генезіс беларускіх гарадоў у ранім сярэднявеччы (IX–XIII стст.) // *Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі*. Гродна, 2009. С. 10–23.
- Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931.
- Середонин С. М.* Историческая география. СПб., 1916.
- Сестрэнцевіч-Богуш С.* История о Таврии. Т. I. СПб., 1806.
- Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и северные обряды. Вып. I. М., 1837.
- Соловьев А. В.* Новые раскопки в Гродне и их значение для русской истории // *Записки русского научного института в Белграде*. Вып. 13. Белград, 1936. С. 69–96.
- Соловьев А. В.* Белая и Черная Русь: (Опыт историко-политического анализа) // *Сборник русского археологического общества в Королевстве Югославии*. Т. III. Белград, 1940. С. 29–66.
- Соловьев А. В.* Великая, Белая и Малая Русь // *Вопросы истории*. 1947. № 7. С. 24–38.
- Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // *Исторические записки*. 1948. Т. 25. С. 71–103.
- Соловьев А. В.* Городенские князья и Деремела // *Russia Medievalis*. Bd. 7/1. München, 1992. С. 69–83.
- Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988.
- Спицын А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси // *Записки Императорского Русского археологического общества*. Новая серия. Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1899. С. 303–310.
- Судник Т. М.* Диалекты литовско-славянского пограничья: Очерки фонологических систем. М., 1975.
- Судник Т. М.* К истории языковой ситуации Пелясы // *Балто-славянские этноязыковые контакты*. М., 1980. С. 181–191.
- Судник Т. М.* Замечания к польско-ятвяжскому словарю // *БСИ*. 1985. М., 1987. С. 140–142.

- Судник Т. М. К изучению исторической антропониимии литовско-белорусского пограничья // БСИ. 1986. М., 1988. С. 213–219.
- Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
- Тарасаў К. Памяць пра лягенды: Постаці беларускай мінуўшчыны. Мінск, 1990.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1994–1996.
- Таубе М. А. Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. Белград, [1939]. С. 89–112.
- Творогов О. В. Городец (Городно, Городен) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2: Г–И. 1995. С. 49–50.
- Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Ткачев М. А. Замки Белоруссии. Минск, 1987.
- Ткачоў М. А. Археалагічныя помнікі г. Гродна // Археалагічныя помнікі Гродзеншчыны. Гродна, 1992. С. 5–21.
- Толочко А. П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. 1. Київ, 2002. С. 112–117.
- Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.
- Толочко А. П. Одна заимствованная формула в Галицко-Волынской летописи // Ruthenica. 2006. № 5. С. 256–257.
- Толочко О. П. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // Київська Старовина. 2000. № 5. С. 152–167.
- Толочко П. П. Русские летописи и летописцы XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Толочко П. П. Литовский князь Войшелк в русских летописях // Ruthenica. 2006. Т. 5. С. 117–127.
- Толочко П. П. Историческая топография раннего Киева: Реальная и вымышленная // Ruthenica. 2009. Т. VIII. С. 163–173.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь I–K. М., 1980.
- Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. М., 1970.
- Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–67.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев О. Н. В поисках единства. М., 1992.
- Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной ИРГО. Юго-западный отдел: Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1877.

Трусаў А. А. Вынікі археалагічных даследаванняў на старым замку ў Гродне ў 1985–1989 гадах // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі «Музей і развіццё гістарычнага краязнаўства». Гродна, 1990. С. 23–24.

Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І. Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск, 1993.

Турилов А. А. «Человек божий именем»: (Об имени старшего варяга-мученика) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г.: Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

Турчинович О. Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

Улащик Н. Н. Белая и Черная Русь в «Кронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 238–242.

Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Урбан П. Пра нацыянальны характар Вялікага Княства Літоўскага й гістарычны тэрмін «Літва» // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. № 3 (9). Мюнхен, 1964. С. 35–90.

Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Устрялов Н. Г. Русская История. Ч. I. СПб., 1839.

Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Т. I. М., 1964; Т. II. М., 1967; Т. III. М., 1971.

Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского типа» // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210–214.

Филошкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 561–601.

Флетчер Д. О государстве русском. М., 2002.

Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв.: К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42–66.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Франческо да Колло. Доношение о Московии / Пер. и вступ. О. Симчич; Общ. ред. Е. Н. Лебедева. М., 1996.

Чамярыцкі В., Жлутка А. Першая згадка пра Белую Русь — XIII ст.! // Адраджэнне. Гістарычны альманах. Вып. 1. Мінск, 1995. С. 143–152.

Чекин Л. С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII века // Средние века. Вып. 56. М., 1993. С. 206–225.

Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая. А–И. СПб., 1871.

Хозеров И. М. Белорусское и Смоленское зодчество XI–XII вв. Минск, 1994.

- Цемушэў В. М.* Галіцка-Валынскае княства ў першай палове XIII ст. [мапа] // Вялікае княства Літоўскае: Эцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. Мінск, 2006. С. 484–485.
- Цітоў А. К.* Герб места Наваградка // Памяць. Наваградскі раён. Мінск, 1996. С. 135–137.
- Чамярыцкі В. А.* Ранняя гісторыя горада ў першай манаграфіі пра Наваградак // Наваградскія чытанні. № 3. Навагрудак, 1993. С. 56–58.
- Чаропка В.* Гародня — горад на беразе ракі часу // Беларускі Гістарычны Часопіс. 2005. № 10. С. 29–35.
- Шахматов А. А.* Как назывался первый русский святой мученик? // ИОРЯС АН. Т. IX. 1907. С. 261–264.
- Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. 1940. С. 9–150.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописях. М., 2001.
- Шенников А. А.* Червленый Яр: Исследование по истории и географии среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.
- Шкялёнак М.* Беларусь і суседзі. Гістарычныя нарысы. Беласток, 2003.
- Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. Т. XL. Ч. II. СПб., 1853.
- Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
- Штыхаў Г. В.* Крывічы. Мінск, 1992.
- Штыхов Г. В., Семянчук Г. М.* Гарадзец // ЭГБ. Минск, 1994. С. 471.
- Штыхов Г. В.* Ятвяги по Ипатьевскому летописному своду // Lietuvos Archeologija. 2001. Т. 21. Р. 101–110.
- Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
- Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Кн. I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.
- Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 255–271.
- Щапов Я. Н.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.
- Шукин М. Б.* Рождение славян // Stratum plus: Структуры и катастрофы. 1997. С. 110–147.
- Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 5 (*dĕlo – *dŕžьlь). М., 1978. 232 с.
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. М., 2006.
- Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X–XI в. // Ros-sica Antiqua: Исследования и материалы. 2006. СПб., 2006. С. 297–313.
- Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. М., 1970.
- Янин В. Л.* Берестяная грамота № 590 // Историческая археология: Традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 387–388.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту. 3-е изд., испр. и доп. новыми находками. М., 1998.

1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija / Sud. I. Leonavičiūte. Vilnius: Aidai, 2006. 288 p.

ABS. T. I. Białystok, 1964.

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge, 1997.

Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym. T. III. Warszawa, 1846.

Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.

Bandtkie J. S. Dzieje królestwa polskiego T. II. Wrocław, 1820.

Baranauskas T. Kur buvo Lietuvos žemė? // Lituania. 2002. Nr. 2 (50). P. 3–18.

Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000.

Barford P. M. Slavs beyond Justinian frontiers // SSBP. 2008. № 2 (4). P. 21–32.

Baronas D. Paskutinė šv. Brunono Kverfurtiečio misija geopolitikos kontekste // Lietuvos istorijos metraštis. 2001. T. 2. Vilnius, 2002. P. 5–34.

Baronas D. The year 1009: St Bruno of Querfurt between Poland and Rus' // Journal of Medieval History. Vol. 34. 2008. P. 1–22.

Baronas D. Katalikiška ir stačiatikiška Lietuva XIII a. // Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste / Sud. R. Petrauskas. Vilnius, 2008. P. 244–259.

Baronas D. Šv. Brunonas Kverfurtietis: Misionieriaus pašaukimas // LKMA Metraštis. T. 32. 2009. P. 149–161.

Batūra R. Lietuvos metraščių legendinės dalies ir M. Strijkovskio «Kronikos» istoriškumo klausimu // MADA. T. 2 (21). 1966. P. 265–283.

Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso ordą: Nuo Batu antplūdžio iki mūšio prie Mėlynųjų Vandenių. Vilnius, 1975.

Bialuński G. Šv. Brunono mirties vieta // Lietuvos istorijos metraštis. 1997 metai. Vilnius, 1998. P. 5–20.

Bialuński G. Studia z dziejów plemion pruskich i jaćwieskich. Olsztyn, 1999.

Bialuński G. Misja Prusko-litewska Biskupa Brunona z Kverfurtu. Olsztyn, 2010.

Bieniak J. Wyprawa misyjna Brunona z Kverfurtu a problem Selencji // ABS. T. VI. Białystok, 1969. S. 181–195.

Bieniak J. Państwo Mieclawa. Warszawa, 1963.

Bluijienė A. Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // AL. 2006. T. VII. P. 123–143.

Błaszcyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. I. Poznań, 1998.

Bonnel E. Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.

Bornschein E. Geschichte von Polen vom Ursprung dieses Reichs an bis auf die neuesten Zeiten. Leipzig, 1808.

Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford, 1898.

- Brückner A.* Metodyka badań starożytniczych // *Ateneum*. 1900. T. 2 (98). S. 391–400.
- Brückner A.* Starożytna Litwa. Ludy i Bogy. Szkice historyczne i mitologiczne. Olsztyn, 1985.
- Buczek K.* Ze studiów nad kroniką Galla Anonima, sprawa Selencji // *Roczniki Historyczne*. 1938. № 14. S. 1–27.
- Būga K.* Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- Buko A.* The Archeology of Early Medieval Poland: Discoveries — hypotheses — interpretations. Leiden; Boston, 2008.
- Büsching A. F.* Erdbeschreibung. Theil II. Hamburg, 1788.
- Cehak-Holubowiczowa H.* Słowiańskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Płatowo w powiecie i województwie nowogródzkim // *Ateneum Wileńskie*. R. 13. Z. 1. 1938. S. 183–196.
- Cesaris S. R. E.* Card. Baronii Annales Ecclesiastici. T. XVI. 1869.
- Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology / Ed. by T. Earle.* Cambridge, 1991.
- Colker M. L.* America rediscovered in the thirteenth century? // *Speculum. A Journal of medieval studies*. 1979. Vol. 54. Nr. 4. P. 712–726.
- Curta F.* Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: medieval gens or ‘scourge of God’ // *Early Medieval Europe*. 1997. Nr. 6 (2). P. 141–167.
- Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2001.
- Curta F.* From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic Archaeology // *On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages / Edited by Andrew Gillett.* Turnhout, 2002. P. 201–218.
- Curta F.* Colour perception, dyestuffs, and colour terms in twelfth-century French literature // *Medium Ævum*. LXXIII. 2004. P. 43–65.
- Curta F.* The Slavic lingua franca (Linguistic notes of an archaeologist turned historian) // *East Central Europe*. 2004. 31. № 1. P. 125–148.
- Curta F.* Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // *Early Medieval Europe*. 2007. T. 15 (2). P. 169–177.
- Curta F.* Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě) // *Archeologické rozhledy*. 2008. T. LX. S. 337–349.
- Cywiński P. M. A.* Druga metropolia Chrobrego a Brunon z Kwerfurtu // *Kwartalnik Historyczny* R. CVIII. Nr. 4. Warszawa, 2001. S. 3–15.
- Demereckas K.* Memelis – Klaipėdos vardas // *Vakarų baltų istorija ir kultūra*. T. 2. Klaipėda, 1995.
- Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002.
- Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę “Annalium” korzystał z Kroniki halicko-wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? // *Ruthenica*. T. 3. 2004. S. 150–185.
- Dąbrowski D.* Romanowicze w Kronice polskiej, litewskiej, zmużdzkiej i wszytskiej Rusi Macieja Strykowskiego (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych). Przyczynek do badań nad dziejami genealogii i świadomości historycznej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI wieku // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006. Nr. 22. S. 143–183.

Dąbrowski D. Powieść o Wojsielku. Szkic historiograficzny // Lietuvos Didžio-sios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 31–66.

Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003.

Dolega-Chodakowski Z. O sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy / Opr. i wstęp J. Maślanka. Warszawa, 1967.

Dubonis A. Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai: Iš Lietuvos ankstyvųjų valstybių struktūrų praeities. Vilnius, 1998.

Dubonis A. Voluinietiškos Lietuvos užsienio politikos krypties formavimasis (iki Mindaugo mirties 1263 m.) // Lituania. 2005. № 4. P. 1–12.

Dubonis A. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282). Vilnius, 2009.

Dujčev I. Medioevo bizantino-slavo. Vol. II. Roma, 1968.

Durczewski Z. Ołowiane pieczęcie ruskie ze Starego Zamku w Grodnie // WNA. T. XX. Rocznik 1938/1939. Kraków, 1939.

Durczewski Z. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938 / Odbitka z czasopisma “Niemen”. 1939. Nr. 1. Grodno, 1939.

Earle T. How chiefs come to power. Stanford, 1997.

Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. “Sudovia in qua Sudovitae”. The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2006. Vol. 7. P. 184–211.

Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition / Ed. by T. Derks and N. Roymans. Amsterdam, 2009.

Freibergs G. The Descripciones Terrarum: Its Date, Sources, Author and Purpose // Christianity in East Central Europe. Late Middle Ages. Lublin, 1999. P. 180–201.

Frontiers in question. Eurasian borderlands, 700–1700. New York, 1999.

Gallén J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? // Historisk Tidskrift för Finland. 1976. Årg. 61. S. 273–288.

Garšva K. Lietuvių kalbos paribio šnektos (fonologija). Vilnius, 2005.

Giedroyć M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Early Contacts (Thirteenth Century) // Oxford Slavonic Papers. N. S. Vol. XVIII. Oxford, 1985. P. 1–30.

Giedroyć M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Between Rome and Byzantium (1281–1341) // Oxford Slavonic Papers. N. S. Vol. XX. Oxford, 1987. P. 1–33.

Goldfrank D. Lithuanian Prince-monk Vojselk: A study of competing legends // Harvard Ukrainian Studies. 1988. Vol. 11/1–2. P. 44–76.

Grabski A. F. Gall Anonim o Selencji i Prusach // Rocznik Olsztyński. 1959. T. II. S. 9–15.

Gudavičius E. Dėl Lietuvos valstybės kūrimosi centro ir laiko // MADA. 1983. T. 2 (83). P. 61–70.

Gudavičius E. “Lietuvos” vardas XI a.–XII a. I pusės šaltiniuose // MADA. 1983. T. 3. P. 79–88.

Gudavičius E. Dėl lietuvių žemių konfederacijos susidarymo laiko // MADA. 1984. T. 24.

- Gudavičius E.* Šv. Brunono misija // Darbai ir dienos. 1996. T. 3 (12). P. 115–128.
- Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998.
- Gudavičius E.* Brunonas Kverfurtietis ir Lietuva // 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. Vilnius, 2006. P. 9–65.
- Gudavičius E.* Šventojo Brunono mikrohagiografijos klausimas // Lietuvos istorijos studijos. T. 23. 2009. P. 19–34.
- Gudmantas K.* Vėlyvųjų lietuvis metraščių veikėjai ir jų prototipai: “Romėnai” // Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 18. 2004. P. 113–138.
- Heather P.* The Goths. Oxford, 1996.
- Hennig E.* De rebus Jazygum sive Jazuingorum ex Asia in Ungariam et Poloniam transgressorum: In Prussia exstirpatorum. Regiomonti [Königsberg], 1812.
- Hochleitner J.* Święty Brunon z Kwerfurtu // Studia Angerburgica T. 5. Węgorzewo, 2000. S. 98–101.
- Hofmann J. J.* Lexicon Universale. T. 3: Literas M, N, O, P, Q, continens. Leiden, 1698.
- Holubowicz W.* Garncarskie techniki lepienia na terenie Ziemi Północno Wschodniej Polski w świetle ostatnich wykopalisk // Ateneum Wileńskie. R. 13. Z. 1. 1938. S. 197–210.
- Holubowicz W.* Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie // Slavia antiqua. T. I. Poznań, 1948. S. 579.
- Iwanowska G., Niemyjska A.* Pendants from the earthwork at Jegliniec. Jatving links with North and North-East European culture environment // AL. Vilnius, 2004. Vol. 5. P. 92–108.
- Jakimowicz R.* Dawidgródek. Pińsk, 1938.
- Jakubowski J.* Gdzie leżało “Horodno” hipackiego latopisu // Ateneum Wileńskie. T. VII. 1930. S. 419–424.
- Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część I. Litwa pogańska. Wilno, 1844.
- Jaroszewicz J.* Jadźwingi. Wyjątek ze wstępu do Obrazu Litwy // Biblioteka Warszawska. 1853. Zesz. CLII. S. 193–224.
- Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, 1989.
- Jodkowski J.* Grodno. Wilno, 1923.
- Jodkowski J.* Grodzisko Wołkowyskie. Grodno, 1925.
- Jodkowski J.* Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych, dokonanych na Królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 // Przegląd historyczno-wojskowy. Warszawa, 1934. T. VII. Z.1. S. 99–115.
- Jodkowski J.* Świątynia warowna na Koloży w Grodnie. W świetle badań archiwalnych i archeologicznych dokonanych w 1935 r. Grodno, 1936 (Prace i sprawozdania Muzeum w Grodnie. T. 1)
- Jodkowski J.* Pie części ruskie z XI–XII w. znalezione w Grodnie i Drohiczyźnie // Przegląd Historyczny. T. 37. 1948. S. 153–180.
- Jones S.* The Archaeology of Ethnicity. London, 1997.
- Jovaiša L.* Šv. Brunono Kverfurtiečio kultas Lietuvoje: Liturginis ir hagiografinis aspektas // LKMA Metraštis. T. 32. 2009. P. 195–207.
- Kamiński A.* Jaćwież. Teritorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź: Tow. Nauk, 1953.

- Karaliūnas S.* Lietuvos vardo kilmė // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1995. T. 35. P. 55–71.
- Karaliūnas S.* Etonimo gudai kilmė // Darbai ir dienos. 1999. № 10 (19). P. 7–54.
- Karaliūnas S.* Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose. T. I. Vilnius, 2004.
- Karaliūnas S.* Dainava. Vardo reikšmė, istorija ir kilmė // Baltistica. 2006. T. XLI (1). P. 103–117.
- Kazakevičius V.* IX–XIII a. baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Kolbus E.* Sebastiani Fabiani Sulmircensis Acerni *Roxolania* // Humanistica Iovaniensia: Journal of neo-latin studies. Vol. XLVII. 1998. P. 170–244.
- Kosmographische Nachrichten und Sammlungen auf das Jahr 1748.* Nurnberg, 1750.
- Korpela J.* Prince, Saint, and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001.
- Korpela J.* Heathen Vladimir // Византинороссика. 2005. Т. 3. P. 157–172.
- Korpela J.* The world of Ladoga: Society, trade, transformation and State building in the Eastern Frennoscandian Boreal Forest zone, c. 1000–1555. New Brunswick; London, 2008.
- Krasnodębski D., Olczak H., Barford P. M.* Wczesnośredniowieczne grodzisko w Zajączkach, stanowisko 1, gm. Juchnowiec Kościelny, woj. Podlaskie // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. Zeszyt 1. 2005. S. 54–88.
- Kraszewski J. I.* Litwa: starozytne dzieje, ustawy, jezyk, wiara, obyczaje, piesni, przyslowia, podania. T. II. Warszawa, 1850.
- Krukowski S.* Cmentarzysko mogił ciałopalnych w Jasudowie pod Sopoćkiniami (w pow. Augustowskim, gub. Suwalskiej) // Swiatowit. T. IX. Warszawa, 1911. S. 1–21.
- Kuczyński S. M.* Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965.
- Kulikauskas P.* Užnemunės piliakalniai. Vilnius, 1982.
- Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I–II. St. Petersburg, 1844–1845.
- Kürbis B.* Epitafium Bolesława Chrobrego. Analiza literacka i historyczna // Roczniki Historyczne. R. 55–56, 1989–1990. Warszawa; Poznań, 1990. S. 95–132.
- Kurila L.* Rytinė lietuvių genties riba IX–XII a. (1. archeologijos duomenys) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2005. T. 27. P. 59–84.
- Labuda G.* Początki państwa polskiego w trudnym oświetleniu // Roczniki Historyczne. 2008. T. LXXIV. S. 209–231.
- Latkowski J.* Mendog, król litewski. Kraków, 1892.
- Latyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł Białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.
- Latyszonek O.* Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI w. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. T. 25. 2006. S. 5–44.
- Leonavičiūtė I.* Šv. Brunono Kverfurtiečio ciklo šaltiniai // 1009 metai: Šv. Brunono Kverfurtiečio misija. Vilnius, 2006.

Leskauskaitė A., Trumpa E. Kai kurie pietinių ir pietrinių aukštaičių šnektų šlekavimo aspektai // Э. А. Вольтер и балтистика как комплексная дисциплина. Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2006 года): Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2006. С. 22–24.

Lietuvos istorija / Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936.

Lind J. De russiske ægteskaber: Dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes Danske borgerkrig // Historisk tidsskrift (København). 1992. Bd. 92. H. 2. P. 225–263.

Łowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Rozprawy Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. Wilno, T. I. 1931; T. 2. 1932.

Łowmiański H. Uwagi o wpływach słowiańskich na litewską terminologię kościelną // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. II. Warszawa, 1957. S. 366–372.

Łowmiański H. Uwagi o genezie państwa litewskiego // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1961. T. 52. Zesz. 1. S. 127–146.

Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. T. II. Warszawa, 1964.

Łowmiański H. Pogranicze Słowiańsko-jaćwieskie // Acta Baltico – Slavica. 1966. Vol. III. S. 89–98.

Łowmiański H. Świętopełk w Brześciu w roku 1019 // Europa – Słowiańszczyzna – Polska. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 229–244.

Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle, ou, Description de toutes les parties du monde. T. 6: Europe orientale. Peuples slaves. Paris, 1833.

Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś // International journal of Slavic linguistics and poetics. Lisse. Vol. 19. 1975. P. 31–39.

Mann R. The Igor Tales and Their Folkloric Background. Karacharovo, 2005.

Mažeika R. Pirmojo Lietuvos vardo paminėjimo ir šv. Brunono biografijos šaltinių interpretacijos problemos // Lietuvos krikščionėjimas Vidurio Europos kontekste. Vilnius, 2005. P. 61–108.

Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas, I–K. Vilnius, 1993.

Mažiulis V. Dėl Lietuvos vardo 1009 metais (šv. Brunono misija) // Baltistica. 2005. № 40 (1). P. 95–97.

Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Ed. D. Abulafia & N. Berend. Aldershot, 2002.

Michałowski R. Polen und Europa um das Jahr 1000 // Der Hoftag in Quedlinburg 973: Von den historischen Wurzeln zum Neuen Europa. Berlin, 2006. S. 51–72.

Mierzeński H. Podole, Wołyń i Ukraina. Lwów: Drukiem Kornela Pillera, 1862. 147 s.

Moszczyński J. Łosośna // Informator Archeologiczny. Badania 1985 r. 1986. S. 133.

Moszczyński J. Łosośna // Ibid. Badania 1986 r. 1987. S. 144.

Moszyński K. Nowogródzkie pod względem etnograficznym // Nowogródzkie: Praca zbiorowa wydana staraniem Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego. Warszawa, 1926. S. 9–15.

- Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego T. II. Wilno, 1837. 609 s.; T. III. Wilno, 1838. 576 s.; T. IV. Wilno, 1838. 712 s.
- Narbutt T.* Pomniejsze pisma historyczne szczególnie do historii Litwy odnoszące się. Wilno, 1856.
- Nalepa J.* Jaćwiegowie: Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964.
- Naruszewicz A.* Historia narodu polskiego, od początku chrześcijaństwa. T. II. Warszawa, 1803.
- Nazwy miejscowe Polski: Historia – pochodzenie – zmiany. T. II. C–D / Pod red. K. Rymuta. Kraków, 1997.
- Niederle L.* Manuel de l'antiquité slave. T. I: L'histoire. Paris, 1923.
- Ochmański J.* Nad Kroniką Bychowca // *Studia Źródłoznawcze*. 1967. T. XII. S. 155–163.
- Ochmański J.* Nazwa jaćwiegów // *Europa – Słowiańszczyzna – Polska. Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego*. Poznań, 1970. P. 197–204.
- Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981.
- Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.
- Paknyš M.* Šv. Brunono Kverfurtiečio freskos Pažaislio kamaldulių vienuolynė // *LKMA Metraštis*. T. 32. P. 173–194.
- Palmaitis L.* [mintos tūkstantmečio mįslės. Kaunas, 2009.
- Palmaitis L.* Dėl šv. Brunono misijos šiaurinės koncepcijos // *Baltistika*. 2009. T. XLIV (1). P. 381–390.
- Paprocki B.* Gniazdo cnoty. Kraków, 1578.
- Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1858.
- Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży w Karpatach. U źródła rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991.
- Paszkwicz H.* Litwa przed Mendogiem // *Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich*. Lwów, 1930. T. I. S. 246–258. T. II. S. 76–80.
- Paszkwicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. T. I: Litwa a Moskwa w 13–14 wieku. Warszawa, 1933.
- Peer Polity Interaction and Socio-political Change / Ed. by Colin Renfrew, John F. Cherry. Cambridge, 1986.
- Petrauskas R.* Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnu teorijos aspektai // *Senoji lietuvių literatūra*. Kn. 17. 2004. P. 270–284.
- Petrauskas R.* Socialiniai pokyčiai Lietuvoje valstybės formavimosi laikotarpiu // *Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste*. Vilnius, 2008. P. 160–211.
- Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–882 n. Chr. München, 1988.
- Pohl W.* Ethnic names and identities in the british isles: a comparative perspective // *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective*. Woodbridge, 1997. P. 7–32.
- Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*. Blackwell Publishers, 1998. P. 13–24.
- Polujański A.* Opisanie lasów królestwa Polskiego i gubernii zachodnich cesarstwa Rosyjskiego. T. II. Warszawa, 1854.

Power D. The Norman Frontier in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries. Cambridge, 2004.

Pritsak O. The Slavs and the Avars // Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo. Spoleto, 1983. P. 353–435.

Puzyna J. Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // Ateneum Wileńskie. 1936. R. XI. S. 61–97.

Rauhut L. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. I. 1971. S. 435–656.

Roymans N. Ethnic identity and imperial power. The Batavians in the Early Roman Empire. Amsterdam, 2004.

Rowell S. C. Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe. Cambridge, 1994.

Rozadowski J. O stosunku języków bałtyckich i słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. T. V. Kraków, 1912. S. 1–24.

[*Sadebeck A.*] Polens ende, historisch, statistisch und geographisch beschrieben. Von Sirisa. Warschau, 1797.

Sjögren A. Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen. Ein Beitrag zur Geschichte Osteuropas um die Mitte des XIII. Jahrhunderts // Mémoires de l'académie impériale des sciences de St-Pétersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX. Saint-Pétersbourg, 1859. P. 161–356.

Schmid W. Die "Germanismen" im sog. Polnisch-Jatwägen Glossar // Indogermanische Forschungen. 1986. Bd. 91. P. 273–286.

Schnitzler M. J.-H. La Russie, la Pologne et la Finlande: Tableau statistique, géographique et historique. Paris, 1835.

Schulze-Dörrlamm M. Bemerkungen zu Alter und Funktion der Alsengemmen // Archäologisches Korrespondenzblatt T. 20. 1990. P. 215–226.

Siestrzeniewicz-Bohusz S. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates des Esclavons et des Slaves. Et sur les époques de la conversion de ces peuples au Christianisme. Vol. I. St.-Pétersbourg, 1812.

Skalski K. Mazowieckie groby w obudowach kamiennych z rejonów Płocka: Przyczynek do historii politycznej drugiej połowy XI wieku // Inter Orientem et Occidentem: Studia z dziejów Europy Środkowoschodniej ofiarowane prof. Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestolecie pracy nauk. Warszawa, 2002. S. 51–64.

Skirmuntt K. Nad Niemnem i nad Bałtykiem. Zesz. I. Warszawa; Kraków, 1897.

Skirmuntt K. Nad Niemnem i Bałtykiem. II. Podania. Czasy Przed-Mendogowe. Dzieje starożytnych Prus. Kraków, 1903.

Słowaczyński A. Mapa hydrograficzna Europy Wschodniej. Paryż, 1844 [kapra].

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. I. 1880.

Smorąg-Różycka M. Miniatury "Ewangeliarza Ławryszewskiego". Zagadnienie stylu // Folia Historiae Artium. 1992. T. 28. S. 13–38.

Smorąg-Różycka M. Romans chrześcijański Barlaam i Jozafat w kulturze średniowiecznej Europy. Uwagi o dwóch miniaturach w Ewangeliarzu Ławryszewskim // Slavia Orientalis. 1993. Nr. I. S. 9–27.

Smorąg-Różycka M. Ewangeliarz Ławryszewski. Kraków, 1999.

Sobolewski J. P. Wasyłko Jaropełkowicz i Iziastaw Jarosławowicz, dwaj książęta drohiccy z drugiej połowy XII wieku // *Inter Orientem et Occidentem: Studia z dziejów Europy Środkowowschodniej ofiarowane prof. Janowi Tyszkiewiczowi w czterdziestelecie pracy nauk.* Warszawa, 2002. S. 76–87.

Stankiewicz U. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych wczesnośredniowiecznego grodziska w Trzciance, gm. Janów, pow. Sokółka, woj. Podlaskie // *Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. Zeszyt 2.* 2006. S. 94–100.

Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl with H. Reimitz. Leiden, 1998.

Święcki T. Opis starożytny Polski. T. I. Warszawa, 1816.

Šafárik P. J. Slovanské starožitnosti. Oddíl dějepisný. Praha, 1837.

Ščavinskas M. Kai kurios pastabos dėl šv. Brunono Kverfurtiečio paskutinės misijos [текст выступления на конференции «Тысячелетие Литвы и локальная история»]. P. 15. URL: http://www.lt.lt/konf_Scavinskas.pdf.

Ščavinskas M. “Russiana gloriatur ecclesia” ir šv. Brunono Kverfurtiečio misijų klausimas // *Lietuvos istorijos studijos.* 2009. Nr. 24. P. 9–22.

Taube M. Rome et la Russie avant l’invasion des Tatars: (IX–XIII siècles). Paris, 1947.

Tautavičius A. Jotvingiai, dainaviai, sūduviai, poleksėnai ir... // *Lietuvos mokslas.* 1994. № 2. Kn. 1(2). P. 4–14.

Tautavičius A. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996.

The Early State / Ed. by H. Claessen, P. Scalnik. Hague, 1978.

The Mercator Globes at Harvard Map Collection. URL: <http://hcl.harvard.edu/libraries/maps/exhibits/mercator/main.html> (дата последнего посещения: 01.01.2008).

Thomsen V. The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state. Oxford; London, 1877.

Tolochko O. P. The Primary Chronicle’s ‘Ethnography’ Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus’ State // *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk.* Turnhout, 2008. P. 169–188.

Tooke W. History of Russia: From the Foundation of the Monarchy by Rurik, to the accession of Catharine the Second. Vol. I. London, 1800.

Totoraitis J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905.

Třeštík D. České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce // *Studia mediaevalia Pragensia* T. 1. Praha, 1988. S. 129–143.

Třeštík D. Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů // *Český časopis historický.* 1994. R. 92. Č. 3. S. 423–457.

Tyszkiewicz J. Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu. Historia pogranicza nad górną Narwią do połowy XIII w. Warszawa, 1974.

Tyszkiewicz J. Cultural processes connected with expansion of the Rus of Kiev towards Lithuania in 9th–11th century // *Archaeologia Polona.* 1975. T. XVI. P. 107–126.

- Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.
- Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.
- Urbańczyk P.* Slavic and Christian Identities During Transition to the Polish Statehood // Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 205–222.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.
- Vasmer M.* Die Urheimat der Slaven // Der ostdeutsche Volksboden. Hrsg. von Volz W. Breslau, 1926. S. 118–143.
- Vėlius G.* Kernavė in the context of towns of the Grand Duchy of Lithuania // AL. T. IV. 2003. P. 164–171.
- Vidugiris A.* Iš Zietelos ir pietų aukštaičių leksikos sąsają // Vakarų baltų kalbos ir kultūros relikvai. Klaipėda, 1996. P. 82–89.
- Vidugiris A.* Kai kurie vakarų baltų kalbos reiškiniai pietinėse lietuvių tarmėse // Baltistica. №31/1. Vilnius, 1996. P. 31–38.
- Vidugiris A.* Zietelos šnektos žodynas. Vilnius, 1998.
- Vidugiris A.* Zietelos lietuvių šnektos. Vilnius, 2004.
- Voigt H. G.* Brun von Querfurt, Mönch, Eremit, Erzbischof der Heiden und Märtyrer. Stuttgart, 1907.
- Voigt J.* Geschichte Preussens. Bd. IV. Königsberg, 1830.
- Wiara Prawosławna Pismem Świętym, soborami, oycami Świętymi, mianowicie greckimi y Historią kościelną przez X. Iana Ałoyzego Kuleszę Societatis IESV Theologa obiasniona. Wilno, 1704.
- Wilkievicz-Wawrzyńczykowa A.* Ze studjów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII w. // Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem W. X. (Wielkiego Księstwa) Litewskiego : wydawnictwo Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. R. 12. Wilno, 1937. S. 1–35.
- Włodarski B.* Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // Zapiski historyczne. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza. T. XXIV: Rok 1958–1959. Zeszyt 2–3. Toruń, 1959. S. 7–36.
- Włodarski B.* Sojusz dwóch seniorów (ze stosunków polsko-ruskich w XII wieku) // Europa – Słowiańszczyzna – Polska. 1970. S. 345–363.
- Zabiela G.* Lietuvos medinės pilyys. Vilnius, 1995.
- Zabiela G.* Scandinavian arrowheads in Lithuania // Archaeologia Baltica. T. 2. Vilnius, 1997. P. 133–140.
- Zabiela G.* Laidosena pagoniskojoje Lietuvoje // Lietuvos archeologija. 1998. T. 15. Vilnius. P. 356–358.
- Zajączkowski S.* Dzieje Litwy Pogańskiej do 1386 r. Lwów, 1930.
- Zajączkowski S.* O nazwach ludu jadžwingów // Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń, 1953. T. XVIII. Zesz. 1–4. S. 175–195.
- Zakrzewski S.* Bolesław Chrobry Wielki. Lwów, 1925.
- Zaydler B.* Storia della Polonia: Fino agli ultimi tempi Vol. I. Firenze, 1831.

Zeitschrift für die Geschichte und Alterthumskunde Ermlands. Bd. I. Mainz, 1860.

Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. T. II: Iki pirmųjų raštų. Vilnius, 1984.

Zinkevičius Z. Lietuvos vardas ir leičiai (laičiai) // *Lituanistica*. 1994. Nr. 4 (20). P. 59–62.

Zinkevičius Z. Dar kartą apie an tipo junginių siaurinimą // *Lituanistica*. 2002. Nr. 2 (50). P. 84–85.

Žulkus V. Kaunas tarp Rytų ir Vakarų. Nemuno kelias – II tūkstantmečio po Kr. pradžioje // *Vidurio Lietuvos archeologija*. Vilnius, 1996. P. 89–97.

Žulkus V. Heidentum und Christentum in Litauen im 10–16 Jahrhundert // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts*. Mainz, 1999. Bd. 2. S. 143–162.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авенариус Н. П.* 43
Авенир 164
Агафья Владимировна 106, 108
Адальберт св. 50, 72, 83, 84, 88
Адам Бременский 61, 84, 87, 88
Адемар Шабаннский 76, 77
Адрианова-Перетц В. П. 140, 141
Анк 75
Александр Всеволодович 145
Александр Гваньини 180
Александр IV 151, 159
Александров Д. Н. 120, 149
Алексеев Л. В. 25, 56, 69, 70, 95, 99, 100, 102, 119, 132, 198
Алексий, св. 164
Альберик из Труа-Фонтене 118
Альберт Гаштовт 153, 188
Аль-Идриси 178
Аль-Масуди 39
Анастасия Ярополковна 108
Анатолий (Станкевич) 197
Ангелов Д. 33
Андрей Боголюбский 115
Андрей Киян 194
Андрей Ольгердович 188
Андрощук Ф. А. 61
Анна Юрьевна 141
Аннинский С. А. 87
Антонович В. Б. 98, 162, 199
Апих 75
Арлоу У. 97, 103
Арциховский А. В. 205
Аттила 177
- Баловнев Д. А.* 65, 66
Бальцер О. см. *Balzer O.*
Баранаускас Т. см. *Baranauskas T.*
Баронас Д. см. *Baronas D.*
Барсов Н. П. 55, 60, 94, 102, 197
Барт Ф. см. *Barth F.*
- Барфорд П.* см. *Barford P. M.*
Батый 152
Батюшков П. Н. 196
Баумгартен Н. А. 110, 111
Бегунов Ю. К. 8
Бектинеев Ш. И. 56
Белецкий С. В. 55, 57, 59, 63, 64, 108, 116
Белый А. 176–178, 180, 181, 183
Бельский Мартин 122, 189
Беляев И. Д. 43, 98, 196, 197, 198, 199
Беняк Я. см. *Bieniak J.*
Бергий Николай 180
Бережков Н. Г.
Бернард Клервосский 113
Бернард Павианский 118
Бычков А. Ф. 68
Блашчык Г. см. *Błaszczuk G.*
Бобровский М. К. 185
Бобровский П. О. 19, 174, 185, 194, 196, 197–199
Богданов В. П. 25, 198
Богуш-Сестрэнцевич С. см. *Siestrzeniewicz-Bohusz S.*
Болеслав II Мазовецкий 171, 172
Болеслав Кривоустый 111, 117
Болеслав Кудрявый 112–114
Болеслав Стыдливый 48, 167
Болеслав Храбрый 72, 74, 82–89
Бондаренко Д. М. 14
Борза 168
Борис Всеволодович 106, 112, 113, 115, 116
Борисенков Е. П. 17
Бранд Адам 181
Бромлей Ю. В. 9
Бруно Бонифаций Кверфуртский 6, 7, 71–89, 133, 190, 191
Бруно, граф Кверфуртский 72

- Бруно, епископ Верденский 74
Брюкнер А. 52, 211
Брячислав Изяславич 81, 96
Буга К. К. см. *Būga K.*
Буйвид 154, 172
Букидид 154, 172
Буко А. 37
Булгакова В. В. 109
Булгаковский Д. 196
Булевичи 139
Булкин В. А. 57
Бурондай 154, 163
Бурхард фон Хорнхаузен 49
Бучек К. 84
Бялуньский Г. см. *Białuński G.*
- Вальдемар I 118
Вальдемар II 118
Ванагас А. П. см. *Vanagas A.*
Вандж-Алаф 39
Вандж-Слав 39
Варлаам 164, 165
Васильев В. Л. 29
Василько Володаревич 119
Василько Дорогичинский 121–123
Василько Романович 48, 138, 149,
157, 158, 163, 166–168
Василько Святославич 117
Василько Слонимский 170, 172
Василько Ярополчич 123
Введенский А. М. 66, 68
Венкус Р. 10
Венцеслав 39
Вернадский Г. В. 175
Верхуслава Всеволодовна 113
Вестберг Ф. 40
Виберт 75–78, 80, 203
Виганд Марбургский 101
Видевут 189
Видугирис А. Ю. см. *Vidugiris A.*
Виликаил 138
Вилкул Т. Л. 136, 150, 161, 162–164,
166, 167
Вильгельм, аббат 119
- Вилькевич-Вавжиньчикова А.* 123
Винцентий Кадлубек 50, 122–124
Вит, еп. 194
Витгаут 61
Витезович Павел Риттер 181
Витковски Т. 28
Вишимут 134
Вилкул Т. Л. см. *Вилкул Т. Л.*
Вькинт 48
Владимир Борисович
Владимир Василькович 21, 49, 150,
163, 169–172
Владимир Всеволодович Мономах
106, 107, 111, 116
Владимир Всеволодович, новгород-
ский князь 118
Владимир Давыдович 112
Владимир Пинский 145, 148
Владимир Полоцкий 145
Владимир Святославич 24, 42, 47,
61, 64–68, 70–72, 77, 78, 80–83,
85, 86, 88, 89, 91, 92, 137, 187,
189, 193, 197, 198, 203
Владимир Ярославич 124
Владимирко Галицкий 114
Владимирко Менский 120–123
Владислав Герман 110, 111
Владислав II Изгнанник 112, 113
Влодарский Б. см. *Włodarski B.*
Войтович Л. 107, 118
Войцех-Адальберт 7, 50, 72, 77, 80,
83, 84, 87, 88
Войшелк 96, 149, 150, 153, 154–156,
158, 159, 161–168, 172, 187, 195,
204
Войшно (Аишьвно) Рушкович 150
Володарь Глебович 100, 102, 108,
117, 118–121, 123, 132, 140, 199
Володихин Д. М. 120, 149
Вольтер 19, 20, 22, 44, 134,
198
Вольфрам Х. см. *Wolfram H.*
Воронин Н. Н. 91, 92, 110, 111, 115,
116, 129, 140, 142, 205

- Всеволод Белзкий 122, 124
 Всеволод Глебович 119
 Всеволод Игоревич 107
 Всеволод Ольгович 112
 Всеволод Ярославич Киевский 108
 Всеволодко из Городна 106–112,
 115–117, 124, 132, 141, 148, 187,
 192, 199, 202, 203
 Всеслав Брячиславич 96, 97, 137,
 141
Вуд И. 7
Вяргей В. С. 41, 56
 Вяцько 32
- Гайдуков П. Г.* 61, 109, 137
 Гален Я. 118
 Галл Аноним 84, 85, 110, 111
 Галятовский Иоанникий 191
 Гарто (Gartho) 190
Гаршва К. 21
Гаучас П. 19, 21, 22, 23, 41, 52
Гедеонов С. А. 69
 Гедимин 188
Гедройц М. см. *Giedroyć М.*
Гене Б. 179
 Генрих Латвийский 87, 120, 138
 Генрих фон Мюгельн 177
 Генрих фон Плоцке 100
 Генрих II 73, 77, 82, 83, 86, 87
Генсьорський А. І. 156, 163
 Гервазий Тильберийский 50
 Геродот 185
 Гертруда Мешковна 110
 Глеб Волковыский 49, 142, 149, 154,
 159–161, 170
 Глеб Всеволодович 109, 110, 112,
 115, 116
 Глеб Всеславич 97, 98, 108, 109,
 117, 119, 124
 Глеб Смоленский 169
Голдфранк Д. см. *Goldfrank D.*
Головенченко Ф. М. 141
Головка А. Б. 86, 90, 111, 114, 123
Голубович В. 116, 202
- Голубовский П. В.* 69, 147
Горovenko А. В. 121, 123, 143, 144
Горский А. А. 8, 12, 34, 40, 143, 146,
 147, 159, 206
Горюнова В. М. 24
Гостев А. П. 107
 Гофман Иоганн Якоб 180
 Григорий Полонинский 163, 164,
 167
Гринин Л. Е. 14
Гровжис 188
Грушевский М. С. 94, 98, 142, 148,
 157
Грушевский А. С. 69
Гудавичюс Э. см. *Gudavičius E.*
 Гуды 69
Гуревич Ф. Д., Гурэвіч Ф. Д. 24, 25,
 26, 27, 30, 47, 61, 62, 92, 95–97,
 99, 105, 126, 129, 153, 205, 206
- Длавна 39
 Давыд Всеславич 117
 Давыд Городенский 101
 Давыд Игоревич 106–108, 110, 203
 Давыд, св. 110
 Давъать 138
 Даниил Романович 7, 48, 49, 138, 140,
 143, 144, 147–162, 164, 167, 168
Данилевич В. Е. 65
Данилевский И. Д. 102, 120
Даркевич В. П. 59, 103
 Дауспунгайте 151, 154
Дашкевич Н. П. 196, 200
Дворниченко А. Ю. 103
Дернович С. Д. 59
Джаксон Т. Н. 54
 Джилль Флетчер 180
Дзярнович О. И. 155, 206
 Диван 101
 Димитрий Хоматиан 33
Диттен Г. 179
 Длугош Ян 51, 122, 123, 168, 195
Дмитриев В. А. 192
Дмитриев М. А. 155, 194

- Дмитрий Киевский 153
Дмитрий Ольгердович 188
Добрян А. 47
Довгань П. 39, 40
Довнар-Запольский М. В. 69, 98,
102, 120, 198, 199
Довспрунк 138
Доленга-Ходаковский З. см. *Dolega-
Chodakowski Z.*
Домбровский Д. см. *Dąbrowski D.*
Донской Д. В. 159
Доўнар-Запольскі М. 33
Драг 32, 34
Драго 34
Драгов 34
Дражко 34
Дубов И. В. 25
Дубонис А. см. *Dubonis A.*
Дуйчев И. 34
Дурчевский З. 94, 203
Дьяконов И. В. 74
Дювернуа А. 55
- Евгений (Болховитинов), митропо-
лит 25
Егарэйчанка А. А. 41
Едивид 151
Екшис 152
Елисей 164
Ердивил 152, 188, 194
Еремин И. П. 156
Ермолович Н. И. 206, 208
- Жадейкис П. 166
Жефарович Христофор 181
Живинбуд 139, 155
Жлутка А. 5, 194
Жулкус В. см. *Žulkus V.*
Жучкевич В. А. 39
- Забела Г. см. *Zabiela G.*
Завитневич В. З. 32, 69
Загоскин Н. П. 59
Зайкоўскі Э. 26–29, 41, 104
Зайончковский С. 202
Зайцев А. К. 96, 147
Закшевский С. см. *Zakrzewski S.*
Заяц Ю. 92
Збигнев Владиславович 111
Звяруга Я. Г. 27, 57, 59, 92, 93, 105
Здановіч Н. І. 92, 116, 207
Зеленский И. 197
Земовит Мазовецкий 7, 48, 49, 160
Зиборов В. К. 108, 109
Зинкявичюс З. см. *Zinkevičius Z.*
Зотов Р. В. 147
Зоценко В. Н. 57, 58
Зубрицкий Д. И. 147
- Иаков Мних 64
Иванов В. В. 32, 35, 176
Игнатовский В. М. 204
Игорь, кн. 54, 55
Ида Кверфуртская 72
Идес Избрант 180
Изяслав Василькович 140, 199
Изяслав Владимирович 147
Изяслав Давыдович 112, 114
Изяслав Димитрий Ярославич 92,
93, 110
Изяслав Мстиславич, кн. Волын-
ский и Киевский 112–115
Изяслав Мстиславич, кн. Киевский
147
Изяслав Новгородский 96, 147–
149, 153, 154, 201
Изяслав Полоцкий 148, 149
Изяслав Свислочский 49, 148, 160
Иловайский Д. И. 55, 192
Ильин Н. Н. 86
Иннокентий IV 160
Иоанн Камениата 33
Иоанн Канапарий 88
Иоанн Предтеча 108, 109
Иоасаф, индийский царевич 164, 165
Иов О. В. 56, 57
Иосиф Вельямин Рутский 181
Ираклий, император 39, 40

- Йодковский Ю.* см. *Jodkowski J.*
- Казимир 50, 122–124
 Казимир Куявский 160
 Казимир Обновитель 90, 91, 126
Калинин И. К. 9
Калядзінскі Л. У. 98
Каменецакая Е. В. 58
Каралюнас С. см. Karaliūnas S
Карамзин Н. М. 94, 96, 110, 120,
 193, 195, 199
Карев Д. В. 175
 Карл Великий 56
 Карлы 69
Карский Е. Ф. 33, 174, 205
Карташев А. В. 83
Карцовник В. 82
 Кары 69
Квятковская А. В. 21, 47, 125–129,
 170, 208
 Келлер Андреас 180
Кетпен П. И. 19
 Кирилл св. 33, 38
Киркор А. К. 185
Кирпичников А. Н. 59
 Климент 119
Климчук Ф. Д. 71, 207
 Клонович Себастьян 180
Клосс Б. М. 66
 Кнут Великий 89
 Кнут Лавард 61
Ковалевский П. Е. 204
 Козимо де Торрес 181
 Козьма Пражский 39
Колесов В. В. 66, 67
Комар А. 67
 Комат 49
 Конрад Земовитович 48, 50, 142,
 148, 171, 172
 Конрад фон Мандерн 166
 Конрад III 113
 Константин VII Багрянородный 31,
 34
Константинов Ф. В. 9
- Корева А.* 185
Коробушкина Т. Н. 46
Королюк В. Д. 40, 78, 86, 90
Коротяев А. В. 13, 14
Корпела Ю. см. *Korpela J.*
Костомаров Н. И. 43, 80, 192, 195
Котляр Н. Ф. 143, 147, 159
Котлярчук А. 59, 62
Кочуркина С. И. 54
Кочубинский А. А. 18, 198
Кошман В. I. 148
Коялович М. О. 187, 199, 200
Кравцевич А. К. 24, 47, 154, 164,
 208, 209
Крадин Н. Н. 13, 14
Крашевский Ю. И. 52, 193, 195
 Криве-Кирвайто 190
 Кривец 35
Крман Д. 181
 Кромер 122
 Крук Гудиций 180
Куза А. В. 95, 105
Кузнецова А. М. 81
Кузьмин А. В. 149
Кулаков В. И. 56, 57, 89
 Кулеша Ян Алоизий 191
Кулешов В. С. 54
Курта Ф. см. *Curta F.*
Кухарский Е. 52
Кучиньский С. М. 65
Кучкин В. А. 67, 104
Кюрбис Б. 84
- Лавыш К. А.* 129
 Лаоник Халкокондил 179
Ластоўскі В. 33, 204
Латышонок О. см. *Łatyszonek O.*
Лебедева Е. Н. 179
Лебедева И. Н. 164
 Лев Данилович 48, 49, 157, 163,
 167–169, 172
 Ленгвянис 150
Леонавичюте И. 72
Леонтович Ф. И. 200

- Лесний 168
 Лесман Ю. М. 57, 59
 Лешек Белый 145
 Лешек Черный 171
Линд Д. см. *Lind J.*
 Линниченко И. А. 110
 Литаврин Г. Г. 31, 33
 Литвина А. Ф. 107
 Литво (*Lyttpho*) 190
Лихачев Д. С. 64–66, 108
 Лыиша В. А. 14
Лысенко П. Ф. 24, 30, 33, 57, 69, 70, 85, 96
Ловмянский Х. см. *Łowmiański H.*
Ломоносов М. В. 192
Лотман Ю. М. 11, 12
 Лудениус Лаврентий 180
Лукин П. В. 65–68, 99–101
Любавский М. К. 12, 13, 98, 198–200
 Людвиг Готфрид Иоганн 180
 Людовик VII 113
 Лябуда Г. 72
Лятковский Ю. см. *Latkowski*
- Маврикий св.** 72
Мавродин В. В. 12, 33, 61, 103, 147
 Магнус Сильный 117, 118
Мажейка Р. см. *Mažeika R.*
Мажюлис В. см. *Mažiulis V.*
Майоров А. В. 121
Макарий [Булгаков], митр. 191
Макаров Н. А. 61
Малевская М. В.
 Мамшей 171
Манн Р. 141
 Марескотти Галеаццо 183
Маринов Ю. 181
 Марколт 167
Матузова В. И. 49, 98, 100
 Мацей Стрыйковский см. *Strykowski M.*
 Мачва 162
Мачинский Д. А. 36, 37, 54
Медведев А. М. 17, 18
- Мельникова Е. А.* 55, 89
 Менгу-Тимур 169
 Меркатор 179
 Мефодий 33, 38
 Мещав 89, 90, 91, 126
 Мешко I 12
 Мешко II 89, 110
 Мешко, познаньский князь 113, 114
Миловидов Б. 10
 Миндовг 7, 22, 48, 51, 95, 96, 129, 140, 141, 144, 148–168, 187, 188, 194, 199–201, 202, 204, 207, 209, 210
Митрофанов А. Г. 41
 Михаил Архангел
 Михаил Асень 162, 182
 Михаил Всеволодович Черниговский 96, 147,
 Михаил Пинский 148, 154
 Михаил, воевода Даниила 161
Мишин Д. Е. 39
Мыльников А. С. 180, 181
 Монтивил 152
 Моудеико 49
Мошинский К. 186
 Мстибог 145
 Мстислав Владимирович 100, 106, 111, 117, 132
 Мстислав Всеволодович 112, 115, 116, 143
 Мстислав Данилович 49, 169, 171
 Мстислав Изяславич 115
 Мстислав Мстиславич Удалой 96, 143
 Мстислав Романович 147
 Мстислав Ярославич Немой 48, 143
Мусин А. Е. 111, 126, 127, 128
Мусин-Пушкин А. И. 184
Мядзведзеў А. М. 18, 127
- Назаренко А. В.* 28, 34, 57, 60, 67, 71, 72, 74–77, 82, 83, 85, 86, 89, 102, 106, 107–109, 110–113, 115, 116, 118, 119, 159

- Назарова Е. Л. 49
 Налена Е. см. *Nalera J.*
 Наполеон 193
 Нарбут Т. см. *Narbutt T.*
 Насонов А. Н. 65, 66, 104
 Небр 48
 Небьяст 49
 Непокупный А. П. 20, 22, 52, 157, 175
 Нетимер (Nethimer) 74, 75, 77–79, 133, 203
 Нидерле Л. 32
 Николаев Н. В. 59
 Николай [Трусковский] 69
 Николай Ерошин 101
 Новиков Г. 41
 Новосельцев А. П. 31, 106, 146
 Ногай 171
 Носевич В. Л. (*Насевич В. Л.*) 98, 120, 130, 145, 146, 148, 153, 154, 208, 209

 Огицкий Д. П. 161
 Один 57
 Олаф Магнус 179
 Олег «Настасьич» 124
 Олег, кн. Киевский 40
 Ольшис 188
 Орел В. Э. 45
 Орловский Е. Ф. 196, 199
 Откупщиков Ю. В. 36
 Отрембский Я. 20, 45
 Оттон II 55
 Оттон III 72, 73, 81, 84, 85
 Охманьский Е. см. *Ochmański J.*

 Павлова К. В. 25
 Пазднякоў В. С. 98
 Пазовский Юзеф 192
 Палемон 188
 Паллони Микеланджело 190
 Палмайтис Л. 80
 Папроцкий Бартоломей 182
 Пасецкий В. М. 17

 Пашкевич Х. 145, 201
 Пашковский Мартин см. *Paszkowski M.*
 Пашуто В. Т. 55, 68, 69, 78, 82, 83, 88, 99, 100, 109, 136, 143, 146, 148, 155, 156, 168, 170, 172, 175
 Перхавко В. Б. 59
 Пестило 49
 Петкевич Чеслав 186
 Петр Дамиани 71, 76–78, 80, 83, 190
 Петр из Дусбурга 98, 100, 101, 142, 169
 Петр, апостол 81, 82
 Петраускас Р. 136, 188
 Петров А. В. 118
 Петрухин В. Я. 40, 58
 Пех Г. И. 93
 Пивоварчик С. А.
 (*Піваварчык С. А.*) 24, 25, 26, 28, 29, 58, 59, 95, 96, 125, 207, 208
 Пилипенко М. Ф. 175
 Пичета В. И. 205
 Пичхадзе А. А. 66, 68
 Плавинский Н. А. 59
 Плахонин А. Г. 86, 93, 94, 106–110, 118, 141, 147, 192
 Плетников Ю. К. 9
 Поболь Л. Д. 205
 Погодин А. Л. 18, 37, 198
 Погодин М. П. 192, 195
 Подосинов А. В. 176
 Поликарп, игумен 67
 Поль В. см. *Pohl W.*
 Попов В. А. 13
 Попова Л. М. 84, 126
 Поттэ А. В. 65
 Пресняков А. Е. 69
 Прицак О. см. *Pritsak O.*
 Прокопович Феофан, еп. 191
 Пронин Г. Н. 126
 Прохоров А. А. 69
 Пузына Ю. 204
 Пушкин А. С. 7

- Пякарскі А.* 182
Пятнов А. В. 120
- Радагаст** 87
Радим 32
Райнберн 82, 85
Рапов О. М. 104, 120
Раппопорт П. А. 95, 99, 145
Растко 162, 165
Редров А. Е. 197
Ржевуский Лев Креуза 182
Рибер А. 14
Римонт/Лаврыш 164
Рихеза (Рыкса) Болеславна 117, 118
Рихенталь, Ульрих фон 177
Рыбаков Б. А. 25, 108, 178
Рынгольт 189
Рогалев А. Ф. 175, 176
Рогволод Борисович 102, 119, 132
Рогволод Всеславич 117
Рогволод Полоцкий 68–70
Роман Брянский 169
Роман Данилович 49, 153, 155–162, 168, 170, 172
Роман Мстиславич 47, 48, 121, 123, 124, 139, 143–145
Рамодановская В. А. 66, 68
Рамодановская Е. К. 66, 68
Ромуальд, св. 76, 77
Ростислав Глебович 100, 108, 117–119
Ростислав Иванович 124
Ростислав Михайлович 162
Ростислав Мстиславич 114, 115
Ростислав Святополчич 159
Русанова И. П. 25, 27
Русаў П. А. 27, 157
Рушковичи 139
Рюрик 192
Рюрик Ростиславич 141, 142, 161
Рябцевич В. Н. 57
- Савва Сербский, св.** 162, 165
Савельева Е. А. 179
- Савченко С.* 191
Саганович Г. 114
Саксон Грамматик 89
Сансон д'Абевиль 180
Сбыслава 111
Свейн II Эстридссон 118
Свелкений 168
Свельгат 87
Свердлов М. Б. 86
Святополк Изяславич 107, 109–111
Святополк Окаянный 71, 81–83, 85–89
Святослав Всеволодович 142
Святослав Игоревич 145
Святослав Мстиславич 123
Святослав Ольгович 114
Седин А. А. 41
Седов В. В. 12, 18, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 45, 46, 85, 104, 126, 205, 206
Седова М. В. 129
Селищев А. М. 34
Семенчук Г. Н. 103, 148
Середонин С. М. 12, 31, 35, 40, 98
Сестренцевич-Богущ С. см.
Siestrzencewicz-Bohusz S.
Сигизмунд Герберштейн 180
Сильвестр II 73
Симеон, св. 109, 110
Симон Грюнау 189
Симон, епископ владимирский 67
Симич О. 179
Сирвид Рушкович 160
Сирпутий 156, 168, 170, 171
Скарга Петр 190
Скирмонт 152, 188
Скирмунт К. 140
Сколоменд/Сколдимер 188
Скомонд 49, 188
Скрипченко А. С. 56
Скумант 172
Слуды 54, 69
Сморонг-Ружицкая М. 165
Снегирев И. М. 184
Собаль В. Е. 92, 116, 207,

- Соболевский Я. 120, 122
 Соловьев А. В. 69, 92, 112, 114, 115, 142, 143, 178, 180, 181, 203
 Соловьев С. М. 43
 София Володаревна 118, 119
 София Ярославна 118
 Софонович Ф. 189
 Спиридонов А. М. 54
 Спицын А. А. 126
 Старовольский Симон 180
 Стегуть Зебровиць 48, 49
 Стекинт 49
 Стефан Баторий 44
 Стефан Неманя 165
 Шешкович Т. Ф. 61
 Стрыйковский Мацей 144, 156, 180, 192, 195
 Судник Т. М. 19, 45, 170
- Тарасаў К. 175*
 Татищев В. Н. 106, 107, 108, 118²¹–123, 184, 191, 192
 Таубе М. А. 116, 140, 203, 204
 Таутовичюс А. З. 18
 Творогов О. В. 102, 140
 Тегак 157
 Теодорих Сциллинг 87
 Тёппен М. 101, 142
 Терешкович П. В. 185
 Тимик 75
 Тимошук Б. А. 25, 27
 Титмар Мерзебургский 29, 71, 72, 74, 76–78, 80, 83, 85–88
 Тиханова М. А. 37
 Тихомиров М. Н. 25, 69, 96, 102, 140, 188
 Тишков В. А. 10
 Тышкевич Я. см. *Tyszkiewicz J.*
 Ткачев М. А. 97
 Товтивил 48, 145, 151, 157, 159, 161, 166
 Толочко А. П. 13, 67, 122, 163
 Толочко П. П. 67, 150, 156, 161, 168
 Топоров В. Н. 18, 32, 35, 41, 52, 53,
- Тоторайтис Й.* см. *Totoraitis J.*
 Тренята 163, 166
 Третьяков П. Н. 12
 Тржештик Д. 12, 88
 Трид 169
 Тройден 20, 154, 156, 163, 168–172
 Трофим Сурта 183
 Трубачев О. Н. 18, 33, 37, 41, 176
 Трусаў А. А. 92, 116, 207
 Турилов А. А. 68
 Туры 66, 68–70
 Турчинович О. 194
 Тюнма 171
- Удольф Ю. 37
 Улащик Н. Н. 156, 180
 Урбан П. 149
 Урбанчик П. см. *Urbańczyk P.*
 Успенский Ф. Б. 55, 107
 Устрялов Н. Г. 184, 195
- Фасмер М. Р. 29, 32, 34, 37, 39, 53, 54, 56
 Феандр 68
 Фенрир 57
 Фехнер М. В. 127
 Филюшкин А. И. 153
 Флетчер Д. 180
 Флоря Б. Н. 160, 177
 Фойгт И. 101
 Фойгт Х. см. *Voigt H. G.*
 Фома Бекет, св. 113
 Фра Мауро 178, 179
 Франческо да Колло 179
- Хабургаев Г. А. 32, 35, 206
 Хвал 160
 Хецих 75
 Хмыров М. Д. 148
 Хозеров И. М. 116
 Хондиус Йодокус 180
 Хорн Георг 180
 Хорошкевич А. Л. 149
 Хюбнер Иоганн 180

- Цайлер Мартин 180
Цегак-Голубович Е. 202
Цедлер Иоганн Генрих 181
Цезарь Бароний 191
Цемушаў В. М. 144
Цивиньский П. см. *Suwiński P. M. A.*
Циховский Николай 191
Цітоў А. К. 175, 182
- Чарноцкий Адам см. Доленга-Ходаковский Зориан
Чаронка В. 120
Чекин Л. С. 7
Чемерицкий В. А. 102, 193
- Шадыра В. I.* 41
Шаланда А. I. 148
Шапока А. 204
Шафарик П. 32
Шахматов А. А. 64, 65–67, 90, 136
Шварн Данилович 49, 156, 158, 164, 166–168, 172
Шевалье Пьер 180
Шёгрен А. М. 44, 49
Шенников А. А. 178
Шимон Кезаи 177
Шкеленок Н. О. 206
Шлимперт Т. 28
Штилевский П. М. 44
Штыхов Г. В. 41, 49, 56, 102
Штраух Рудольф 180
Шулицкий И. К. 197
Шультес Эберхардт 180
Шутр Мондунич 48
Шчавинскас М. см. *Ščavinskas M.*
- Щавелева Н. И.* 122–124
Щапов Я. Н. 82, 96, 206
Щукин М. Б. 10, 36, 37
- Эйрик Эймун 117
Эразм Стела 189
Эрл Т. см. *Earle T.*
- Юдита Мария 110
Юрасов М. К. 77
Юрий Глебович 194
Юрий Долгорукий 114, 115
Юрий Львович 163, 171, 172
Юрий Ярославич 112, 117, 145, 148
Юстиниан 38
- Ягурчин 169
Якубовский Я. 141, 203
Якитас Ю. 204
Ян епископ 87
Ян Длугош 51, 122, 123, 168, 195
Яначков П. 181
Янин В. Л. 61, 93, 108, 109, 137
Ярополк Владимирович 96, 108
Ярополк Изяславич 93, 110
Ярополк Пинский 141
Ярополк Святославич 67
Ярослав Владимирович 61, 65, 70, 71, 89–92, 96, 126, 132, 137, 141, 187, 197
Ярослав Святополкович 107, 109–111, 117, 119
Ярослав Ярополчич 107, 108, 110 111, 117
Ясиньский К. 111, 118
Ятвяг Гунарев 54, 55
Ящелт 49
- Abulafi a D.* 14
Adamus Bremensis 61, 84, 87, 88
Amory P. 10
Astiäg 55
- Baliński M.* 19
Balzer O. 111, 123
Bandtkie J. S. 184
Baranauskas T. 75, 79, 80, 96, 97, 132, 134, 136, 138, 148, 150, 152, 155, 188–190
Barford P. M. 38, 62
Baronas D. 76, 78, 80–81, 156, 162, 164, 165

- Barth F.* 9
Batūra R. 152, 188
Berend N. 14
Białuński G. 72–75, 78, 79, 81, 83,
 89, 90, 111–114, 160
Bielski M. 189
Bieniak J. 74, 75, 79, 84, 85, 90
Błaszczak G. 83, 90, 91, 133, 148
Bliujienė A. 18
Bonnel E. 101
Bosworth J. 55
Brückner A. 44, 211
Buczek K. 85
Būga K. 18, 42, 45, 51–53, 79,
 214
Buko A. 37
Büschings A. F. 184

Cehak-Hołubowiczowa H. 202
Cherry J. F. 14
Claessen H. 13
Colker M. L. 7
Curta F. 9, 11, 13, 24, 28, 36, 37, 38,
 40, 130, 136, 176, 177
Cywiński P. M. A. 81, 82

Dąbrowski D. 151, 156, 157, 159,
 161, 162, 166, 168, 170, 171
Demereckas K. 17
Derks T. 10
Dietlieb 39
Dimnik M. 147
Dolega-Chodakowski Z. 25, 193
Dragavitus 32, 34
Dubonis A. 128, 134, 135, 149–151,
 158, 161, 163, 167, 168, 170–172
Dujčev I. 33, 34
Durczewski Z. 94, 203

Eádwig 55
Earle T. 13
Engel M. 46, 63

Freibergs G. 5

Gallén J. 118
Garipzanov I. H. 13, 29
Garšva K. 19, 20
Geary P. J. 13, 28
Giedroyć M. 162, 188
Goldfrank D. 156, 160, 163, 165, 166, 167
Grabski A. F. 84
Gudavičius E. 76, 77, 73–79, 89, 132–
 134, 138, 150, 153
Gudmantas K. 188

Hamilton B. 33
Hamilton J. 33
Hauffhing 35
Heather P. 10
Hedwige 56
Hennig E. 44
Hochleitner J. 78
Hofmann J. J. 180
Hołubowicz W. 116,
 202
Iwanicki P. 46, 63
Iwanowska G. 46, 63, 131
Ioÿ A. B. 56, 57, 69

Jadwiga 57
Jakimowicz R. 203
Jakubowski J. 94, 141, 203
Jarozewicz J. 44, 194
Jasiński K. 111, 118
Játgeirr 56
Játvígr 55, 56
Jodkowski J. 27, 94, 108, 202, 203
Jones S. 36
Jovaiša L. 190

Kamiński A. 22, 45, 47, 50, 51, 52, 55, 84
Karaliūnas S. 23, 32, 33, 51, 134
Kauffmann H. 79
Kazakevičius V. 63
Kolbus E. 180
Korpela J. 29, 30
Krasnodębski D. 62
Kraszewski J. I. 194, 195

- Krukowski S.* 104
Kuczyński S. M. 65
Kulesza I. A. 191
Kulikauskas P. 63
Kunik E. 55, 69
Kürbis B. 84
Kurila L. 131
Labuda G. 72
- Lappenberg Io. M.* 84
Laspeyres E. A. T. 118
Latkowski J. 141, 150
Łatyszonek O. 7, 153, 176, 177, 179, 181–183
Leonavičiūtė I. 74, 75
Leskauskaitė A. 20
Lind J. 117, 118, 119
Lipiński T. 19
Łowmiański H. 20, 39, 40, 51, 78, 83, 84, 89, 94, 99, 101, 113, 114, 133, 152, 201, 202, 203
- Malte-Brun C.* 175, 184
Mańczak W. 174, 176, 180
Mann R. 141
Mažeika R. 76, 77, 79
Mažiulis V. 53, 73, 79
Michałowski R. 82
Mickiewicz A. 16
Mierzeński H. 184
Moszczyński J. 24
Moszyński K. 186
Мужич И. 84
- Nalepa J.* 45, 47, 50–52, 83, 84
Narbutt T. 44, 52, 69, 79, 96, 162, 185, 191, 193, 194, 196
Naruszewicz A. 44
Nawtemer, Nedamarus, Nedamerus 77
Niederle L. 32
Niemyjska A. 46, 63, 131
- Ochmański J.* 20, 22, 41, 47, 52, 99, 101, 132, 146, 156, 170, 206, 207
- Olczak H.* 62
Olrik J. 89
- Paknys M.* 191
Palmitis L. 81
Paprocki B. 182
Parczewski M. 38
Paszkievicz H. 145, 168, 202
Paszkowski M. 180, 181
Perlbach M. 190
Pertz G. H. 7, 73, 88
Petrauskas R. 136, 162, 188
Pohl W. 10, 38
Połujanski A. 184, 185
Power D. 14
Pritsak O. 34, 38, 115
Przędziecki A. 166
Puzyna J. 148
- Raeder H.* 89
Rauhut L. 126
Reimitz H. 10
Renfrew C. 14
Riedegost 28
Rowell S. C. 188
Roymans N. 10
Rozwadowski J. 44
Rymut K. 33
Rzeszotarska-Nowakiewicz A. 46, 63
- Sadebeck A.* 184
Šafárik P. J. 32–34, 50
Šapoka A. 204
Scalnik P. 13
Ščavinskas M. 78, 80, 82, 83
Scheffer-Boichorst P. 118
Schmid W. 45
Schnitzler M. J.-H. 184
Schum G. 75
Seraphim A. 51
Siestrzenciewicz-Bohusz S. 44, 174, 185, 193
Simon Grunau 190

- Sjögren A. см. Шёргрен А. М.*
Skalski K. 126
Skirmuntt K. 76, 140
Słowaczyński A. 184
Smorąg-Różycka M. 165
Sobolewski J. P. 120, 122
Stankiewicz U. 62
Stoyanov Y. 33
Strykowski M. 43, 144, 155, 156, 180,
 189, 190, 192, 195
Święcki T. 184
- Taube M. см. Таубе М. А.*
Tautavičius A. 45
Thomsen V. 55
Þórir, Þórr 68
Toller T. N. 55
Tolochko O. P. см. Толочко А. П.
Tooke W. 184
Totoraitis J. 141, 149, 150, 200, 201
Třeštík D. 12, 88
Trumpa E. 20
Tyszkiewicz J. 78, 79, 89, 95, 120
- Udolph J.* 37
Urbańczyk P. 12, 13, 25, 26, 28, 29,
 41, 42, 72, 213
- Vanagas A.* 17, 18
Vasmer M. см. Фасмер М. Р.
Vēlius G. 129
Vidugiris A. 19, 21, 47, 175, 207
Voigt H. G. 76, 78
Voigt J. 101
- Wilkievicz-Wawrzyńczykowa A.* 123
Witwicki S. 16
Włodarski B. 60, 83, 89, 90, 114
Włodemirus 77
Wolfram H. 10
- Zabiela G.* 63, 100
Zajączkowski S. 50, 51, 202
Zakrzewski S. 85, 86
Zaydler B. 184
Zinkevičius Z. 42, 45, 51, 81, 125, 134
Żulkus V. 58, 61, 63, 130

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава I. Начало славянизации	16
Глава II. Ятвяги на Неманском речном пути	43
Глава III. Миссия св. Бруно Кверфуртского и походы Ярослава	71
Глава IV. Городенское княжество и восточные города Понеманья	91
Глава V. За Неманом	125
Глава VI. Между Русью и Литвой	140
Глава VII. Cóż wy chcecie, bo to ż Czarna Ruś!	174
Глава VIII. Образы прошлого	187
Заключение	210
Summary	212
Список сокращений	223
Список источников и литературы	224
Именной указатель	258

Научное издание

Алексей Сергеевич Кибинь

ОТ ЯТВЯЗИ ДО ЛИТВЫ
Русское пограничье
с ятвягами и литвой в X–XIII веках

Редактор *С. С. Смирнова*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *Н. В. Бакланова*
Верстка *Л. А. Шитова*

Издание подготовлено отделом информационного обеспечения научно-исследовательской работы по направлению история УНИ СПбГУ
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Petersburg».
Усл. печ. л. 17. Тираж 400. Заказ № 1390

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

Издательство «Квадрига»
kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-131-1

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве обращайтесь
в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги “Гнозис”» Москва,
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2.
Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование посвящено переменам в сфере политики, культуры и организации общества на территории балто-славянского пограничья на юге Балтийского региона в бассейне Немана с X по XIII столетия.

Автор существенно уточняет картину этногенеза ятвягов, литовцев и других балтских народов, основываясь на современных подходах исследования социокультурных и этнических процессов.

В книге рассматриваются процессы славянизации, христианизации и становления политической структуры в регионе, история русских княжеств Понеманья до установления в них власти литовских князей.

ISBN 978-5-91791-131-1

9 785917 911311